

На Грани. Книга первая

Пролог

Ну вот и все. Самое паршивое утро в жизни — утро собственной казни. Кто бы мог подумать, что ему предстоит сыграть в подобном спектакле? Да и то не главную роль. Прожить жизнь в тени старшего брата, чтобы под конец умереть просто заодно — поистине злая ирония.

Нейри Ильд невольно коснулся рукой шеи. В который раз. Принц приобрел эту дурацкую привычку, узнав, что вскорости предстоит расстаться с головой. Он перевел взгляд на Йеланда. Король, или точнее бывший король Элара, являл собой жалкое зрелище. Трясущийся, небритый, с красными глазами и явными следами слез на лице. Нейри стало стыдно за брата. Впрочем, не впервые.

Остается порадоваться хотя бы тому, что казнь не публичная. Узурпатор решил проявить своего рода такт и отрубить головы королю и принцу в приватной, почти семейной атмосфере. А ведь действительно семейной, если задуматься. Дайрийский король приходится им родней через общих предков. Родство правда очень дальнее, восходящее к событиям трехсотлетней давности, когда Элар и Дайрия были одной страной. А четвертый участник церемонии — Элвир Торн — в свою очередь состоит в родстве с королем Дайрии.

Нейри перевел взгляд на будущего палача. Тот выглядел озабоченным и мрачным. Должно быть, находит свою обязанность не слишком приятной. Да и сам узурпатор хранил на лице такое выражение, будто он не зритель, а осужденный.

Если даже этих двоих мучает совесть, то явно не настолько, чтобы отказаться от задуманного. На миг мелькнула предательская надежда, что Дайриец, насладившись эффектом, отменит казнь, заменив ее изгнанием или даже заточением. Нейри думал об этом почти так же часто, как трогал шею. Пустая надежда. Не такой Малтэйр дурак, чтобы оставлять за спиной короля и принца, пусть даже отрекшихся и плененных.

Нейри огляделся. Для казни Дайриец выбрал один замковых “колодцев” — небольшое пространство, со всех сторон обнесенное стенами. Ничего, кроме серых камней и синего неба в просвете между ними. Что ж, скоро картину дополнит красный цвет. Геральдический цвет Ильдов. Йеланд так любил его. Даже сейчас на нем красный дублет, шитый золотом. Очень символично.

Самому Нейри красный никогда не нравился. Он был далек почти от всех пристрастий брата. Далек от него самого. Далек от проклятой власти! Так почему же он здесь?! Только из-за крови Ильдов, текущей в его жилах?

Он же знает, что не только. Он здесь именно потому, что всегда держался в тени брата, не вмешивался в дела правления, не мешал Йеланду толкать страну в пропасть. И тот таки столкнулся. Если на троне слабый и недалекий король, стоит ли удивляться тому, что нашелся более умный, сильный и жестокий, считающий, что этот трон подойдет ему куда больше?

Элар завоеван, и завоеван так легко, не только потому, что Йеланд Ильд правил дурно, но и потому, что он — Нейри Ильд — ничего не сделал, чтобы помешать ему в этом, чтобы исправить ошибки брата и позаботиться о стране и подданных. Вот почему его голова покатится сегодня с наскаро смастеренной плахи. Он мог бы предположить, что этот день однажды настанет, но не сделал ничего, чтобы предотвратить его.

Нейри всегда жил своей жизнью. Наслаждаясь положением принца, он пользовался почти теми же преимуществами, что и король, но считал себя свободным от монарших обязанностей. Он читал книги, писал стихи и картины, почти все время посвящая мыслям не о стране, а о прекрасном и вечном. И об обожаемой женщине, которая должна была вскорости стать его женой.

Хорошо, что не стала! И пусть узурпатор вряд ли решился бы убить женщину, но вдова казненного принца — не та участь, которую можно пожелать Лотэссе.

При воспоминании о невесте боль стала гораздо острее и живее. Ощущение нереальности происходящего уступило место отчаянию и жажде жизни. Нейри радовался, что Лотэссы здесь нет, и она не увидит это зверство, но в то же время страдал

от того, что не сможет кинуть последний взгляд на бесконечно любимое лицо, не сможет попрощаться.

Как давно он не видел Лотэссу. На самом деле всего несколько недель, но они казались вечностью. Девушка слегла, узнав о смерти брата, и большую часть времени проводила в бреду и метаниях. Врачи утешали тем, что болезнь Лотэссы, вызванная крайним расстройством, не опасна для жизни, и все же Нейри все это время куда больше тревожился о ней, чем о войсках Малтэйра, подступавших к столице. Он почти каждый день бывал у Линсаров, и будущая теща даже позволила ему несколько раз посидеть у постели нареченной, но Лотэсса его не видела или не узнавала. А сегодня он умрет, даже не узнав, оправилась ли она.

Пусть светлые богини хранят его бесценную Лотэссу. Пусть вернут ей здоровье и уберегут от всех ужасов нового правления. Пусть избавят ее от душевной боли и тоски. И пусть она вспоминает о нем изредка, и только светло. Пусть никогда не пытается представить себе этот день и то, что сейчас произойдет.

— Ваше величество, — Дайриец обратился к Йеланду, кивком указывая на плаху — грубо обтесанный кусок камня.

Нейри похолодел. Все-таки в глубине души он верил, что все это действо не всерьез, просто потому, что оно не может быть реальным. Не может, не должно! Так просто не бывает! Королей и принцев не казнят!

— Я не хочу! — заголосил Йеланд.

Он рухнул на колени перед Малтэйром. То ли просто ноги подкосились от ужаса, то ли рассчитывал добиться милосердия унижением.

— Пожалуйста, не делайте этого! Умоляю! Заклинаю вас нашими общими предками! Я клянусь отречься от власти и никогда больше не претендовать на престол Элара. Только оставьте мне жизнь!

Нейри вновь стало стыдно за брата. Как ни странно, уничижительный припадок короля придал принцу мужества. А еще он понял, насколько устал. Бесконечно устал от мучительного ожидания и страха. И от глупой бессмысленной надежды он устал не меньше. Пусть все это кончится поскорее.

Он шагнул вперед, обходя брата. Шаг, еще шаг... Ну вот и плаха. Все-таки и ему придется опуститься на колени. Камень под щекой такой теплый. Ну, конечно, середина лета и солнце в зените. Нейри бросил взгляд на небо и невольно сощурился.

— Ваше высочество, — голос узурпатора доносился откуда-то издалека. — Мне очень жаль.

— Да будет легким ваш путь за Грань, — произнес палач где-то за спиной.

Лезвие невидимого меча, рассекая воздух, устремилось вниз...

Глава 1

За окном было так же паршиво, как на душе. Впрочем, погоде еще можно простить. Как-никак на исходе последний летний месяц. Конец лета мог, конечно, порадовать прощальным теплом и солнечной роскошью, но куда чаще гнал серые тучи и стучал в окна злыми дождевыми струями. Хотя что такое холод, ветер и дождь в сравнении с мрачной холодной безысходностью, надежно обосновавшейся в сердце Тэссы?

Лотэсса Линсар неподвижно стояла у окна, бездумно выбивая ногтями по стеклу какой-то монотонный ритм. Вода казалась сплошной стеной, отгородившей от девушки весь остальной мир или ее от мира — в зависимости от того, с какой стороны смотреть. Нет, эта погода решительно соответствует тому, что происходит вокруг. Жаль только, что она не сможет длиться постоянно. Почему бы потокам воды вечно не оплакивать вместе с ней Эдана, почему бы небесам без усталости не скорбеть о загубленной империи, подло убитом короле и его брате? Тэсса обожала солнце и именно поэтому не хотела, чтобы оно ласково и безмятежно светило над тем, что еще недавно было ее любимым городом, а ныне стало столицей, сдавшейся проклятому узурпатору.

Вельтана, за свободу которой заплатил своими жизнями цвет эларского рыцарства, в том числе брат Лотэссы — Эдан Линсар, продолжала жить. Жертва оказалась напрасной: город отдали почти без сопротивления. Итон Карст сдал столицу после двухнедельной осады. Комендант Вельтаны оправдывал свою презренную трусость заботой о городе и

его жителях. Он отказался от заведомо безнадежного сражения, дабы избежать разрушений, погромов и убийств. Впрочем, виноваты другие — Карст лишь послушное орудие в руках тех, кто обладает истинной властью, то есть владал. Те, кто принял решение о сдаче города, в отличие от коменданта, мертвы — все до одного. Хотя в чем-то узурпатор оказался справедлив. Лотэссе рассказывали, как это чудовище, смеясь, предложило ближайшим советникам короля, а точнее, тем, кто правил Эларом от его имени, достойную плату за предательство — смерть. Больше некому помыкать Йеландом — последним из Ильдов, добрым и слабым монархом. Впрочем, и помыкать уже, собственно, некем. Йеланд, как и его младший брат, ненадолго пережил тех, кто их предал. По приказу Валтора Малтэйра — короля Дайрии, претендующего теперь на эларский трон, — они были убиты в один из первых дней после взятия Вельтаны.

Династия Ильдов, правившая Эларом с самого его основания, более не существовала. Но мир не рухнул. Что с того, что древнейшее королевство Дозии¹ захвачено удачливым негодяем, а ее брат и жених мертвы? Может быть, даже наверняка, остались те, кто искренне оплакивал гибель страны, ее короля и рыцарства, но, как ни странно, родители Тэссы к такому не относились. Иначе как бы им могла прийти в голову мысль, заставлявшая девушку содрогаться, словно от соприкосновения с жабой, забравшейся за ворот платья?

Стыд и ужас вновь и вновь с неистовой силой охватывали Тэссу, когда она вспоминала лицо и голос матери, предлагавшей ей — Лотэссе Линсар, сестре Эдана и невесте убитого всего неделю назад Нейри Ильда — выйти замуж за... проклятого Дайрийца, воссевшего на чужом троне, во дворце, обгавленном кровью законных властителей?!

Тэсс помнила этот постыдный разговор до мельчайших подробностей. Бегающие глаза и слащавый голос матери, потупленный взор отца, почти все время молчавшего. Видимо, Мирталь позвала мужа только для поддержки, а говорить намеревалась сама, почитая себя мастером убеждения, свои аргументы — неоспоримыми, а посулы — соблазнительными. Еще бы! Кем была ее дочь еще пару недель назад? Невестой королевского брата. А теперь она может стать королевой! Конечно, никто не отрицает, что Валтор — мерзавец и узурпатор, но... корона и королевство теперь принадлежат ему, и очень похоже, что выпускать добычу из рук он не собирается.

Тэссе хотелось верить, что мать не в себе, помешалась от горя после смерти сына, но девушка понимала, что обманывает саму себя. Мирталь была не только в здравом уме, но и настроена весьма решительно.

Поняв, что ее честолюбивые помыслы не нашли отклика в душе дочери, убитой гибелью брата, женщина резко изменила тактику. О, она понимает, какое сердце у ее девочки! Благородное сердечко, страдающее за поруганную страну и убитого короля, верное избранному жениху, но... если она откажется, то лишится не только брата, но и родителей! Всем известно, как близки Линсары к бывшей королевской семье. Ее, красивую молодую девушку, может, и пожалеют, отдав кому-нибудь из приспешников Валтора, но их с отцом наверняка ждет суд, лишение титулов, имущества и, скорее всего, позорная смерть. Ах, ее драгоценная доченька так красива... красивее даже, чем она сама в молодости (Тэсс заметила, что подобное признание далось матери нелегко), король не сможет не плениться ее совершенством. И тогда все они спасены! Да, это огромная жертва, но ведь и Эдан пожертвовал собой...

После упоминания Эдана Тэсса не выдержала. Да, она часто не понимала, да и, что греха таить, не особо любила мать, но предположить, что та будет использовать имя сына, убитого чуть больше двух месяцев назад, чтобы склонить дочь к браку с его убийцей?! Если бы ее мир не рухнул до этого, девушка не перенесла бы такого удара, но слишком много боли и горя сделали ее менее уязвимой. Тэсса не стала ничего доказывать матери, осыпать ее упреками или молить о снисхождении. Не стала искать заступничества отца. Она просто развернулась и вышла из зала, напоследок так хлопнув дверью, что с каминной полки упало несколько безделушек.

И вот теперь, стараясь усмирить бешеный поток мыслей, девушка стояла у окна, глядя на дождь. Минуты шли за минутами, гнев не утихал, а достойный выход никак не желал находиться.

Тэсса ни минуты не сомневалась, что весь жалобный лепет о страшных опасностях, грозящих Линсарам, либо обман, рассчитанный на ее наивность, либо, в лучшем случае,

заблуждение. Впрочем, в последнее Тэсс верилось слабо. При всей своей недалекости Миргаль не могла не заметить и не понять, что при Валторе Дайрийском столичной аристократии, толпившейся у трона Ильдов, ничего особо не угрожает. Их не бросали в тюрьмы, не отправляли на казни, не угощали ядом и даже не лишали имущества. Как бы ни ненавидела девушка узурпатора, надо отдать ему должное — глупость и излишняя жестокость, похоже, не числились среди его пороков. Все свои реки крови Валтор пролил на полях Элара и — особенно — на подступах к столице. В Вельтане же были убиты лишь король с младшим братом и те, кто дал коменданту распоряжение открыть городские ворота — Мертон, Падд и Сворн. В том, что «гадючья троица», присвоившая власть в стране, достойна смерти, Тэсс не сомневалась еще до вторжения.

Что же до всех прочих знатных фамилий, как лояльных к захватчику, так и демонстрировавших ему искреннее презрение, то их не трогали. Да и к чему? Город и корона в руках Дайрийца, он окружен стаей верных псов, и к тому же достаточно умен и силен, чтобы избежать покушений. А пятнать руки в крови тех, кто слаб и не опасен, вызывая этим еще большую ненависть знати и народа, неразумно и может лишь расшатать и так совершенно незаконную власть.

Нет, Валтору не нужны восстания, ему нужны такие, как мать: те, кто будет лизать монаршие длани, лишь бы не потерять то, чем владели при Ильдах, которых не уставали благословлять и превозносить. Эна² Линсар боится не смерти и позора, она просто не хочет утратить то, что имела при несчастном Йеланде. Она желает по-прежнему блистать при дворе, наслаждаться всеми прелестями столичной жизни.

После смерти Эдана герцог Линсар, полагавший, что матери, потерявшей сына, как и ему самому, нужно убежище от мира и уединение, предложил всей семье переехать на время в родовой замок. Тэсс было все равно: от боли не спрятаться ни в горах, ни в столице, но матушка решительно воспротивилась. Она патетически возводила очи горе, а руки — к потолку и восклицала, что было бы трусостью и низостью бросить Ильдов сейчас, когда битва при Латне³ проиграна и враг почти у ворот. Нет, они, Линсары, умрут, как и жили — подле своего монарха, тем более что они уже почти одна семья. Уже тогда Тэсса не до конца верила матери, подозревая, что главная причина ее нежелания покинуть столицу заключается в боязни выпустить из рук Нейри Ильда и расстроить столь блистательный брак ее дочери с младшим братом короля. Теперь же, когда Нейри покоится в королевской усыпальнице, Миргаль, не растерявшись, нашла дочке нового жениха и наверняка гордится своим благородным и умением устраивать дела. Если бы от этого хоть что-то зависело, Лотэсса, наверное, отреклась бы от матери после того, что произошло. Но что это могло изменить? Страна захвачена, Эдан мертв, ее собственная жизнь закончена.

¹Доэя — один из трех материков Анборейи. Два остальных — Граайя и Шургат.

²Эн (муж.), эна (жен., по отношению к замужней даме), энья (жен., по отношению к незамужней девушке) — принятое обращение к аристократам в Эларе и Дайрии.

³Битва при Латне — генеральное сражение, данное рыцарством Элара армии Валтора Дайрийского. В ходе битвы эларское войско потерпело сокрушительное поражение. Сражение происходило 29 числа месяца Литы, примерно за полтора месяца до описываемых событий.

Глава 2

Когда за юной нахалкой захлопнулась дверь, Мирталь с трудом сдержалась, чтобы не дать волю своему гневу. И дала бы, если бы не присутствие мужа. Эна Линсар глубоко и скорбно вздохнула, со всей кротостью демонстрируя, кто здесь палач, а кто — жертва.

— Бедная девочка, я так ее понимаю! — бархатные карие глаза, в которых вовремя блеснула пара слезинок, были устремлены на мужа. — Тэсс страдает, как страдала бы, без сомнения, и я сама. Она еще слишком молода, чтобы понять, что порой самые тяжелые жертвы вознаграждаются великим счастьем.

Герцог глянул на жену с сомнением, но уж она-то точно знала, о чем говорила. Когда ей пришлось выйти замуж за нелюбимого аристократа, который был на пятнадцать лет старше, разве это была не жертва? Однако она, Мирталь Мулен, пошла на эту жертву чуть ли не с радостью. И жизнь заплатила ей сполна! Красавица Мулен, выйдя за Оро Линсара, получила все, чего была лишена в молодости. Знатность, богатство, столичную жизнь и близость к королевской семье.

Да, Лотэссе легко быть гордой! Она все это имела с рождения! Откуда девчонке знать, каково это — доншивать платья старших сестер, жить в родовом замке, постоянно угрожающем обвалиться на головы обитателям, иметь одну лошадь на троих и даже десерт вкушать лишь по праздникам да во время редких визитов соседей. Мулены не были ни богаты, ни знатны. И если родовитости их еще хватало на то, чтобы не быть совсем изгнанными из приличного общества, то с состоятельностью обстояло и того хуже. Жизнь юной Мирталь и двух ее сестер была поистине жалкой. Впрочем, сестры поспешили выйти замуж за первых подвернувшихся женихов и оставили родительский дом, променяв его на немногим более приятную жизнь.

Мирталь же — самая младшая и самая красивая из девочек Мулен — продолжала жить с родителями, и каждый день ее был исполнен страданий. Конечно, она могла бы утешаться тем, что почти все окрестные юноши сгорали от любви к несчастной бесприданнице, но, увы, от этого было лишь больнее! Мирталь раз за разом приходилось видеть, как ее воздыхатели становятся мужьями куда менее привлекательных, но более состоятельных подруг. Как правило, этому предшествовали клятвы в вечной любви к ней, сбивчивые нелепые оправдания, сводящиеся в основном к неумолимости родительской воли, печальные сонеты, баллады и даже порой скупые мужские слезы.

И так все они уходили — один за одним, пока не появился Оро Линсар. Блестящий кавалер — немолодой, но все еще привлекательный — вызвал переполох в их горной провинции. Конечно, все знали, что в Норте¹ стоит родовый замок Линсаров, предмет гордости всей провинции, но владельцы роскошной резиденции давным-давно перебрались в Вельтану и носа не казали в родные места. И вот, имрийские² берега почтил один из самых видных столичных аристократов.

Оро Линсар потерял жену и искал утешения в уединении среди родных гор. Искал покоя и одиночества, а нашел... создание, пусть уже не совсем юное (Мирталь к тому моменту успело сравняться двадцать четыре года), зато совершенно обворожительное. Эна Линсар и сейчас, в свои (страшно подумать!) сорок пять была весьма хороша. В те же времена, когда она повстречалась с будущим мужем, красота ее сияла ярче летних звезд над горными вершинами. Хрупкая фигурка, прекрасные черты, роскошные волосы цвета воронова крыла, под тяжестью которых изящная головка горделиво клонилась чуть назад и глаза — огромные, золотисто-карие, томно смотрящие из-под густых ресниц. Герцог был очарован. В отличие от местных юношей, он в свои сорок лет ни в чем не нуждался: род его был одним из знатнейших в Эларе, состояние уступало разве что королевской казне. Следовательно, Оро Линсар мог распоряжаться своей рукой и сердцем, как ему заблагорассудится. Первая жена его была дочерью кьярского³ герцога, вторую же он мог взять почти любую. Впрочем, Мулены были хоть и захудалыми, но все же дворянами, а потому брак с их дочерью не слишком повредил Линсару. Разве что на него гатаили обиду знатные семейства, имеющие дочек на выданье, с нетерпением ждущие возвращения в столицу самого лакомого вдовца. Он и вернулся по истечении срока траура, но не один, а с молодой женой. К величайшей досаде незадачливых строителей матримониальных замков, следовать за первой супругой Оро Мирталь не собиралась. Здоровье у нее было отменное, хотя этот факт отнюдь не мешал ей порой разыгрывать при муже слабое болезненное создание. Впрочем, Мирталь Линсар не

первая и не последняя женщина, прибегавшая к этому испытанному способу, чтобы убедить мужчину не перечить и поступить как ей нужно.

Но Оро и не перечил. Он обожал жену, баловал ее и всячески потворствовал всем прихотям любимого существа. А уж когда Мирталь подарила ему сначала наследника, а затем и дочь, красотой способную поспорить с Саэнной или Эльвией⁴, Линсар, по словам недоброжелателей, и вовсе превратился в подкаблучника.

Мирталь же наслаждалась жизнью. Наслаждалась жадно и непрестанно. Ибо кто лучше может оценить вкус воды, как не истомившийся от жажды? И по сей день герцогиня с нежностью и восторгом смотрела на окружающую ее роскошь. Она, как никто, умела оценить затейливые вышивки на скатертях и салфетках или игру света в подвесках хрустальных люстр. Окружающее великолепие не приедалось женщине. И теперь, по прошествии двадцати лет столичной жизни, она с наслаждением рассматривала на свет изысканную роспись тончайших фарфоровых сервизов, непроизвольно беребила восхитительный шелк и бархат портьер, позволяла себе порой ходить необутой, чтобы ощущать пушистую нежность роскошных ковров под босыми ступнями. Что уж говорить о платьях или драгоценностях.

Все, даже недоброжелательницы (каковых у удачливой дочери захолустного дворянина было более чем достаточно), признавали наличие у эны Линсар изысканного, утонченного вкуса, чему не уставали удивляться. Чувство прекрасного было развито у Мирталь еще в несчастном девичестве, оно и помогало ей, и бесконечно терзало. Терзало потому, что прекрасного в жизни Муленов не было и быть не могло. Помогало тем, что она умудрялась из тех жалких лоскутков, которые швыряла ей судьба, соткать что-то мало-мальски пристойное. Никто так не мог украсить скромное старое платье, закрывая особо истершиеся места или неистребимые пятна изысканными композициями из живых цветов (хоть они-то доставались бесплатно, потому что росли в саду в изобилии, правда, без всякого порядка и ухода садовника) или прелестными вышивками (рукоделия Мирталь, кроме того, закрывали все многочисленные прорехи в шторах, скатертях и покрывалах замка). В юности вкус Мирталь шел на то, чтобы сделать окружающую жизнь хоть немного менее отвратительной, в замужестве же он получил истинный простор и достойное поле деятельности.

И вот теперь эта девчонка — ее дочь, никогда не знавшая нужды, — из глупой гордости и предрассудков отказывается быть королевой! А ее, Мирталь Линсар, лишает возможности стать королевской тещей! И что им теперь делать? Большинство явных недоброжелателей новой власти из тех, кто не покинул столицу до осады, делали это сейчас. Запирались в своих родовых замках, дабы лелеять свою ненависть и предаваться сетованиям о безвозвратно ушедших старых добрых временах правления Ильдов. Некоторые из них, помимо пустопорожних разговоров, будут, надо думать, вынашивать планы мести и неумело лепить заговоры.

Нет, она не хочет обратно в Нурту — слишком уж болезненны воспоминания и сильна ненависть. Конечно, замок Оро — это не жалкая обитель Муленов, но после придворной жизни, после всех надежд и планов породниться с королевской семьей отправиться обратно к отрогам Малахитовых гор — ну уж нет! За все время замужества Мирталь была в родных краях всего раз пять, и то по просьбам супруга, которым уступала лишь потому, что видела в этих редких визитах повод показать бывшим соседям, кем она стала и чего добилась — попросту говоря, не пренебрегая извечным женским желанием вызвать зависть и сполна ею насладиться.

Отгоняя призрак унылого провинциального прозябания, Мирталь решительно потрянула головой и даже слегка притопнула маленькой изящной ножкой. Это несколько контрастировало с образом опечаленного кроткого создания, которое она решила было разыграть перед мужем, зато соответствовало ее настроению. Она своего добьется. Любой ценой! Девочка станет королевой и еще будет благодарить свою мудрую мать, не потерявшую голову среди всего этого безумия.

— Любовь моя! — эна Линсар нежно взяла супруга под руку. — Мы должны в конце концов представить Тэсс его величеству, — она заметила, что при упоминании монаршего титула применительно к Дайрийцу Оро невольно поморщился. — Возможно, когда девочка его узнает, она изменит свое мнение...

1 Норта — северо-западная провинция Элара, расположенная у подножья Малахитовых гор.

2 Имрэ — крупное озеро, по берегам которого расположена большая часть территории Норты.

3 Кьярэ — город-государство, процветающий за счет удачного расположения и успешной торговли.

4 Саэнна, Эльвия и Лита — легендарные красавицы, в честь которых названы летние месяцы в Эларе, Дайрии и ряде других государств.

Глава 3

Итон Карст шел по бесконечно сменяющим друг друга коридорам дворца и, вопреки всякой логике, надеялся, что они так и не кончатся. Раньше старый воин, наоборот, злился на строителей дворца. Когда спешишь к королю с важным донесением и каждая минута на счету, разве это дело — шастать по проклятым лабиринтам?! Правда, к слову сказать, до войны комендант нечасто доставлял спешные депеши королю — все было спокойно... Слишком спокойно! В мирные, навсегда миновавшие времена, Карст посещал королевскую резиденцию куда чаще по случаю разнообразных торжественных приемов, чем по делам. Зато когда границу пересекла дайрийская армия, победным маршем прошедшая по Элару, и особенно во время короткой осады, комендант досыта набегался по коридорам и галереям Нианона¹.

Но все это осталось в другой жизни, в той, что была до сдачи Вельтаны. В той жизни были Ильды — сначала доброй памяти Лендер, потом его сын Йеланд. Карст не просто служил своим королям — он любил их. Любил... а потом открыл ворота их убийце. Потому что город он любил больше. Город — это ведь не только здания, парки, мосты, это еще и люди. Те самые люди, половина из которых теперь ненавидит его и честит трусом и предателем. Но так уж он, Итон Карст, был устроен, что, отдавая всего себя делу, мог отвечать только за что-то одно. Он отвечал за Вельтану. За Ильдов должны были отвечать другие, раз уж дети Лендера удались такими, что не в состоянии позаботиться о себе сами. Эх, старый король не дал бы себя в обиду, а даже и случись ему проиграть, умер бы с мечом в руках, как мужчина. Да и город бы сдать не позволил, сам бы на стенах до последнего дразнил дайрийцев. И уж давно не дал бы вместо себя править той падали, что Малтэйр прикончил первым делом.

Если бы только захватчик ограничился казнью «гадючьей троицы»! Так ведь нет! Короля и его брата Дайриец тоже не пощадил. И сколько бы лет ни прошло, он — Итон Карст — всегда будет в ответе за сыновей Лендера. Перед ушедшим королем и перед самим собой. Ведь как ни затыкай совесть оправданиями, что, мол, не знал, не верил, надеялся, все равно тошно. Потому что если и не знал, то должен был знать! Победитель, если он, конечно, не дурак, не оставляет в живых королевскую династию захваченной страны. А Малтэйр кто угодно, но не дурак.

Лендер Ильд доверил ему свою столицу, а не своих детей. Город Итон спас. Только как жить дальше? Как и, главное, зачем? Служить новому королю мерзостно, хотя, наверное, сам по себе Дайриец и не из худших. Наверное, он даже по-своему честен, а уж

полководец, каких поискать! Только вот мы редко можем по достоинству оценить тех, кто приносит беду в наш дом. Карст каждый день, просыпаясь, собирался уехать, хоть было и некуда. Неважно. Денег, скопленных за годы службы, хоть и немного, но на дом где-нибудь в глухой провинции хватило бы.

Злые языки (а их всегда куда больше, чем добрых) поговаривали, что столичный комендант просто не желает расставаться с нагретым местечком, поэтому готов лизать сапоги Дайрицу, но правды в этом не было ни на грош. Итон просто не мылил жизни без Вельтаны, был не в силах ее покинуть. Город, которому Карст посвятил лучшие годы, стал не просто заботой, но и смыслом его существования. Итон чувствовал, что не может бросить столицу, как не может капитан оставить свой корабль, когда на нем свирепствует агатовая лихорадка или когда судно идет ко дну.

И можно снова и снова твердить себе, что уехать куда умнее и в его положении — единственный выход, но в глубине своей несложной души Карст знал, что останется. Останется, сколько бы правителей ни сменилось. И хотя умереть ради Вельтаны было бы легко и почетно, он будет жить для нее, а это — дело потруднее.

Вот и приходится почти каждый день видеть самодовольную рожу Дайрийца, который, к слову сказать, к нуждам города относится со вниманием, обычно не свойственным захватчикам, особенно в период упоения победой. Распоряжения Малтэйр давал дельные и правителем себя показал куда более толковым, чем Йеланд и его прихвостни. И все-таки каждый визит к его (пока еще некоронованному) величеству Валтору Дайрийскому казался коменданту столицы пыткой.

Но идти надо — ничего не поделаешь. Слишком уж серьезным был повод. Три убийства за одну ночь. Три очень странных убийства. Бывало, естественно, и побольше трупов. Столица все-таки, и сброды всякого хватает — что своего, что пришлого, и дуэли молодые идиоты чуть не каждый день устраивают, да и вообще поводов расстаться с жизнью в Вельтане предостаточно. Но если бы речь шла о нормальных человеческих смертях — от меча, кинжала, стрелы или тому подобного, он, Итон, не то что не шел бы сейчас к пришлому королю с докладом, но и сам, скорее всего, не знал бы как минимум о половине расставшихся с жизнью. В основном такими делами занималась стража. Конечно, Карсту докладывали о погибших, если они были достаточно знатны, богаты или известны или если причиной смертей были волнения, стычки, бунты и прочие неприятные события, которые время от времени приходится расхлебывать каждому коменданту большого города.

Однако сегодняшние жертвы не относились ни к одной из перечисленных категорий. Все это были обычные, ничем не примечательные люди — мелкий торговец, солдат дайрийского гарнизона, обосновавшегося в столице, и юная девушка, скорее всего, бродяжка или попрошайка. Вряд ли эти трое при жизни могли иметь что-то общее, зато смерть им досталась одна, и, надо признать, очень нехорошая смерть. Такое не скоро забудется! В каждом случае никаких видимых повреждений на телах и одежде. Воину оставили его доспехи и меч, а торговцу — кошелек, что совсем уж ни в какие ворота. Очевидно, что убийце или убийцам нужна была только смерть, однако понять, почему и как именно умерли эти трое, совершенно невозможно. Зато можно было с уверенностью сказать, что с жизнью они расстались необычным и, скорее всего, страшным образом. У всех погибших глаза были широко открыты, и в них застыло непонятное выражение. Несомненно, это был страх, скорее даже, ужас, но было что-то еще, трудноуловимое. Глядя в глаза покойникам — то еще, по правде сказать, удовольствие, — Итон силился вспомнить, поймать за хвост ускользающую мысль, ответ на вопрос: когда и на что люди так смотрят?

Но главное, конечно, не это, а то, кто и зачем убил этих несчастных таким оригинальным способом. Списывать убийства на бесчинства дайрийского гарнизона не приходится по двум причинам. Во-первых, Валтор не давал своим воинам разгуляться на захваченных территориях, что, опять же, характеризовало его как умного и хитрого политика, а во-вторых, убийство дайрийца не вписывается в эту версию. На ссору же между солдатами списывать такую смерть и вовсе смешно: даже последнему идиоту, к каковым Карст не причислял себя и в худшие дни своей жизни, было очевидно, что все трое убиты с помощью магии.

Если это и заговор, то направлен он явно не против захватчиков, ибо двое из убитых —

местные. Да и не стали бы заговорщики марать руки о столь незначительных людишек. Им нужна рыбка покрупнее! Больше всего произошедшее походило на какие-то ритуальные убийства, но тогда почему трупы не исчезли, а брошены посреди улицы? Хотя кто их знает, этих колдунов? Может, им и не тела нужны, а просто смерть? Итон, хоть и почитал себя человеком рациональным, не верящим ни в богов, ни во всякую нечисть, все еще помнил страшные истории, которые любила рассказывать в детстве его старшая сестрица. Про покойников, покидающих свои могилы, про шаэл, для которых жизнь — чужая кровь, про демонов, похищающих души. Конечно, все это только страшные сказки, но вот сама по себе идея, что кому-то может понадобиться от человека исключительно его смерть, не лишена смысла.

Продолжая лихорадочно обдумывать произошедшее и в то же время стараясь выбросить из памяти страшный взгляд, застывший на лице совсем еще молоденькой девушки, которую, к слову сказать, он жалел больше остальных жертв, комендант наконец-то добрался до монаршего кабинета, где Дайриец решал все важные вопросы. Пожелав про себя Малтэйру недолгой и непростой жизни в весьма витиеватых выражениях и тяжело вздохнув, Итон толкнул тяжелую дверь.

1Нианон — королевский дворец Ильдов, заложенный в 5453 году Имрэ Третьим в Вельтане после перенесения туда столицы из Тиариса вследствие разделения Эларской империи на две части. Большая часть земель осталась в распоряжении Имрэ и продолжала именоваться Эларом, но несколько западных княжеств, включая Муан, на территории которого располагалась прежняя столица, отошли по мирному договору брату-близнецу Имрэ — Дайру Ильду. Новое государство, получившее независимость, хоть и под протекторатом Элара, в честь основателя было названо Дайрией.

Глава 4

Лотэсса шла по довольно узкой тропинке, слева и справа высились скалы, под ногами хрустел щебень, а пучки жесткой сухой травы напоминали редкие клочки волос на плешивой голове. Гадкое место. Девушка сама себе удивлялась: и почему это ей не страшно? Наверное, потому, что ничего хуже того, что с ней случилось, быть уже не может. Пусть здесь отвратительно, пустынно и, кроме того, адски жарко, но зато она одна и совершенно свободна! Тут нет проклятого Дайрийца, за которого надо выходить замуж, нет матушки с ее визгами и слащавыми посулами, нет и грустного, строгого взгляда отца. Никого и ничего!

Однако как тяжело идти! Дышать нечем, в туфли, сколько не вытряхивай, постоянно набиваются мелкие камешки, превращающие каждый шаг в пытку, а колючая трава не упускает ни одного шанса зацепиться за юбки. Какие высокие, однако, скалы. Узкая полоска бело-голубого пыльного неба виднеется лишь между каменными стенами, за ними же, сколько ни задирай голову, ничего нельзя разглядеть.

Голова кружится от жары. Кроме хруста гравия, слышится какой-то мерзкий звук, то ли шорох, то ли шипение. А может, и не слышится вовсе, а просто кажется? Тем более что пульс молотом отбивает сердечный ритм в висках, и все звуки, заполняя собой не только слух, но и сознание, сливаются в один неясный шум. Нет, все-таки не кажется. Шипение все явственней пробивается сквозь безумную симфонию в раскалывающейся голове и постепенно вытесняет все остальные звуки. Шшш-шшш-ш, словно змея ползет по камням или сухие мертвые листья метут жесткой метлой. Хотя откуда здесь листья? Неужели все-таки змея? Хотя в таком ландшафте им самое место.

Шшш-шшш-ш, похоже, невидимая гадина шелестит уже не по камням, а по обнаженным нервам девушки. Долго этой пытки не выдержать, потому что это хуже боли, хуже страха, хуже страдания. Лотэсса, обхватив руками голову, бессильно падает на колени, и все меркнет, оставляя лишь пустую голодную темноту и безумный звук, заполнивший ее и вселенную.

Тэсса резко открыла глаза. Шипение все еще слышалось, зато вокруг была блаженная темнота знакомой спальни. Значит, все это ей пригрезилось? Но откуда тогда берется навязчивый звук? Хотя мучительным он больше не был, да и стал гораздо тише. Скорее всего, она его даже не слышит, а просто не может отделаться от этого отвратительного шелеста, навеванного безумным сном. Девушка села на кровати и напряженно прислушалась. Нет, решительно невозможно понять, слышит она отдаленное шипение или оно ей всего лишь мерещится.

Ну и ладно, какая, в принципе, разница. Главное, что она проснулась, а мучительный кошмар остался позади. Как все-таки хорошо, что это был всего лишь сон! Еще накануне вечером, ложась спать в самом поганом расположении духа, Тэсс даже представить не могла, что будет радоваться пробуждению.

Сидя на кровати, девушка всматривалась в чернильное небо, время от времени открывавшееся взору в просветах легких штор, подвластных прихотям ночного ветра. Ливший весь день дождь прекратился, и ветер, очистивший небосвод, доносил сквозь открытое окно запахи эльвийских цветов и мокрой травы. Тэсса порывисто вдыхала ароматы ночи, стараясь изгнать воспоминания о раскаленной тропе среди скал и пыльных чужих небесах. Она словно очнулась от сна, куда более долгого, чем муторное и жуткое видение, так напугавшее ее.

Лотэсса Линсар уже давно жила, как в кошмарном сне, только этим сном стала ее собственная жизнь, раньше похожая на волшебную сказку. Казалось, вечность назад, хотя на самом деле это было в начале весны, ее доселе восхитительное и безмятежное существование нарушилось известием о вторжении в Элар дайрийских войск. Нельзя сказать, что это сильно напугало короля и приближенных к нему аристократов, война тогда казалась скорее досадной проблемой, чем трагедией, началом конца великой страны и самой древней королевской династии Дозэи. Потом ушел Эдан. Ушел, чтобы никогда не вернуться. Когда весть о гибели брата достигла Тэсс, ее словно парализовало от горя. Дальнейший ход войны девушку не интересовал, ей было все равно, как далеко продвинулись войска Малтэйра, какие города давали ему сражения, а какие сдавались без боя. Даже во время осады Вельтаны она жила, как будто в тумане. Жизнь утратила

смысл и вкус. Нынешнее лето, словно назло испуганным и разбитым людям, сияло небывалой роскошью и великолепием, но краски его казались Лотэссе приглушенными и тусклыми, словно она смотрела на мир сквозь кусок мутного стекла. Все стало ненужным и безразличным — и буйство цветов, и пение птиц на рассвете, и золотисто-розовые закатные облака, каждый вечер спускавшиеся на шпили дворцовых башен. Казалось, ничто не может сделать существование наследницы Линсаров еще хуже, чем оно есть, но последовавшие друг за другом известия — сначала о сдаче города, а потом о смерти короля и его брата — дали понять, что любые страдания могут стать еще более невыносимыми. Ну а весть о предстоящем браке подействовала так, словно ее жизнь, и так похожую на разбитый бокал, решили, кроме того, растоптать железным каблуком, превращая осколки в мелкую стеклянную пыль.

Засыпая накануне, Тэсса мечтала только об одном — никогда не просыпаться, хотя подобное желание посещало ее нередко за последние месяцы. Однако она не просто обрадовалась пробуждению — впервые за долгое время девушка ощущала себя по-настоящему живой. Неужели дело в том, что сон оказался страшнее реальности? Это несправедливо! Она не хочет возвращаться к жизни. Забытые притупляло боль, помогало листать дни равнодушно и без интереса, как страницы скучной книги.

А теперь? Теперь все вновь нахлынуло с невиданной силой — и любовь к миру, и страдание. Эдан! Он бы вряд ли хотел, чтобы сестра бессмысленно доживала свой век, считая дни и года до смерти. Кто знает, может, этот сон — прощальный дар от него, чтобы помочь ей очнуться. Тэсс отчаянно хотелось верить, что Эдан по-прежнему где-то есть. Неважно, где, и неважно, какой он теперь, главное, чтобы он существовал. Потеряв брата, Лотэсса готова была даже поверить в богинь, до которых ей раньше не было никакого дела, лишь бы иметь хоть призрак надежды на то, что Эдан обретет за Гранью какое-то подобие бессмертия. Когда тупая боль и отчаяние сводили ее с ума, девушка мысленно обращалась к брату, так было и сегодняшним вечером. Лежа в постели, захлебываясь злыми слезами, Тэсс изливала свое горе тому, кто бесконечно далек, но при этом ближе всех, находящийся рядом. Да и кому она могла еще пожаловаться? Родителям? Тем самым, которые предали свою дочь и продали новому королю даже не ради спасения жизни или чести, а исключительно чтобы не утратить своего положения и состояния.

С отцом и матерью все понятно, они ей отныне если и не враги, то чужие. А вот Эдан навсегда останется самым родным и любимым человеком, сколько бы лет ни прошло. Решено! Отныне она не будет хоронить себя заживо, а будет жить! Жить ради памяти брата! Разумеется, ни о каком замужестве не может быть и речи. И не только этому чудовищу — Малтэйру — не стать ее мужем, но никому и никогда! Во-первых, потому, что никого она не сможет любить так же сильно, как брата, а во-вторых, потому, что ей вряд ли суждено прожить долго.

Порывисто вскочив, Тэсс подбежала к окну, резко отдернула штору и, обратив лицо к ночному небу, воскликнула:

— Эдан, я клянусь, что продолжу твое дело! Пока я жива, я буду бороться с дайрицами и сделаю все, чтобы изгнать их из Элара и отомстить за тебя, и за короля, и за Нейри!

Далекое сияющие звезды выслушали пылкую клятву с присущим им равнодушием. А ночной ветер, ласкавший разгоряченное лицо девушки, донес до ее слуха отдаленное, еле слышное шипение, на которое, впрочем, Тэсса, поглощенная своим порывом, не обратила ни малейшего внимания.

Глава 5

Оро стоял у дверей дочерней спальни, не решаясь постучать. Хмурое позднее утро заглядывало в открытые арки галереи, идущей вдоль большинства комнат второго этажа. Точное подобие этой галереи соединяло комнаты также на третьем и четвертом этажах. Поздней весной и летом открытые коридоры, выходявшие во внутренний двор, были очень кстати, зимой же в проемы вставлялись рамы с витражным стеклом. Зато в изменчивый и капризный месяц Эльвии уличная погода, царившая в галерее, порой совсем не радовала. Вот и сейчас хозяину дома приходилось мерзнуть, расплачиваясь за оригинальную архитектурскую идею, одобренную его далеким предком. Наконец сквозняк, бесцеремонно забирающийся за ворот рубашки, заставил Оро постучать в дверь. Впрочем, стук вышел какой-то робкий, нерешительный, словно извиняющийся.

Тэсса, судя по всему, и не думала открывать. Она не только не отозвалась, но даже никак не обнаружила своего присутствия. Полная тишина в комнате заставила отцовское сердце на секунду болезненно сжаться. После вчерашнего разговора от взбалмошной девочки можно ожидать любых глупостей — от попытки побега до... А вот до чего может прийти загнанная в угол Тэсс, даже думать страшно. Нет, конечно же, девочка просто спит. Хотя он и выжидал, пока время перевалит за полдень, прежде чем нанести визит дочери, чтобы дать ей выспаться после вчерашнего потрясения. Наверняка полночи плакала или злилась, вынашивая планы мести. А иметь дело с невыспавшейся и злой Лотэссой не мог позволить себе даже нежно любимый отец. Поэтому и ждал так долго, несмотря на то, что еще с вечера не находил себе места, вышагивая по комнате, мысленно выбирая нужные доводы в безмолвном диалоге с дочерью. Хотя как раз после вчерашнего, может, и не спит, а просто не хочет открывать, не желая видеть никого, в особенности же тех, кто повинен в том, что ей пришлось пережить.

— Тэсс? — неуверенно позвал он. — Ты не спишь? Если еще не встала, я приду попозже, — Оро не успел закончить фразу, как послышались шаги, и мгновение спустя Тэсса в наброшенной поверх шелковой ночной сорочки шали стояла у двери.

При виде дочери отцовское сердце, как всегда, преисполнилось гордости и восхищения. Древние богини, как же она была прекрасна! Даже сейчас, бледная, невыспавшаяся (как и следовало ожидать), неодетая, девушка походила на фарфоровую статуэтку. Густые волосы были распущены и, подобно темному плащу, окутывали хрупкую фигурку. На идеально правильном, точеном лице видны были следы страдания, но не усталости. Огромные фиалковые глаза в ореоле темных ресниц смотрели на отца напряженно и недоверчиво.

— Папа? — девушка отступила, давая отцу пройти в комнату и не сводя с него пристального взгляда.

— Тэсса, девочка моя, ты все не так поняла! — Оро порывисто схватил ледяные руки дочери.

— А как надо было понять? — голос звучал напряженно и сухо, в широко распахнутых глазах все еще была обида, но, словно против воли, проскальзывал и лучик надежды.

— Ты решила, что мы с мамой просто продали тебя этому мерзавцу?! — теперь обида была в голосе Оро, причем обида искренняя, выстраданная.

— А что мне оставалось думать? — девушка пожала плечами.

— А тебе не приходило в голову, что в стане врага всегда должен быть свой человек?

— Ты хочешь сказать, шпион? Называй вещи своими именами! — в словах Лотэссы слышался откровенный вызов.

— Я хочу сказать, что Малтэйра окружают или дайрийцы, или жалкие трусливые лизоблюды, не способные ни на что. А нам нужно, чтобы рядом с ним был кто-то, способный держать меч возмездия и имеющий на то веские причины!

Некоторое время, показавшееся Оро вечностью, дочь молчала, думая о чем-то своем, а потом неожиданно спросила:

— Ты хочешь, чтобы я его убила?! — голос звучал потрясенно и испуганно, длинные изящные пальцы нервно накручивали и распускали кисти бахромы на концах шали. Девушка боялась поднять взгляд на отца, опасаясь прочесть на его лице свой приговор.

— Нет, что ты! — поспешил разуверить ее Линсар, решительно отменяя даже возможность такого поворота дел. — Храни тебя древние богини от подобных мыслей, девочка! Найдется кому его убить, но ты должна быть рядом, чтобы мы могли понять, когда и как действовать.

— Кто это «мы»? — Тэсс подозрительно прищурилась.

— Думаешь, мало в столице и по всему Элару честных людей, которые не желают вечно терпеть гнет захватчика? — Оро начал по привычке нервно вышагивать по комнате, от двери к окну и обратно.

— И чего же ждут эти «честные люди»? — по голосу дочери было ясно, какого она мнения о потенциальных заговорщиках. — Чего они ждали, когда убивали их короля?! Они будут терпеть гнет до тех пор, пока их не перебьют поодиночке, как Йеланда и Нейри?

Линсар остановился и в упор посмотрел на дочь, которая, впрочем, не уступая, буравила его гневным взглядом.

— Они... мы ждем подходящего момента. Затеять мятеж сразу после воцарения Дайрица — безумие, хоть и благородное. Какой толк стране с того, что те, кого пощадила битва при Латне, сложат головы на плахе? Сейчас он силен и осторожен. Но власть опьяняет. Он успокоится, расслабится, рано или поздно начнет совершать ошибки, и вот тут мы и нанесем удар. Пойми, шанс у нас только один, но использовать его надо с умом и в нужный момент, потому что такие, как Дайриец, не дают ударить себя дважды.

Лотэсса молчала. Очевидно, размышляла над словами отца, хотя по ее лицу скорее казалось, что думает она о чем-то своем. Какое-то время безмолвствовал и Оро, затем он продолжил, выкладывая на стол свой самый главный козырь.

— Никто не знает, когда нам удастся поднять восстание, остается лишь верить, что этот день придет, но до той поры Элару нужна... королева!

— Что? — девушка непонимающе уставилась на отца. — В каком смысле?

— В том смысле, что когда король — мерзавец, которому дела нет до захваченного государства, то у людей должна быть хоть королева — заступница, которая всей душой предана Элару и его несчастному народу. Если Малтэйр женится на какой-нибудь дайрийской твари и посадит ее на наш престол, то люди лишатся последней надежды. А ты! И знать, и народ будут тебя обожать! Линсары по праву делят с Таскиллами второе место по чистоте крови после королей.

— Королей больше нет, — сухо, словно во сне, вставила реплику Тэсса.

— Значит, во всем государстве нет никого более достойного занимать трон, чем Линсары или Таскиллы. Но Рейлор Таскилл погиб при Латне, а Лан — еще мальчишка. Если твой ребенок займет престол — это будет законно и справедливо!

— Ребенок?! — Тэсс гадливо поморщилась. — Отец, ты хоть понимаешь, что это значит?

Оро понимал. Понимал слишком хорошо. Лицо его на миг исказилось страданием, но затем вновь стало вдохновенным.

— Тэсс, думаешь, я не понимаю, какой кошмар быть женой этого человека? — Линсар опять мерил комнату шагами. — Но только жена способна подчинить мужчину. Даже лучшие друзья и соратники не могут влиять на короля так, как королева. Ты сможешь принимать решения за него — решения, которые пойдут во благо стране! Влюбленный мужчина, будь он самым властным тираном мира и последним негодяем, в руках разумной и благородной женщины станет воском. Ты... ты будешь править Эларом, а затем, если богини помогут нам сбросить Дайрица с престола, власть перейдет к твоему сыну.

Оро искренне любил дочь, при Ильдах он и помыслить не мог о короне, довольствуясь тем, что является главой одного из двух знатнейших семейств Элара. Но сейчас идея того, что его внук может занять престол, а до совершеннолетия ребенка власть будет в его — герцога Линсара — руках, пьянила его, вызывая одновременно терзания совести.

— Отец, определись, чего же все-таки ты хочешь? — тихий усталый голос дочери сбросил Линсара с воображаемого трона на землю. — Тебе угодно, чтобы я шпионила за Дайрийцем или управляла им?

— И то, и другое! — Оро обхватил дочь за плечи. — Я знаю, какая это жертва! Думаешь, мне легко? Эта война забрала у меня обоих детей. Эдан погиб, его не вернуть, а теперь я должен отдать свою дочь, чтобы смерть сына не была напрасной.

— Эдану это очень не понравится, — покачала головой Лотэсса. — Никогда бы он не позволил мне заплатить за победу правого дела такую цену! В твоих словах есть смысл и логика. Принося на алтарь свою жизнь, я могу спасти множество чужих. Терять мне тоже вроде как нечего. Я все это понимаю, но, отец, то, что вы задумали, до безумия мерзко! И хоть убей меня, я не соглашусь с тем, что благих целей можно добиваться такими способами! Я подумаю об этом, но пока ничего обещать не могу, — взгляд девушки потух, в голосе сквозила обреченность. Надежды не осталось. Не было даже смысла проявлять непокорность. Бремя ответственности за всю страну, которое Линсар возложил на хрупкие плечи дочери, давило так, словно она уже надела корону, соединив свою жизнь с судьбой ненавистного человека.

Отец благодарно кивнул и, еще раз обняв дочь, вышел из комнаты. Что ж, Лотэссе он убедил в своей правоте — это полдела. Осталось самое сложное: убедить себя, что все приведенные доводы смогут перевесить на чаше незримых весов предательство собственного ребенка. Доказать самому себе, что заговор, мудрая королева и коронованный внук стоят того, чтобы отдать дочь человеку, убившему сына!

Глава 6

Нармин, не отрывая лица от окна кареты, с восхищением взирала на столицу. Вельтана была совсем не такой, как представлялось жрице в смутных фантазиях, но все-таки прекрасной. Пусть не было ажурных башенок, белого мрамора и потоков солнечного света, которым надлежало заливать все это великолепие, однако истинный облик города производил куда более сильное впечатление, чем придуманный образ, подобный гравюре из детских книжек.

Основным цветом Вельтаны был серый, но, как ни странно, от домов и дворцов, сложенных из серого камня самых разных оттенков, веяло не тоской, а мрачноватым и слегка таинственным благородством. Грозовые тучи, скользящие по небу так низко, что, казалось, еще чуть-чуть, и они начнут цепляться за шпили зданий и остроконечные крыши, идеально вписывались в городской колорит. Небо и город словно составляли единое целое.

Все было так внове, удивительно и совсем не похоже на те пейзажи, к которым привыкла Нармин. Гений архитекторов разных эпох, воплощенный в гармонично сочетающихся друг с другом зданиях, производил на девушку, привыкшую к торжеству природы над творениями рук человеческих, неизгладимое впечатление.

Нармин родилась в маленьком городке, не сильно отличавшемся от окружающих деревень, но и это жалкое подобие города давным-давно осталось позади и почти стерлось из памяти. В храм Маритэ¹ родители привезли девочку, когда ей было всего лишь восемь лет. С тех пор она не покидала обители, возведенной много веков назад на скалистом уступе, нависающем над неистовой горной рекой. Поначалу величие природы и отсутствие следов цивилизации, к одному из оплотов которой юная Нармин относилась и родной город, пугало и угнетало будущую жрицу. Но с годами, не видя ничего другого,

она не только примирилась с окружающим видом, но и полюбила суровые горы, вершины которых днем сверкали коронами вечных снегов, а ночью поддерживали усыпанный мириадами звезд небосвод, могучие деревья, покрывающие горные отроги, и вечный шум водопада, каскадами ниспадающего в речные волны.

Однако неведомые города все равно манили девушку со страниц книг — или являясь в странных и прекрасных снах. И вот, теперь она видит воочию столицу самого древнего, большого и могущественного государства мира. Вообще само то, что она здесь оказалась, можно расценивать как самое настоящее чудо. В который раз Нармин мысленно перебрала события, предшествовавшие ее появлению в Вельтане.

Когда верховная жрица Лавинтия вызвала Нармин к себе, та не очень удивилась. Ведь совсем недавно она стала старшей жрицей, самой молодой из старших жриц храма. Очевидно, владычица решила удостоить ее личной беседы, чтобы еще раз подчеркнуть, какая это ответственность. Нармин и сама понимала, что стать старшей жрицей до того, как исполнится двадцать лет, практически невозможно, за всю историю Храма исключения можно пересчитать по пальцам. Девушка не знала, чем вызвана такая честь. Она хоть и была не из худших учениц и не обделена способностями, но и к лучшим не принадлежала. Нельзя сказать, что такое неожиданное возвышение не вызвало разговоров в обители, но решения владычицы в Храме Маритэ оспаривать было не принято. Верховная жрица знает, что делает. И, должно быть, сейчас в личной беседе она расскажет Нармин, почему решила удостоить ее звания старшей жрицы в неполные девятнадцать лет.

Как ни странно, встретив девушку, владычица вовсе не повела разговор о посвящении воспитанницы храма в новый статус, а оседлала своего излюбленного конька.

— Люди забыли Маритэ и ее божественных сестер! — пафосно начала Лавинтия. Все ее речи, на памяти Нармин, начинались так или примерно так. Сначала юная послушница относилась к словам владычицы с благоговейным трепетом, потом как к неизбежному положению вещей (о чем еще может говорить верховная жрица Храма Маритэ?), и, в конце концов, чтобы не заснуть от скуки, тихонько думала о своем во время очередного пламенного воззвания. Но сегодня был слишком важный день, да и обстановка — личный прием у владычицы — настроила Нармин на серьезный лад и побудила, как когда-то давно, вслушиваться и осознавать каждое слово, сказанное почтенной, седовласой, но все еще красивой женщиной, возглавлявшей обитель более двадцати лет.

— Когда богиня жила среди людей, свет ее был разлит в душах, и не было тогда доли почетней и радостней, чем служить ей и ее сестрам. Даже после Великой битвы и Затворения люди чтили Маритэ, как и ее служительниц. Видя нашу силу, которой созидательница одарила своих слуг, прочие смертные склонялись перед избранницами богини. А теперь? Куда все это ушло?! Нынче нет не только любви к Маритэ, но зачастую даже веры! Все, что нам осталось, — лишь формальное почтение, дань традиции. Но даже за это нам приходится бороться! Ты здесь с восьмью лет, девочка... Ты видела толпы паломников, посещающих Храм? Или, может быть, ты была свидетельницей визитов монарших особ, пришедших поклониться Маритэ, впить ее мудрости и просить благословения богини для несения нелегкого бремени власти? А пожертвования? А послушницы? О, Нармин, твои родители были исполнены истинной добродетели, они сами привели тебя в Храм. Но гораздо чаще сестрам приходится ездить по городам и деревням в поисках девушек, которые могли бы служить Созидательнице. И когда девочки, отмеченные светом Маритэ, с трудом, но находятся, а с каждым годом их все меньше, родители, как правило, ни в какую не желают отпускать их для великого и благородного призвания! — верховная жрица, как всегда во время своих речей, распалилась и пребывала в состоянии, близком к священной экзальтации. Она патетически скидывала руки, голос выражал волнение, а серые глубокие глаза метали молнии.

— Но ведь к Храму очень часто приезжают родители, желающие посвятить дочек Маритэ, — робко возразила Нармин. Раньше она не посмела бы перебить владычицу, особенно в приступе священного гнева, но сейчас-то она уже старшая жрица, а следовательно, обрела кое-какие новые права, например, право почтительно поддержать разговор.

— Приезжают?! — Лавинтия фыркнула, вложив в свои слова все презрение и яд, которые, надо сказать, изливались из ее уст неиссякаемым потоком уже немало лет, по

крайней мере, одиннадцать точно, на памяти Нармин. — Ты посмотри, кто приезжает к воротам обители? Всякая шваль и нищета, которая не знает, как избавиться от лишних детей и куда их пристроить. О да! В таких посетителях недостатка нет! Нам нечем кормить лишнюю дочку — пусть питается и живет за счет Маритэ! Среди этих «подачек» в лучшем случае одна из ста имеет хоть проблески дара. Именно поэтому мы и отсылаем подобных паломников вместе с их не пристроенными дочерьми обратно. При этом надо еще изловчиться и, забыв про гордость, быть вежливыми, отказывая! Мы, служительницы богини, должны быть образцом терпимости, спокойствия и доброжелательности с каждым, даже с последним голодранцем или идиотом! — гнев кипел и бурлил в верховной жрице подобно вареву, выплескивающемуся через края котла.

Нармин молчала. Ей снова было скучно. Конечно, гнев владычицы более чем справедлив, но слушать одно и то же в течение стольких лет и не утратить интерес и новизну восприятия практически невозможно. Можно также понять, что верховной жрице храма Маритэ вполне подобает испытывать именно такие чувства и вести такие речи, но, богиня, как же это все приелось! И, главное, при чем тут она — Нармин? Но когда новоиспеченная старшая жрица уже почти отчаялась услышать что-нибудь, что имело бы хоть отдаленное отношение к ее скромной персоне, Лавинтия неожиданно повернула разговор в нужное русло.

— Должно быть ты, девочка, — позволь мне по-прежнему звать тебя так, несмотря на посвящение, — гадаешь, почему я вызвала тебя? — голос Лавинтии, минуту назад бывший негодующим и презрительным, стал вновь ласковым и спокойным, как полноводная река, вошедшая в обычное русло после каскада порогов и стремнин.

Нармин только и могла, что кивнуть. Говорить она не решалась, искренне жалея о той реплике, которую позволила себе вставить в разговор. Кем бы она там ни стала, но верховная жрица — это верховная жрица. И она, Нармин, как была, так и останется для нее девочкой, что, в принципе, вполне логично и правильно. Так что пусть уж владычица говорит, а ее дело — слушать и кивать. И верховная жрица продолжила свою речь, вполне удовлетворившись кивком Нармин.

— Я не просто так говорила тебе о Маритэ и о нашей высоком предназначении — нести ее свет людям. С восьми лет жила ты в стенах Храма, возрастала в мудрости, силе и добродетели, и вот, пришло время отдать Маритэ то, что мы по воле ее вложили в тебя, Нармин. Именно тебе предстоит светить, как факел, в кромешной тьме неверия и равнодушия, охватившего мир!

Девушка слушала и решительно ничего не понимала. Взгляд почему-то остановился на золотистой шторе, перехваченной витиеватым шнуром с подвеской. Нармин замерла в напряжении, изучая каждую деталь подвески вплоть до спутавшихся терракотовых кистей и маленькой трещинки на светлом опале, который находился в центре украшения. Тем временем Лавинтия продолжала.

— Ты, должно быть, недоумеваешь, отчего тебя посвятили в старшие жрицы, несмотря на юность? Дело в том, что именно на тебя я хочу возложить чрезвычайно важную миссию, от которой многое зависит, — владычица говорила негромко и проникновенно, глядя девушке в глаза. — Для выполнения того, что я, именем Маритэ, собираюсь тебе поручить, положение младшей жрицы никак не подходит, а ждать мы не можем.

Нармин действительно пребывала в недоумении. Слова Лавинтии ничуть не проясняли ситуации, а, напротив, совершенно сбили девушку с толку. Однако она по-прежнему не задавала вопросов, справедливо полагая, что верховная жрица сама разъяснит, что она имеет в виду. И Лавинтия разъяснила.

— Тебе, конечно, известно, что в Эларе на престол скоро воссядет новый король, — властным жестом владычица остановила слова, готовые сорваться у девушки с языка. — Знаю, знаю, что ты можешь сказать. Он захватил власть, убил короля, чьи предки правили Эларом с самого его основания, Малтэйр жесток, бездушен и циничен. Все это так... Но он у власти. Вельгана и Элар в его руках, а Йеланда не вернуть. Я искренне сожалею о нем, он был хорошим человеком, хоть и плохим королем, но его больше нет, как нет не одного Ильда, если только кто-нибудь не бросится разыскивать или, что более вероятно, выдумывать его незаконнорожденных отпрысков. Ильдам пришел конец, надо смотреть правде в глаза. Но я не могу оплакивать короля, от которого наш Храм видел

лишь скудные и редкие пожертвования, я должна думать о завтрашнем дне. И от моих, точнее, от наших действий, зависит, каким он станет для служительниц Маритэ. Если мы хотим лояльности от новой власти, то должны проявить лояльность со своей стороны... причем первыми. Валтор Дайрийский не звал нас в Вельтану, скорее всего, он вообще не вспоминал о существовании Храма Маритэ, который расположен на территории его нового королевства, — единственного храма, уцелевшего во всей Анборейе! — Лавинтия уже не говорила, она вновь вещала, вскинув руку и возведя глаза к потолку, увенчанному тяжелой люстрой из каскадов горного лиртийского хрусталя.

— Он не думает о нас, но мы сами должны подумать о себе, а потому я шлю представительницу Храма в столицу. Шлю для того, чтобы засвидетельствовать свою верность новому королю Элара и показать, что мы признаем законность его власти. И этой представительницей станешь ты — Нармин, старшая жрица Храма Маритэ, — владычица наконец смолкла и перевела глаза на ошеломленную девушку, разрывающуюся между двумя вопросами, не зная, какой из них задать первым.

— Но зачем нам это? — все-таки Нармин решила, что ей, как старшей жрице, надо учиться предпочитать общие интересы своим личным. — Что нам с того, если, как вы говорите, королям нет до нас дела — как законным, так и узурпаторам? Какая Малтэйру разница, признаем мы его законным властелином Элара или нет?

— О, девочка моя, как мало ты разбираешься в политике, и как много предстоит тебе еще узнать об этом! Когда король захватывает власть, ему нужны любые союзники, которые постараются забыть его грехи и убедить в этом других. Да, у жриц не та власть, что несколько веков назад, но и теперь наше мнение что-то значит как для знати, так и для простонародья. С нами уже не считаются, но нас еще почитают. И если мы согласимся от имени богини признать законной власть захватчика, то освятим ее, превращая в глазах народа узурпатора в основателя новой династии. Не думаю, что Валтор Дайрийский откажется от того, чтобы быть провозглашенным Валтором Эларским! — Лавинтия сделала паузу, оценивая, какое впечатление на юную жрицу произвели ее доводы, но, увидев в карих глазах той лишь прежнее испуганное непонимание, вздохнула и продолжила.

— Это то, что нужно от нас Малтэйру, нам же от него нужно, чтобы он как монарх начал политику возрождения былого величия Маритэ и ее служительниц. И для начала мы напомним ему, из чьих рук королям надлежит принимать корону. Вот уже три столетия, как в Эларе и прочих землях забыли, что короновать монарха, всходящего на престол, должна жрица Маритэ, присланная Храмом. Мы пообещаем Валтору поддержку взамен на возрождение этой традиции, начиная с его собственной коронации. Как видишь, дитя, в сделке заинтересованы обе стороны! — глава Храма закончила свою речь. Воспользовавшись этим, Нармин немедленно задала второй вопрос, интересовавший ее ничуть не меньше политических хитросплетений.

— Владычица, но почему я?

1Маритэ — Создательница и Хранительница мира, верховная богиня пантеона, принятого на большей части территории Дозьи.

Глава 7

Тэссе не спалось. Она распахнула окно, подставив ночному ветру разгоряченное лицо. Небо вновь было ясным и звездным. Похоже, природа твердо вознамерилась делать дни серыми и полными отчаяния и только ночами давать девушке передышки от мелочных людских страстей и страданий. Звезды, которыми славен месяц Эльвии, вновь мерцали на черном бархате далекого небосвода.

Тэсс стало тесно в комнате, захотелось выйти в сад, но лень было одеваться. Поэтому она приняла компромиссное решение. Накинула шаль и, распахнув дверь, вышла в галерею. У самого порога комнаты взгляд девушки упал на давно заброшенную, сиротливо стоящую у стены гитару. Сама не зная зачем, Тэсса захватила отвергнутую подругу с собой. В галерее было темно, свежо и тихо. Девушка села у проема напротив двери своей комнаты, одну ногу согнув в колене, а другую свесив вниз. Прислонившись к арке, Тэсс сквозь тонкую ткань рубашки и шаль ощутила спиной прохладу каменной кладки. Босой ступней свешенной ноги девушка нащупала опору — стебли дикого плюща, которым были увиты внешние стены галереи. Плющ, правда, стремился перебраться и внутрь, но садовники не позволяли ему таких вольностей, безжалостно обрезая побеги, заглядывающие в коридор. Летом и осенью это даже украшало каменные стены, но зимой голые узловатые ветви были не к месту. Однако плющ все равно оказывался проворнее садовых ножниц и сейчас нависал над головой Лотэссы, колеблемый ветром, отбрасывая на стены причудливую сеть теней.

Неосознанно перебирая струны гитары, Тэсс создавала тихий, печальный мотив, соответствующий ее настроению и мыслям. Нужно разобраться в себе. Жалко убивать на это такую ночь, но другого времени у нее не будет. Завтра уже прием у «его величества», и надо вести себя в соответствии с принятым решением. Так стоит ли приносить себя в жертву? Хотя чем она, собственно говоря, жертвует?

Тэсса никогда никого не любила. То есть, любила, конечно: брата, отца, подруг, — но она никогда не была влюблена в мужчину. Лет в тринадцать она узнала, что круг потенциальных женихов, брак с которыми не уронил бы достоинства Линсаров, очень ограничен. В него, если отбросить иностранных претендентов, входили мужчины рода Таскиллов, который был равен Линсарам и занимал вместе с ними вторую ступень иерархической лестницы Элара после королевской фамилии. Кроме них, мужем Лотэссы мог стать брат короля и... сам король. Но Йеланд, следуя государственным интересам, предпочел заключить династический брак, породнившись с Великим князем Тарнийским. Женой короля стала не слишком привлекательная тарнийская принцесса, зато в приданое за ней были даны крайне выгодные соглашения между Тарникой и Эларом. А вот младший брат короля — Нейри — был свободен в своем выборе, чем и не преминул воспользоваться, предложив Лотэссе Линсар руку и сердце, едва ей исполнилось семнадцать.

Конечно, если уж выбирать из тех, кто мог стать ее мужем, то Тэсс, наверное, предпочла бы Рейлора Таскилла — храброго, бесшабашного и красивого, тем более что он был одним из лучших друзей Эдана. Но судьба распорядилась иначе, и Тэсса не стала ей противоречить. Вот если бы она по-настоящему влюбилась в Рейлора, тогда другое дело! Девушка иногда задумывалась о том, что было бы, полюби она кого-то, кто ниже ее по положению. Размышляя над этим вопросом, Тэсс пришла к выводу, что Оро, скорее всего, согласился бы на брак обожаемой дочери по любви, тем более что и сам был виновен в глазах света в самом вопиющем мезальянсе, какой только можно вообразить. Правда, первый брак Линсара был в этом плане безупречен. Он был женат на одной из кьярских герцогинь. Кроме возможности породниться с правящей династией богатейшего торгового города-государства Кьярэ, этот брак изрядно увеличил состояние герцога, и без того немалое.

Но так уж вышло, что девушка ни в кого не успела влюбиться за свои семнадцать с половиной лет. А следовательно, не стала возражать против уготованной ей участи второй зны королевства. Почти каждая девочка мечтает о принце, но Лотэссе судьба обделила в этом плане, поскольку выбора у нее не было, точнее, выбор состоял из сплошных принцев. А если что-то дано изначально, то грезить об этом глупо, совсем наоборот — сразу тянет мечтать о чем-то противоположном. Только вот уже не помечтаешь. Да и принцы все ушли за Грань. Нейри, король и Рейлор Таскилл — все мертвы. Да ей и не нужен никто. Самым главным и самым любимым мужчиной в ее

жизни был брат. После смерти Эдана, даже останься ее суженый жив, Тэсс, скорее всего, вернула бы кольцо. Потому что, похоронив себя заживо, грешно утягивать в эту могилу еще и того, кто тебя любит.

А Нейри ее любил, любил искренно, почтительно и нежно. Брат короля не просто видел в Тэссе невесту, брак с которой не уронит его достоинства, он ее боготворил. Конечно, он не был исключением, Лотэсса Линсар по праву считалась не только самой родовитой, но и самой красивой девушкой королевства. Может, и жила где-нибудь в глубинке какая-нибудь пастушка или дочка угольщика, способная ее затмить, но среди тех, с кем юную аристократку могли сравнить, таковых не было. Несмотря на то, что Тэсс привыкла к поклонению мужчин, любовь будущего мужа грела ее сердце теплым, ласковым огоньком.

Нейри был спокойным, умным, добрым. Красивым — нет, но лицо было приятным и достойным. В отличие от своего брата, предпочитавшего шумные балы, охоты и пиры, принц любил уединение, природу, искусство. Он читал Тэссе свои стихи (весьма недурные, надо сказать), исполнял баллады собственного сочинения, а в спальне девушки до сих пор висел один из ее портретов, написанный рукой младшего Ильда. Рукой, вот уже несколько недель тлеющей в могиле.

Взгляд девушки упал на кольцо, подаренное принцем. Изящное золотое плетение и чистейшей воды аметист. Нейри часто сравнивал ее глаза с этим камнем. Неудивительно, что аметист был выбран для обручального кольца. С подарка принца глаза невольно скользнули на другое кольцо, с чрезмерно большим, тревожно сверкающим рубином. Оно появилось у нее лишь недавно и совсем ей не нравилось, тем более что стало вестником страшных событий, о которых постоянно напоминало. Но Тэсса считала себя не вправе его снимать: кольцо с рубином было прощальным даром короля, который он передал ей через юного Лана Таскилла. Тэсс носила кольцо не в память о погибшем короле и его брате. Девушке не нужно было украшение, чтобы помнить тот страшный день, но Йеланд, предполагая скорую свою кончину, решил отдать перстень ей, а воля умирающего священна. Смотреть на алый камень было тяжело, поэтому Тэсс вновь перевела взгляд на спокойное и прекрасное кольцо принца.

Девушка вздохнула. Она не собиралась хранить верность Нейри, отрекаясь от земных радостей, она собиралась хранить верность брату. Но брак с ненавистным Дайрийцем столь же мало похож на отныне недоступное ей женское счастье, как колючки чертополоха похожи на голубые фьеррские розы.

Так на что же решиться? Доводы отца так разумны и даже по-своему благородны, но до чего же все это мерзко! На Тэссу накатила бессильная ярость зверя, брошенного в клетку. Она — пленница, заложница страшного выбора. И, что бы она ни выбрала, все равно будет предательницей. Или она предаст отца, его единомышленников, страну, наконец, или предаст саму себя.

Пальцы девушки перестали нежно перебирать струны и теперь били по ним чуть ли не с ненавистью, создавая отрывистый и злой мотив. Сами собой на аккорды легли слова — гневные, отчаянные, безнадежные.

Глава 8

Рудо Гуттон, который больше привык отзывать на прозвище Хомяк, данное ему из-за расплывшейся в последние годы фигуры и щек, ставших поистине выдающейся частью физиономии, вышел из таверны «Безухий кролик». Было уже около двух часов пополуночи, и страшно подумать, что он услышит, вернувшись, от своей благоверной Жаволи. Эта кара богини на его голову будет пилить его до рассвета! Впрочем, вернись он домой даже на три часа раньше, она бы все равно бранилась и верещала, обзывая его никчемным пьяницей, пропивающим последние мозги. Хотя насчет мозгов она права. Только безмозглый идиот мог жениться на этой визгливой дуре, польстившись на знатное приданое, которое давал за ней отец-лавочник. Да к демонам то приданое, никакие деньги не стоят такой крысищи в доме! Но возвращаться все равно надо, тем более что и деньги кончились, а в долг Сизый Колин, даром что старый друг, не наливает, зараза.

Бросив на таверну прощальный взгляд, исполненный одновременно негодования и тоски, Хомяк перешел улицу и нетвердым, но решительным шагом направился в сторону дома. На улице было темно и как-то душно, даже дышалось тяжело. Но, впрочем, когда приходится таскать такой живот, да еще и под завязку залитый дешевым вином, не удивительно, что каждый шаг дается с трудом.

Откуда-то из-за угла послышалось странное шипение. Рудо решил, что все-таки хватил лишнего, если ему всякая муть слышится. Ну кому здесь, позвольте спросить, шипеть? Ну да демоны с ним, с шипением. Вот раздайся залихватский свист или крики, было бы куда как хуже. И все-таки как-то сразу стало неуютно, захотелось поскорей домой. Хотя дома Жаволь, и шипит она похлеще этой невидимой гадины.

С каждой минутой на душе становилось муторней и тревожней. Наверное, именно такое состояние называется дурными предчувствиями. Хомяку захотелось повернуть назад и вернуться в таверну. Вот только как объяснить свое возвращение трактирщику, который, кстати, намекал, что собирается закрываться, и засидевшимся посетителям? Колин, да и все остальные, в курсе, что деньги у Рудо кончились. Делать вид, что вернулся потому, что позабыл в таверне что-то, глупо, потому как нечего ему там забывать. Да и вообще, мужчина он или суеверная старуха, которая шарахается от собственной тени?! Не пойдет он обратно в «Безухого кролика», рискуя прослыть дураком или трусом, он пойдет домой и плевать ему, Рудо Гуттону, на всякие там шипения в ушах!

Хомяк прикрыл глаза и отчаянно замотал головой, став похожим на пса, отряхивающего со шкуры брызги воды. Закончив этот маневр, Гуттон рассчитывал избавиться от навязчивого звука. Не получилось! Более того, к звуку добавился зримый образ, непонятно как материализовавшийся, пока Рудо пребывал с закрытыми глазами, изгоняя наваждение. Лучше б он их не открывал!

Прямо перед ним, взявшись из ниоткуда, предстала жуткая тварь. Сверху еще куда ни шло — мужчина как мужчина, даже вроде ничего, торс такой рельефный. Разве что из одежды на нем только кулон какой-то странный с красным камнем, да глаза жуткие — круглые, мутно-желтые, без бровей и ресниц, и зрачок узкой вертикальной щелью делит глаз на две части. А вот нижняя часть этого, с позволения сказать, тела — та и вовсе заставила встать дыбом немногочисленные уцелевшие волосы на голове Рудо. Вместо ног у существа был... змеиный хвост песочного цвета с черным узором. Чудовище стояло на этом хвосте, напоминая Гуттону гравюру из старой книги — змею, изготовившуюся к нападению. Мышцы рептилии, покрытые множеством чешуек, ежесекундно сокращались, заставляя хвост то ходить волнами, то сворачиваться-разворачиваться кошмарными кольцами. Короче, при взгляде на эту тварь становилось совершенно очевидно, что с выпивкой надо завязывать.

В отличие от змеи на картинке, чудовище не думало атаковать, по крайней мере, попыток к сближению не предпринимало. Хомяк тоскливо глянул на окна таверны, мерцавшие через улицу теплым и заманчивым оранжевым светом. Вывеска и фонарь над дверью покачивались, издавая мерный, столь милый для уха пьяницы скрип. Ну почему он не вернулся туда, где сейчас светло, людно, горит огонь в очаге, а Вирта разносит пиво и вино тем, кого еще не удалось спровадить?! Боялся выглядеть глупо? Сейчас он, должно быть, выглядит много умнее, смотря в желтые глазищи демонической твари, которая в лучшем случае является плодом его пьяного воображения, а в худшем... лучше не

думать.

Рудо помахал руками перед лицом в безнадежной попытке отогнать жуткое видение. Змеехвостый, как и следовало ожидать, никак не отреагировал на эти неуклюжие пассы.

— Изыди! — жалобно попросил Гуттон.

Вялая попытка изгнания, похоже, лишь позабавила тварь. Видение растянуло тонкие бескровные губы в подобии улыбки и провело по ним языком... раздвоенным. Хомяк понял, что надо бежать, пусть шансов унести ноги от этого существа мало, но стоять на месте — безумие. И тут же осознал, что ничего из этой затеи не выйдет. Несчастный Гуттон не мог не только двинуться с места, но даже пошевелить пальцем, как не мог и закричать. Все, что оставалось Хомяку — это смотреть в круглые мутные глаза с вертикальными зрачками, подобно зверьку, которому он был обязан своим прозвищем, замороженному взглядом хищной змеи.

Страх — безумный, отчаянный, липкий — охватил все существо Рудо, подавляя все остальные эмоции. Ему казалось, что эта «игра в гляделки» длится бесконечно долго, дольше, чем прошло от момента его рождения до проклятого сегодняшнего дня. В конце концов Гуттон разлепил губы и выдавил из себя последний и единственный вопрос:

— Кто ты?

На это змеехвостый снова облизнулся и хрипло-шипящим голосом ответил то, что Рудо и так уже знал.

— Я — твоя смерть!

Глава 9

Нармин вновь любовалась городом, на этот раз из окна королевского дворца. Нианон, считавшийся истинным венцом столичной архитектуры, поразил провинциальную девушку до глубины души. Пока ее вели по галереям, лестницам и коридорам, молодая жрица с трудом удерживалась от того, чтобы не прикоснуться изящной ковке перил и решеток или удивительной мозаике. Нармин хотелось ощутить под ладонью мрамор настенных панелей или ткань старинных гобеленов, чтобы лишний раз убедиться, что это не сон.

И вот наконец девушку оставили одну в ее комнате. Теперь можно было не только осматривать, но и трогать все что угодно. Чем она не преминула воспользоваться. Нармин до сих пор не могла поверить, что она находится в королевском дворце. Это она-то, которая ничего в жизни не видела, кроме скромного домика своих родителей в захолустном городишке и затерянного в горах Храма. Еще месяц назад девушка была уверена, что ничего лучшего, чем неожиданное назначение старшей жрицей, в ее жизни быть не может, и вот теперь она — представительница Храма Маритэ при дворе новоявленного монарха.

И какое ей, в конце концов, дело, как он взошел на трон? Йеланд был законным королем, но ему не нужна была поддержка жриц Маритэ, он не нуждался в представительнице Храма в столице. Правда, новый король тоже не вызывал жриц в Вельтану, но все-таки, не сменись власть, за окном Нармин шумел бы сейчас водопад, а не догорали бы остатками летней роскоши королевские сады.

Так, преисполненная симпатии к узурпатору, Нармин отошла от окна и окинула взглядом уютную, а по меркам той жизни, к которой она привыкла, более чем роскошную комнату. И, конечно же, из всей обстановки взгляд задержался на большом, в рост, зеркале, оправленном в тяжелую позолоченную раму. Хотя Нармин и воспитывалась в Храме с самого юного возраста и воспринимала себя в первую очередь как служительницу Маритэ, она все-таки оставалась женщиной. И теперь, в новой для себя изысканной и роскошной обстановке, она почувствовала себя женщиной более, чем когда-либо. Девушка и раньше осознавала свою привлекательность и не раз слышала в Храме, что является самой красивой жрицей среди своих ровесниц. Уточнение было не лишне, ибо некоторые старшие жрицы превосходили Нармин в красоте, несмотря на почтенный возраст. Будучи послушницей, а затем младшей жрицей, глядя на наставниц, она не раз ловила себя на мысли, что вряд ли смогла бы предпочесть служение Богине мирским соблазнам, обладай она такой красотой. И вот теперь, созерцая в огромном зеркале собственное отражение, Нармин впервые в жизни сама оказалась перед подобным искушением.

Из серебристых глубин на нее смотрела высокая, статная девушка с роскошными формами. Лицо не могло похвастаться идеальной правильностью и соразмерностью черт, зато было совершенно очаровательным. Высокие скулы, пухлые губы, густые каштановые локоны и глубокие карие глаза с пушистыми ресницами были чудо как хороши.

Традиционное одеяние жриц Маритэ тоже отнюдь не портило девушку, а скорее, напротив, подчеркивало ее достоинства. Впрочем, зеленое платье с глубоким вырезом и широкими рукавами, идеально облегающее фигуру сверху и свободно струящееся от талии, пошло бы любой девице, кроме разве что толстушки. Наряды служительниц Маритэ, даже платья послушниц, были хоть и просты, но изысканны — шитье по подолу, золотистый поясок. Так и надо. Ведь если ты постоянно вынуждена носить только одну одежду, то эта одежда должна быть безупречна.

Чем дольше Нармин вертелась у зеркала, тем сильнее завладевали ее сознанием мысли, ранее почти не посещавшие эту прелестную головку: о своей красоте и, как следствие, о мужчинах, которые должны пасть ее жертвами. Думать о мужчинах в обители было глупо. Не то чтобы их там совсем не было, но они воспринимались не как мужчины, а как исполнители определенных функций — поставщики, истопники, строители. Были также просители, приезжавшие в Храм Маритэ, или те, кто привозил туда своих дочерей и сестер. Но это были лишь слуги и посетители, не более. А здесь, здесь ее окружали именно мужчины. За время сравнительно недолгого путешествия единственными представителями сильного пола были сопровождавший Нармин кучер да хозяева

гостиниц и постоянных дворов, где девушка останавливалась. Поскольку жрице не подобает есть в одном помещении со всяким сбродом, она всегда заказывала еду в свою комнату, а следовательно, была лишена сомнительного счастья созерцать разномастных представителей мужского пола, обитающих в общих залах придорожных заведений.

Но зато за первый день пребывания в столице, и особенно в королевском дворце, Нармин наконец открыла для себя этих непостижимых и загадочных существ. Даже слуги, сопровождающие ее и распахивающие многочисленные двери Нианона, были величественны и почти прекрасны, не чета каким-нибудь мелким сельским дворянам, обивающим пороги обители. Что уж говорить о придворных кавалерах, несколько из которых попались ей на глаза во время путешествия по дворцу. Они мило и почтительно улыбались молодой жрице, кланялись и провожали восхищенными взглядами. Поначалу девушка была слишком поглощена великолепием города и королевской резиденции, но сейчас, рассматривая себя в огромном зеркале, не могла не прийти к мысли, что восхищение, мелькавшее в глазах мужчин, более чем заслужено.

Отойдя от зеркала, Нармин вновь подошла к окну. Но теперь открывавшийся перед ней вид стал лишь фоном для картин, которые рисовало разгоряченное воображение жрицы. Она видела себя окруженной восхищенными поклонниками, которые, конечно, будут отвергнуты, ибо служение Маритэ превыше всего. Но даже в мечтах девушка отвергала поклонников не без некоторого сожаления. Любовь не была под строгим запретом для посвятивших себя Богине женщин, но в то же время и не поощрялась. Браки не были запрещены, но неизбежно лишали сана жрицу, решившуюся создать семью. Стать же любовницей было, во-первых, позорно и недостойно, во-вторых, практически невозможно, находясь в стенах храма.

Именно поэтому восторгам будущих поклонников суждено остаться лишь восторгами, а ее удел — вздыхать над разбитыми сердцами. Нармин, положив подбородок на переплетенные пальцы, тут же вздохнула, заранее сожалея о несчастных жертвах своей привлекательности. Апогеем ее смелых мечтаний стало поклонение самого короля, который ради прекрасных глаз недоступной жрицы станет искренним и ревностным почитателем Маритэ, возродит ее культ по всему Элару и Дайрии и построит новый храм в столице, где сделает ее, Нармин, владычицей, дабы иметь счастье хотя бы созерцать вблизи от себя предмет своего обожания.

Неизвестно, куда бы завели девушку подобные думы, но они были прерваны стуком в дверь, за которой стоял величественный слуга в ливрее, предлагающий представительнице Храма Маритэ проследовать за ним на королевский прием.

Глава 10

— Как уж будет угодно вашим милостям, а покойный, хоть и был мне законный супруг, слова доброго не стоил! — маленькая, вертлявая женщина, черноволосая и черноглазая, тараторила без умолку, хотя допрос, по сути, еще не начался. Жаволь Гуттон — жена, точнее вдова, Рудо Гуттона, найденного этим утром мертвым неподалеку от трактира «Безухий кролик» — оказалась особой смазливой и непомерно болтливой. Не похоже было, что ее терзает печаль по поводу ухода супруга в мир иной.

С болтушки Карст перевел усталый взгляд на своего спутника — Элвира Торна, ближайшего соратника нового короля, которого его некоронованное величество навязало коменданту для участия в расследовании загадочных смертей. Торн казался Итону неприятным типом, хотя женщины, наверное, таких любят — высокий, сильный, с мужественными, хоть и слегка грубоватыми чертами лица. Волосы цвета спелой пшеницы, вопреки моде, были довольно коротко стрижены, а серые глаза отливали сталью. О жестокости Торна, несмотря на короткий срок оккупации, в столице уже ходили легенды. По слухам, которые ни он сам, ни король не думали опровергать, именно Торн прикончил обоих Ильдов и трех ненавистных временщиков (за последнее ему, впрочем, душевное спасибо от всей страны и от него, Итона Карста, лично). Каменное лицо приспешника узурпатора ничего не выражало, он бесстрастно и внимательно смотрел на неугомонную свидетельницу, не замолкавшую ни на секунду, хотя пока ей не было задано ни одного вопроса.

— Ох, до чего же допился, мерзавец! — негодовала безутешная вдова. — Помер, посмотрите на него! — хотя смотреть к этому моменту было уже не на что, поскольку труп Гуттона стража унесла. — И на что я теперь буду жить?! — заламывала руки Жаволь. — Благо хоть детей не нажили, — после этих слов женщина глянула на Элвира Торна так, словно отсутствие детей повышало ее потенциальную ценность в глазах последнего. Неужто эта дурочка надеется, что второй человек в государстве возьмет ее на содержание, а то и сделает любовницей?! Похоже, что именно так, если судить по красноречивым взглядам, бросаемым ушедшей вдовушкой на светловолосое изваяние. Да, видно, бабенка высокого о себе мнения. Наконец предполагаемая жертва ее мещанского обаяния разомкнула холодные уста.

— Сударыня, — начал Торн, безупречно вежливо обращаясь к вдове Гуттона. — Вы видели вашего мужа после смерти?

— Как же! — женщина всплеснула руками. — Видела! Ну и рожа! Словно сто подземных демонов перед ним танцевали. Он, конечно, и при жизни красавцем не был. И куда только мои глаза смотрели? — неугомонная Жаволь снова отошла от темы. — Это все отец, он меня насильно замуж за этого хомьяка выдал. А я ведь всегда мечтала о настоящем мужчине! — мечтательно закатанные глаза, а затем еще один пылкий взгляд, адресованный Торну. Того же эти завлекающие маневры волновали не больше, чем проплывающие по ярко-синему небу облака. Он продолжал допрос.

— Скажите, госпожа Гуттон, показалось ли вам выражение лица покойного супруга необычным или вы уже видели его в подобном состоянии? Случались ли с ним внезапные приступы паники или страха? Снились ли ему кошмары? — Элвир сложил руки на груди, не отрывая при этом спокойного пристального взгляда от вдовицы, к нескрываемому удовольствию последней.

— Нет, ваша милость, чего не было, того не было... — в голосе Жаволи слышалось искреннее разочарование, что она не в силах помочь следствию. Словно, припомнив случаи припадков ужаса у мужа, она может порадовать предмет своих притязаний. Карст про себя в который раз с удивлением отметил, что простонародье отнюдь не шарахается от дайрийцев. Вот и эта смазливая мещанка не буравит Торна, одетого в форму дайрийских войск, взглядами, полными ненависти и презрения, а, напротив, как умеет, завлекает его в сети своего женского обаяния. То есть она видит в нем не поправшего свободу родной страны захватчика и не убийцу короля (хотя вряд ли она догадывается, кто именно перед ней), а только красивого и знатного мужчину.

— Вы говорите, что муж ваш не пренебрегал выпивкой? — меж тем продолжал расспросы Торн. — Когда он приходил домой пьяным, если такое случалось, как он себя вел?

— Если такое случилось?! Да ваша милость шутит! Такое случилось каждый вечер, а точнее, ночь! А насчет как вел себя... Да как ему, ваша милость, вести себя, забулдыге беспробудному? Приходил да засыпал, дрянь этакая! Порой даже одежду с себя стащить не удосужится. Ох, и храпел же он, окаянный... — Жаволь могла бы еще долго радовать следователей подробностями семейного быта семьи Гуттонов, если бы дайриец не прервал ее вежливо, но решительно.

— То есть ваш муж ни во время бодрствования, ни во сне не выказывал признаков внезапного страха? Таким образом, можно сделать вывод, что спиртное, по крайней мере, до вчерашнего дня не вызывало у покойного видений, припадков и истерик? Это так, госпожа Гуттон?

— Так, — вздохнула Жаволь, не скрывая сожаления, но не решаясь соврать перед важными господами, занятыми расследованием странной смерти ее никчемного муженька.

— Спасибо, сударыня. Вы нам очень помогли, — Торн слегка наклонил голову — так, что было непонятно, поклонился он или просто кивнул. Поскольку обескураженная полным провалом своих начинаний Жаволь не двигалась с места, он продолжил. — Мы выражаем вам искренние соболезнования от своего имени и от имени его величества и обещаем в самые короткие сроки разобраться с этим делом. Смерть вашего супруга не останется безнаказанной. Не смеем вас больше задерживать, госпожа Гуттон. Прощайте!

После подобного напутствия оставшаяся с носом вдовушка вынуждена была сделать неловкий книксен, шмыгнуть хорошеньким носиком и удалиться восвояси. Тот факт, что прекрасный кавалер даже не спросил, где она живет, видно, окончательно расстроил надежды бедняжки. Это значило, что он не пришлет к ней кого-нибудь из своих слуг с денежным пособием на проживание одинокой вдовы, и, что еще обиднее, не зайвится сам скоротать холодный скучный вечерок.

Карст остался наедине с Торном, который в глубокой задумчивости поглаживал пальцами подбородок, не обращая на коменданта ни малейшего внимания. Итон же, во время допроса молчавший, наконец решил высказать свои соображения, хоть его никто о них и не спрашивал.

— Я видел предыдущих жертв, у них был такой же безумный, застывший взгляд, как у этого бедняги. Нет сомнений... — закончить он не успел.

— Сомнения всегда есть, дэн Карст. Но в этом деле их больше обычного, надо признать. Пока я не вижу здесь ничего, кроме сомнений...

Глава 11

По дороге к залу Теоры, где должен был состояться королевский прием, Нармин уже не только любовалась красотами дворца, но и пыталась поймать свое отражение в зеркалах, стеклах, отполированных до блеска панелях. И вот наконец впереди показались распахнутые двери зала. Сердце Нармин забилось так, что, казалось, его глухое частое биение слышат все окружающие. Сейчас она увидит короля и его ближайшее окружение! И ей совсем неважно, кто все эти роскошно одетые, преисполненные ощущения собственного достоинства люди — эларцы или дайрийцы. Главное, что это тот самый загадочный «двор» или «свет», о котором до этого Нармин лишь немного читала и почти ничего не слышала. Конечно, владычица дала ей инструкции перед отъездом, но эти инструкции касались не того, с чем Нармин предстоит столкнуться, а лишь того, что ей надлежит делать. Кроме того, пресветлая Лавинтия сама никогда не была не то что при дворе, но даже в Вельтане, а потому мало что могла бы рассказать и посоветовать касательно придворной жизни.

Войдя в зал, Нармин растерялась от обилия света, блеска и людей. Девушка сразу начала выискивать глазами короля. Как его величество должен выглядеть, жрица понятия не имела, но в голове у нее сложился образ почтенного, сурового мужчины, чей облик исполнен достоинства и холодности, но в то же время не лишен некоей притягательности. Основываясь на своих смутных предположениях, она стала искать среди блестящего общества подходящего по описанию рыцаря. Нармин знала, что короны на голове монарха она не увидит, ибо церемония коронации должна состояться лишь через несколько недель. Поэтому рассчитывать приходилось только на собственную интуицию и слух. Возможно, кто-то обратится к королю или иным способом укажет на него. Обведя зал глазами, девушка остановила свой выбор на роскошно одетом, уже немолодом, но статном мужчине с благородным лицом, проседью в темных вьющихся волосах и аккуратной бородкой. Рядом с мужчиной стояла миниатюрная, очень красивая, хоть и не первой молодости, женщина. Женщина была разряжена так, что вполне могла сойти за королеву, но Нармин знала, что Валтор Малтэйр не женат. Нарядная прелестница обращалась то к предполагаемому королю, то к девушке, которая от нее усиленно отворачивалась. Нармин не видела лица девушки: поскольку та стояла спиной, видны были только роскошные темные волосы, безжалостно упрятанные под серебряную сетку, и черное платье очень простого и строгого покроя.

Чем дольше жрица смотрела на короля, тем больше убеждалась в правильности своего выбора. Тот был так представительен и исполнен достоинства, при этом с аристократического лица его не сходила небрежная и чуть усталая улыбка. Он ежесекундно раскланивался с кем-то из придворных, но чаще просто слегка кивал на их глубокие поклоны и реверансы. Хотя взор Нармин был обращен только на него одного, это не мешало ей видеть все, что происходит в непосредственной близости от избранного объекта. Именно поэтому она не могла не заметить молодого, высокого, стройного мужчину, только вошедшего в зал и сразу же решительно устремившегося к тому, кто, скорее всего, являлся некоронованным правителем этой страны. Это еще больше укрепило Нармин в ее догадках.

Вновь вошедший был одет довольно скромно, хотя и с большим вкусом, но явно уступал седовласому монарху. И тут Нармин смогла разглядеть его лицо. В первый момент оно показалось ей лицом не человека, а Странника с гравюр, что глядели на нее со страниц старинных книг в обители. Живые, настоящие мужчины просто не могут быть так непозволительно красивы. И ростом, и статью незнакомец удался, но это было не главным. Его лицо — вот что заворожило Нармин, и, похоже, не ее одну. Взгляды всех дам немедленно устремились на вошедшего аристократа, а в том, что перед ней аристократ самых чистейших кровей, сомневаться не приходилось. Черты были такими правильными, словно вышли из-под резца гениального скульптора. Темно-русые прямые волосы длиной до плеч отливали золотистым. Идеально очерченного рта касалась не улыбка, а скорее намек на нее. Зеленоватые глаза смотрели из-под темных бровей дерзко и насмешливо, но в то же время в них было что-то загадочное, как у истинного Странника.

При взгляде на это совершенство Нармин тут же позабыла и короля, и все остальное. Пространство сузилось для нее до квадрата паркета, куда ступила нога рыцаря из сказок, а время остановилось.

Меж тем незнакомец подошел к королю, небрежно поклонился ему и его разодетой спутнице, но уже через секунду зеленые глаза смотрели только на девушку в черном, за что Нармин сразу же прониклась к той неприязнью. И вот, он заговорил, и в зале почему-то мгновенно стало тихо.

— Я счастлив приветствовать вас, эн Линсар, — голос был чуть хриловат, но невыразимо приятен, и обращался он к "королю", опровергая тем самым догадки жрицы о личности монарха. — И вас, прекрасная эна Линсар, — поклон в сторону маленькой женщины. — И вас, энья¹ Лотэсса! — поклон более глубокий, чем два предыдущих, и неотрывный взгляд, устремленный на девушку, лицо которой по-прежнему оставалось невидимым. Та молчала, зато вместо нее медоточивым голоском ответила нарядная дама.

— Это мы счастливы, ваше величество!

¹Энья — обращение к незамужней женщине аристократического происхождения.

Глава 12

Ах, до чего же хорош король! И как же жаль, что ей, Мирталь, светит стать всего лишь его тещей. А вот эта негодница, для которой любящая мать добыла не только корону, но и самого красивого мужа в стране, отворачивается и всячески демонстрирует его величеству презрение и ненависть. Неблагодарная идиотка! Оро молчит и почтительно, грустно улыбается, придется ей говорить за всех. Однако как же Дайриец смотрит на Тэсс! Можно прямо умереть от зависти! Конечно, ей в жизни не на что жаловаться, но все-таки невыносимо, мучительно хочется быть на месте дочки!

Мирталь лихорадочно сочиняла фразу, долженствующую загладить демонстративно неприличное поведение Лотэссы, но Валтор уже отошел от них и направился к девице в зеленом, чересчур подчеркивающим фигуру платье. Эту броскую красотку Мирталь заприметила еще раньше по тому, как та пялилась на Оро. А теперь «зеленая» во все глазищи тарашится на короля. Да, милочка, Дайриец хорош, да только не про твою честь!

Эна Линсар напрягла слух и через минуту знала, что неприятная девица является ни много ни мало — жрицей Маритэ. Надо же! Во-первых, для чего их откопали? При Йеланде и его отце жрицы сидели себе тихо в горах и носу в столицу не казали. А во-вторых, ничего себе скромница! В этаким-то наряде! Так не веру в душах пробуждают, а

мужчин соблазняют. Уж не за тем ли ее сюда послали, чтобы нового короля к рукам прибрать? Нет уж, святоши обойдутся! Если кто и приберет к рукам его новоявленное величество, так это они — Линсары. Мирталь вперила в жрицу очень-очень недобрый взгляд. Помимо обычной для красивой женщины неприязни к другой красивой женщине, ею руководили и иные мотивы.

Может, она и не лучшая мать на свете и до ужаса зла на упрямицу Тэсс, но если Валтор посмеет изменить дочке с кем угодно, хотя бы с этой вертихвосткой, то она, Мирталь, своими руками задушит подлую тварь. Хотя король и не смотрит на нее. Точнее, смотрит, но словно мимо лица, сохраняя вежливое и равнодушное выражение. На Тэссе он смотрел совсем не так! А эта дуреха и не замечает ничего!

Эна Линсар перевела взгляд на дочь. Та стояла, по-прежнему потупившись, проводя пальцами по выпуклостям и углублениям барельефов из розоватого мрамора, который даже на вид казался теплым. Эта невыносимая дуручка все загубит! А как она оделась! Специально вышла из комнаты в последний момент, когда было уже поздно что-то менять. Она, видите ли, в трауре! Каждый раз при взгляде на черное платье дочери Мирталь чувствовала не только раздражение от того, что та не дала показать королю «товар лицом», но также легкие уколы совести. Траур дочери напоминал всем окружающим, что ей бы, как матери, недавно потерявшей сына, по-хорошему, тоже надлежало ходить в черном. Но как можно показаться на королевском приеме в вороньем цвете, который совсем ей не идет и ужасно старит?! А это красное, шитое золотом и жемчугом платье идеально подчеркивает все достоинства и отвлекает глаз от недостатков, которые, увы, уже имеют место быть.

Король меж тем уже отошел от бесстыжей жрицы и теперь беседовал по очереди с различными сановниками и придворными. Интересно, сколько из них его ненавидят и скольким, как и ей, безразлично, представитель какой династии сидит на троне. Мирталь хорошо относилась к Йеланду и тем паче к своему несостоявшемуся зятю — Нейри, но как глупо заканчивать свою жизнь после падения одного монарха и воцарения другого. Да, Валтор — захватчик и не имеет никаких прав на корону, но он не пытается скрывать тот факт, что завладел Эларом по праву сильного, не заставляет юристов и историков строчить подложные обоснования законности своей власти. Упертая Тэсса ненавидит Дайрийца из-за смерти брата, а она, Мирталь, ненавидит то, что во имя нелепых верности и благородства цвет рыцарства отправился умирать. Ибо сражение при Латне было просто избиением младенцев, этого не могли не понимать обе стороны, если уж понимает она — слабая женщина. Ее сын и сотни других сыновей, отцов, братьев и мужей бросили свои семьи и пошли умирать ради короля! Ради набора букв в фамилии монарха! Да ей плевать, кто будет на троне, если она, как прежде, сможет поутру, откидывая шелковое одеяло, облачаться в пеньюар, отделанный валэйнским кружевом, и знать, что служанки в любое время года к ее пробуждению будут приносить в спальню свежесрезанный букет пурпурных тюльпанов, обожаемых госпожой. Да, сын погиб нелепо и ужасно, и сердце ее всегда будет болеть о мальчишке, но это не повод расстаться со всем, что есть, и уехать назад в ненавистные горы.

Внимательно глядя в лица, Мирталь Линсар пыталась разгадать истинные мысли эларцев, оставшихся при дворе, скрытые за вежливыми улыбками. Не может быть, чтобы она одна среди всех была так прагматична и цинична. Конечно, много голов набито догмами о рыцарской чести, патриотизме и прочем, но ведь должны же быть и те, кому настоящая жизнь и благополучие важнее посмертного воспевания в балладах.

Прием подходил к концу, придворные один за одним покидали зал Теоры, значит, им тоже пора. Оро повернулся к дверям, на лице Тэссы читалась нескрываемое облегчение. В этот момент к ним подошел распорядитель и передал просьбу его величества задержаться ради приватной беседы. Мирталь была счастлива и светилась от сознания одержанной победы. Успех ее затеи не подлежал сомнению. Ибо кому, как не ей, знать, что значат мужские взгляды, подобные тем, что Дайриец бросал на Лотэссе. Не иначе как сейчас государь объявит официально о согласии на брак с их несносной, но изумительно красивой дочкой. Лицо мужа выражало спокойную покорность судьбе, а на Тэсс лучше было не смотреть, чтобы не расстраиваться.

И вот они остались наедине с королем. Его величество вновь подошел к семейству Линсаров и учтиво поклонился.

— Что ж, эн Линсар, после знакомства с вашей прекрасной дочерью я нахожу идею

нашего союза еще более разумной, чем раньше, — Валтор обращался ко всем, но смотрел только на Тэссу. Затем он, в лучших рыцарских традициях, преклонил перед девушкой колени и попытался завладеть ее ладонью, которую невыносимая девчонка тут же спрятала за спину. Король, казалось, даже не заметил бестактности своей избранницы, и дальше его речь была обращена исключительно к ней.

— Энья Линсар, в присутствии ваших родителей я имею честь предложить вам свою руку и сердце! — звучало это несколько высокопарно, но Мирталь полжизни бы отдала, чтобы король вот так стоял на коленях перед ней. Однако ошарашенная Лотэсса была на этот счет совсем другого мнения.

— Эн Малтэйр, — нахалка намеренно пренебрегла «Вашим Величеством». — Все несколько не так, как вы пытаетесь преподнести. Это мои родители в мое отсутствие предложили вам мою руку и сердце. Я даже не спрашиваю, так ли это, потому что точно знаю ответ.

Мирталь застыла, похолодела, боясь даже дышать. Девчонка погубит их всех! Король не станет терпеть подобной дерзости. Валтор же легко вскочил, ухмыльнулся, давая понять, что слова Лотэссы его не задели.

— Пусть так, энья Лотэсса. И что с того? Идея ваших родителей прилась мне по душе, и я благодарен им. Впрочем, увидев вас однажды, я бы сам пришел к точно такому же решению.

Эна Линсар выдохнула с облегчением. Обошлось! Теперь главное — не давать раскрыть рта этой бунтарке и занимать короля ничего не значащей болтовней. Уж это она сможет.

— Ах, ваше величество, Тэсс у нас ужасно принципиальна и терпеть не может, когда что-то решают за нее. Помнится, в детстве я пыталась запретить ей учиться играть на гитаре, потому что полагаю это умение не женским, а более достойным мужчины. Так вот, она назло мне научилась не только виртуозно играть, но еще и сочинять музыку и стихи для своих песен. Однако в итоге ее игра так всех восхищает, что мне теперь кажется, что девочкино упрямство оказалось на пользу. Однако, — Мирталь доверительно склонилась к уху будущего зятя, точнее заставила его склонить к ней голову, поскольку была значительно ниже короля. — В умелых и сильных мужских руках она станет нежной и покорной, я уверена. Материнское сердце редко ошибается.

Ага, изменится она, как же! Она сведет тебя с ума, красавчик! Но сейчас тебе об этом знать вовсе не обязательно. Женишься — потом сам с ней разбирайся.

Валтор пропустил последнюю часть откровений Мирталь мимо ушей, но неожиданно заинтересовался первой.

— Ваша матушка говорит, что вы играете на гитаре, энья Лотэсса, — взгляд Дайрица, обращенный на девушку, больше не был ни восторженным, ни почтительным. Теперь зеленовато-серые глаза казались холодными и насмешливыми. — К тому же произведения собственного сочинения... Я был бы счастлив послушать.

— Я не буду петь. Да и вам бы все равно не понравилось, уверяю вас, — Тэсс, как всегда, решила все испортить. — И, матушка, хватит дергать меня за подол, вы его оборвете, и этот прискорбный факт уронит в глазах короля престиж нашего семейства, о котором вы так печетесь.

Мирталь покраснела, пробормотав, что она хотела лишь оправить платье, и, оттянув дочь насколько это возможно в сторону, зло прошипела:

— Хватит вести себя как простолюдинка, исполненная ненависти ко всему миру! Ты споешь! Я настаиваю!

— Ах, вы настаиваете, — протянула Лотэсса. — Ну, тогда я действительно спою, и пеняйте на себя. У нашего нового короля найдется гитара? — Тэсс выделила голосом слово «новый», вложив в него все пренебрежение, на которое была способна.

Валтор не поленился самолично подать ей гитару с изящным, но насмешливым поклоном. Очевидно, он успел сходить за ней, пока Мирталь делала выволочку дочери.

Девушка начала перебирать струны, словно пробуя их, и через некоторое время нестройные звуки сложились в мотив — тревожный, исполненный горечи, но в то же время яркий и пронзительный. Мирталь действительно не нравилось, что дочь играет на гитаре, но песни ее — что грустные, что веселые — всегда брали за душу. И вот, в музыку вплелись слова, и Мирталь начала холодеть, постепенно понимая, что она наделала, заставив дочку петь перед королем. В текст песни Тэсс, видно, вложила всю свою злость и отчаяние. Во время исполнения Лотэсса неотрывно и дерзко смотрела в глаза королю, очевидно, чтобы у того не осталось сомнений относительно того, кому эта песня посвящена

Да, я не верю в вашу жалость и честь —
От победителей их не пристало ждать,
А вы придумали отличную месть,
Хоть в этом должное я вам могу воздать.

Я без боли не могу прожить и дня —
Проигравшая, заложница победы,
Вы зовете королевой меня,
Но для всех я — лишь разменная монета.

Мне до ужаса не нравится расклад,
Только партию нельзя начать сначала.
Вам — победу, ну а мне — лишь боль утрат:
Все поставила на кон и проиграла...

Закончив петь, Тэсс вложила гитару в руки Дайрийца, издевательски поклонилась и вышла из зала, не дожидаясь родителей и не удостоив их даже взглядом.

Бледная как смерть, Мирталь начала лепетать извинения, но король прервал ее, милостиво махнув рукой:

— Пустое, эна Линсар. Ваша дочь великолепно играет и поет не хуже. И голос, и музыка, и манера исполнения не могут не восхищать.

— Но слова... — впервые подал голос Оро. — Неужели после этого ваше величество все еще хочет жениться на моей дерзкой дочери?

— Хочу! — уверенно ответил Валтор. — И сейчас я хочу этого даже более, чем раньше.

Глава 13

Элвир Торн сидел в своем кабинете и крутил во все стороны листок бумаги, испещренный короткими записями и подобием схем. В центре листа были схематично нарисованы пять лиц, среди них одно — женское, на что указывали длинные волосы, одно в шлеме и несколько ничем не примечательных. Впрочем, взглядевшись еще раз в последнюю «мордочку», Элвир провел поверх рисунка дополнительный контур, делая его шире, и теперь лицо скорее напоминало хомяка, набившего щеки.

Художник из верховного протектора вышел, прямо-таки скажем, неважный. Ну да листок с картинками и записями нужен был ему отнюдь не для демонстрации способностей к изобразительному искусству. Торн бился над задачей, которую подкинул ему чужой и чуждый для него город, куда его величество намерен перенести столицу объединенного государства. Вельгана упала в руки завоевателей, как спелый плод, зато после решила показать зубы. С детства Элвир усвоил простую истину: чем дешевле что-то нам дается, тем дороже оно обходится в конечном итоге. Так вышло и на этот раз. Преуменьшить значение серии загадочных смертей было очень соблазнительно, но это никак не помогло бы решению проблемы.

От размышлений о природе и мотивах непонятных убийств Торна отвлек паж, склонившийся в почтительном поклоне и оставивший на столе серебряный поднос с письмом. Письмо было написано на дорогой розовой бумаге, отгиск герба на сургуче, которым послание было запечатано, ничего не говорил протектору. Обратив внимание на этот факт, Торн дал себе слово в ближайшее время всерьез заняться геральдикой местной аристократии. Да, об Эларе еще многое предстоит узнать. Теперь это не чужое, враждебное государство, а свое, которое стоит знать и о котором нужно заботиться.

Элвир поднес письмо к лицу, и его обдало волной сильного аромата каких-то то ли духов, то ли благовоний. Запах был скорее приятный, но Торну стало тошно. Его тошнило от эларских придворных дам, от их беспринципности и прагматичности. Они готовы дарить

себя любому мужчине, обладающему богатством, титулами и мало-мальски сносной внешностью. Сколько таких писем он уже получал? Сначала он читал их и удивлялся, а потом жег, не читая. Та же участь постигла и розовое послание, которое не могло быть ничем иным, как очередной пошлой любовной запиской. Огонь свечи сначала как будто задумался и, осторожно прикасаясь к плотной бумаге, не жег ее, а словно обтекал, оставляя невредимой. Пламя, казалось, давало Элвиру последний шанс одуматься, выхватить заветное письмо и прочесть. Но, убедившись, что глупый человек действительно вознамерился уничтожить такую красивую бумагу, огонек сначала робко, а потом все более откровенно и ненасытно принялся пожирать излишня сердца какой-нибудь баронессы, графини или даже маркизы.

Ну и демоны с ней и с ними всеми! Разве это женщины? Это стая гиен, готовая предать не только своих мужей, ежели таковые имеются, но и свою страну. Торн, будучи завоевателем, был готов к ненависти, но не к лизоблюдству. Хотя, возможно, одно не исключает другого. Все эти высокородные дамы и девицы, бросающие на него томные взгляды и строчащие письма, готовы продать себя. Вопрос только в том, чтобы продать подороже. Если уж жертвовать всем, что свято, то ради короля или, как минимум, верховного протектора. А ведь каждая стерва, сочиняющая любовные послания, точно знает, что именно он — Элвир Торн — убил их драгоценного короля и его брата. Но их это не останавливает! Как же они отвратительны!

Элвир бросил догорающие останки непрочитанного письма на серебряный поднос, дабы бумажная агония не стала причиной ожогов на руках, и глубоко вздохнул. Ну почему именно в такие моменты он всегда вспоминает другую женщину, точнее, девушку. Тоже эларку, но отличающуюся от своих придворных сестер, как вода горного озера — от затхлой жидкости нечищеного аквариума.

Это было уже после битвы при Латне. Торн с небольшим отрядом осматривал окрестности на предмет поселений, где можно было бы разжиться провизией. Валтор крайне не любил таскать за собой обозы, что делало армию более мобильной, но в то же время создавало определенные трудности, связанные с обеспечением. Деревень поблизости не было, зато через какое-то время вдалеке показался замок. Штурмовать его не хотелось, да и укрепления не вызвали особого энтузиазма, однако Элвир решил как минимум предпринять разведку.

Чем ближе они подъезжали к замку, тем проще казалось протектору исполнение задуманного. Защитников на крепостных стенах не было, да и неприступным вблизи строение не казалось. Ров вокруг стен пересох, и явно не вчера. Что ж, это облегчало задачу штурмующих. Мост им, конечно, не спустили и ворота не открыли, зато не надо было переплывать ров под стрелами лучников. Благополучно переправившись, воины Торна занялись воротами, благо никто не пытался защищать подступы к стенам. Ворота, как и весь замок, переживали не лучшие свои времена, а потому пали быстро, не доставив особых хлопот.

А вот во дворе их ждали. Не так уж много людей против вооруженного отряда, но все-таки. Стало ясно, почему защитники не пытались обстреливать их со стен: лучников среди них не было. Только плохо вооруженные простолюдины, очевидно, слуги и крестьяне. Лишь у некоторых были мечи, да и те, должно быть, являлись ровесниками замка. Сражение во дворе не заняло много времени. Элвир, как всегда, взял на себя наибольшее количество противников. Хотя убивать их было не то что жалко, а как-то неприятно. Много ли чести растоптать муравьев, защищающих свой муравейник? Расчистив себе путь, Торн направился к замку, попутно осматриваясь и приходя к неутешительному выводу, что поживиться тут нечем.

Двери были распахнуты, а изнутри доносился какой-то шум. Очевидно, хозяйка замка, выгнав чернь во двор, сами заняли последние посты обороны. Пройдя по коридору, от грубо отесанных каменных стен которого только что не отваливались куски плесени, протектор оказался в широком зале с низко нависающими сводами и узкими щелками, предназначенными исполнять роль окон. Было так темно, что он не сразу разглядел, что происходит. Приглядевшись же, обнаружил, что несколько его воинов окружили кого-то, а Одноглазый Фрон лежит на полу и, похоже, мертв. Из груди у него торчала стрела. Значит, лучники все же здесь есть. Со стен не стреляли, очевидно, из соображений экономии стрел.

Подойдя ближе и пробившись сквозь ряды своих солдат, Элвир увидел нечто удивительное. Он считал себя довольно бесстрастным человеком, но подобное зрелище не может оставить равнодушным. Молоденькая девушка, почти девочка, стояла, окруженная солдатами, прижавшись к стене и держа на изготовке лук, который явно был ей не по размеру. Скорее всего, отцовский или брата. Пряди растрепанных светлых волос липли ко лбу, а в прищуренных зеленых глазах плескалось столько ненависти, что ей можно было бы заполнить пересохший ров. Девушка напоминала загнанного в угол зверька, которому нечего терять, и потому смертельно опасного. Опытным глазом Торн оценил, что стрел у нее немного, но судя по той, что досталась Фрону, в цель попадут все. А это значит, что он недосчитается нескольких воинов.

Но не в этом суть! Убить девчонку не сложно, но он не воюет с женщинами и детьми.

— Опusti лук, крысенок! И мы тебя не тронем, обещаю, — отчеканил Торн, мигом перекрывая гомон и ругань солдатни.

— Иди к демонам, мразь! — сквозь зубы процедила девчонка, сразу после его слов определившись с мишенью. Как неуместно выглядели в этот момент несколько трогательных светлых веснушек на ее тонком носу, усыпанном бисеринками пота.

В том, что она выстрелит, сомнений не было, в нем слишком легко распознать командира. Что ж, девочку можно понять, она защищает свой дом и свою страну, которую они пришли захватить. Но протектор слишком часто заглядывал в глаза смерти, а потому научился с ней договариваться. За секунду до того, как девушка отпустила стрелу, Элвир неуловимым движением извлек и метнул нож...

Просвистев во внезапно накрывшей зал тишине, нож разрезал тетиву у нижнего конца лука и упал на пол вместе с так и не выпущенной стрелой. После этого отчаянная защитница замка повела себя как обычная девушка. Без сил опустилась на пол и разрыдалась, прижимая к груди останки лука. Ревущую девчонку сломанное оружие, похоже, волновало больше, чем десяток вооруженных мужчин, которые ее окружали.

Торн оглядел своих людей. Почти на всех лицах читалась растерянность и... сочувствие. И если до этого в девушке видели врага, то теперь перед ними сидел несчастный ребенок, такой же, как оставленные дома дочери и сестры. Война — она и есть война.

— Как тебя зовут, крысенок? — обратился к юной лучнице Торн, но та не удостоила его ответом.

— Мы уходим, — отдал приказ солдатам протектор. — Здесь все равно ничего нет, а поросшие мхом стены да злобные девицы нам без надобности, — Торн не смотрел в сторону девушки, но слова предназначались ей не в меньшей степени, чем воинам.

Выйдя во двор, он велел отыскать лучника Дагона. Меж тем его люди, бывшие в курсе приказа, да и сами осознавшие бессмысленность грабежа, опустили подъемный мост, избавляя себя от необходимости вторично перебираться через пересохший ров. Пронаблюдав за отходом отряда, Элвир вернулся в замок. Девчонка уже не плакала, а молча сидела, уставившись в дальнюю стену и по-прежнему прижимая сломанный лук к груди.

Торн подошел к ней и положил рядом другой лук — дайрийский, но превосходящий сломанный, как фарфоровая кукла превосходит деревянную чурку. Девушка, прекратив созерцать стену, глянула сначала на лук, затем на Торна. На этот раз во взгляде была не ненависть и не безразличие отчаяния, а неподдельное изумление. Очевидно, она ожидала, что командир отряда вернулся, чтобы «добить» ее, и, видимо, относилась к этому факту совершенно равнодушно. То же, что он сделал вместо этого, привело хозяйку замка в замешательство.

— Возьми, крысенок. Тебе он может еще понадобится, если решишь остаться в замке. Но это будет глупое решение, которое может стоить тебе жизни и чести. У тебя есть какая-нибудь родня?

— Тебе-то что? — сквозь зубы процедила девушка, вновь буравя его исподлобья злым зеленым взглядом. — всю мою родню вы перебили при Латне, а слуг — сейчас.

— И больше никого нет? — Элвир понимал, что говорить не о чем и надо уходить, но почему-то этого мучительно не хотелось.

— Есть тетка в Вельтане, — нехотя ответила девчонка.

— Пойдем с нами. Мы направляемся как раз туда, — невесело усмехнулся протектор, он и сам понимал, как это должно было для нее звучать.

— Предлагаете добраться до столицы с армией захватчиков?! — девушка прямо-таки опешила от возмущения. — Благодарю покорно! Лучше убейте!

— Хотел бы, уже бы убил, — огрызнулся в ответ Торн.

Дальше ждать было нечего. Он направился к выходу, и уже у самых дверей остановился, обернулся и спросил.

— Как же тебя все-таки зовут? — он сам не понимал, почему ему так важно ее имя. Словно оно было ниточкой, которая может их связать, и залогом новой встречи, которая непонятно за какими демонами нужна ему. Не дождавшись ответа, Элвир вышел и уже в коридоре услышал:

— Альва.

Глава 14

Вернувшись со злополучного королевского приема, Лотэсса закрылась в комнате брата и не покидала ее вот уже два дня. Разговаривать с родителями она отказывалась даже через дверь. Маменькины визги, стоны, упреки и мольбы она просто игнорировала. Не обращать внимания на слова отца было сложнее. И все-таки девушка упрямо молчала. Стоит дать слабину и вступить в разговор с Оро, он вновь примется логично и разумно доказывать ей необходимость заключения этого проклятого брака. И, вполне возможно, вновь сможет убедить дочь в том, что стать королевой благородно, необходимо и правильно. Но Тэсс трясло от одной мысли об этом!

Быть может, родители, особенно мать, полагали, что, увидев короля, она изменит свое решение и отнесется к идее стать его женой более благосклонно. Неужели они думают, что можно продать честь, совесть и память брата только оттого, что ненавистный жених молод и хорош собой?! Да пусть убирается к демонам со своими зелеными холодными глазами! Такого цвета было озеро Имрэ в пасмурные дни, когда она смотрела на него из окна своего замка в Норте.

Даже если отец прав и она может принести пользу стране, пожертвовав собой, это слишком невыносимо и... низко! Увидев короля, девушка решила, что, возможно, и смогла бы убить его, вонзив кинжал в сердце, но шпионить за ним, предавая каждый день, чтобы однажды ночью открыть двери супружеской спальни для его убийц — это слишком подло и грязно. Она не сможет так жить! Даже ради самой великой цели нельзя пятнать свою честь. Оро сам ее так воспитал, и теперь поздно что-то менять.

Тэсса сидела в кресле, мысли ее витали где-то далеко, а глаза привычно скользили по узорам, знакомым с детства. Как часто, болтая с братом, она разглядывала причудливое сплетение золотых нитей на зеленом фоне, представляя их по настроению то цветами лилий, то бабочками со сложенными крыльями, то танцовщицами в развивающихся одеждах. Да и вообще в комнате Эдана она проводила больше времени, чем в собственной. Брат был старше Тэсс на три года и из детской его переселили в собственную комнату, когда Лотэсса была еще совсем малышкой. И, конечно же, «взрослая» комната брата привлекала девочку куда больше бело-розовой обители кружев, цветов и кукол, которую создала для нее Мирталь. Еще бы! У брата было столько интересных вещей — камин, кресла, казавшиеся маленькой Тэссе огромными, и, главное, письменный стол, заваленный разными интересными и таинственными вещами.

Эдан, как бы ему порой ни хотелось, не мог выставить маленькую сестренку из своей комнаты. С самого раннего детства она присутствовала при его встречах с друзьями, стараясь стать беззвучной тенью, чтобы привлекать как можно меньше внимания. Правда, лет с двенадцати она уже не могла и не хотела сливаться с мебелью, Тэсс необходимо было участвовать в беседах и забавах молодых людей, собиравшихся у брата. Надо сказать, что особо ей в этом не препятствовали. Эдан обожал сестру и готов был позволить ей все, что могло ее порадовать, а его друзья тоже не видели повода избегать общества умненькой, бойкой и веселой девочки, обещавшей, тем более, со временем вырасти в совершенную красавицу.

Тэсса вспомнила Рейлора Таскилла — лучшего друга Эдана, который чаще других молодых людей гостил в доме Линсаров. А ведь она, пожалуй, была даже немного влюблена в него. Он был героем ее детских грез, ибо его, как и брата, Тэсс считала первыми рыцарями королевства. Да они, без сомнения, и стали бы таковыми, если бы не погибли при Латне, как и большинство тех, чей беззаботный и юный смех звучал в стенах этой комнаты. А теперь остался только Лан — младший братишка Рейлора. Последний раз Лотэсса видела его накануне смерти короля, когда Лан передал ей кольцо с рубином — прощальный дар Йеланда.

Лан... Воспоминания о младшем Таскилле заставили мозг лихорадочно работать, оформляя неясные мысли и идеи в более-менее приемлемый план. Имеет ли она право вовлекать во все это Лана? Он ведь еще практически ребенок... Но, с другой стороны, он — последний мужчина из рода Таскиллов, то есть формально первый рыцарь королевства, не считая ее собственного отца. Парня нельзя оставлять игрушкой в руках Дайрийца. Здесь, в Вельтане, юного Таскилла или убьют, или сломают и привлекут к присяге и службе новому королю. В конце концов, выбор останется за ним, но она, Лотэсса Линсар, должна хотя бы попытаться и показать Лану другой путь. Они могут

помочь друг другу! Они — единственные уцелевшие потомки достойнейших родов Элара, и кроме друг друга у них никого не осталось! Отец говорил о заговоре, о том, что есть недовольные, которые будут выжидать удобного момента, чтобы свергнуть власть Малтэйра. Надо полагать, он имел в виду свое поколение. Что ж... пусть выжидают и осторожничают, пусть не чураются подлости, предательства, ложных клятв и других грязных методов. У нее другой путь, и если Лан поймет и согласится, они пойдут по этому пути вместе.

Когда Тэсс приняла решение, ей захотелось немедленно вскочить и действовать. Но не стоит привлекать лишнего внимания, надо быть спокойнее и умнее. Девушка, с трудом удерживая нетерпение, дождалась, когда в ее комнату (точнее, в комнату Эдана) опять постучали. На этот раз, к счастью, за дверью был Оро.

— Отец, — Лотэсса впервые за два дня подала голос, двери, однако, не открывая. — Я готова выйти, поест, поговорить с вами и исполнить — в пределах разумного — то, чего вы от меня потребуете, но при одном условии...

По радости и облегчению, прозвучавшим в голосе герцога, было понятно, что он бы сейчас согласился и на дюжину условий, только бы восстановить отношения с дочерью и прервать ее добровольное затворничество.

— Я хочу, чтобы вы пригласили к нам в дом Лана Таскилла. Моя просьба может показаться вам взбалмошной и странной, но я не желаю принимать решение, не посоветовавшись с последним представителем рода, на который, как и на наш, возложена забота об Эларе, — Тэсса понимала, насколько пафосно звучат ее слова, но сейчас это как раз то, что нужно, чтобы заморочить отцу голову. — Ильдов больше нет, мнение Линсаров, а именно ваше с матушкой, мне известно. Но Таскиллы не уступают нам по положению, и потому Лан имеет право принимать решения относительно того, что будет твориться в стране, основанной его предками.

— Но, дочь, ему же только четырнадцать лет! И потом, твой брак касается только тебя и нас, как твоих родителей. При чем здесь Таскиллы?! — Оро был исполнен недоумения.

— При том, что я хочу поговорить хоть с кем-то, кто близок мне по годам и понятиям! — отрезала девушка. — С тем, кто не умудрен годами и не обременен богатым жизненным опытом, подсказывающим разумные, но бесчестные решения. Я знаю твое мнение и полагаю, что оно совпадает с мнением твоих единомышленников, но я хочу поговорить хоть с кем-нибудь, кто думает так, как я! У меня больше нет брата, но возможно, младший брат лучшего друга Эдана сможет понять его младшую сестру. Пойми, отец, я все время одна, среди до смерти напуганных взрослых, мне нужно, мне просто необходимо поговорить обо всем этом с человеком моего возраста!

— Все это так странно и запутанно, дитя мое, — грустно промолвил Оро из-за двери. — Хорошо, я пошлю человека к Таскиллам. Надеюсь все же, что тебе нужно просто поговорить с этим мальчиком и что его слова не станут главной причиной твоего выбора.

— Я не знаю, папа, — она впервые обратилась к отцу ласково, как прежде. — Я ничего не могу обещать. Просто я вдруг поняла, что мне очень важно узнать мнение Лана, потому что у меня, кроме него, никого не осталось. Но клянусь, что после разговора с ним я перестану сидеть взаперти.

Лотэсса с облегчением услышала удаляющиеся по галерее шаги отца и подумала, что она почти не врала ему. Действительно, все будет зависеть от того, какое решение примет Лан Таскилл.

Глава 15

Приглашение от Линсаров застало Лана за тренировкой. После смерти Рейлора наследник Таскиллов увеличил продолжительность тренировок вдвое. Теперь он практически по полдня проводил во внутреннем дворе, не выпуская меча из рук. Во-первых, тренировочные битвы помогали забыться. Когда наносишь и парируешь удары, при всем желании невозможно думать о чем-нибудь, кроме противника и его оружия. Помимо этого Лан, несмотря на свои неполные пятнадцать лет, ощущал груз ответственности. Он — не просто последний Таскилл, он — единственный мужчина в семье. Отца Лан почти не помнил, а брата лишился полтора месяца назад, теперь у матери никого, кроме него, не осталось. Ну и последняя причина заключалась в том, что юноша мечтал рано или поздно скрестить меч если не с самим Дайрийцем, то с кем-нибудь из его своры, дабы ощутить сладость мести... Мести за брата, за короля, за страну. Но пока о своих планах не стоит кричать на каждом перекрестке. Ничего, кроме опалы, высылки из столицы или еще чего похуже это не принесет. Глупо раскрывать свои карты перед врагом раньше времени. Поэтому до поры Лан с молчаливого, но явного одобрения матери предпочел затаиться и ежедневно махать мечом до тех пор, пока не валился от усталости. Вечера же и отчасти ночи он проводил за книгами по истории и военной науке. Таким образом, каждый день Лана Таскилла был исполнен смысла и не оставлял ни минуты на бесплодные сожаления о прежних временах и ушедших людях.

В самый разгар поединка с наставником Ансом Брилором, который был соратником отца и учил держать меч еще Рейлора, Лан услышал донесшийся с галереи голос матери. Эна Алдора никогда не говорила нарочито громко, но почему-то ее голос мог перекрыть любой шум и мгновенно создать тишину. Так и сейчас, услышав слова хозяйки замка, и Брилор, и Лан, как по команде, опустили мечи и воззрились наверх.

— Лан, сын мой, — голос Алдоры Таскилл звучал торжественно и властно, даже если она предлагала стакан воды, не говоря уж о более неординарных событиях. — К нам прибыл гонец от Линсаров. Энья Лотэсса просит вас посетить ее. Что передать посланнику?

Мать, несмотря на всю свою властность, никогда не принимала решения за мужчин в семье. Если спрашивали ее мнения, она давала советы, зачастую очень дельные, но никогда не указывала мужу или сыновьям, что и как они должны делать. Вот и сейчас она просто сообщила о приглашении Линсаров, оставляя решение за сыном.

После слова «Лотэсса» сердце юноши два раза гулко стукнуло и попыталось провалиться куда-то вниз, беззастенчиво норовя покинуть грудную клетку, где ему надлежало пребывать. Если бы приглашение было просто «от Линсаров», Лан бы все равно поехал, отдавая долг вежливости и немного любопытству. Но его зовет не кто-нибудь, а сама энья Лотэсса, о красоте и прочих достоинствах которой уже несколько лет слагали стихи и песни, а потому юный Таскилл с трудом сдержался, чтобы не бросится бегом к гонцу, дабы самолично заверить его, что прибудет к его господам с визитом в самое ближайшее время.

Однако положение и взгляд матери требовали сохранять достоинство. А потому Лан спокойно бросил меч на песок, утер рукавом пот, выступивший на лице, и попросил передать гонцу, что приедет, как только сможет.

Три четверти часа хватило юноше, чтобы привести себя в порядок, вскочить на своего темно-серого любимца Глорма и отправиться в замок Линсаров. Любопытно, что по дороге Лана совсем не занимал повод, по которому энья Лотэсса пригласила его. Гораздо больше волновало Таскилла, как себя с ней держать и что говорить.

Какое-то время Лан считал Тэссу почти невестой брата. Официальная помолвка не была оглашена, но об этом поговаривали не только в обеих семьях и даже не только в аристократических кругах Элара, а практически по всей Вельтане. Как-то Рейлор и Эдан в обнимку завалились в Таскиллон¹ после очередной пирушки и, смеясь, поведали, что слышали в какой-то таверне, как простонародье обсуждало будущий союз Таскиллов и Линсаров — союз самой красивой пары страны. Союз, которому не суждено было состояться. Лан знал, что Рейлор безумно влюблен в Тэссу. И это обстоятельство никого не удивляло, потому что в нее были влюблены почти все мужчины Вельтаны, хотя круг поклонников Лотэссы Линсар не ограничивался столичными щеголями и даже

эларцами. Было известно, что несколько иностранных принцев и даже государей через своих послов предлагали самой красивой и знатной девушке Элара руку и сердце.

Лан ужасно гордился, что всем им «прекрасная Тэсса» предпочла его брата. По крайней мере, все были в этом уверены, пока король не попросил ее руки... для своего брата. Таскиллы не уступали по знатности никому в королевстве, кроме Ильдов. Кто знает, какое решение принял бы герцог Линсар, если бы был истинным главой своей семьи. Но, как известно всем и каждому, у Линсаров главная эна Мирталь, и уж она-то, не задумываясь, уцепилась за шанс породниться с королевской фамилией. Лотэсса показала себя послушной дочерью, хотя Лану казалось, что девушка равнодушна к его брату. Но в таких делах, как правило, мнения невесты не спрашивают. А потому младший Таскилл не винил девушку за «измену» старшему. Хотя от известия о помолвке Нейри Ильда и Лотэссы Линсар ему стало так больно, словно предали не Рейлора, а его самого! Лан уже видел Тэссу женой брата, членом своей семьи. Он мечтал, как будет вести с ней душевные беседы — в саду долгими летними сумерками или у огня зимой. Юноше хотелось стать ее лучшим другом, братом, раз нет возможности стать кем-то большим.

После вторжения дайрийских войск и битвы при Латне разочарование и боль, принесенные несбывшимися мечтами, стали далекими и незначительными. Нет больше ни Рейлора, ни Нейри, ни самого короля, зачем-то передавшего Лотэссе перед смертью свое кольцо с рубином, которое, на памяти Лана, он ни разу не снимал. Когда энья Линсар лишилась за короткое время обоих женихов, удачливого и несостоявшегося, отношение Лана к ней постепенно стало меняться, как юноша ни пытался бороться с этим. Оставшись один, он быстро привык видеть в себе единственную опору и надежду матери, но где-то подспудно в голове засела мысль, что именно ему, последнему Таскиллу, надлежит также защищать и девушку, оставшуюся без жениха и брата. Он, Лан, должен стать ее рыцарем, естественно, ничего не требуя и не ожидая взамен. Конечно, у Лотэссы был отец, но Лану казалось, что этого недостаточно. Юноша ничего никому не сказал о своем решении, да и не видел Тэссу после того случая с кольцом, но каждый раз, когда ему удавалось выйти победителем из поединка с наставником, он мысленно посвящал свою победу самой прекрасной девушке на свете — Лотэссе Линсар.

¹Таскиллон — фамильная резиденция семьи Таскиллов в столице. Замок расположен по левую сторону от королевского дворца.

Глава 16

Нармин сидела в своей комнате на кровати, обхватив колени руками. Неужели несколько дней назад ее приводили в восторг и сама комната, и вид за окном, и все, что ее окружало и происходило с ней? Теперь от детского восторга не осталось и следа. Весну в душе сменила осень, по крайней мере, юной жрице так казалось. Все случилось слишком быстро. За несколько недель пережить возвышение, увидеть столицу, почувствовать вкус придворной жизни, осознать свою красоту и власть, которую она дает... Но все это ничто в сравнении с первой любовью! Любовью, о которой Нармин и думать не могла, которой не ждала и не хотела.

Полюбить короля — это безумие! Именно безумие, иначе назвать бурный поток захлестнувших ее противоречивых чувств Нармин бы не смогла. Бессонной ночью после королевского приема, мечась в постели, девушка захлебывалась от счастья и чувства вины, попеременно моля свою богиню то о прощении, то о том, чтобы та даровала несчастной заблудшей слуге любовь прекраснейшего из мужчин.

Жрицы Маритэ не давали обетов целомудрия, однако на деле тем, кто хотел чего-то добиться на поприще религиозного служения, приходилось его соблюдать, по крайней мере, внешне. Сама идея семьи, которой обычная женщина должна была полностью себя посвящать, для служительниц богини была неприемлема, потому как все их силы и время — достояние Маритэ. Жрица — это не работа, это призвание и дело всей жизни. Дело, которому честолюбивые и упорные отдавали себя добровольно и без остатка, а ленивые и равнодушные — по меньшей мере соблюдая необходимые обряды и создавая видимость добросовестного служения. Впрочем, любая жрица в любой момент могла отказаться от избранной стези. Только вот у большинства женщин, попадавших в храм, как правило, в юном возрасте, не было иных путей и места в мире, которое они могли бы занять. Хотя бывали случаи, что служительницы богини все-таки оставляли обитель и выходили замуж. Такое случалось довольно редко хотя бы потому, что мужчины — потенциальные мужья — нечасто посещали Храм, а жрицы выбирались за его пределы и того реже.

Конечно, любая жрица, от последней послушницы до владычицы, теоретически могла завести себе любовника. Но при этом, опять же, вставал вопрос отсутствия мужского контингента в Храме, где представители сильного пола исполняли лишь служебные роли либо изредка появлялись в качестве визитеров, чаще всего — отцов или братьев будущих воспитанниц. Кроме того, статус любовницы, пятнающий репутацию любой женщины, на жрицу богини ложился еще более тяжким пятном позора, ибо служащие Маритэ должны подражать ее чистоте и святости!

Таким образом, жрица, не соблюдающая целомудрия — по крайней мере, не умеющая должным образом скрывать этого — либо переставала быть жрицей, либо лишалась надежды серьезно продвинуться в храмовой иерархии.

Совсем недавно голову Нармин кружили честолюбивые планы. Девушке, ставшей за столь короткий срок сначала старшей жрицей, а затем представительницей Храма при особе нового короля в Вельтане, сложно было не представлять себя в мечтах преемницей владычицы Лавинтии. Но стоило ей увидеть короля, как все изменилось. Власть, не выдержав соперничества с любовью, стала казаться далекой, бесполезной и ненужной. В то же время страстное желание быть с любимым заполонило все сознание девушки. Быть рядом в каком угодно качестве! Любовницей — так любовницей! Пусть она провалит миссию, лишится сана старшей жрицы, а то и вовсе будет изгнана из рядов служительниц Маритэ. Пусть! Она согласна на это за один долгий взгляд зеленых глаз, за одну ласковую улыбку.

Да и зачем ей быть жрицей? Она недостойна, слабое девичье сердце доказало это. Нармин не гордилась своей слабостью и предательством по отношению к богине, но она осознавала, что, совершив их, не может и не должна дальше обманывать владычицу, богиню и, главное, себя.

Ее место рядом с ее королем! Неважно, что он никогда не сможет жениться на девушке из обнищавшего дворянского рода, чьи титульные грамоты были утеряны несколько поколений назад, если вообще когда-нибудь существовали. Нармин осознавала, какая пропасть лежит между ней и Валтором Дайрийским. И неважно, что несколько дней

назад она мнила себя ужасно важной персоной. Теперь это просто смешно! Кто такая старшая жрица всеми позабытой богини, даже посланная в столицу на коронацию в качестве полномочной представительницы Храма? Кто она в сравнении с блистательным монархом, под властью которого теперь находятся целых два государства?!

Единственное, на что смела надеяться девушка — любовь короля. Слово «любовница» ей претило, поэтому она мысленно называла себя «возлюбленной» Валтора, отдавая себе, впрочем, отчет в том, что более благопристойное название не меняет сути вещей. И так, она бы пошла и на разрыв с Храмом, и на унижительное положение пассии монарха, если бы не два препятствия, постоянные размышления о которых мучили Нармин тоскливой безнадежностью.

Первая трудность заключалась в том, что Валтор ее не любил, то есть не просто не любил, что было неудивительно, ибо они виделись всего один раз, но и не проявлял к ней ни малейшего интереса. Но это было как раз поправимо. Стоило бы королю почаще с ней видеться и получше узнать, и тогда... В крайнем случае, Нармин пошла бы на то, чтобы рассказать Валтору о своих чувствах. После этого, по мнению юной жрицы, любой мужчина стал бы ее мужчиной, будь его сердце свободно. Но в этом-то и крылась вторая сложность, куда более роковая и непреодолимая. Сердце короля было занято! Занято этой надменной статуей в черном!

Нармин довольно быстро узнала, что бледная темноволосая красавица, которой Валтор уделил столько внимания во время приема, не кто иная, как Лотэсса Линсар — самая знатная девушка королевства. И, помимо этого, она невеста короля! То есть, конечно, вслух об этом пока не говорят, но, кажется, сия новость известна не только узкому кругу особо приближенных придворных, но и последней судомойке во дворце!

Будь Лотэсса только красивой или только знатной, еще была бы надежда. Безродную красавицу Валтор мог бы сделать любовницей (по отношению к сопернице это слово вполне допустимо), а потом, наскучив ею, бросить. Аристократическое же происхождение без красоты позволило бы ненавистной Линсарше стать королевой и матерью наследников, зато лишило бы шанса на любовь мужа, которому пришлось бы искать развлечения и утешения в объятиях других женщин. Но нет же! Лотэсса Линсар была не только первой аристократкой Элара, но и непозволительно и безнадежно прекрасной, что повергало Нармин в отчаяние.

За этими грустными размышлениями и застал девушку визит одного из придворных, конкретной должности которого Нармин не помнила. Стук в дверь и церемонные раскланивания вызвали безумное раздражение. Неужели она не имеет права побыть одна в своих собственных апартаментах?! Как же сложно быть вежливой и выдавливать из себя улыбки, когда хочется умереть.

Нармин не слушала, что говорит пришедший, хоть и понимала, что ее уединение могли нарушить, лишь имея на то довольно серьезную причину. Но она просто не могла сосредоточиться на словах, которые скользили мимо сознания, словно вода, стекающая по стеклянной поверхности. Нармин при всем желании не могла заставить себя заострить внимание на теме разговора. Однако два слова мгновенно вывели ее из оцепенения. Среди потока гладкой придворной речи жрица уловила «его величество» и после этого обратилась во внимание.

— Так чего его величество желает от меня? — эти слова вызвали на лице придворного легкое удивление, очевидно, потому, что он уже подробно изложил суть дела и был уверен, что Нармин все поняла. Однако профессиональная выучка взяла верх над всеми остальными эмоциями, и посланец короля вновь повторил для девушки то, что сказал ранее.

— Его величество назначил вам аудиенцию, дабы обсудить дальнейшие взаимоотношения со служительницами культа Маритэ, — «культ Маритэ» придворный произнес подчеркнуто почтительным тоном, в котором между тем явственно сквозил снисходительный сарказм. Тон его и выражение лица означали примерно следующее: «При всем уважении лично к вам я не понимаю, как можно всерьез верить в каких-то старых богов... Конечно, каждый сходит с ума на свой манер, но уж я-то достаточно просвещен, чтобы не относиться серьезно к подобным глупостям».

Впрочем, отношение внезапного посетителя к Маритэ волновало сейчас Нармин в

последнюю очередь. Ее и сама-то Маритэ мало занимала в данный момент. Король хочет видеть ее! Девушка готова была расцеловать чопорного придворного за неожиданные добрые вести. За несколько мгновений она словно воскресла — глаза засияли, щеки покрыл лихорадочный румянец, оттеняющий бледность, которая сменила в последние дни прежде здоровый и приятный цвет лица юной жрицы.

Как только за посетителем захлопнулась дверь, Нармин немедленно бросилась к зеркалу, которое упорно игнорировала последнее время. Да, зря она себя так запустила! Бледная, как смерть, волосы в беспорядке и кажутся тусклыми, платье мягкое. Девушка принялась в срочном порядке устранять недостатки своего внешнего вида, насколько это было возможно за такой короткий срок. Где-то через три четверти часа, вновь обратившись к зеркалу, Нармин осталась более-менее удовлетворена результатом. С цветом лица, правда, справиться не удалось, но на его фоне глаза сверкали ярче, а румянец на скулах был подобен лепесткам пиона. Бледная и слегка осунувшаяся жрица казалась старше и загадочнее.

Спустя еще четверть часа вернулся давешний придворный, дабы сопроводить ее к королю. Сердце билось как бешеное, и огромных усилий стоило девушке сохранять ровное дыхание и спокойный вид, когда все внутри трепетало от предчувствия встречи, которая, как что-то подсказывало Нармин, должна решить ее судьбу.

Коридоры сменялись залами, залы — галереями. Путь, отделявший ее апартаменты от приемной короля, невозможно было запомнить даже приблизительно. Но вот наконец заветная дверь, которую услужливо распахнул перед Нармин ее сопровождающий.

Король стоял у стола, за его спиной было распахнуто окно, и легкий ветерок играл прядями темных волос. Голова была чуть откинута назад, на губах застыла насмешливая полуулыбка, словно его величество вел сам с собой мысленный диалог и находил это очень забавным. Войдя в комнату, Нармин на мгновение застыла, от волнения не находя в себе сил пошевелиться, а затем предприняла неловкую попытку присесть в реверансе. Вышло совершенно ужасно, но король улыбнулся так ободряюще, что девушка едва сдержала желание тут же броситься к ногам своего нового божества и признаться ему в своих чувствах.

— Дэнъя Нармин, — бархатистый голос звучал чарующе. — Могу я вас так называть? Или мне надлежит величать вас жрицей... или как там правильно в соответствии с храмовой иерархией?

Услышать свое имя из уст короля было для Нармин величайшим блаженством. Она была готова слушать это вечно! Неужели еще недавно ей хотелось, чтобы к ней обращались исключительно «старшая жрица», а обращение по имени чуть ли не обижало?! Конечно же, разница между произнесением твоего имени пожилыми наставницами или владычицей и любимым мужчиной неизмерима!

— Зовите меня Нармин, ваше величество! — торопливо ответила девушка, в голосе ее слышалась чуть ли не просьба.

— Итак, Нармин, — Валтор сцепил руки и вытянул их ладонями вперед. — Вас, должно быть, интересуют причины этой аудиенции. Я позвал вас для серьезного разговора, который рано или поздно должен был состояться между нами...

Вот оно! Сейчас он скажет, что равнодушен к ней! Какой еще разговор может начинаться с подобного предисловия? Нармин оставила попытки унять бешено колотящееся сердце. Да и к чему? Пусть знает, что ей не все равно. Ведь сейчас она ответит своему королю, что любит его! И пусть ей никогда не быть его женой! Пусть заключает свой династически-политический брак. Главное, что у него хватило ума понять, что эта пусть и прекрасная, но холодная девица никогда не будет дорожить им так, как она — Нармин. Ее сердце — не кусок ледяного хрусталя, оно живое и горячее и сейчас готово вырваться из груди от счастья!

— Нармин, — он уже в третий раз повторил ее имя. — Чего вы хотите от меня? — видя, как изменилось выражение лица девушки, какое искренне непонимание отразилось на нем, король поспешил добавить. — Говоря «вы» я, конечно же, имею в виду вас как представительницу интересов служителей культа Маритэ. Не думайте, что я пребываю в счастливом заблуждении, полагая, что верховная жрица послала вас сюда

исключительно из вежливости или, тем паче, потому, что искренне поддерживает мое воцарение в Эларе. Я не настолько наивен. За свою лояльность Храм Маритэ хочет что-то получить от нового короля, это очевидно и логично. Так чего же конкретно вы ждете в обмен на поддержку? Не обижайтесь за прямоту, Нармин. Мы могли бы долго подходить к этому вопросу окольными путями за светской беседой, я мог бы сформулировать его иначе, но предпочитаю спросить прямо.

Нармин растерялась. Какая же она дурочка! Да надо было сойти с ума, чтобы решить, что Валтор пригласил ее ради дел сердечных. Он король, а она — представительница Храма, напрочь забывшая, зачем пресветлая Лавинтия отправила ее в столицу. Это ужасно глупо, но ведь ее ни разу не посетила мысль об истинной цели визита к королю, мысль, которая должна была прийти первой. Положительно, эта влюбленность сделала ее безумной!

Девушка чувствовала себя так, словно ее посреди сладкого сна окатили ведром ледяной воды. Однако такое резкое пробуждение возымело действие. Усилием воли заставив глаза оставаться сухими (при этом пообещав себе, что заплачется вволю, как только останется наедине с собой), Нармин постаралась принять вид, исполненный значимости и достоинства, каковые подобают старшей жрице Храма Маритэ. Некоторых мыслительных усилий потребовали попытки вспомнить, что же именно поручила ей владычица и чего же, собственно, они на самом деле хотят от Валтора. Она-то сама хотела от него одного — любви, но совершенно очевидно, что Храму нужно было совсем не это. Наконец в хаотичном хороводе мыслей девушке удалось ухватить воспоминание о коронации и другие наставления верховной жрицы. Собравшись с духом, она начала.

— Пресветлая Лавинтия искренне рассчитывает на долгую дружбу с вашим величеством, которая, как она надеется, принесет добрые плоды обоим сторонам, — Нармин изо всех сил старалась скопировать пафосный стиль выражения мыслей, который был присущ верховной жрице и ее доверенным приближенным. — Как вашему величеству известно, согласно древним традициям, помазание нового короля на царство искони проводилось жрицами Маритэ. Увы, об этом давно позабыли, но, может, пришло время возродить былое величие...

Договорить он ей не дал. Легкая, но заметная усмешка коснулась совершенных губ Валтора Дайрийского.

— Возродить былое величие Храма Маритэ, а заодно и религии? Это вы имели в виду? Это вряд ли в моих силах, даже согласись я на коронацию по моде трехсотлетней давности. Впрочем, я обещаю подумать на эту тему. Присутствие красивой девушки в зеленом, возлагающей корону на мою голову, вряд ли сильно испортит церемонию. Но мне сложно представить, какие еще плоды нашей «дружбы» могли бы порадовать вашу владычицу, Нармин.

Когда он назвал ее красивой девушкой, а потом снова обратился по имени, сердце Нармин против воли забилося быстрее, а в мысли просочилась совершенно ненужная надежда. Меж тем, король продолжал.

— Денег я Храму дать не могу, даже если бы и хотел. Вы, как и ваша владычица, понимаете, что все средства и доходы казны я буду тратить на восстановление ущерба, причиненного Элару моими же войсками. У меня теперь два государства вместо одного, точнее, мое государство стало в несколько раз больше. И вряд ли в ближайшие годы и даже десятилетия я смогу швыряться деньгами.

— Не скрою, деньги нужны Храму, — увидев, как король невольно поморщился при этих словах, Нармин поспешила закончить фразу. — Но для Маритэ сердца людские куда важнее денег, особенно сердца королей, чей образ мыслей и чья вера становятся примером для подданных.

В словах и тоне жрицы чувствовалось искреннее вдохновение, поскольку она внезапно поняла, что ей удалось найти тот самый, единственный путь, способный вывести из тупика, куда загнала их с Валтором судьба. Конечно же! Король должен обратиться! А кто будет учить его азам давно забытой веры, кроме как единственная на весь город служительница Маритэ? Тем самым она не предаст Храм, владычицу и свою богиню, а напротив, послужит им. И уж за такое великое деяние, как обращение нового владыки Элара, ей — Нармин — простят любовь к коронованному избраннику Маритэ и даже не

слишком пристойное положение его любовницы. Хотя... кто знает? Возможно, приняв ее веру, Валтор изберет ту единственную, которая принесла ему свет истины, своей женой...

Однако король в свойственной ему манере, удивительным образом сочетающей вежливость с бесцеремонностью, прервал поток благочестивых разглагольствований своей собеседницы, вернув жрицу с заоблачных вершин девичьих грез в пропасть ужасной реальности.

— Прошу вас, не поймите меня неправильно... Я уважаю вашу веру и верность богине, которую все остальные забыли уже несколько сот лет назад. Я принял вас со всеми возможными почестями, которые способен король оказать жрице, учитывая нынешнее беспокойное положение вещей в стране. Принял... но я вас не звал. Не имея ничего против вашей Маритэ, я также не желаю иметь с ней ничего общего. Вы уж простите, Нармин, но я не верю ни в богинь, ни в Странников, ни в прочие древние божества Анборейи. Мне нет до них никакого дела. Зато земных дел у меня более чем достаточно. И я собираюсь заниматься ими, а не тратить свое время на тех, кто остался жить лишь в привычных выражениях, пришедших к нам из глубины веков. «Да помилуют нас светлые богини...», «забери тебя Изгой...» или «красив, как Странник». Это всего лишь слова, хоть они и невольная дань почтения тем, в кого когда-то верили. Поэтому оставьте мысли сделать из меня благочестивого последователя своей религии, лучше просите чего-нибудь реального. При этом, по возможности, недорогого и необременительного, дабы у меня не было причин и соблазна отказать вам, — Валтор небрежно облокотился о стол, машинально поглаживая длинными тонкими пальцами чернильницу — сову, восседающую на раскрытой книге, герб Малтэйров.

— Я... я не знаю, — Нармин совсем растерялась и прилагала титанические усилия, чтобы не разразиться слезами досады и отчаяния. — То есть я не могу сразу ответить вашему величеству. Я напишу владычице и буду ждать ее ответа. Будет ли мне позволено сообщить ей, что ваше величество согласилось на коронацию по древним традициям?

— Я подумаю об этом, — пообещал король и поклонился жрице, давая понять, что аудиенция подошла к концу. — Всего хорошего, дэнья Нармин.

Как ни странно, девушку не слишком огорчил неопределенный ответ. И не только потому, что расстроить ее еще сильнее было практически невозможно. Чем дольше король будет думать, тем позже она отправит письмо Лавинтии. Чем позже будет отправлено письмо, тем позже придет ответ. А следовательно, у нее еще есть время на то, чтобы хотя бы просто быть рядом с тем, кому навеки отдано ее бедное сердце.

Глава 17

Элвир Торн уже четвертый час торчал в королевской библиотеке, листая один за одним потрепанные фолианты, манускрипты и прочие мудреные виды книг, от общения с которыми жутко болела голова и хотелось чихать. Не то чтобы Торн не любил книги, как раз наоборот, он был изрядно образован и начитан. Просто он ненавидел старинные тома, чуть ли не наполовину состоящие из пыли, с крошащимися пожелтевшими страницами, и такие вот громадные библиотеки, служащие пристанищем для тысяч и тысяч подобных книг. И все-таки Элвир твердо решил не покидать королевского книгохранилища (по мнению Торна, называть этот хаос библиотекой — слишком много чести) до тех пор, пока не найдет среди пыли и истлевшей бумаги хотя бы намек на зацепку.

Дело со странными трупами надо раскрыть и как можно скорее наказать виновных. Пока в городе не начались волнения. Меньше всего Валтору, которого пока даже сторонники считают узурпатором, нужно, чтобы в самом начале его правления в Вельтане случались такие нехорошие вещи. Почему, ну почему вся эта туманно-сверхъестественная жуть не началась при Йеланде?! Тогда бы странные смерти не связывали с вторжением Малтэйра. А сейчас дело принимает все более скверный оборот. Поскольку жутких трупов становится все больше, скрывать их от горожан не очень-то получается. Точнее, не получается совсем. По Вельтане поползли слухи, один хуже другого. Одни считают, что убийства — дело рук дайрийских солдат или тайной стражи, другие видят в этом руку провидения, карающего город, впустивший нечестивого захватчика. По мнению последних, которое, кстати, обретает все больше сторонников, пришествие Валтора Дайрийского несет Элару мор, голод, смерть и ужас. Короче, весь традиционный набор. И со всей этой дрянью нужно срочно что-то делать!

Итак... Как ни крути, на смерть от естественных причин все эти трупы не тянут. Значит, магия? Магия, Изгой бы ее побрал, или, того хуже, какие-нибудь магически-мифические существа. Ну, это уж совсем бред! Не хватало еще на тридцать втором году жизни уверовать в реальность всяческих шкриг, ламайи или нукри.

Хорошо, если сделать над собой усилие и допустить, что в во всех этих страшных сказках есть хоть доля правды... Что мы знаем о нечисти? Только одно: любое мифическое существо родом с Граайи¹ — таинственного материка-отшельника. Почему все уверены, что Граайя — родина любого чудовища, совершенно непонятно, учитывая тот факт, что на этом материке никто никогда не был... Ну, то есть никто, кто смог бы вернуться и рассказать хоть что-нибудь.

О Граае известно очень немного, если подумать. Материк лежит южнее Дозьи и Шургата, омывается Темным и Драконовым морями, а с востока — водами Сапфирного океана. И еще Граайя является источником магии, магов и магических существ. Это аксиома, составленная на основе довольно сомнительных предположений за неимением более точных знаний.

До материка никому еще не удавалось доплыть, по крайней мере, на протяжении последних нескольких тысяч лет. Корабли либо гибли в водах Драконова моря, либо просто исчезали. С другой стороны, выходцы с Граайи хоть и нечасто, но покидали родину и посещали другие континенты и страны. И все они были магами исключительной силы! Нельзя сказать, что на Дозье, Шургате или островах вовсе не было магии. Всегда находились люди, желающие выйти за рамки, очерченные законами природы. И некоторым это удавалось. Люди посвящали годы и десятилетия изучению магии, исполняли сложнейшие ритуалы, заучивали и применяли безумные заклинания, пробуждали и шлифовали в себе различные сверхъестественные способности, но все, чего им удавалось добиться, это возможность предвидеть ход событий и слегка его изменить. Фокусы с предсказаниями, фокусы с погодой, фокусы с обнаружением пропавших вещей и людей, в лучшем случае увеличение или уменьшение вероятности того или иного события — вот, пожалуй, основные направления доэйской магии. На Шургате, в отличие от практичной и цивилизованной Дозьи, наибольшей популярностью пользовались жуткие культы, в которых было много крови и всяческого демонизма, но крайне мало смысла и практической пользы. Там магия была скорее средством устрашения, нежели способом добиться определенных целей, и привилегией жрецов, служащих странным и кровожадным божествам.

Однако в сравнении с граайской магией умения волшебников и колдунов двух других материков казались жалкими фокусами. Граайские маги творили настоящие чудеса. Они с легкостью метали молнии и огненные шары, повелевали водами и ветрами, могли летать или мгновенно перемещаться в пространстве. Какие-то источники упоминали среди их талантов умение останавливать время или менять местами прошлое и будущее, впрочем, эти повествования относились к слишком далеким временам, и достоверность их была весьма сомнительной.

Однако таланты граайских магов были бесспорны и подтверждены пусть не слишком многочисленными, зато заслуживающими доверия свидетельствами. А вот граайское происхождение всех монстров, хоть и почиталось за догму, оставалось под большим сомнением — как и, впрочем, само их существование. По крайней мере, для Элвира Торна. И все-таки необходимо собрать всю возможную информацию, пусть даже она будет мифической и недостоверной. Надо же с чего-то начинать...

Торн вытащил из стопки отложенных книг ту, что лежала сверху. Книга называлась «Магические существа и способы защиты от них». Автором значился некий Сигван Фьеррский. Элвир понятия не имел, считался ли сочинитель серьезным ученым или, напротив, слыл сказочником и шарлатаном, хотя иллюстрация на обложке говорила, скорее, в пользу второй версии. Красовавшаяся на заглавном листе полуженщина-полумонстр действительно могла напугать кого угодно, но лишь только потому, что художник, ее изображавший, был напрочь лишен вкуса и чувства меры. Несчастное создание каким-то непонятным образом умудрилось сочетать в своем облике всю атрибутику, присущую самым различным чудикам — зубы, когти, хвост, рога, мохнатые лапы, глаза рептилии и кожистые крылья. Подобная обложка не могла внушить доверия такому скептику, как Торн, однако он оправдал свой случайный выбор тем, что, раз сей манускрипт был помещен в королевское книгохранилище, значит, кто-то разбирающийся счел его достойным такой чести.

Элвир открыл книгу приблизительно на середине. Там его поджидала еще одна иллюстрация и сопровождавшая ее статья. На картинке была изображена юная девушка, почти ребенок, миловидная, но смертельно бледная, окутанная плащом иссиня-черных волос со светящимися зелеными глазами. Комментарий гласил: «Нукри — один из опаснейших демонов. Чаще всего принимает облик юной девы. От человека нукри отличается синева-бледный оттенок кожи и неестественно яркий цвет глаз — зеленый либо синий, особенно заметный в темноте. Нукри могут жить веками и даже тысячелетиями за счет своих жертв. Встретив человека, нукри убивает его своим ужасающим взглядом, забирая при этом себе все годы жизни, которые предстояло прожить ее жертве. Убить нукри можно лишь специально заколдованным мечом или кинжалом (см. раздел «Магическое оружие»), однако спастись от нее не так уж сложно, достаточно вовремя закрыть глаза, разорвав тем самым силу колдовского взгляда коварного демона. Важно помнить, что глаза — единственное серьезное оружие нукри. Обитают нукри в уединенных местах, живут, как правило, поодиночке. Охотиться предпочитают в темноте или в сумерках, однако встреча с ними возможна и в светлое время суток, после полудня».

— Главное оружие этой твари — глаза, — пробормотал Торн, потирая подбородок. — Предположим, это нукри... Значит, она убивает взглядом. В этой части совпадает. У жертв всегда открыты глаза... Что ж, тоже логично. Ведь если бы они догадались их закрыть, могли бы выжить. Маловато сведений. Вот отчего бы многоуважаемому Сигвану Фьеррскому не упомянуть, как именно выглядят покойные. Если нукри забирает у них годы жизни, должны ли убитые выглядеть стариками или остаться такими, какими их застала смерть?

Размышляя подобным образом, Элвир не мог отделаться от ощущения, что занимается ерундой и попросту бредит. Но, с другой стороны, все попытки объяснить загадочные убийства естественными причинами потерпели полнейший крах. Все указывало на магию, но до чего же нелепыми казались версии с участием мифических существ. Однако других и вовсе не было.

— Значит, надо искать юных дев с синими или зелеными глазами... Чудесно! — Торн устало усмехнулся.

Тут ему почему-то вспомнилось, что у Альвы глаза тоже зеленые. Не ярко-зеленые, как у нукри на картинке, и не серо-зеленые, как у Валтора. У нее глаза цвета хризолита,

светло-зеленые, ясные и глубокие. Элвир вздохнул.

— Где же ты сейчас, крысенок? — задумчиво пробормотал он.

1Граайя, Дзэя и Шургат — три материка Анборейи — обитаемого мира. Королевства Эллар и Дайрия расположены на Дзэе.

Глава 18

Лан уже который день не знал, как заговорить с матерью. Он, вне всяких сомнений, должен поделиться с ней тем, что решили они с Тэссой. Причем сделать это нужно как можно скорее. Однако перспектива открыться матушке страшила парня куда больше всех опасностей задуманного предприятия, вместе взятых. Но эна Алдора была женщиной мудрой и не лишенной проникательности. Она заметила, в каком волнении сын вернулся от Линсаров. Какое-то время мать ждала, что он сам расскажет, о чем с ним говорила энья Лотэсса, но, поскольку тот молчал, решила начать разговор первой.

— Сын мой, — в других семьях отношения между родителями и детьми были менее церемонными, но эна Таскилл оставалась верна старым традициям. — Если ты не желаешь посвятить меня в подробности своего визита к энье Линсар, на то твоя воля... Просто изволь сказать матери, что есть вещи, которые ее не касаются, и поверь, Лан, я тебя больше не побеспокою.

— Матушка, — не слишком скрываемая обида в ее голосе заставила Лана испытать чувство вины. — Я расскажу вам все, только, боюсь, что вы не одобрите...

— Даже если и не одобрю, ты волен поступать так, как считаешь правильным, — Алдора величаво опустила в кресло, приготовившись слушать. — Ты молод, Лан, но ты — единственный мужчина в роде Таскиллов, и все важные решения отныне на твоих плечах. Я могу лишь помочь советом, который ты вправе принять или отвергнуть. Итак, чего хотела Лотэсса?

— Ее выдают за короля! — порывисто вскричал Лан. — За Дайрийца!

— До меня дошли подобные слухи, — кивнула эна Таскилл. — Я не хотела им верить... Но, видно, Мирталь Линсар совсем забыла честь, раз желание во что бы то ни стало породниться с королевской семьей затмило ей разум.

Алдора не любила сплетен и крайне редко нисходила до того, чтобы открыто обсуждать и осуждать кого бы то ни было. Но эну Линсар она терпеть не могла, и это не было секретом. Происходя из знатного и древнего рода, хоть и не равного Линсарам и Таскиллам, но все же весьма почитаемого в Эларе, мать не могла не презирать безродную выскочку из Нортских гор. Презрение это скрывалось под ледяной безупречной вежливостью, однако было очевидно всем и каждому.

— Как я понимаю, — продолжила женщина, — дочка Оро оказалась куда порядочней его жены и замуж за узурпатора не рвется? — она скорее утверждала, чем спрашивала.

— Именно так, — подтвердил Лан. — Отец убеждает, что на ней лежит ответственность за всю страну, что она должна управлять Дайрийцем до тех пор, пока его не свергнут. А если его так и не свергнут, надеется посадить на трон своего внука. Но Тэсса не хочет быть марионеткой в чужой игре, она хочет сбежать!

— Значит, девочка оказалась единственным порядочным человеком в своей семье, — мать скрестила пальцы под подбородком. — Не считая ее погибшего брата, разумеется, — поспешила добавить она.

— Я знаю, вы решите, что это безумие, но... Тэсс хочет основать освободительное движение и возглавить его... вместе со мной, — Лан напряженно ждал реакции матери.

— Напротив, — возразила эна Таскилл. — Я считаю это решение более чем разумным.

— Правда?! — парень изумился. Положа руку на сердце, он и сам считал задуманное Лотэссой безрассудством, хоть и готов был участвовать в ее затее.

— Кому, как не Таскиллам с Линсарами, вставать во главе мятежа? — она пожала плечами так, словно утверждала нечто само собой разумеющееся. — Конечно, я не льщу себя надеждами, что вы обязательно победите, но если вы хотя бы не попытаетесь бороться, то я перестану вас уважать так же, как перестала уважать большую часть столичных дворян, которая копошится у трона захватчика. Я благодарю богинь, что мой сын не таков, как эти жалкие шакалы. Мне легче потерять тебя, Лан... потерять своего единственного сына и последнего близкого человека, чем знать, что мое дитя

пресмыкается перед Валтором Малтэйром. Можешь считать меня бессердечной и дурной матерью, но я не изменю своего мнения! — Алдора вскинула голову и с вызовом поглядела сыну в глаза.

— Ах, матушка, — Лан преклонил перед нею колени и почтительно припал к материнской руке. — Я так боялся, что слепая материнская любовь затмит в вас любовь к родине и ненависть к захватчикам. Вы ведь уже потеряли Рейлора...

— И потеряла бы его снова! — глаза эны Таскилл метали молнии. — И его, и тебя, лишь бы знать, что мои сыновья следуют своему долгу и поступают, как истинные мужчины и истинные эларцы. Материнская любовь не в том, чтобы держать сыновей, привязав их к подолу, а в том, чтобы помочь им следовать по пути своего предназначения. Матерью и женой рыцарей быть нелегко! Я бы с радостью приняла смерть, и не один раз, вместо того, чтобы слышать о гибели сыновей, но мой долг состоит в ином. Ваше дело — с мечом в руках защищать свою страну, свой дом и свою честь, а мое — вкладывать меч в ваши руки, благословлять на битвы, молиться и ждать вашего возвращения.

Лан крайне редко видел мать такой возбужденной и многословной. В этот момент он понял, как мало знал ее. Алдора Таскилл — удивительная женщина. Если до этого он относился к матери с безграничным почтением и слегка побаивался ее, то теперь осознал, что его мать достойна истинного благоговения.

— Мама! — только и мог вымолвить он.

— Однако, сын мой, — эна Таскилл уже успокоилась и вернулась к своему обычному деловому тону. — Надо полагать, что у вас с Лотэссой есть лишь идея и никакого конкретного плана...

— Вы правы, — признал сын. — Пока мы условились лишь о том, чтобы сбежать вместе. Сделать это нужно до того, как родители отдадут Тэссу Дайрийцу.

— Разумеется, — она кивнула. — Для начала ты увезешь ее в Лиртию, к моему кузену Ромельду.

— Почему именно туда?

— Потому что первым делом вас станут искать в ваших родовых поместьях. Следовательно, в Норту или в Тиндэрейн вам путь заказан.

— Но если нас будут искать, рано или поздно доберутся и до твоего кузена, — возразил Лан.

— Скорее поздно, чем рано. Кроме того, Ромельд мне не совсем кузен, скорее дальний родственник, просто мы были очень дружны в юности. Именно эта дружба и побуждает меня просить его о подобной услуге. Там вы сможете скрываться довольно долго. Однако уехать из столицы — это лишь начало. Если вы планируете объявить Дайрийцу войну, следует основательно продумать план кампании. И это дело не на один вечер, разумеется...

— Я понимаю, — сын полностью одобрял каждое слово матери.

— Уверена, мы еще не раз вернемся к этой теме. Думаю, что мне не надо тебя учить, напоминая об осторожности? Пока вы не доберетесь до Лиртии, никто не должен быть в курсе задуманного, кроме тебя, меня и Лотэссы.

— Разумеется, матушка, — Лан склонил голову, признавая, что она в очередной раз права.

Женщина встала с кресла, подошла к сыну и запечатлела на его лбу поцелуй, лишенный обычной материнской нежности, зато исполненный глубокого смысла.

— И еще одно, сын мой, — она словно вспомнила о чем-то важном. — Будем честными, шансов на успех у вас не так уж много, и все-таки... Вы задумывались о том, что будет в случае вашей победы над Дайрийцем?

Обескураженное лицо парня лучше всяких слов дало матери ответ на этот вопрос.

— Так я и думала, — она кивнула самой себе. — Дети... Благородные, восторженные, бесстрашные и... совершенно непрактичные. Взойти на плаху или убить тирана! И совершенно неважно, что будет потом... Кто, по-вашему, должен править страной?

— Я не знаю, — пролепетал Лан. — Вы хотите, чтобы я взошел на престол?

— Я хочу, чтобы вы взошли на престол, — сурово поправила матушка. — Таскиллы и Линсары, хвала богиням, уже давно оставили глупое соперничество и сошлись на том, что оба рода равны по достоинству и уступают лишь Ильдам, которых, увы, больше нет. Мы не устанем оплакивать их, но вернуть не в силах. Малтэйр, будь он проклят, как известно, по сути, тоже Ильд, хотя его безумный предок¹, раздробивший страну, предпочел дать детям иное имя. То есть формально он имеет право занимать престол Элара за отсутствием более чистокровных Ильдов — тех самых, которых поспешил убить. Если же вы, в свою очередь, уничтожите Дайрийца, то право на престол перейдет к вам — представителям самых знатных фамилий после королевской семьи.

— Так к кому из нас, матушка? — спросил Лан. — Я не претендую на трон. Пусть Лотэсса правит, если пожелает, хоть она и женщина.

— В данном случае тот факт, что ты — мужчина, а она — женщина, служит не препятствием в разделе власти, а, напротив, весьма благоприятным обстоятельством. Вы будете править вместе! Как равные друг другу, полноправные король и королева. Если до тебя до сих пор не дошло, мой мальчик, я имею в виду, что вы должны пожениться.

— Но... — Лан опешил, не зная, что сказать на предложение матери, хотя мысль стать мужем Лотэссы была воплощением его самых смелых и несбыточных грез.

Зато эна Таскилл не видела в своих матримониальных планах ничего несбыточного, напротив, как раз эта часть заговора представлялась ей наиболее простой и логичной. И уж никак не пришла бы в материнскую голову мысль, что ее младший сын считает себя недостойным женихом для той, что предназначалась старшему.

— Я понимаю твои сомнения, сын мой, — тон Алдоры свидетельствовал о том, что ей самой подобные сомнения чужды. — Лотэсса Линсар старше тебя, но мне кажется, что ее красота способна возместить разницу в три с половиной года. Ты скажешь, что сам еще слишком юн для брака? Что ж... Скорее всего, если вам суждено победить, то это случится не завтра. И даже если вы одолеете Дайрийца раньше, чем тебе стукнет восемнадцать, не беда: подождете немного.

Лан по-прежнему молчал, пораженный рассуждениями матери и открывающимися новыми перспективами. Она же истолковала это молчание по-своему.

— И если ты вдруг думаешь, что я, подобно Оро Линсару, поддерживаю вашу затею лишь затем, чтобы сделаться матерью короля или, более того, регентшей при юном короле, то ты глубоко ошибаешься, — женщина говорила так, словно сын уже обвинил ее в чем-то подобном. — Я не буду вмешиваться в управление государством, как не вмешивалась в дела своего мужа и твоего старшего брата. Мне не нужна власть, тем более такой ценой. Никогда бы я не рискнула жизнью своего сына ради короны. Я отпущу и благословлю тебя лишь потому, что ты сам выбрал достойный путь. И королевская власть — не награда за победу, а долг, возложенный на вас по праву рождения. Я не амбициозная и корыстная дурочка вроде Мирталь Линсар. Я не желала бы короны ни для себя, ни для тебя, но вы с Лотэссой единственные, кто может занять престол, если с него будет скинут Малтэйр.

— Но если Тэсса не захочет выходить за меня? — наконец поделился своими сомнениями Лан.

— Ты так и не понял, о чем я говорила? — строго спросила эна Алдора. — Вы оба не имеете права хотеть или не хотеть. Ваши желания, как и мои, ничего не значат, когда на кон поставлено благо страны.

— Должно быть, вы правы, матушка...

¹Речь идет о Дайре Ильде — основателе Дайрии. Король нового государства, не имевший

сыновей, выдал дочь за одного из своих полководцев — Скейна Малтэйра — и завещал им обоим власть в королевстве. Формально Малтэйр считается основателем новой династии, однако Теора Ильд, не просто бывшая соправительницей, но и управлявшая государством в большей степени, чем ее муж, передала всем своим потомкам кровь самой древней монархической фамилии.

Глава 19

После разговора с Ланом Тэсса несколько приободрилась. Она покончила с затворничеством, вновь стала общаться с родителями, даже с матерью. Мирталь, как и следовало ожидать, не преминула воспользоваться этим обстоятельством. Не успела девушка прийти в себя после пережитого в королевском дворце, как мать уже сообщила ей о новом приеме у короля.

— Его узурпаторское величество совсем не занимается государственными делами? — слова Лотэссы так и сочились ядом. — Такое впечатление, что он только и делает, что устраивает приемы. Ах, да! Валтор Дайрийский желает почаще собирать вокруг себя эларскую знать, чтобы те могли лишний раз насладиться вылизыванием монарших сапог...

— Тэсса, перестань говорить ерунду! — Мирталь закатила глаза, изображая, как она устала от выкрутасов дочери. — Приемы — неотъемлемая часть государственной политики. Разве Ильды устраивали приемы и давали балы реже, чем это делает Дайриец?

— Насколько мне помнится, Ильдам не нужно было наводить порядок и сдерживать недовольство в только что завоеванной стране, — парировала Тэсс.

— Ах, дочка, не стоит лезть в политику. Это не наше дело. Мы — женщины! Наше предназначение — скрашивать жизнь мужа и рожать детей.

— Это ваше предназначение, матушка, — девушка скривилась. — Не стоит обобщать.

В вопросе одежды дочери на предстоящем приеме эна Линсар также потерпела сокрушительное поражение. Лотэсса отказалась одевать что бы то ни было, кроме того же самого черного платья, в котором предстала перед королем в прошлый раз. У нее умер брат, и никакие доводы не заставят ее снять траур по нему. Победенной Мирталь осталось утешаться лишь тем, что дочери, в отличие от нее самой, черный цвет все-таки к лицу.

И вот семейство Линсаров вновь отправилось ко двору. Сидя в карете, Лотэсса отчаянно завидовала Таскиллам, которые остались верны себе и ни разу не явились засвидетельствовать почтение Дайрийцу. Эна Алдора избавила себя и сына от необходимости общаться с убийцей, планирующим занять чужой трон. Ну ничего, и ей недолго осталось мучиться. Скоро они с Ланом будут далеко, и если окажутся вновь в столице и во дворце, то лишь для того, чтобы покончить с властью Малтэйра. Но пока нужно быть осторожной, дабы создать у родителей и ненавистного жениха хотя бы иллюзию покорности. Впрочем, тут важно не перестараться, дабы не вызвать подозрений слишком резкими переменами в поведении. Поэтому девушка позволяла себе сохранять мрачный вид и злобно язвить, как только разговор касался короля или их предстоящего бракосочетания.

Малый зал для приемов в Нианоне, как и в прошлый раз, был заполнен публикой. Валтор, верный себе, явился позже всех приглашенных. Подойдя к Линсарам, он раскланялся с герцогом и поцеловал руки невесты и будущей тещи. Первая молча скорчила недовольную гримасу, зато вторая компенсировала это восторженным щебетом. Не желая смотреть в лицо Дайрийцу, Тэсса демонстративно вертелась по сторонам, разглядывая окружающих. Неподалеку от них стояла красивая девушка в зеленом. Кажется, она была и на прошлом приеме. Девушка была примерно одного возраста с Тэсс и хороша собой. Заметив интерес своей нареченной к одной из гостей, Малтэйр предложил их представить. Особым желанием знакомиться Тэсса не горела, но все лучше, чем поддерживать разговор с Валтором, точнее, предоставлять тому говорить за двоих, молча буравя его исподлобья красноречивым взглядом. К этому моменту Тэсс с королем остались вдвоем. Мирталь, подхватив мужа под локоть, отвела его в другой конец зала, дабы дать жениху с невестой поговорить наедине. Разговор с Дайрийцем один на один, несмотря на его остроумие и непринужденный тон, был той еще пыткой, поэтому Лотэсса сейчас согласилась бы познакомиться не то что со своей ровесницей, но даже с восьмидесятилетним старцем — беззубым, плешивым и брызгающим слюной.

Итак, Валтор подвел ее к девушке в зеленом, которая оказалась жрицей Храма Маритэ.

— Энья Лотэсса — дэнья Нармин, — представил он их друг другу, а затем, к огромному облегчению Тэссы, удалился, оставив девушек наедине.

На лице юной жрицы, напротив, при уходе короля промелькнуло неприкрытое сожаление. Тэсс не знала, о чем говорить с новой знакомой, однако, будучи в свете чуть ли не с младенчества, она в совершенстве владела искусством изыскивать темы для беседы и разговаривать ни о чем.

— Как вы находите Вельтану, дэнья Нармин? — вежливым тоном осведомилась Лотэсса.

— О, столица просто восхитительна, — однако в голосе жрицы восхищения не чувствовалось, напротив, он звучал сдержано и сухо.

— Вас не смущает отсутствие единомышленников? — почему бы вместо пустых светских вопросов не поинтересоваться тем, что действительно важно. — У нас, в столице, явно имеет место кризис веры, причем уже не первое десятилетие.

Похоже, прямой вопрос не смутил Нармин, а, напротив, расположил ее к собеседнице. Колючий взгляд, до этого обращенный к Тэсс, смягчился, а губы тронула робкая улыбка, сразу сделав девушку очень милой.

— Вы правы, энья Лотэсса, — кивнула жрица. — Впрочем, не только Вельтана бедна верующими, но и прочие эларские города. А ведь когда-то Маритэ почитали по всей Дозье, да и за ее пределами тоже.

— Я и сама слаба в религии, — призналась Тэсса. — Хотя формально наша семья, как и прочая эларская аристократия, считается поклонниками светлых богинь. При этом мои знания о Маритэ и ее сестрах весьма отрывочны и противоречивы. Я искренне считаю это пробелом в своем образовании, который до сегодняшнего дня было некому восполнить. Может быть, вы любезно согласитесь просветить меня?

Если уж не о чем говорить, почему бы и не о религии. Жрице такой разговор всегда приятен, ибо тут она в своей стихии. Кроме того, Тэсс искренне полагала, что небольшая лекция по теологии ей не повредит, а, напротив, просветит и развлечет. Расчет девушки полностью оправдался. Нармин явно обрадовалась предоставленной возможности поговорить о своей ненаглядной Маритэ.

— Что именно вы хотели бы узнать, энья Лотэсса? — уточнила она.

— Все, — просто ответила Тэсса. — Считайте, что я не знаю абсолютно ничего, потому что те обрывки знаний, которыми я обладаю, скорее мешают воссозданию полной и логичной картины, нежели помогают в этом.

— Как скажете, — кивнула Нармин и начала свое повествование. — Маритэ является Странницей и создательницей нашего мира — Анборейи.

— Все Странники могут создавать миры? — поинтересовалась Тэсса.

Нармин не обиделась, что ее перебили, напротив, вопрос собеседницы показал заинтересованность в предмете разговора и желание глубже вникнуть в тему.

— Не все — только самые могущественные из них. У Маритэ достало могущества в одиночку создать Анборейю. Позднее к ней решили присоединиться Астель и Нидея, те, кого мы зовем сестрами Маритэ. Конечно, сестрами в нашем понимании этого слова они не были. Между Странниками невозможны родственные отношения. Астель и Нидея поселились в новом мире, и они все вместе занялись его обустройством. Нидея занималась морями, ветрами, горами, погодой... Астели были подвластны звери, птицы и прочие животные. Маритэ же отвечала за самое ценное — людей. Светлые богини благостно жили в Анборейе среди созданий, которым покровительствовали...

— Расскажите побольше о Странниках, — попросила Лотэсса. С самого детства загадочные звездные путники занимали ее куда больше светлых богинь. По сути, богини тоже были Странницами, но почему-то в оседлом статусе они казались девушке менее интересными.

— Мы не так уж много знаем о них, — жрица словно извинялась за недостаток

сведений. — Странники — величайшая загадка Вселенной. Они настолько же превосходят нас, насколько мы, к примеру, превосходим животных.

— Разница между людьми и животными в наличии разума, — опять перебила Тэсс. — Неужели мы настолько глупее Странников?

— Дело не в уме, — терпеливо разъяснила Нармин. — Дело в могуществе. Странникам подвластны пространство и время. Они бессмертны. Вам, должно быть, известно, что Странниками их назвали за возможность с легкостью путешествовать между мирами. Некоторые из них настолько могущественны, что могут, подобно Маритэ, создавать собственные миры. Мы для них как бабочки-однодневки, наши заботы и страсти, ограниченные кратким сроком человеческого существования и рамками единственного мира, смешны тем, в распоряжении кого вечность, бесконечное множество миров и возможность творить новые.

— Откуда берутся Странники? — Тэсса уже позабыла о том, что первоначально интересовалась историей Маритэ. Теперь ее занимали лишь Странники как таковые.

— Это нам неизвестно, — ответила жрица. — Быть может, они существовали изначально, может, появляются время от времени из небытия. Возможно же, что все совсем иначе... Доподлинно известно лишь, что Странники не могут создавать себе подобных...

— То есть рожать детей? — уточнила Тэсс.

Нармин кивнула и, очевидно, решив, что тема Странников исчерпана, вернулась к Маритэ и ее сестрам.

— Довольно долго, не одно тысячелетие, светлые богини жили среди людей и правили Анборейей. Но однажды в нашем мире появились еще трое Странников — Ольвэ, Крэйн и Дэймор...

— Изгой?

— Да, — жрица кивнула. — Только тогда он, конечно, еще так не звался, да и не был тем, кем стал позже — проклятием Анборейи. Видно, наш мир, созданный Маритэ, и вправду хорош, раз звездные путники решили остаться здесь. Какое-то время богини и Странники правили миром вшестером, впрочем, делами Анборейи по-прежнему ведали Маритэ с сестрами по праву покровительниц этого мира. Мужчин такое положение вполне устраивало. К власти, тем более к ответственности, никто из них не рвался. Как выяснилось позже, все они жаждали другого... — тут Нармин замолчала, выдерживая драматическую паузу.

— Чего? — Тэсса поняла, что от нее ждут вопроса.

— Любви, — жрица патетически вздохнула и возвела очи к потолку.

— Они влюбились в богинь, — догадалась Лотэсса. — Как мне помнится, Дэймор выбрал Маритэ и от этого все неприятности...

— До чего же люди забыли историю собственной веры, — поморщилась Нармин. Было видно, что ей небезразлично столь печальное положение вещей. Ну, оно и понятно — жрица Храма как-никак... — Все было не так, — продолжила Нармин, справившись с разочарованием в религиозной неграмотности одной из главных аристократок Элара. — Все трое влюбились, но не в разных богинь, а в одну — Маритэ.

— Она была самая красивая?

— Все Странники безупречно прекрасны, — Нармин говорила назидательным тоном, словно разъясняя прописные истины. — Их критерии любви отличны от наших. Думаю, что все выбрали Маритэ, поскольку она была наиболее могущественной. Богиня же, естественно, не могла ответить взаимностью всем троим. Делать выбор она не пожелала, дабы, предпочтя одного, не обидеть остальных. Крэйн и Ольвэ приняли решение Маритэ, но не Дэймор. Не желая смириться с тем, что его страсть отвергнута, он похитил богиню и заточил ее в своем мире.

— Он тоже создал мир? — Лотэсса была просто не в силах слушать, не перебивая. — И

как он смог ее похитить и заточить, если она превосходила его могуществом? Или нет?

— Энья Лотэсса, мы говорим о богах! — строго промолвила собеседница. — Не нам измерять их могущество. По сравнению с нами, каждый из них всемогущ. И было бы странно делить всемогущество на степени. Как бы то ни было, Дэймор увел Маритэ из Анборейи и держал пленницей в собственном мире, который, как учат предания, бесконечно уступал совершенством миру, созданному его избранницей. Однако сестры и Странники не оставили Маритэ. Объединив свои силы, они нашли ее и освободили. Дэймору же было велено навеки покинуть Анборейю. Странники вечны и не в силах убить друг друга, как бы сильно они порой этого ни желали. Потому изгнание было единственным возможным наказанием тому, кто предал дружбу и доверие Хранителей Анборейи. Именно тогда он и получил прозвище, под которым известен до сих пор — Изгой. Но Дэймор вернулся. В свою очередь, он тоже не мог убить Маритэ или Ольвэ с Крэйном. Однако, не желая мириться с поражением, он решил отомстить отвергнувшей его богине, уничтожив самое дорогое — ее мир. Как я уже сказала, для того, чтобы создать мир, нужно особое могущество, которым даже среди Звездных Путников обладают не все. Зато разрушить чужое творение намного легче и под силу практически любому Страннику. Дэймор легко справился бы с этим, если бы Хранители Анборейи не противостояли ему впятером. Объединив свои силы, Маритэ, Астель, Нидея, Ольвэ и Крэйн создали невиданной силы заклинание. Оно не могло убить Дэймора, поскольку он бессмертен. Но с помощью этого заклятья Изгой был навеки заточен в темнице небытия, где пребывает ныне и, как мы верим, будет пребывать вечно.

Закончив повествование, Нармин замолчала, а Лотэсса, в голове которой в связи с услышанным крутилось множество вопросов, не знала, какой из них задать первым. Между тем жрица, очевидно, решила пожать плоды своих трудов и убедиться, что не напрасно занималась религиозным просвещением эньи Линсар.

— Теперь, энья Лотэсса, когда вы узнали истинную историю светлых богинь, не готовы ли вы сердцем и разумом служить создательнице нашего мира?

— Вы предлагаете мне отправиться в Храм и вступить в ряды жриц? — Тэсса опешила. Такого натиска она не ожидала.

— Нет, что вы, — Нармин поспешила успокоить ее. — Для того, чтобы стать жрицей, нужно особое призвание, оно есть далеко не у каждой женщины. Но вы могли бы послужить Маритэ иначе. Вам ведь, насколько мне известно, выпала честь в скором времени стать женой короля...

— Он не король! — зло бросила Тэсс. — А убийца и узурпатор! И это не честь, а проклятие!

— Но его величество мудро правит государством, пусть и захваченным. К тому же, он так хорош собой... — произнося эти слова, Нармин внимательно вглядывалась в лицо собеседницы. Пожалуй, даже слишком внимательно.

— Он убил моего брата, моего жениха и моего короля! — Лотэсса перечислила погибших именно в этой последовательности, в соответствии с местом, которое каждый из них занимал в ее сердце. — И вы полагаете, что после этого мне будет дело до того, что Валтор Дайрийский — удачливый политик и привлекательный мужчина?! — неприкрытый гнев в голосе Тэссы, похоже, напугал жрицу. — Простите, дэнья Нармин, — девушка взяла себя в руки. — Я злюсь не на вас, а на судьбу. Я понимаю, что для вас, живущих не мирскими делами, а служением высшим силам, не так уж важно, представитель какой династии восседает на престоле и как он этот престол занял. Но для меня все иначе. А потому я не планирую направлять нашего новоявленного монарха на путь истинной веры. Я не хочу, чтобы он стал хорошим королем и правил Эларом долго и мудро, — она старалась говорить спокойно, но слова были исполнены горечи. — И вообще, если хотите знать, роли его жены я предпочла бы роль его убийцы.

Глава 20

Альва сидела за столом и грела пальцы о кружку, в которой плескался жидкий чай. Хотя и лето еще, но ночами уже холодно, по крайней мере, на улице. А тетя Тийла предпочитала коротать летние вечера — как, впрочем, и дни — в своем небольшом садике. Под пристроенным к дому навесом стоял старый, но прочный деревянный стол, сидя за которым, хозяйка ела, читала, вязала или вела беседы с гостями. Короче, тетя Тийла практически не покидала своего любимого места, восседая на стуле с высокой спинкой, самом удобном из всех предметов домашней мебели, подставив под ноги маленькую скамеечку.

Укутавшись в темно-вишневую шаль, на своем высоком стуле Тийла напоминала королеву на троне. Альва же, сидя на другом конце стола, на табурете, одна из ножек которого по длине уступала трем остальным, чувствовала себя фрейлиной, оказавшейся в немилости. Но дело было, конечно, не в тетушке, относившейся к девушке с неизменной душевной теплотой, а в том, что Альва мерзла и скучала. Колченогий табурет предоставлял, по крайней мере, возможность раскачиваться, чем она и пользовалась в тайной надежде сломать его окончательно.

Еще куда ни шло, будь они с тетей вдвоем, но с ними сегодня ужинал Ровик Чиртон — купец, считавшийся зажиточным по меркам Кузнечной части¹, где обосновалась Тийла.

Альва находила гостя личностью малопривлекательной и была почти уверена, что в душе тетя разделяет ее мнение. Однако Тийла изо всех сил старалась быть вежливой с Ровиком, поддерживая скучную беседу и даже временами улыбаясь его туповатым шуткам. Но надо было быть Чиртоном — толстым, ограниченным и самодовольным, — чтобы не замечать, что улыбки эти кислы как лимон, а в тетушкиных серых глазах читается желание спровадить посетителя как можно скорее и дальше. Но купец, естественно, и не догадывался, что общество его хозяйке в тягость, а уж ее юной племяннице и подавно.

— Значит, любезная Тийла, — чиртонская манера говорить, очевидно, была призвана подчеркнуть его значимость и степенность. Слова тянулись как густой сироп. — Ваша милая племянница теперь будет жить у вас?

Да, она будет жить у тетушки. Но что за дело до этого жирному бочонку? Две недели назад Альва, грязная, худющая и безумно усталая, постучалась в двери теткингого столичного дома. Дом этот, к слову, оказался вовсе не таким, каким его представляла девушка и прочие члены ее семьи. Сидя в своем стареньком родовом замке, Свеллы считали Тийлу, много лет назад выскочившую замуж за столичного дворянина, ужасно везучей. Они полагали, что тетя живет в роскошном особняке с кучей светлых просторных комнат, слуги приносят ей по утрам напитки в спальню, а по городу она разъезжает в собственном экипаже. Возможно, так оно и было, но когда-то очень давно. Добравшись до Вельтаны и разыскав наконец тетин жилище, Альва была несколько обескуражена. Судя по району, где обитала Тийла, и по ветхости строения, служившего ей домом, все рассказы о ее хваленой удаче и богатстве были просто-напросто чушью. Девушка стояла у входной двери, покрытой выцветшей и облупившейся местами зеленой краской, и не решалась постучать.

Альву было не напугать бедностью, они сами были далеко не богаты. Из всех благ у Свеллов вдоволь было только еды, которой их снабжали крестьяне. По дороге же до Вельтаны девушке порой приходилось целыми днями путешествовать впроголодь и ночевать в таких лачугах, по сравнению с которыми тетин дом мог показаться дворцом. Альву смутило не то, что столичная тетка оказалась вовсе не богатой, а то, что она сама будет Тийле в тягость при ее-то бедности. Однако делать было нечего, не возвращаться же, в самом деле, в пустой замок... И девушка постучала. Едва увидев тетю на пороге, Альва поняла, что не зря проделала долгий и трудный путь. Круглое лицо Тийлы Ормонд, несмотря на строгое выражение, сразу располагало к себе, взгляд серых глаз, обращенный на девушку, был хоть и серьезным, но вполне доброжелательным. Светлые вьющиеся волосы, которые не портили даже серебрившиеся кое-где пряди седины, были уложены в старомодную прическу. Одетая тетушка была скромно, но весьма опрятно и со вкусом.

— Чего тебе, милая? — спросила женщина.

— Тетя Тийла... — неуверенно начала девушка, решительно не зная, что сказать дальше.

Но говорить ничего и не пришлось. С изумленным возгласом: «Альва! Ты ли это, девочка моя?!» — тетя заключила племянницу в объятия. Когда Тийла уезжала из родной Фьерры в столицу, Альве не было еще и пяти лет, даже странно, что тетка ее все-таки узнала.

Еще до того, как девушка успела поведать свою короткую и невеселую историю, Тийла объявила, что оставляет племянницу у себя. Альве, с ее болезненной гордостью, не пришлось унижаться и просить у тети помощи и приюта. Одно терзало девушку — понимание того, что она станет обузой на шее своей доброй, но бедной родственницы. За те две недели, что она жила в тетин доме, Альва успела понять, как нелегко Тийле сводить концы с концами и вести хозяйство. Покойный муж оставил ей весьма скромное состояние, тратить которое приходилось с чрезвычайной бережливостью, ибо то были единственные средства, находившиеся в распоряжении тетушки. Тийла придерживалась твердого правила не тратить больше определенной суммы в месяц, но как бы ни скромны были ее запросы и сколь бы рачительной хозяйкой она ни была, деньги кончались, а долги увеличивались. Мало того, что из-за войны цены поднялись чуть не вдвое против прежнего, так еще и племянница, несмотря на весьма скромные запросы, составила новую статью финансовых трат.

Присутствующий за столом Ровик Чиртон был одним из основных тетиних кредиторов, этим и объяснялась вынужденная любезность хозяйки по отношению к нему.

— Я восхищен вашей добротой, — продолжал меж тем купец, обращаясь к тетушке. — Но, простите мою нескромность, любезная Тийла, на что вы рассчитываете содержать это прелестное юное создание? Оба мы знаем, что финансовое положение ваше оставляет желать лучшего и...

— Не переживайте, господин Ровик, — тетя перебила его вежливо, но решительно. — Пусть я и ограничена в средствах, но пока я жива, моя племянница будет находиться под моим кровом и моим покровительством.

— Подобное самопожертвование лишний раз доказывает, что вы, дэна² Ормонд, женщина редкостных душевных качеств. Однако боюсь, что щедрость, не совсем уместная в вашем положении, может погубить вас... погубить вас обеих, — уточнил он. — Вот если бы вы приняли мое предложение, с которым я не впервые к вам обращаюсь, и вошли бы хозяйкой в мой дом, то ни вам, ни этой девочке до конца дней не пришлось бы ни в чем нуждаться...

Интересно, до конца чьих дней? Тетиных, его собственных, или ее — Альвы? Сомнительно, что этот делец станет заботиться о племяннице после тетиней смерти. Разве что представится возможность сбыть ее с рук, выгодно выдав замуж. Но в этом случае он скорее будет действовать в собственных интересах, чем в Альвиных.

— Любезный Ровик, мне, как и прежде, крайне лестно ваше предложение, но я вынуждена ответить отказом снова. Искренне надеюсь, что мой очередной отказ не заставит вас усомниться в глубочайшем уважении и неизменном расположении с моей стороны...

— Что ж, — купец, похоже, был готов к подобному ответу и не сильно расстроился. — Смеем заверить вас, дражайшая Тийла, что и мое расположение к вам остается неизменным, несмотря на вашу холодность. И в знак нашей доброй дружбы я готов подождать с выплатой части долга до месяца Фессы³. Я бы ждал и дольше, но вы же знаете, начало осени — время больших сделок....

— Я понимаю, — тон тети, оставаясь вежливым, стал холодным. — И сделаю все возможное, чтобы отдать долг к назначенному сроку.

После подобного обмена любезностями было очевидно, что и хозяйка, и гость не настроены на дальнейшее общение, и Ровику лучше бы унести свое жирное тело и глупую голову домой... Но завершить беседу на такой ноте означало окончательно испортить отношения, а этого никому не хотелось. И собеседники вынуждены были продолжить разговор.

— Вы слышали об этих чудовищных убийствах? — Чиртон первым нарушил неловкое молчание, очевидно, решив, что подыскал подходящую тему.

— Да, — кивнула Тийла. — Но, полагаю, что доля правды во всех этих жутких слухах невелика. Выдумывают всякие ужасы, передавая из уст в уста... Будто людям не хватает реальных проблем!

— Вы правы, дражайшая, времена нынче нелегкие, — купец нарочито вздохнул.

Уж, конечно! Вам-то только и вздыхать, любезный дэн Ровик! В отличие от простого люда, дельцы, подобные Чиртону, наживались на кризисе, вызванном войной, захватом столицы и сменой власти. Именно они взвинчивали цены, набивали кошельки и сундуки за счет бедствий, постигших страну. Уж, кто-кто, а столичные купцы должны были в пояс кланяться поганым дайрийцам. И как только совести хватает в глаза смотреть тем, кого обворовываешь... Нет, тетя Тийла — молодец, что отказала этому приторному хряку. Еще не хватало породниться с таким человеком и чувствовать себя обязанной ему!

Когда же Чиртон наконец ушел, обе женщины с облегчением вздохнули.

— Видишь, девочка, до чего я дожила? — грустно улыбнулась тетушка. — Всякий купчишка считает себя вправе звать меня замуж. Меня, дворянку! Он полагает, раз я запуталась в долгах, можно просто-напросто купить мое имя. А потом хвастаться приятелям и компаньонам новым приобретением — женой благородной крови. Знаешь, что самое ужасное? — она доверительно понизила голос. — То, что временами,

отчаявшись, я подумываю принять это ужасное предложение. Вот до чего докатилась, готова забыть всякое уважение к себе. А все проклятая бедность!

— Ах, тетя! — Альва порывисто вскочила со своего табурета и обняла тетушку. — Ты не должна отчаиваться! Теперь мы вместе, и я обязательно придумаю, как нам раздобыть денег.

— Разве что перестать есть, — пошутила Тийла.

— Я найду работу, — решила девушка. — И нам не придется больше голодать и множить долги.

— Работу? — тетя нахмурилась. — Альва, ты не забыла, что ты тоже дворянка? Уж лучше я выйду замуж за Чиртона, чем допущу, чтобы ты работала как простолюдинка...

— Тетушка, наши дворянские грамоты не накормят нас, не оденут и не согреют зимой... разве что пустить их на растопку. Иногда можно и поступиться гордостью. Не так уж мы знатны, чтобы умирать с голоду в угоду родовой спеси.

— И чем же ты планируешь заниматься, дитя? — иронично поинтересовалась Тийла. — Что ты умеешь?

— Ну, — Альва, смутившись, задумалась, — я хорошо стреляю из лука...

— Стреляешь из лука?! — тетушка всплеснула руками. — В самый раз занятие для благородной девицы! И куда ты планируешь пойти с таким умением? В гвардию? Или, может, в стражу?

Девушка молчала, насупившись.

— Женская работа — прясть, стирать, готовить, ходить за детьми... Разумеется, я имею в виду женщин низкого происхождения.

— Между прочим, стрельба из лука ничуть не пятнает дворянское достоинство, — парировала уязвленная Альва. — Занятие, вполне достойное рыцаря...

— Рыцаря, но не дамы!

Впрочем, спор быстро сошел на нет, очевидно, Тийла совсем не верила в способность племянницы осуществить свою безумную затею.

— Как бы там ни было, девочка, нам нужно подумать о том, как раздобыть денег... — с этими словами тетя поднялась со своего трона и направилась в дом. Альва пошла за ней. Войдя в спальню, Тийла открыла верхний ящик растрескавшегося комода и достала оттуда старинную шкатулку тонкой работы. Порывшись в ней, женщина извлекла ожерелье «под шею» — массивное, но красивого плетения, из темного золота с опалами и янтарем.

— Вот, — вздохнула Тийла. — В нем я была на нашей с Гиларом свадьбе. Жалко отдавать, но придется. Если заложить его, можно отдать Чиртону большую часть долга. Причем я хочу сделать это завтра же утром, чтобы он не смел унижать меня напоминаниями. Сбегаешь до лавки Ярли Палена? Я бы сама сходила, но не хочу, чтобы меня там видели. Люди решат, что вдова Ормонд совсем обнищала. Кроме того, этот сквалыга Ярли, увидев хорошенькую девушку, даст лучшую цену.

— Конечно, тетя, — Альва взяла у тетки ожерелье. — Прямо сейчас и пойду.

Поцеловав тетушку, она выскочила на улицу. Ничего, она еще выкупит свадебное кольцо Тийлы. Пусть тетя сколько угодно негодует или смеется над ее идеей, но она — Альва — найдет работу и добудет деньги. Не дело это — сидеть на теткиной шее.

Уже стемнело, но лавка Ярли открыта допоздна, тем более что часть его клиентов предпочитала являться в темное время суток. Альва не боялась ходить одна в такое время. Во-первых, лавка совсем близко, во-вторых, уж она-то сможет за себя постоять, если что. Если она сумела в одиночку добраться из Фьерры в Вельтану, то до соседней улицы как-нибудь дойдет. Альва не только мастерски владела луком, но и дралась

неплохо. Девушка всегда носила при себе пару ножей и в случае необходимости, не задумываясь, пустила бы их в ход. Однако тетушке об этом знать вовсе не обязательно, она и так, кажется, расстроена тем, что племянница не желает соответствовать положению благородной девицы.

Мимо девушки прошел солдат в форме дайрийской армии. Альва проводила его ненавидящим взглядом. Ублюдки, чтоб вам всем передохнуть! Но воображение тут же против воли нарисовало образ другого дайрийца — того, что оставил ей лук. Лук был хорош, да и рыцарь был бы тоже неплох, кабы не был дайрийцем. Однако для подлого захватчика он вел себя довольно благородно, если уж быть честной. Не дал своим людям ее убить или обидеть, принес лук взамен сломанного, даже предложил проводить до столицы. Но больше, чем все великодушные жесты вместе взятые, ее впечатлило то, как дайриец перерезал тетиву ее старого лука метательным ножом. Перерезал за миг до выстрела, даже не задев лучницу. Ну и, опять же, оружие он подарил отменное. Альва не расставалась с вражеским даром, оправдывая это соображениями безопасности и надеясь когда-нибудь пустить его в ход против тех же дайрийцев.

Альва совсем немного не дошла до лавки Ярли, когда услышала пронзительный женский крик. Не задумываясь, она бросилась в сторону, откуда кричали. Вскоре девушка была уже на месте происшествия. Кричала Мильда Пален — жена Ярли. Вопила женщина громко и протяжно, хотя непосредственно ей ничего не угрожало. Вокруг Мильды уже собралось изрядное количество народа, грозившее вскорости перерасти в толпу. Перед орущей теткой на земле лежало тело — по всей видимости, мертвое. Вряд ли Мильда подняла бы такой крик из-за банального пьяницы. Из лавки на вопли жены вышел Ярли. Забавно, отметила про себя Альва, что он оказался здесь позже нее и кучи народа, хотя нужно было все-то открыть дверь из дома на улицу. То ли привык к женушкиным воплям, то ли был не прочь, чтоб с Мильдой случилось что-нибудь неладное. Увидев труп, Ярли нахмурился.

— Он же только от нас вышел! — госпожа Пален наконец обрела дар речи. Возможно, этому способствовало явление мужа.

— Какого Изгоя здесь происходит? — грозно спросил Ярли.

Впрочем, объяснить хозяину лавки происходящее вряд ли кто-нибудь мог. Покойник лежал на спине. Крови видно не было, и вообще Альва не заметила никаких повреждений. Даже одежка убитого была в полном порядке, если не считать крайней степени ветхости и загрязнения.

— Ох, сохрани нас богини, вы в глаза-то ему загляните! — пролепетал кто-то из женщин.

Глаза у покойника были открыты. В них действительно застыло весьма странное и неприятное выражение. Словно перед смертью несчастный столкнулся с тем, что его до ужаса напугало. Вообще же, очень странно, что взгляд мертвого человека хоть что-то выражал. Альва немало повидала мертвецов, в том числе и с открытыми глазами. Глаза эти были мутными, подернутыми пленкой и совершенно бессмысленными. А тут человек мертвый, а глаза — живые. Бред какой-то!

Теперь голосили уже несколько женщин, причем поводом послужила явно не скорбь по покойному. По толпе сначала робко, потом все набирая силу, пополз слух о том, что это «то самое убийство»...

— Дурная смерть, но бабий вой его не воскресит, — какой-то мужчина взял на себя миссию покончить с паникой. — Отправьте кого-нибудь к коменданту...

1 Вельтана разделена на 13 частей, каждая из которых является административно-территориальной единицей и имеет свое название.

2 Дэна — обращение к замужней женщине дворянского происхождения (дэн — по отношению к мужчине, дэнья — по отношению к незамужней женщине).

3 Месяц Фессы — первый месяц осени. Осенние месяцы получили названия в честь знаменитых жриц — Фессы, Милис и Шэаль.

Глава 21

Утро было хмурым, а комендант Вельтаны — не выспавшимся. Вчера среди ночи его вытащили из постели, чтобы порадовать очередным трупом. Все как обычно: никаких намеков на причину смерти и глаза, полные безумного страха. Прибыв на место и осмотрев покойника, Итон распорядился убрать тело, а расследование перенес на утро, потому что народ уже разошелся по домам. И вот сейчас, после бессонной ночи, чуть не падая с коня, он направлялся туда же, чтобы расспросить местных жителей, хотя догадывался, что, как и в прошлые разы, это ничего не прояснит.

Кварталы Кузнечной части были не то чтобы совсем бедными, но и респектабельными их тоже не назовешь. Обитали здесь в основном купцы средней руки да ремесленники позажиточней. Одним из самых состоятельных окрестных жителей был ростовщик Пален, у лавки которого и произошло убийство. Первым делом нужно допросить этого Палена с женой. Она и вчера что-то трещала без умолку, в отличие от мужа, который мрачно помалкивал и бросал в сторону супруги весьма красноречивые взгляды.

Вновь встретившись с четой Паленов, Карст заметил у жены на скуле синяк и почему-то совсем не удивился. Она была заметно молчаливей, чем накануне, но Итона сие обстоятельство не расстроило. Все, что могла сообщить госпожа Пален, она уже рассказала. Покойный явился вчера к ним в лавку примерно за час до того, как она обнаружила его у порога своего дома мертвым. Он о чем-то спорил с мужем, потом что-то выпрашивал у Ярли, ныл и умолял. Когда же муж выставил его из кабинета, бедняга все не унимался и жалобно скулил, даже на колени бухнулся. Если б Ярли не огрел его своей палкой по спине, нипочем бы не выставить...

Немудрено, что во время этих откровений Пален буравил жену злыми взглядами. Но если ростовщик думает, что комендант, узнав об их ссоре с покойным, решит обвинить его в смерти бедолаги, то он считает Карста просто идиотом. Нет, скорее всего, дело в другом... Пален опасается, что коменданта могут заинтересовать его сомнительные сделки и прочие темные делишки. У Итона и так было досье на Ярли Палена, только вот в последние месяцы Карсту было не до нечистоплотных дельцов и мелких скупщиков краденного. Так что зря Ярли поколотил свою благоверную.

После Паленов Карст принялся расспрашивать прочих свидетелей. Хотя свидетелями их можно было назвать весьма условно, все они видели лишь мертвое тело. Расспросы, как и предполагалось, не дали никакого толку. Зато комендант узнал, что Кривая Мирта продает крупы с жучками, Рони Мулон бежит к соседкиному мужу, а Ровик Чиртон дает в долг под грабительские проценты. Итону не очень хотелось себе в этом признаться, но он почти скупал по работе в обществе верховного протектора. Торн умел как-то выжимать из людей необходимые сведения, а главное, знал, какие именно вопросы нужно задавать. Протектор был неумолимо логичен, и его логика — единственное, что давало хоть тень надежды разобраться в этом безумном деле. Когда они в последний раз виделись, Торн сказал, что нужно обязательно искать в жертвах что-то общее.

Что же объединяет эти трупы? Все они люди незначительные, среди убитых не было ни одного дворянина или богача. Кроме того, если находились люди, знавшие покойных, то отзывались о них не лучшим образом. Часть убитых вообще не удалось опознать, остальные не вызывали симпатии ближних. Их ругали жены, не любили соседи, у них не было друзей. Бедняки, забулдыги, неудачники... Почему же именно они? Потому, что никто особо о них не пожалеет, не поднимет шума из-за их смерти? Нет, эта версия в любом случае провалилась. Ведь не мог же убийца, в самом деле, не знать, что расследованием его преступлений занялись, притом не просто стражники, а комендант и протектор.

В кучке собравшихся местных жителей Карст заметил девушку, почти девчонку. Белобрысая, худенькая, с огромными глазами. Что она тут делает? Еще одна свидетельница или просто поглазеть пришла? Итон направился к зеленоглазой. Но не успел он сказать и слова, как та сама к нему обратилась.

— Вы комендант?

— Вроде да, — Итон немного опешил.

— Вам нужны стражники? — манера говорить у нее явно не женская. В два вопроса девица изложила суть дела. Торну бы она понравилась.

— Хочешь пристроить своего братца или жениха? — добродушно поинтересовался Карст. Он почти решил удовлетворить просьбу прямолинейной девчонки, тем более что по нынешним временам ни один стражник, даже самый непутевый, лишним не будет.

— Нет, — девица замотала головой так энергично, что, казалось, несколько веснушек с ее милого носика разлетятся в стороны, как брызги. — Я прошу за себя. Примите меня в стражу!

— Ты шутишь, девочка? — впрочем, Итон видел, что она совершенно серьезна.

— Нет, не шучу! — белобрысая зло сощурила зеленые глазищи. — Вас волнует, что я женщина?

— Ты не женщина, а ребенок, — усмехнулся комендант. — Что ты умеешь? Драться деревянным мечом?

Вместо ответа она непонятно откуда извлекла нож и метнула его. Итон машинально отметил, что при этом девушка не замахивалась всей рукой, заведя ее за спину, что свойственно представительницам ее пола, а действовала исключительно запястьем. Нож разрезал веревку, натянутую между окнами двух домов на уровне второго этажа.

— Впечатляет, — признал Карст.

— Вы еще не видели, как я стреляю, — разомлев от похвалы коменданта, девчонка широко улыбнулась, а в голосе чувствовалось нескрываемое самодовольство. — Велите дать мне лук.

— Я бы лучше велел тебе бежать домой, да поскорее, пока вон та толстая тетка не расцарапала твое славное личико, — хмыкнул комендант. — Думается, это хозяйка того белья, что сейчас полощется в грязи по твоей милости. Разве что ты планируешь пристрелить ее из лука...

Но хоть Карста и забавляла ситуация, в которую попала белобрысая, отдавать ее на растерзание разъяренной мешанки он не собирался. Когда та приблизилась к ним, комендант инстинктивно встал так, чтобы девушка оказалась за его спиной. Разговор с разгневанной женщиной он тоже взял на себя.

— Успокойтесь, любезнейшая! — вставить хоть слово в поток ругательств и требований, которыми сыпала тетка, было делом непростым. — Здесь проводятся следственные действия по делу об убийстве. Стоимость испорченной веревки и повторной стирки белья будет вам возмещена... в разумных пределах.

Итон неплохо знал эту категорию людей. Не ограничишь сразу их аппетиты, и крикливая баба потребует с него сумму, на которую можно не то что перестирать все эти тряпки, а купить новые, причем лучше и дороже. Деньги, может, и невеликие, но не стоит вводить людей в соблазн обмануть своего ближнего. И уж тем более не стоит давать им повод думать, что коменданта города можно легко провести. Карст отсчитал несколько монет и протянул пострадавшей. Он с большим удовольствием сунул бы деньги ей не в руки, а в рот, чтоб она хоть ненадолго замолчала. Ибо, даже получив компенсацию, тетка продолжала негодовать. Когда же наконец с помощью стражников удалось ее спровадить, Итон повернулся к девушке, спасенной им от расправы. Сложно было сказать, оценила ли та его благородство, но воинственного пыла в ней явно поубавилось.

— Значит так, девочка, лука я тебе не дам. Иначе, боюсь, мне придется оплачивать чьи-нибудь похороны. Этак и разориться недолго...

— Деньги-то все равно из казны, — пробурчала метательница ножей.

Итон хотел было возразить, но не стал. Зачем ей знать, что он заплатил мегере из своего кармана? С таким-то характером, пожалуй, еще вобьет себе в голову, что должна ему.

— Даже если окажется, что стреляешь ты отменно, в стражу я тебя, разумеется, не

возьму, — пусть уж сразу уяснит и не забивает себе голову глупостями.

— И все потому, что я не мужчина! — девчонка возмущенно фыркнула.

— Именно, — не стал спорить Карст. — Ты не мужчина, зато исключительно мужчины будут окружать тебя в страже, удовлетвори я твою безумную просьбу. Может, они по-своему и славные ребята, зато, по большей части, грубые, неотесанные, бесцеремонные и не добрые. Если я разбавлю стражу обществом юной миловидной девицы, это будет все равно что бросить котенка посреди псарни. Лучшее, с чем ты можешь столкнуться, это грубая брань, большая часть которой будет направлена в твой адрес. О худшем и подумать страшно.

Девушка обижено насупилась, но не возражала. Очевидно, все-таки хватило ума признать его правоту.

— Ладно, забудьте, — она досадливо махнула рукой. — Простите за беспокойство, комендант.

Однако Итон, заинтересовавшись столь необычной юной особой, не хотел так просто ее отпускать.

— Скажи хоть, как тебя зовут, — попросил он.

— Какая теперь разница? — буркнула девица, не поворачивая головы. — Впрочем, могу и представиться. Альва Свелл.

— Свелл? — Карст удивленно изогнул бровь. — Ты дворянка?

— Да.

— И что ты делаешь в таком месте, дэнья? — вопрос мог показаться бестактным, но по роду службы Итон Карст не отличался особой щепетильностью, и умение вести разговоры с юными дамами благородного сословия не было его сильной стороной.

— В этом месте я живу по причине того, что мой родовой замок опустел и разрушен. Война, знаете ли... — голос ее сочился злым ехидством. — Из всех моих родных в живых осталась только тетка, которая живет здесь — в этом ужасном месте, среди ростовщиков, жирных истеричек и трупов!

Ну вот, теперь он чувствует себя виноватым. К чему было растревлять ее раны? Понятное дело, благородной девице сложно смириться с прозябанием в подобной дыре. А раз она, презрев родовую гордость и женскую скромность, ищет работу, значит, дела совсем плохи. Но что он может сделать? Не брать же ее, в самом деле, в лучники, хотя интуиция подсказывала Карсту, что с луком белобрысая знакома не понаслышке. И он не может, как бы ни хотелось, взять девчонку с теткой на содержание и поселить в своем доме. От него-то не убудет, но, во-первых, они сами не согласятся, и во-вторых, не сможет же он дать кров и пропитание всем вдовам и сиротам, тем более что война изрядно увеличила их количество. Впрочем, всем — не всем, а конкретно этой зеленоглазке, возможно, он и поможет.

— Послушай-ка, дэнья Альва, — обращаться к ней на «вы» он все-таки не мог себя заставить. — Стрелков у меня и без тебя в достатке, а вот кто мне действительно нужен, так это образованный человек. Смею предположить, что в силу своего положения ты обучена читать и писать?

Та энергично закивала, боясь поверить в свою удачу. Минуту назад весь ее вид выражал лишь разочарование, уязвленную гордость, затем она притворилась, что ей все безразлично, а теперь, после его слов, девушка засияла как осколок стекла, на которое упал солнечный луч.

— Значит, так, — тон коменданта стал деловым. — Мой теперешний секретарь, расторопный и толковый малый, собирается покинуть столицу и поселиться где-то в деревне у родни, как он сам выражается, «подальше отсюда». Я его не виню, — Итон невольно обратил взгляд туда, где вчера ночью нашли тело. — После захвата Вельтана — не самое лучшее место.

— После захвата весь Элар — не лучшее место, — возразила Альва.

— И то верно, — Карст не стал спорить. — Но как бы то ни было, а секретарь мне нужен. И сейчас даже больше, чем раньше. Конечно, я не знаю ни одной женщины, занимавшей эту должность, ну да времена сейчас такие, что нарушение устоев в мелочах вряд ли кто заметит. Имей в виду, платить я тебе много не смогу, однако с голоду умирать тоже не придется. Итак, Альва Свелл, ты согласна?

Окончание фразы звучало несколько двусмысленно, напоминая предложение руки и сердца, однако девчонка, разумеется, не обратила на это никакого внимания.

— Когда я могу приступить к работе? Куда приходить? Во дворец? — три вопроса один за другим, и опять каждый по существу.

— Нет, не во дворец. При дворе я бываю частенько в последнее время... по правде сказать, куда чаще, чем хотелось бы, но работаю я все-таки не там. Знаешь здание комендатуры на площади Сантэри?

— Нет, — девчонка покачала головой в знак отрицания. — Я ж в городе всего пару недель. Но ничего, найду.

— Найдешь, — кивнул Карст. — Приступишь к работе с начала месяца Фессы. Мой секретарь обещал доработать до осени и завершить все дела. Приходи через недельку, чтобы до конца лета он успел рассказать тебе, что к чему, мне недосуг будет этим заниматься. Все поняла?

— Все, комендант, — подтвердила та.

По-хорошему, девице следовало бы, обращаясь к нему, прибавлять вежливое «дэн», но так уж повелось, что люди вокруг то ли забывали о его дворянских корнях, то ли вовсе о них не знали. Он и сам-то почти забыл. И то сказать, Карсты — род не шибко знатный или известный. Так, захудалые провинциальные дворяне, вроде этих Свеллов.

Кроме того, Итон отдавал себе отчет в том, что ведет себя как человек простой. Он почти вздрагивал, слыша почтительное обращение. Впрочем, так с ним разговаривали либо просители, либо чиновники и придворные. Ну и короли... Что Йеланд с братом, что Малтэйр всегда величали его «дэном». Только покойный Лендер звал Итона «старинной Карстом», хотя комендант был моложе его лет на десять.

Хорошо, что эта Альва не заискивает перед ним и не боится. Работать с ней будет проще. Хотя все равно сложно представить в роли секретаря мало того что девушку, почти ребенка, так еще и дворянского происхождения. Зато можно быть почти уверенным, что стараться она будет на совесть и не захочет сбежать из столицы, переписывая материалы дел о загадочных убийствах. Впрочем, ей и деваться-то некуда.

— Можешь бежать домой, дэнья Свелл, — Итон улыбнулся. — Порадуй тетку. Хотя что-то мне подсказывает, что твоя почтенная родственница или не одобряет твою затею, или вовсе о ней не знает... так же как о некоторых твоих умениях. Или ты каждый день мечешь в стены ножи и сбиваешь ворон из лука?

— Она считает, что благородной девице не пристало заниматься такими ужасными вещами, — подтвердила его догадку девица.

— Я тоже так считаю, — серьезно заявил комендант.

Девушка рассмеялась в ответ, еще раз поблагодарила его и побежала домой, оставив Итона наедине с ощущением очередной сделанной глупости, которой уже не поправить.

Глава 22

Нармин ужасно волновалась, дожидаясь в приемной очередной встречи с Валтором Дайрийским. Волновалась не только потому, что снова увидит своего короля, хотя и это само по себе — достаточно веский повод для волнения. Девушке не давало покоя ощущение, что она совершает подлость. Нармин старалась успокоить себя тем, что она оказывает услугу не только Валтору и себе самой, но и Лотэссе. Ну не казнит же ее король, в конце концов... Просто отошлет от себя подальше, избавив тем самым бедняжку от ненавистного брака. С тех пор, как Лотэсса призналась Нармин, что ненавидит жениха, та стала относиться к сопернице гораздо лучше. В какой-то мере девушки являлись союзницами и хотели одного и того же. Точнее, не хотели. Обе не хотели, чтобы энья Линсар стала женой Валтора Малтэйра. Бедная Лотэсса чувствует себя загнанной в ловушку, и Нармин поможет ей вырваться оттуда, пусть и не самым безупречным способом.

Дверь хлопнула, и вошел король.

— Дэнья Нармин, — он поклонился. — Чем обязан вашему визиту? Пришло письмо от вашей владычицы?

— Нет, — Нармин ответила сдавленным голосом, чувствуя, что произнести заготовленную речь ей будет очень непросто. — Я к вам по делу, которое можно счесть довольно... личным.

— Да? — Валтор удивленно изогнул бровь. — Что ж, я слушаю. Излагайте свое личное дело.

Девушка, смущенная донельзя, залилась краской, но все-таки взяла себя в руки и заговорила.

— Это касается энии Линсар, с которой вы изволили познакомиться меня позавчера вечером.

— Она вам понравилась? — перебил ее король. — Мне показалось, что вы довольно оживленно беседовали и проявляли взаимный интерес друг к другу.

— Она мне понравилась, — поспешила согласиться Нармин и даже не соврала. — И все же я хочу предостеречь ваше величество от брака с ней...

— Как я вижу, наш предстоящий союз чересчур активно обсуждается при дворе, — Валтор хмыкнул. — Не то чтобы я пытался делать из этого тайну, но все-таки хотелось бы привлекать к этому событию чуть меньше внимания. Впрочем, как я понимаю, уже поздно. Итак, Нармин, что не устраивает в моем браке конкретно вас?

— Мне очень жаль, но ваша невеста... — жрица запнулась, подбирая слова. — Она... она не испытывает к вам расположения, которое следует питать нареченной к своему будущему мужу.

— Как мило с ее стороны поделиться своими переживаниями по этому поводу с новой знакомой, — король произнес это совершенно спокойным и слегка ироничным тоном, но все-таки Нармин каким-то образом почувствовала, что он злится. — И почему же вы решили вмешаться? Ваша богиня осуждает союзы, заключенные без взаимного расположения?

— Дело не в Маритэ, — начала было Нармин, но Валтор перебил ее.

— Этот брак является политическим союзом, преследующим цель укрепления моей власти в Эларе, а также сближения обоих государств. Мне казалось, это достаточно очевидно. Если не вы лично, Нармин, то уж ваша владычица должна понимать, что такое политика и что порой интересы, продиктованные ею, могут идти вразрез с личными выгодами. Полагаю, что ради блага страны — точнее, двух стран, ставших одной — можно поступиться такими вещами, как любовь и прочая романтика. Не согласны?

— Согласна, но лишь в той части, что касается вас. Выгоды этого брака очевидны для вас, но не для энии Линсар. Она не видит никаких причин поступаться любовью и чем бы

то ни было...

— И вы взяли на себя смелость явиться ко мне, дабы избавить новую подругу от ненавистного брака? — король уже почти не скрывал своего раздражения. — Вы пришли, чтоб спасти Лотэссу Линсар?

— Я пришла, чтобы спасти вас!

— От чего? — Валтор пожал плечами. — Брак по расчету — обычная вещь для монархов. Не вижу в этом особой трагедии, особенно когда невеста молода и хороша собой.

— Даже если невеста хочет вас убить? — ну вот она и сказала это. Теперь уже поздно отступать.

— А она хочет? — на этот раз в его голосе звучало не раздражение и не усталая снисходительность, а неподдельный интерес.

Нармин такая реакция совсем не понравилась. По ее представлению, в этом месте королю полагалась бы ужаснуться, а он вместо этого ведет себя так, будто Лотэсса — ужасно интересный объект для наблюдения и ее поведение не шокирует Малтэйра, а чуть ли не восхищает его.

В планы девушки входило разрушить эту идиотскую свадьбу. Причем ей практически удалось убедить себя, что это делается в интересах всех действующих лиц. Лотэсса в итоге должна получить столь желанную ей свободу, Валтор будет спасен от опасности, о которой до сего момента и не подозревал, а она, Нармин, как его спасительница, займет место в сердце короля. Какое именно это будет место, девушка боялась загадывать, опасаясь разочароваться. Но для начала ей бы хватило благодарности и основанной на ней дружбы.

И вот — пожалуйста! Малтэйр выслушивает новость о том, что нареченная жаждет его убить, не просто спокойно, а даже с каким-то интересом и чуть ли не с удовольствием. Нармин снова почувствовала горячую неприязнь к Лотэссе. Все потому, что она такая красавица. Даже угроза смерти от ее руки кажется мужчинам забавной. Или только один конкретный мужчина способен так воспринять подобное известие? Может быть, дело не в красоте Лотэссы Линсар, а в его храбрости... Однако король ждет ответа, а затянувшееся молчание становится неловким.

— Она призналась, что скорее стала бы вашей убийцей, чем женой, — Нармин старалась казаться смущенной. Именно такие эмоции должна испытывать смиренная служительница Маритэ, вынужденная выдавать тайну одного человека ради спасения другого.

— И вы, конечно, поспешили донести ее признание до того, кому стоило бы узнать об этом в последнюю очередь, — король не скрывал ехидства. Как бы девушка ни старалась казаться огорченной, выдавая доверенную ей тайну, Валтор не упустит возможности хотя бы тоном указать ей на неблаговидность поступка.

— Ваше величество упрекает меня за то, что я пыталась спасти вашу жизнь и оградить от опасности? — горячая обида захлестнула Нармин.

Как он может быть таким неблагодарным?! Неужели он полагает, что она наслаждается ролью доносчицы? Девушке стало бесконечно жаль себя. Кроме того, как бы жрице ни хотелось в том себе сознаваться, но тон Малтэйра поколебал ее уверенность в том, что она поступила разумно, явившись к нему. То, как он воспринял известие о коварстве своей избранницы, заронило в душе Нармин сомнения относительно правильности принятого решения. В данном случае «правильность» означала не абстрактное соответствие канонам морали, а ту пользу, которую могло принести ей раскрытие чужого секрета.

— Вы правы, благородная Нармин, — король склонил голову, что, очевидно, должно было символизировать покаяние — впрочем, чересчур нарочитое, чтобы его можно было принять всерьез. — Мне следует проявить благодарность за то, что вы решились предупредить меня о страшной опасности, рискуя ради моего спасения доверием, оказанным вам эншей Линсар.

Значит, он все-таки считает ее предательницей! Это ужасно! Это совсем не то, чего добивалась Нармин. Как же теперь все исправить? Как доказать ему, что она не желала зла Лотэссе, а лишь хотела оградить короля от ее ненависти?

— Простите, если я вмешалась не в свое дело, — голос Нармин дрожал. — Должно быть, вы не нуждались в моей защите.

— Разумеется, не нуждался! — Валтор наконец откинул притворство, продиктованное вежливостью, и позволил себе продемонстрировать истинное отношение к происходящему. — Неужели вы считаете, Нармин, что я нуждаюсь в том, чтобы одна хрупкая девушка защищала меня от другой хрупкой девушки?! Я, как-никак, все-таки мужчина. Или вы полагаете, что я не способен защитить себя самостоятельно?

— Чтобы защищать себя от опасности, нужно хотя бы знать о ней, — тихо парировала жрица.

Пусть он унижает ее, указывая на неблаговидность поступка, пусть даже презирает... Зато теперь Лотэсса Линсар не застанет его врасплох. Он всегда будет знать, чего можно ждать от жены, союз с которой навязан ему политическими интересами. А ведь, пожалуй, жених хочет этой свадьбы не намного больше, чем невеста. Очевидно же, король не влюблен в Лотэссу, как бы хороша она ни была. И это знание само по себе является успокоительным и обнадеживающим. Когда-нибудь, обнаружив нож под подушкой, Валтор еще скажет Нармин спасибо... И уж тогда она позаботится, чтобы его благодарность приняла нужную ей форму. И это с лихвой окупит ее сегодняшнее унижение. Меж тем Малтэйр словно прочитал мысли собеседницы.

— Ну, теперь я знаю, — он облокотился о подоконник. — Можете быть уверены, каждый вечер на пороге опочивальни я буду извлекать ножи из рукавов ночного одеяния моей жены, ни за что не приму еду или напитки из ее рук и непременно буду перетряхивать простыни в поисках ядовитых змей...

— Вы смеетесь, — грустно заметила девушка.

— Смеюсь, — согласился Валтор. — А что мне еще прикажете делать? — он пожал плечами.

До чего же он мучительно хорош! Это просто невыносимо! Он издевается над ней, а она не может отвести восхищенного взгляда от короля, застывшего в небрежной позе в просвете окна. Интересно, эти тяжелые шторы из зеленого бархата висели здесь при Ильдах, или Валтор специально повесил их, понимая, как изумительно ткань оттеняет цвет его глаз? Впрочем, предположив подобное, Нармин тут же обругала себя за глупость. Конечно же, шторы висят здесь давным-давно. Даже не всякая женщина стала бы подгонять гардины под цвет глаз, это же не платье. Что уж говорить о мужчине, тем более о таком, на плечах которого заботы о судьбе двух государств. Наверняка Малтэйру нет дела до того, как он божественно хорош. Зато ей уж точно есть! И девушка буквально впилась взглядом в лицо короля, не заботясь о том, какое впечатление произведет подобная бесцеремонность. Он уже и так о ней не лучшего мнения.

— На самом деле, не думаю, что энья Лотэсса стала бы убивать меня, как бы сильно ей этого ни хотелось, — очевидно, после этих слов Нармин так вытаращилась на короля, что тому пришлось объяснить свою мысль. — Моя обворожительная нареченная слишком прямодушна для яда или кинжала. Она совершенно не скрывает своего отношения ко мне и вытекающих из него намерений. Вот и вам рассказала, что жаждет меня прикончить, хотя вы едва знакомы. Да и мне она успела поведать об этом, правда, в несколько иносказательной форме... Поверьте, я не обольщаюсь на сей счет. Конечно, моя невеста делает огромную глупость, болтая о своей ненависти на каждом углу, но это уже другой вопрос.

— То есть я все-таки зря пришла? — Нармин почувствовала себя бесконечно усталой и разбитой.

Скорей бы уже уйти и наплакаться вволю в своих покоях. Выставила себя злобной дурой в глазах того, чье мнение важнее всего на свете. Так ей и надо. Маритэ бы не одобрила ее поступка. Что ж, она получила по заслугам. А Лотэсса все равно станет королевой.

— Да, вы пришли зря, — безжалостно подтвердил Валтор. — Хотя, полагаю, намерения у вас все же были добрые, — неожиданно смягчился он. — Могу я обратиться к вам с просьбой?

Нармин лишь молча кивнула. Девушка решила, что выполнит любую его просьбу, в чем бы она ни состояла и чего бы это ей ни стоило.

— Мне бы очень хотелось, чтобы этот разговор остался между нами. Совершенно ни к чему, чтобы все — от министра до садовника — знали, что будущая королева жаждет убить своего супруга, то есть меня. Распространение подобных слухов явно не на пользу нашему союзу.

«Может быть, потому что ваш союз — безумие чистой воды?» Как бы ни хотелось Нармин высказать нечто в этом роде, она оставила свои мысли при себе. И так уже наговорила достаточно.

— Естественно, я не собиралась рассказывать об этом кому бы то ни было, кроме вас, — с достоинством ответила девушка. — Тем более что никого, кроме вас, это не касается. Так что ваша просьба излишня, однако я, безусловно, выполню ее, как и любую другую.

— Благодарю, — в голосе короля была лишь сухая вежливость. — Боюсь, энюю Лотэссу резонить будет куда сложнее, — вздохнул он.

— Простите мою дерзость, ваше величество, — девушка, полагая, что сложившееся положение вряд ли можно испортить, решила выложить все, что думает, начистоту. — Но разумно ли заключать брак, точно зная, что будущему супругу нельзя доверять? Никакие политические выгоды не перевесят столь существенного изъяна в отношениях.

— Резонное замечание, — Валтор принялся выстукивать по стеклу какой-то ритм костяшками пальцев. — Однако позвольте спросить: это ваше личное мнение или религиозная позиция? То есть вы сейчас отговариваете меня от союза с первой аристократкой покоренной страны как частное лицо или как представительница Храма Маритэ?

Ох, какой непростой вопрос. То есть сам вопрос прост и понятен, а вот ответ... Если она скажет, что идея воздержаться от брака с Лотэссой Линсар является официальной позицией Храма, то шансов, что король задумается, куда больше. А если он поймет, что лично она, Нармин, не желает этой свадьбы, то нетрудно будет догадаться об ее чувствах. Вопрос не в том, надо ли Валтору Малтэйру знать, что он любим. Разумеется, она скажет ему об этом. Но уместно ли подобное признание сейчас, или лучше с ним повременить? Нармин решила ответить как можно более уклончиво и осторожно. Уж этому искусству жриц Храма обучали с самых юных лет.

— Маритэ учила людей чтить святость семейных уз и заключать союзы лишь по велению сердца, находящегося в согласии с разумом. Вряд ли богине угоден брак, преследующий лишь государственные интересы, тем более — замешанный на непонимании и ненависти. По вопросу вашей свадьбы мое личное мнение полностью совпадает с заветами веры, которую я исповедую. Иначе и быть не может, — девушка впервые за время этого непростого разговора была довольна собой. Фраза была построена безупречно, и выводы из нее могли следовать самые разные.

— Благодарю за высказанное мнение, — король поклонился, давая понять, что аудиенция закончена. — Не смею вас более задерживать, Нармин, если только вы не хотите еще что-нибудь сказать мне.

Она много чего могла бы еще сказать. Но скажет как-нибудь в другой раз, когда взгляд устремленных на нее зеленых глаз не будет таким холодным. Рано или поздно Валтор поймет, что делает неверный выбор, предпочитая ненависть любви.

Глава 23

Элвир ждал коменданта Вельтаны с очередным докладом по делу, которое успели искренне возненавидеть оба. Карст явился, как обычно, слегка запоздав. Торн, сам отличавшийся пунктуальностью, между тем отлично понимал, что у столичного коменданта достаточно важных забот, каждая из которых может претендовать на статус неотложной. Хотя стоит отдать должное загадочным убийствам, чем дольше они продолжались, тем значимей становились. И на настоящий момент верховный протектор не видел проблемы более серьезной, чем эти проклятые необъяснимые смерти. И это при том, что у второго лица недавно завоеванного королевства сложностей и неприятностей было в избытке, причем самого высшего разряда.

— Что у нас нового? — спросил Торн после короткого приветствия. Пояснять, к чему относится вопрос, не имело смысла, оба прекрасно понимали, о чем речь.

— Ничего хорошего, — мрачно буркнул Карст. — Еще один труп, на этот раз в Кузнечной части.

— Кузнечная часть? — Элвир задумался, припоминая. — За рекой. Респектабельной ее не назовешь, но и к бедняцким кварталам не причислишь. Насколько я знаю, там живут в основном торговцы, ремесленники, купцы средней руки.

— Вы довольно сведущи в географии города для завоевателя, — нехотя признал комендант. — Убийство произошло возле лавки ростовщика Палена. Жертва — мужчина неопределенного положения и рода занятий, скорее всего, старше сорока лет. Никто из жителей близлежащих кварталов его не опознал. Незадолго до смерти он был в лавке Палена и, по словам его жены, ссорился с хозяином. Впрочем, ссора с ростовщиком — дело нередкое и немудреное. Ярли мог отказаться дать ему в долг, принять заклад или, напротив, требовал срочного погашения прежнего долга. В любом случае, допустить хоть на секунду, что Ярли Пален и есть загадочный убийца, вторую неделю держащий в страхе весь город, я не могу ни при каком раскладе.

— Действительно, — хмыкнул Торн. — Поскольку изложенная версия не выдерживает ни малейшей критики, самое время огласить ваши идеи по поводу происходящего, дэн Карст. До сего момента вы ограничивались скупой констатацией фактов, а теперь хотелось бы услышать хоть какое-нибудь мало-мальски сносное объяснение.

— Мне и самому хотелось бы, — комендант явно не спешил выкладывать свое мнение, очевидно, пребывая в таком же тупике, как сам Элвир, или попросту не желая выглядеть идиотом, оглашая свои подозрения.

А жаль... Торну было бы намного проще, если бы Карст первым заговорил о всякой мистической дряни. Bravo, дэн Карст: вы выскользнули из ловушки, предоставив запутаться тому, кто ее расставил. Видно, роль идиота сегодня все-таки уготована ему. Что ж, рано или поздно кто-то должен это сказать...

— Не приходила ли вам в голову мысль, что эти убийства — все же на смерть от естественных причин кончины несчастных походят слишком мало — могут иметь отношение к магии?

Высказанная вслух идея казалась еще более сомнительной и нелепой, чем во время обдумывания наедине с собой.

— Имейте в виду, это лишь одна из версий, явно не самая удачная, но в то же время имеющая право на существование.

Чего уж там... Можно не стараться сгладить впечатление, произведенное на Карста высказанной мыслью. Теперь комендант имеет полное право крутить пальцем у виска или бросать на собеседника озабоченно-сочувствующие взгляды. Хотя скорее взгляды эти будут торжествующими: «приспешник узурпатора свихнулся!» Вполне себе логичное умозаключение, только вот неверное.

Однако вместо предполагаемой реакции Карст просто ответил:

— Да это первое что приходит в голову, когда на них глядишь!

Элвир с облегчением выдохнул. По крайней мере, дураком или безумцем он не выглядит. Значит, дальше можно спокойно обсуждать вопрос по существу.

— Если мы допускаем наличие магии, логично искать магов. Этим и займемся за неимением лучших идей и вариантов. Итак, дэн Карст, как в Вельтане обстоят дела с разного рода волшебниками и колдунами? При дворе Ильдов состояли придворные маги?

— Чего не было, того не было, — комендант ответил на вопрос, но при упоминании Ильдов поглядел на Торна столь многозначительно, что тому, по идее, стоило устыдиться упоминания покойного монарха и его брата, которых он, как известно всему свету, самолично умертвил. — Прежний король, Лендер, крепко не жаловал всякое колдовство, и его сыновья то ли придерживались похожих убеждений, то ли просто по привычке не держали колдунов при дворе даже для украшения и престижа. Мне, знаете ли, резоны не докладывали.

— А до Лендера при королях были маги? — гнул свое протектор.

— А до Лендера при королях не было меня, — проворчал Карст. — Поэтому не могу знать, кто там был и кого не было...

Комендант Вельтаны и не думал прилагать усилия, чтоб соблюдают хоть видимость вежливости по отношению к дорвавшемуся до власти захватчику. И этим был, в принципе, симпатичен Элвиру. От пресмыкательства его уже тошнило, тем более что частенько за слащавыми улыбками таились призраки кинжалов и чаш с отравленным вином. Зато с мрачным и прямым Карстом можно было не беспокоиться о подобных вещах. Он честно ненавидел дайрийцев, но так же честно сотрудничал с ними, когда этого требовало благо столицы и ее жителей.

Торн вгляделся в лицо собеседника. Немолодой уже человек, волосы неопределенного цвета, наполовину седые, а выцветшие голубые глаза, несмотря на притаившуюся в их глубине вечную усталость, привыкли смотреть внимательно и подмечать любую деталь. Хороший он человек. И дельный. Даром что враг. То есть сам Элвир не видел в коменданте врага, но точно знал, что тот его таковым считает. А жаль...

— Значит, будем искать магов рангом попроще, — примирительно кивнул протектор. — Есть в столице хоть кто-то, попадающий под данное определение?

— Разве что всякая шушера, скорее шарлатаны, чем колдуны, — Карст прищурил глаза, словно припоминая. — Были, конечно, гадалки, прорицатели, которые, помимо предсказаний, занимались чем-то вроде исправления судьбы или как там это называется... Но вас ведь не они интересуют, верно?

— Верно, — согласился Торн. — Жутковатые фокусы с трупами требуют выдающихся способностей и к тому же недюжинной храбрости или наглости. Будем исходить из того, что шарлатаны, продающие эликсиры от облысения, или гадалки, определяющие шансы увести соседкиного мужа, не те, кого мы ищем. Неужели никого посерьезней?

— Есть некая дэна Энлил, — нехотя проронил комендант. — Она не дворянка, но требует почтительности. Строго говоря, живет она не в самой Вельтане, а в пригороде. Но к ней таскались многие столичные жители, в основном знать или процветающие купцы...

— Дорого брала за свои услуги? — догадался Элвир.

— Вот именно, — кивнул Карст. — Простому люду это не по карману было. Хотя, думаю, бывали случаи, когда последние сбережения отдавали в надежде на чудо. Слава-то ее, скорее всего, не на пустом месте возникла. Слышал я истории, как эта самая Энлил и от болезней излечивала, и состояния помогала сколотить, ну и, понятное дело, в любовных делах помощь оказывала. Уж не знаю, что из этого правда, а что выдумки. Но даже если сильно приукрашено, думаю, хоть часть рассказов правдива, иначе не стали бы люди, как идиоты, ей деньги нести. А денег ей несли немало. Роскошный дом себе отстроила, мужем молодым обзавелась. Впрочем, мужа-то она, возможно, не деньгами приманила, а колдовством своим. В общем, можете считать ее самой сильной ведьмой в окрестностях и, похоже, единственной. Если только вы не привели с собой дайрийских колдунов.

— Не привели, — Элвир даже поморщился при мысли о магах, услугами которых могли бы пользоваться Валтор или он сам. — Значит, нанесем визит этой дамочке. Кстати, она местная?

— Кто ее знает? — комендант пожал плечами. — Выглядит, будто родилась где-то очень далеко от Элара, зато разговаривает совершенно чисто, даже со столичным акцентом. Я видел ее всего однажды.

— Вы пользовались услугами колдуньи? — Торн вскинул бровь. — Никогда бы не подумал...

— Я был у нее по поводу обязательных взносов в казну, положенных к выплате состоятельными жителями Вельтаны, к коим Энлил, безусловно, принадлежала на тот момент.

— Мне стоило бы догадаться, — Элвир понял, что сморозил глупость, что случилось с ним нечасто. Очевидно, это дело, выходящее за грани человеческого разумения, пагубно сказывается на его способности рассуждать логически. — Последний вопрос, дэн Карст. Что говорят в городе по поводу происходящего?

— Разное говорят, — комендант поморщился. — В основном, чушь. Хотя что тут умного скажешь? Ну, конечно, первым делом про колдовство вспоминают. Только валят не на магов, как вы, а на всякую нечисть...

Ну вот и всплыла тема нечисти. К ней можно будет вернуться, если версия с причастностью магов окажется провальной.

— Еще поговаривают, что во всем виноваты дайрийцы, — Карст и не думал скрывать злорадства в голосе.

— А вы что думаете? — напрямую спросил Элвир. — Интересно услышать ваше мнение.

— Я не дурак, — буркнул комендант, не глядя на собеседника. — Даже если списать смерть дайрийского солдата, который, к слову, погиб одним из первых, на ошибку или хитрость, все равно у дайрийцев совершенно нет резона заниматься убийствами столичных жителей. За какими демонами вам разжигать к себе лишнюю ненависть? Было б еще понятно, если бы убивали аристократов, которые плетут или потенциально могут плести заговоры, но жалкие людишки, которых никто не знает, — это бессмысленно. Знать плевать на этих несчастных, а злить народ, которому, по сути, все равно, под чьей властью жить, лишь бы не трогали, опять же, слишком глупо. Ведь эти убийства даже не устрашение, а какое-то бесцельное безумие. Я могу искренне ненавидеть вашего короля, но не могу не признать, что он умный человек...

— Как и вы, дэн Карст, — Торн и сам бы лучше не объяснил причины непричастности дайрийцев к происходящему. — Действительно, куда мудрее показать подданным покоренной страны, что со сменой власти ничего, по сути, не изменится, чем убивать кого-то с целью держать остальных в постоянном страхе. Его величество крайне обеспокоен происходящим. А если посмотреть на это с другой стороны... Не могут ли эларцы устроить провокацию с целью разжечь в народе ненависть к завоевателям, которые повели себя чересчур лояльно? С ваших аристократов станется! Одни лицемерно улыбаются, состязаясь в подхалимстве, другие плетут заговоры. Хотя, надо полагать, большая часть занимается и тем, и другим одновременно.

В голосе Торна против его воли звучал гнев, смешанный с презрением. И еще усталость. Как же ему надоело ежедневно плескаться в волнах яда ненависти, щедро приправленного сахаром притворной покорности и лизоблюдства. Большая часть ошивающей при дворе знати — ничтожества, не желающие дать себе труд задуматься и осознать, что Валтор будет для них куда лучшим королем, чем был последний Ильд, именем которого правила троица недалеких корыстных мерзавцев.

— Не думаю, что это эларцы, — покачал головой комендант. — Слишком уж мудреный и странный способ досадить вам. Не представляю, кто на такое способен.

— Значит, горожане винят во всем нас или нечисть, — Элвир в задумчивости потер рукой подбородок.

— Ну, есть и третий слух, так сказать, объединяющий обе версии, — поспешил обрадовать Карст. — Некоторые — а их с каждым днем становится все больше — утверждают, что жуткие смерти — предвестники Заката Мира.

— Даже так? — собеседнику удалось удивить Торна.

— Именно так, ни много ни мало, — подтвердил Карст. — При этом одни считают, что дайрийское нашествие, как и смерти — признаки Заката Мира, а другие полагают, что оно является причиной. Мол, нарушен исконный порядок вещей: слабая Дайрия захватило могущественный Элар, и подобное немыслимое кощунство неминуемо повлечет за собой гибель Анборейи.

— О да! — Элвир не удержался от злой иронии. — А эти умники историю не учили? Не так уж давно могущественный Элар и слабая Дайрия были одним государством. И почему бы, для разнообразия, не воспринимать их объединение как начало золотой эры?

— Хотя бы потому, что это, как вы изволили выразиться, объединение стало результатом захватнической войны, — парировал столичный комендант. — А единым Элар был триста лет назад и, кроме того, под властью Ильдов. Так что на золотую эру ваше вторжение не слишком похоже, как ни крути. Впрочем, на Закат Мира тоже не тянет.

— Не поспоришь, — Торн в очередной раз отдал должное разумности и прямоте того, с кем ему волею судьбы пришлось разбирать проклятое дело. — А ведь вам, дэн Карст, должно быть, выгодно распространение любых слухов, порочащих дайрийцев. Но при этом вы помогаете мне разгрести этот кошмар. Помогаете добросовестно, хоть и не слишком успешно. Почему?

— Стоит ли задавать вопрос, если знаете ответ? — вздохнул Карст. Сейчас он выглядел еще более усталым, чем в начале разговора.

— Знаю, — кивнул протектор. — Точнее, полагаю, что знаю. Просто хотелось убедиться в истинности догадок. Нам же, дэн Карст, с вами еще долго работать вместе.

— Не скажу, что мне это приятно, — комендант отошел к окну, повернувшись к Торну спиной. — Но выбора, похоже, нет. Короля вы убили, и без вас здесь начнется безумная грызня за власть и полный хаос. Надо отдать вам должное: не каждый захватчик принимает близко к сердцу судьбу захваченного города и государства. Я понимаю, что вы в первую очередь печетесь о себе и своем авторитете в глазах покоренных, но и на это ума хватает далеко не всем. Поэтому я буду вам помогать ради своего города и его жителей. Ради Вельтаны я открыл вам ворота, хотя никогда себе этого не прощу. Ради Вельтаны я каждый день являюсь к вам с докладом и принуждаю себя спокойно беседовать с тем, кто убил моего короля. По сути, ради Вельтаны я живу.

— Вы лучший комендант, которого могут пожелать жители столицы, но они вас не заслуживают!

— Они меня ненавидят и презирают, — странно, что в голосе Карста не звучали гнев или хотя бы обида, а только все та же бесконечная усталость. — Отчасти они имеют на это право.

— Не имеют, — жестко возразил Элвир. — То, что они величают предательством, было сделано ради них, вы сами только что сказали. И если спасенные настолько глупы и неблагодарны, что не ценят услуг, оказанных им, то это они заслуживают ненависти и презрения.

Глава 24

Лотэсса перебирала свои драгоценности, прикидывая, сколько за них можно выручить, когда в комнату постучалась мать и довольным донельзя голосом объявила, что король желает ее видеть.

— Он видел меня не далее как позавчера, — буркнула Тэсс. — Что еще ему нужно?

Мирталь поджала губы и улыбнулась с заговорщицки-снисходительным видом, долженствующим изобразить, что уж она-то знает, что могло понадобиться от ее дочки влюбленному мужчине.

Тэсса, естественно, меньше всего на свете желала повидаться с его узурпаторским величеством, но в то же время не стоило накалять обстановку протестами по пустякам. Хочет Дайриец ее видеть — она явится к нему. В конце концов, будет лишний повод поязвить и позлить его.

— Если это столь необходимо, я поеду, — сообщила девушка матери. — Но, разумеется, в черном.

Тэсс доставило истинное удовольствие видеть, как самодовольная улыбка покидает матушкино лицо, уступая место весьма кислому выражению.

— Хочешь быть вороной — твое дело, — раздраженно ответила Мирталь. — Тем лучше я буду смотреться на твоём фоне в новом кремовом платье.

— Вы едете со мной? — на этот раз недовольно кривиться пришлось Лотэссе.

— Конечно, — исполненным достоинства тоном ответствовала родительница. — Не может же юная девица явиться ко двору без сопровождения старших.

— Тогда я поеду с отцом, — решила девушка.

— Можно подумать, мое общество тебя не устраивает! — в голосе матери звенели гнев и обида.

— Можно подумать, вас это удивляет! — безжалостно парировала дочь.

Мирталь порывистым шагом покинула комнату, на прощание хлопнув дверью. Бедная маменька, не надеть вам кремового платья! Не в этот раз.

Во дворец Лотэсса все же поехала в сопровождении отца, как и планировала. В полумраке кареты герцог по большей части молчал, нервно разглаживая ладонями полы своего камзола и боясь лишний раз поднять на дочку глаза.

— Отец, если вы хотите что-то сказать — говорите, — не выдержала Тэсс.

— Тэсса, девочка моя, — он наконец взглянул на нее. — Я не уверен, что мы вправе взваливать на тебя эту ношу...

— Но, тем не менее, вы взвалили, — голос ее звучал почти так же жестко, как при разговоре с матерью. — У вас, конечно, свои причины. Вас даже можно понять, в отличие от матушки, которая всего лишь хочет стать королевской тещей...

— Не надо так, — тон Оро был почти умоляющим. — Она любит тебя. Просто ей кажется, что ты сама не видишь своего счастья.

— Ну, наше с маменькой понимание счастья всегда разнилось, — Лотэсса пожалала плечами.

— Малтэйр не сказал, по какому поводу хочет тебя видеть, — отец решил сменить тему, справедливо полагая, что защищать Мирталь в глазах дочери — безнадежная затея. — Быть может, он все-таки решил разорвать наше соглашение...

— В этом случае я, пожалуй, даже готова броситься ему на шею, — неожиданное предположение резко улучшило расположение духа девушки. — Хотя все равно трудно

будет удержаться и не придушить его.

— Если это так, то я буду рад, несмотря на то, что наши планы рухнут, — Оро говорил серьезно, шутливый настрой дочери не передался ему. — Я много думал и понял, что не готов платить такую цену даже за спасение страны. Ты моя дочь, Тэсса. Ты — все, что у меня осталось! Не знаю, что будет с Эларом, но знаю, что никогда не смогу себе простить, если ты будешь несчастна.

— Я и так несчастна, отец, — ее голос звучал ласково и печально. Лотэсса нежно погладила Оро по руке. — Без Эдана я не смогу прожить счастливую жизнь, как не сможешь и ты. Только мама способна забыть любую утрату при виде нового платья. Никто и ничто не в силах вернуть мне радость жизни, но ты прав, полагая навязываемый мне брак столь мучительным, что по сравнению с ним мое нынешнее положение — почти счастье.

Меж тем карета прибыла на место. Дворец Линсаров находился совсем близко от Нианона. Герцог в сопровождении дочери направился за одним из придворных. Тэсса хорошо знала дворец и отлично справилась бы без провожатого, но формальности и церемониал никто не отменял. Наконец сопровождающий с поклоном отворил перед девушкой массивные двери темного дерева, отошел в сторону, пропуская ее, а затем повел Оро в комнату, где ему предстояло дожидаться дочери.

Исходя из маршрута, петлявшего по дворцовым коридорам и переходам, Тэсс поняла, что король изволит принимать ее не в одной из приемных, а в кабинете. Так оно и оказалось. Войдя, девушка первым делом с любопытством огляделась. Она не была в этой комнате уже несколько месяцев. Кабинет принадлежал Йеланду, у Нейри был свой, отличавшийся, по мнению Лотэссы, куда большим вкусом в отделке и обстановке. Кабинет же бывшего короля, занятый королем нынешним, являл собой образец довольно безвкусной помпезности. Три огромных окна высотой во всю стену были завешены темно-зелеными шторами. На памяти Тэссы, бывавшей здесь не слишком часто, шторы всегда были задернуты, как бы ни была хороша погода за окном. Сейчас же они были распахнуты и солнечный свет, льющийся с улицы, придавал знакомой обстановке непривычный вид. А вот и письменный стол, такой длинный, что при желании Тэсс могла бы растянуться на нем в полный рост. Правда, раньше стол не был завален бумагами, как теперь. Надо же, новый король, ослепи его молния, в отличие от Йеланда, использует кабинет по назначению. А вот, кстати, и он собственной персоной.

Валтор Дайрийский стоял, облокотившись о край письменного стола. Впрочем, увидев входящую девушку, он соизволил податься ей навстречу.

— Энья Линсар, — король склонился к ее руке.

— Эн Малтэйр, — Тэсс даже изобразила нечто вроде реверанса. Подкинутая отцом мысль о расторжении помолвки сильно подняла ей настроение, и теперь девушка прямо-таки лучилась веселой злостью.

Новоиспеченный монарх, как и следовало ожидать, пропустил оскорбительное обращение мимо ушей. И вообще вид у него был серьезный и не слишком довольный.

— Чему обязана необходимостью вас лицеизреть? — девушка решила быть предельно наглой и по возможности вывести-таки Дайрийца из себя.

— Энья Лотэсса, — голос короля звучал как-то устало. — Не думайте, что мне непонятно ваше желание меня убить. Не могу сказать, что я его одобряю, но отдаю себе отчет, что подобные мысли в вашей голове вполне естественны. Но чего вы добиваетесь, рассказывая о своих намерениях всем и каждому?

Совершенно ошарашенная таким поворотом разговора, Тэсс какое-то время молчала. Когда же к ней вернулся дар речи, она сдавленно пробормотала:

— Кто вам сказал?

— А кому вы об этом сообщили? — вопросом на вопрос ответил Дайриец.

Девушка лихорадочно размышляла, кто же из тех, кто знал о ее отношении к Малтэйру, мог пойти к нему и поделиться полученными сведениями. В принципе, она не делала

секрета из отношения к навязанному жениху, но все же не ожидала такого развития событий.

— Не мучайтесь, припоминая, кому вы открыли свою тайну, которая, как я понимаю, тайной давно не является, — король вновь облокотился о стол. — В данном случае это совершенно неважно.

— Вы правы, — раз он знает, можно больше не притворяться. — И что вы теперь намерены со мной делать? — поинтересовалась Тэсса как можно небрежнее.

— То же, что и раньше — жениться на вас, — надо отдать Малтэйру должное, его голос звучал не менее спокойно и небрежно. И если Тэсс искусственно старалась казаться равнодушной, то король, похоже, не прикладывал к этому ни малейших усилий.

Девушка ожидала любой реакции, но не такой.

— Но почему?! — она отказывалась понимать происходящее.

— Потому, что этот союз идеален с политической точки зрения, — он слегка присел на краешек стола. — Мне казалось, что это очевидно...

— Неужели можно признать идеальным брак, где жена ненавидит мужа до такой степени, что готова убить?! — он, верно, сошел с ума. — Вам что, жениться больше не на ком?

— По сути, вы правы, — неожиданно согласился король. — Вы — единственная достойная кандидатура на роль королевы. И дело даже не в вашей исключительной красоте, хотя сложно не принимать это обстоятельство в расчет. Дело в вашем происхождении. В Эларе нет невесты более знатной. Вот если бы у Таскиллов была подходящая девица на выданье, тогда бы я, возможно, оставил вас в покое. Хотя, скорее всего, и она бы вела себя подобным образом.

— Естественно, — слова срывались с губ каплями яда. — Ведь ее брат так же, как и мой, погиб бы при Латне!

— Вообще-то, я имел в виду воспитание, которое сия гипотетическая девица получила бы от своей почтенной матери. Как мне кажется, эна Таскилл, которую я ни разу не имел счастья лицезреть, несмотря на многократные приглашения ко двору, не питает расположения к проклятым захватчикам... что отличает ее от вашей матушки.

— Значит, вы тоже ее презираете? — Тэсса даже растерялась от подобного откровения собеседника. — Я имею в виду мою мать, а не эну Алдору.

— Тоже? — Валтор иронично изогнул бровь. — Ну что вы... Разве я смею питать подобные чувства по отношению к своей будущей родственнице?

Лотэсса какое-то время молчала, пытаясь осознать и уложить в голове все услышанное.

— И все-таки, как можно жениться, зная то, что знаете вы?! — разум отказывался постигать резоны, которыми руководствовался Дайриец. — Я же хочу вас убить! Вы хоть понимаете, что это значит?!

— Разумеется, — спокойно кивнул король. — Это значит, что мне стоит быть чуть внимательнее. Но если вы всерьез полагали, что ваша жажда убийства напугает меня, то вы сильно себя переоцениваете... или недооцениваете меня. Не хватало еще бояться юной девушки!

— Если не боитесь, значит, вы, в свою очередь, недооцениваете меня! — вскинулась Тэсса. — Я опаснее, чем вам кажется.

— Ну да, безусловно, — хмыкнул Малтэйр. — В любом случае, я предупрежден, а значит, ваша совесть будет чиста даже в том случае, если вы всадите нож мне в спину, хотя... что-то подсказывает мне, что так вы вряд ли поступите.

— Но если вам все равно и вы не намерены отказываться от свадьбы со мной, то зачем вызвали сюда? — голос Тэсс срывался от злости. — Просто для того, чтобы отчитать, как

ребенка?

— Вы и есть ребенок, Лотэсса, — неожиданно мягко произнес Валтор. — Самоуверенный, дерзкий, безрассудный и совершенно не умеющий просчитывать последствия своего безрассудства. Я не прошу вас перестать желать мне смерти, я даже не прошу отказаться от попыток убить меня... Я прошу лишь перестать кричать о своей ненависти и жажде мести на каждом шагу.

— Почему? — она шагнула к королю, пристально всматриваясь ему в лицо. — Бойтесь, что окружающие поймут, что ваш идеальный брак не так уж идеален, раз невеста жаждет прикончить жениха?

— Именно, — кивнул Дайриец. — Дело в том, что далеко не все из моих людей находят наш союз столь безупречным и желательным, как я. И если до них дойдут слухи, что потенциальная жена представляет угрозу для их короля... — он вздохнул и развел руками. — Боюсь, что не каждый способен столь же трезво, как я, оценить степень опасности, исходящей от вас. Одни будут искренне переживать за мою бесценную особу, другие имеют на мой брак свои планы, третьи просто не любят эларцев и не доверят им. Да мало ли причин, суть не в этом, а в том, что вас постараются убрать, как фигуру с игрового диска. И я не уверен, что смогу этому помешать. Как вы сами изволили заметить, и слабые люди могут иногда быть опасны, когда сильно ненавидят или страстно чего-нибудь хотят. Я не переживаю о себе, Лотэсса, но в свете ваших неуместных откровений я опасаюсь за вас.

— Вы опасаетесь за меня?! — Тэсс произнесла это, выделяя голосом паузы между словами для пущей драматичности. — Непостижимо!

— Отчего же? — король пожал плечами. — Мне казалось, что я довольно доходчиво объяснил свои мотивы. Или я был недостаточно убедителен?

— Вы совсем сумасшедший! — она покачала головой.

— Напротив, я расчетливый циничный прагматик. А вот вы, Лотэсса, совсем ребенок, — он неожиданно шагнул к девушке и провел ладонью по ее щеке.

— Не смейте ко мне прикасаться! — Тэсса изо всех сил тряхнула головой, со злостью сбрасывая его руку.

— Эту тему мы обсудим после свадьбы, — рассмеялся Валтор.

Кипя гневом, она развернулась и, подойдя к двери, резко дернула ручку. Но тяжелая двустворчатая дверь не поддалась. Дайриец тут же оказался рядом и галантно распахнул перед ней двери, с поклоном пропуская гостью.

— Я знаю, вы предпочли бы хлопнуть, — подмигнул он. — Согласен, такой жест весьма соответствовал бы ситуации. Но, увы, двери королевского кабинета не предназначены для этих целей. Они закрываются медленно и бесшумно. Так что ничего у вас не получится.

— Это мы еще посмотрим! — на прощание бросила Лотэсса перед тем, как гордо удалиться.

Глава 25

Дэна Энлил жила в одном из самых уважаемых пригородов Вельтаны. Руджия, умудряющаяся смотреться мило даже поздней осенью, сейчас, утопая в зелени и цветах садов, казалась великолепной. Дом заинтересовавшей протектора колдуньи был одним из самых новых. Сказать, что он построен со вкусом, значило бы погрешить против истины. Пусть Карст и не был тонким ценителем и знатоком архитектуры, но излишняя вычурность строения, а также несоответствие декоративных деталей друг другу бросались в глаза.

Зато сама хозяйка смотрелась куда привлекательнее своего жилища. Итон однажды уже видел ее, лет пять назад, но в тот раз она почему-то не произвела на него такого впечатления. Или она из той редкой породы женщин, что хорошеют с годами? Впрочем, определить возраст Энлил как раз было непросто. Ясно, что ей уже за сорок, а может, и гораздо больше. Высокая — это было заметно, даже когда она сидела, — с тончайшей талией, особенно эффектной в сочетании с роскошным бюстом и пышными бедрами. Смуглая гладкая кожа на скуластом лице, редкие морщинки почти не заметны. Даже седые пряди в копне черных волнистых волос смотрелись как-то гармонично и уместно, словно так и было задумано. Шикарные миндалевидные глаза ярко-голубого цвета и полные, красиво очерченные губы дополняли образ этой необычной женщины. Картину немного портил лишь нос, слишком широкий и слегка приплюснутый, чуждый на этом тонком лице.

Энлил приняла гостей довольно радушно, особенно когда те представились. Она пригласила коменданта с протектором в беседку, спрятанную в тенистой глубине сада. По дороге им попался довольно смазливый молодой человек, который, насколько помнил Итон, приходился хозяйке мужем.

— Это Тарин, — представила она супруга гостям. — Тарин, дорогой, будь добр, вели подать нам чая в беседку. Или господа хотят чего-нибудь более существенного?

Карст так и не понял, что подразумевала Энлил под «более существенным» — еду или напитки, но и он, и Торн поспешили заверить, что чая вполне достаточно.

— Итак, господа, чем обязана визиту столь высокопоставленных особ? — она устроилась в удобном плетеном кресле, заваленном вышитыми подушками.

— Нашему визиту вы обязаны своим родом деятельности, — ответил Торн, в своей привычной манере переходя сразу к сути и не тратя лишних слов.

— У вас ко мне дело, связанное с магией? — женщина загадочно улыбнулась и, склонив голову, с повышенным интересом глянула на гостей. — Признаться, не ожидала. Я думала, опять налоги или что-нибудь в этом роде.

Значит, помнит его прошлый визит, раз довольно бесцеремонно намекает на финансовые поборы.

— Мы и сами не ожидали, — тем временем продолжал протектор. — Если бы кто-то сказал мне еще неделю назад, что я всерьез заинтересуюсь магией, я бы, пожалуй, рассмеялся ему в лицо. Но сложившаяся ситуация обязывает... Скажите, дэна Энлил, можно ли с помощью магии убить человека?

— Даже так? — женщина удивленно прищурилась. — Можно. Но это будет очень дорого стоить, — слово «очень» она растянула так, чтобы было ясно, насколько это «очень» будет затратно.

— Вы не совсем правильно поняли, — вежливо улыбнулся Торн. — Мы не хотим никого убивать, напротив, наша цель — прекратить убийства.

— Хотите, чтобы я остановила убийцу? — Энлил стала серьезной. — Это непросто. Не могу поручиться за результат. Слишком много обстоятельств нужно принимать в расчет.

— Мы не ждем, что вы остановите убийцу, тем более с помощью ваших э-ээ... способностей, — Итон решил наконец вмешаться в разговор. — Нам нужна ваша помощь в расследовании.

— Что? — женщина рассмеялась гортанным смехом. — Вы хотите, чтобы я, подобно простому стражнику, возилась с трупами, изучая то, что вы именуете доказательствами? Нет уж, оставьте это себе.

— Думаю, вы прекрасно понимаете, что нам нужна помощь совсем другого рода, — тут протектору пришлось ненадолго замолчать, потому что явился Тарин в сопровождении служанки с чайным подносом. Когда же посуда наконец была расставлена, чай разлит по чашкам и посторонние покинули место действия, Торн продолжил. — Мы нуждаемся в вашей, так сказать, профессиональной консультации. И для начала позвольте узнать, какую магию вы практикуете?

— Не уверена, что до конца поняла смысл вашего вопроса. — Энлил держала тонкую фарфоровую чашку с изяществом, достойным истинной аристократки. — Что значит «какую магию»?

— В последнее время я узнал довольно много нового касательно сверхъестественных вещей, — пояснил Торн. — Так вот, авторы, с трудами которых мне довелось ознакомиться, условно делят магию на несколько видов, как правило, исходя из места, где она зародилась. В связи с этим позвольте поинтересоваться: откуда вы родом? Если это, конечно, не секрет. Ведь очевидно, что женщина со столь яркой и незаурядной внешностью не может быть эларкой, да и вообще уроженкой Дозьи.

Вот как. Все-таки Торн мастер обращаться со словами, а заодно с женщинами. Это ж надо, одновременно польстить и дать понять, что обманывать бесполезно.

— А вы наблюдательны, — она вновь рассмеялась и кокетливо тряхнула темной гривой. — Моя родина — Ай-Таш.

— Шургат? — протектор не смог сдержать удивления. — Если верить источникам, которые я читал, исконная шургатская магия несколько отличается от того, чем вы занимаетесь. Я хочу сказать, что если бы вы занимались подобными вещами...

— Какими вещами? — Энлил одарила мужчин снисходительно-насмешливым взглядом. — Кровавыми ритуалами, сопровождаемыми жуткими завываниями или душераздирающими звуками дудок? Выворачиванием внутренностей животных? — чуть помолчав, добавила. — В лучшем случае животных.

— Вроде того, — неуверенно кивнул Торн.

Сам Итон вообще молчал. Может, протектор и попал впросак со своими учеными книжками, но он хотя бы что-то знал, в отличие от коменданта.

— Ох, не смешите меня! — отсмеявшись и успокоившись, женщина продолжала. — Конечно, я не отрицаю, что все это имеет место быть и на Шургате распространено почти повсеместно. Но такие вещи нужны лишь в начале пути. И те, кто останавливается в самом начале, не достигнут ничего или почти ничего. Хотя тех, кто не ступил за грань истинной силы, куда больше, чем тех, кто подчинил ее себе. Так же, как по-настоящему образованных людей намного меньше, чем тех, кто едва освоил грамоту, умеет кое-как разбирать печатные слова, корябать буквы и складывать простейшие числа. Шургатские колдуны по большей части лишь создают видимость обладания силой, которую вы зовете магией, хотя возможности их очень ограничены. Кроме того, азы нашей магии способны нести лишь разрушение — страх, болезнь, сумасшествие, наконец, смерть. Такие вещи очень сложно продать. Конечно, иногда находятся клиенты и на подобные услуги, но куда чаще людям нужны здоровье, благополучие, богатство, успех. Чашей крови и мотком кишок этого не добиться, поверьте мне.

Верховный протектор весь обратился в слух, да и самому Итону, чего уж скрывать, было интересно.

— Как я понимаю, вы дарите людям то, чего они хотят, — предположил Торн. — Но как? Вы не вскрываете зверушек и не играете на дудках...

Это уж точно, иначе бы ему об этом доложили. Разве что Энлил держала свои кошмарные ритуалы в глубокой тайне, творя их где-то вдали от посторонних глаз.

— Давно уже не вскрываю и не играю, — подтвердила женщина, с аппетитом кусая маленькую слоеную булочку. — Хотя в свое время, конечно, я все это прошла. Но то было перед дверью, а за нею посвященных ждут истинные хозяева силы — тени.

— Тени? — переспросил протектор.

— Тени, — серьезно кивнула Энлил. — Они — хозяева силы, а мы — их хозяева. Тени — весьма беспокойные и опасные рабы, но и дать покорившим их они могут немало. Нас — тех, кто приручил магию теней — не так уж много даже на Шургате. В таких странах, как Ша'ат, Циир или Ай-Шале, сильных магов практически нет. Зато в Ут'авэс или в Хаамате тeneвая магия более развита, чем примитивные ритуалы. Но родиной настоящей силы по праву считается Ай-Таш, — в ее голосе звучала гордость. — Там я научилась всему, что знаю, и теперь мне ничего не стоит призывать тени, а им ничего не стоит пересечь Море Туманов быстрее любого корабля, чтоб исполнить мою волю.

После этого женщина замолчала, задумавшись.

— Я рассказала вам куда больше, чем планировала, — призналась она. — Вообще-то, я еще никому не рассказывала о таких вещах. Я имею в виду, здесь, на Доэе. Но до этого никто и не спрашивал меня о сути магии, все хотели лишь результата. И уж подавно никто не проявлял осведомленности в области шургатских колдовских обрядов. Умеете вы все-таки разговорить женщину, — обращаясь к Торну, она придала голосу игриво-кокетливый тон, но в ее глазах Карст разглядел напряженную озабоченность.

— Можете быть уверены, дэна Энлил, — заверил ее протектор. — Сведения, которыми вы поделились, никоим образом не повредят вам.

— Да какая я, к демонам, дэна? — хозяйка махнула рукой. — Не дворянка и даже не эларка. Зовите меня просто Энлил. Надеюсь, что мои откровения помогут вам с вашими убийствами.

— Боюсь, что по-настоящему мы еще ничего не прояснили, — Итон решил, что разговор заканчивать рано. Хотя, может, Торн уже все понял и сделал из рассказа колдуны соответствующие выводы.

— Я вынужден согласится с дэном Карстом, — Элвир протянул руку и сорвал незрелую сливу с ветки, которая пробилась сквозь деревянную решетку беседки. — Теперь мы знаем намного больше о шургатской магии. Я бы даже мог написать трактат, чтобы

утереть нос ученым мужам, чьи труды пылятся в королевской библиотеке, но, увы, пришли мы сюда ради другого. Энлил, вы, наверное, слышали о странных убийствах, творящихся в Вельтане. Такие новости не удержишь в городских стенах.

— Только не в моем случае. Я редко обращаю внимание на то, что творится вокруг, если это не касается очередного заказа. Нет, конечно, я в курсе, что Элар завоеван дайрийцами, — женщина каким-то образом умудрилась одновременно отвесить символический поклон Торну и кинуть сочувствующий взгляд Итону. — Но меня, уж простите, это не касается. Элар — не моя страна, Вельтана — не мой город. Я никогда не скрывала, что приехала сюда за богатством, которого бы никогда не получила в Ай-Гаш. Там слишком много таких, как я. Силы там больше, а вот доход с нее получить практически невозможно. Таким образом, эларские дела и столичные новости меня не интересуют, а потому, как правило, проходят мимо меня. Но можете рассказать мне о ваших убийствах, раз уж вы за тем и пришли.

Рассказывать об убийствах Торн предоставил коменданту. Оно и правильно. Вести беседы и задавать хитрые вопросы он не мастер, зато точно изложить суть дела, с которым работает, сумеет лучше многих. После того, как Энлил внимательно выслушала коменданта, протектор поинтересовался ее мнением на сей счет.

— Могут ли ваши тени вызвать подобную смерть? — спросил он.

— Тени многое могут, но, как я уже говорила, в таких случаях к ним редко прибегают. Тени — более сложный вид магии, направленный на созидание, хоть и исходит из того же источника, что прочая шургатская магия. Однако для смертей скорее всего использовали бы более простое колдовство. Вы же вряд ли воспользуетесь иглой для вышивания, если решите убить человека, хотя теоретически, использованная определенным образом, она может стать орудием убийства. И все же вы предпочтете меч, лук или арбалет, на худой конец, нож.

— Логично, — кивнул протектор.

— Не думаю, что это дело теней, а точнее мага, повелевающего ими. Тем более что иных повелителей теней, кроме меня, я не знаю. Кстати, вы часом не думаете, что это моя работа? — неожиданно поинтересовалась она. Оказывается, не только Торн умеет задавать прямые вопросы.

— За неимением разумных версий мы позволили себе предположить, что за всем этим может стоять маг. Иных магов, кроме вас, мы не знаем, — в тон ей ответил Элвир, разведя руками. — Однако практически с самого начала беседы я откинул идею о вашей причастности к происходящему. И чем дольше мы беседуем, тем меньше у меня оснований подозревать вас.

— Спасибо за откровенность, — серьезно кивнула колдунья. — Только, мне кажется, маги здесь ни при чем. Не допускаете ли вы, что это могут быть некие существа...

— Вы имеете в виду мифических тварей?

— Это у вас, на Доэе, они мифические, а на Шургате — вполне реальные. Не персонажи детских страшных сказок, а наши соседи, хоть и, по большей части, малоприятные.

— Но разве родиной всех этих тварей не считается Граайя?

Бедный Торн. Снова оказалось, что знания, которые он раздобыл, не соответствуют реальному положению вещей.

— Считается, — не стала спорить Энлил. — Вполне возможно, что Граайя даже является их родиной. Только это не мешает им обитать на Шургате. Мы зовем их демонами или на'ари. Разновидностей множество — суть одна. Ваши убийства куда больше похожи на дело их рук, чем на работу магов.

— Хорошо, — не желал окончательно сдаваться дайриец. — Пусть на Шургате эти ваши демоны ходят по улицам, но здесь же не Шургат!

— На Доэе они тоже есть, — колдунья загадочно улыбнулась. — Поверьте, уж я-то знаю. Ваши сказки не на пустом месте появились. Конечно, здесь демонов мало, а вранья и

глупости в историях о них, напротив, много, но это не отменяет самого факта их существования.

— Ну надо же! — Торн покачал головой. — За час беседы с живым человеком я узнал больше, чем в результате прочтения нескольких десятков книг...

— На Дозье слишком доверяют книгам, — фыркнула женщина. — Раз что-то записано на бумаге, то оно уже обязано быть истиной. Прочтя книжку, человек уверен, что знает, как оно на самом деле. А вам не приходило в голову, господа, что книги могут писать люди лживые или попросту глупые? Что ваши хваленые трактаты пишутся чаще всего с чужих слов... Истинные знания и мудрость передаются лишь из уст в уста. От наставника к ученику, от отца к сыну. Только в этих случаях есть смысл им доверять. А авторы ваших ученых книг ничего не должны своим читателям, многие из них давно умерли и не слишком расстроятся, если их посмертно объявят лжецами или глупцами.

— Трудно не признать вашу правоту, — может, протектор сказал это, чтоб угодить собеседнице, но голос его звучал довольно искренне. — И что за демоны, по вашему мнению, могли учинить такое?

— Откуда мне знать? — удивилась Энлил. — Вы полагаете, я знакома со всеми демонами поименно или хотя бы могу перечислить все их разновидности? Если б я хотя бы видела своими глазами...

— Мне казалось, что дэн Карст довольно точно описал картину происходящего. Не уверен, что даже личное присутствие дополнило бы ее чем-то существенным.

— Вы не понимаете, — таким тоном разговаривают с маленькими неразумными детьми. — Дело вовсе не в том, чтобы увидеть очередного покойника, а в том, чтобы почувствовать следы магии или присутствия сверхъестественного существа. Вы этого не сможете при всем желании, в отличие от меня.

— Но разве вы не отвергли с презрением идею личного участия в следствии? — хитро спросил Торн.

— Считайте, что вам удалось меня заинтересовать, — сдалась колдунья. — Я согласна вам помогать не только советом, но и делом. Конечно, мои услуги должны быть щедро оплачены. Очень щедро, — и опять слово «очень» было произнесено чрезвычайно многозначительным тоном. — Ведь на время разбирательства с вашими убийствами я вынуждена буду оставить другие заказы. Содержание одного этого дома обходится весьма недешево, кроме того, я не собираюсь отказываться от привычного образа жизни даже на время, ну и потом, у меня молодой муж.

При упоминании молодого мужа мужчины невольно переглянулись, что не ускользнуло от хозяйки.

— Вы, верно, думаете, что старая дуреха купила молодого муженька? — не дав им сказать ни слова в свое оправдание, она продолжала: — Да будет вам известно, я вовсе не планировала выходить замуж, тем более за простолюдина намного моложе себя годами. Но бедный Тарин так влюбился, что проще было его убить, чем прогнать. Естественно, с помощью силы я проверила истинность его чувств. Когда же он прошел проверку, мне оставалось лишь стать его женой либо с помощью колдовства погасить огонь его страсти. Я выбрала первое и не жалею. С моей работой мне совершенно некогда думать о ведении хозяйственных дел, а Тарин отлично с этим справляется.

Очевидно, молодой Тарин отлично справляется не только с этим, иначе колдунья могла бы ограничиться наймом сведущей экономки или управляющего.

— Итак, Энлил, вы чрезвычайно нам помогли, — протектор поднялся, давая понять, что они уходят. — А надежда на ваше участие в расследовании этих проклятых убийств лишний раз подтверждает, сколь разумно с нашей стороны было отправиться к вам вместо того, чтобы, как прежде, вслепую блуждать во тьме догадок. Поверьте, нелегко было людям, привыкшим мыслить исключительно рационально, прийти к мысли о магии и решиться нанести визит магу. Но я ничуть об этом не жалею! — Торн согнулся в почтительном поклоне. Такой мог бы предназначаться настоящей аристократке.

— Признаюсь, ваш визит меня развлек, — хозяйка решила отплатить ответной любезностью. — Да и нечасто выпадает возможность поговорить о магии, точнее, вообще никогда. Клиентам моим неинтересно, а многим откровенно страшно знать, какие силы я использую для выполнения их желаний. Тарин — чудесный муж, но рассуждать с ним о магии и тенях — увольте! Да и соскучилась я по сложным задачам и необычным делам. А потому это мне впору благодарить вас, господа.

На этой ноте, весьма довольные друг другом, они расстались. Но если протектор искренне радовался приобретению новых знаний, то Итону было тоскливо и неуютно от того, что мир неожиданно оказался куда более сложным и страшным, чем он привык считать.

Глава 26

— Опять мне снился этот мерзкий сон! — Тэсс поежилась.

— Какой сон? — Лан считал, что женщины уделяют снам куда больше внимания, чем стоило бы, но когда дело касалось Тэссы, он готов был слушать о чем угодно, лишь бы находиться рядом.

— Я тебе рассказывала, не помнишь? — девушка подошла к столу и стала что-то искать. — Там были скалы, песок, пыльное небо и жуткий звук...

— Помню! — он и правда вспомнил. — Ты видела тот же самый сон снова?

— Да, — кивнула она. — Причем раньше со мной такого не случалось. На этот раз, правда, кошмарное шипение слышалось намного тише, зато пыли и песка было столько, что я проснулась с болью в горле, как будто наглоталась этого песка. Потом еще долго кашляла.

— Действительно, странный сон, — Лан нахмурился.

— Странный — не то слово! — согласилась Тэсс. — Смотри, — она протянула ему набросок. На листе углем были изображены скалистые уступы, уходящие под небеса, узкая каменистая дорога между ними.

— Ты нарисовала это место? Красиво! — увидев промелькнувшее на лице Лотэссы удивление, он поспешил пояснить. — Я имею в виду саму картину, а не пейзаж. Место действительно неприятное. Зато ты отлично рисуешь.

— Спасибо, — девушка вздохнула. — Лучше бы я умела отлично держать язык за зубами.

— О чем ты? — Лан подошел к креслу, в которое опустилась Тэсс, и присел на ручку, не выпуская рисунок из рук.

Она отвела взгляд и не ответила. А через минуту с озабоченным и, как показалось Лану, чуть виноватым видом спросила, скоро ли они смогут покинуть столицу.

— Ну, ты же знаешь, — он немного удивился вопросу, поскольку тема уже не раз обсуждалась. — Как только матушка получит ответ от своего кузена, мы сразу уедем.

— А если мы уедем, не дожидаясь его ответа? — голос Тэсс зазвучал просительно. — Неужели он нас прогонит, если мы заявимся без предупреждения?

— В чем причина такой спешки? — юноша все-таки не выдержал и решил дознаться до правды. — Что-то случилось? Ты ведь была у короля, да? Он требует ускорить свадьбу?

— Нет, не требует, — нехотя признала она. — Пока... Но я совершила одну грандиозную глупость, которая привлекла лишнее внимание Дайрийца. И теперь чем скорее я исчезну из Вельтаны, тем лучше. Проклятому королю, как выяснилось, слишком сильно нужен этот брак, и если он что-то прознает, то ни за что меня не выпустит из рук.

— Слишком сильно? — Лан против воли почувствовал нечто вроде зависти к Дайрийцу. — Он так безумно влюблен?

— Влюблен?! — фыркнула Тэсс, вскакивая с кресла. — Ничуть не бывало! Не уверена, что он вообще знает, что такое любовь. Просто этот брак идеален с политической точки зрения. Именно так он мне и заявил.

— Но при чем тут ты? Ты сказала, что совершила глупость? Что ты имела в виду? — слишком много вопросов, зато все об одном и том же.

— Ну, видишь ли, — смущенно начала девушка, снова опускаясь в кресло, — я разболтала одной гнусной девице, что ненавижу Малтэйра и хочу его убить. Она прикинулась другом, но это меня не оправдывает. Я знаю, что поступила по-детски и совершенно безответственно. А эта дрянь отправилась прямиком к королю и донесла на меня. А еще жрица! Наверное, эта Маритэ та еще богиня, если ей служат такие гадины! Теперь Дайриец, разрази его молния, знает, что со мной нужно держать ухо востро.

Боюсь, он может приставить кого-нибудь следить за мной... за нами. Прости, Лан! Из-за моего длинного языка и неумения держать себя в руках вся наша затея под угрозой.

Тэсса закрыла лицо руками. Непонятно было, плачет она или нет, но Лану и этого зрелища было достаточно. Он мигом оказался возле ее кресла и склонился к девушке, чуть ли не опускаясь на колени.

— Тэсса, ну что ты! — парень неловко погладил ее руке, при этом одновременно умирая от смущения и радуясь поводу прикоснуться к ней. — Ты просто доверяешь людям, потому что сама благородна и не способна на предательство! Конечно, теперь нам придется быть более осмотрительными, но, уверен, мы сумеем проскользнуть у монарха меж пальцев, — девушка отняла руки от лица, с надеждой вглядываясь в собеседника. Это придало Лану уверенности и красноречия. — Ты права, нам нужно убираться побыстрее. Я сегодня же поговорю с матушкой, и завтра, в крайнем случае через пару дней, мы уедем, не дожидаясь ответа от Ромельда. Главное, чтоб погоню не послали.

— А ведь мы думали об этом, — вздохнула Лотэсса. — Идея сказаться больной и отправиться к морю, придуманная твоей матушкой, вполне хороша, только вот теперь это может вызвать излишний интерес. Навяжет король провожатых-соглядатаев. Эх, ну что мне стоило помолчать?!

В глубине души Лан считал, что укоры, которыми осыпала себя Тэсса, вполне заслуженны. Своей откровенностью она сильно все усложнила. Но ни за что в мире он не позволил бы себе высказать подобные мысли вслух. Во-первых, Лотэсса — его будущая жена и, что гораздо важнее, любимая девушка, во-вторых, ей и без того плохо, в-третьих, она сама уже сказала все, что можно было сказать. Когда человек, совершивший ошибку или, того хуже, неблагоприятный поступок, начинает лихорадочно оправдывать себя, у окружающих возникает желание упрекать. Если же, напротив, виноватый сам казнит себя, то не остается ничего другого, как жалеть и утешать. Впрочем, Лан был уверен, что девушка ругает себя не с целью избежать порицания. Для этого она слишком бесхитростна. Умей она просчитывать последствия своих действий и играть с людьми, никогда бы Малтэйр не узнал, как сильно она его ненавидит. Да он бы вообще не догадывался, что его избранница имеет что-то против того, чтобы стать королевой. И тогда они могли бы преспокойно уехать куда угодно, находясь вне всяких подозрений.

Увы, идея сбежать, а заодно и устроить заговор пришла Тэссе уже после того, как она умудрилась продемонстрировать Дайрицу свое отношение к нему и к свадьбе. Хотя сам Лан поступил бы так же. Юлить и притворяться он умел не лучше Лотэссы. В этот момент парень, до этого мнивший себя и ее храбрыми и отчаянными, но в то же время предусмотрительными заговорщиками, остро осознал, какие они оба дети — неразумные, беспомощные, загнанные в тупик. Однако явившееся вслед за этим искушение немедленно обратиться к матушке, чтобы она все решила и подсказала, что делать, было подавлено быстро и решительно. Он — мужчина. Пусть ему нет еще и пятнадцати, но если он ввязался в это дело — а ведь он ничуть не жалеет, что ввязался, — то нужно учиться принимать решения и действовать в сложных ситуациях. Он отвечает не только за себя, но и за Тэссу. В первую очередь за нее. Ведь именно ей угрожает опасность. На него же самого вообще никто не обращает внимания. Таскиллы могут уезжать из столицы и возвращаться, сколько им вздумается, вряд ли короля и его прихвостней заинтересуют их передвижения. А вот королевская невеста-бунтарка — совсем другое дело!

От продолжения беседы молодых людей отвлек шум колес под окнами. Дверь Тэссиной комнаты выходила на открытую галерею, а окна — в противоположную сторону, в парк, через который пролегла дорога, ведущая к парадному входу. И вот сейчас по этой дороге ехала карета. Вообще-то, каретам, за исключением хозяйской, полагалось останавливаться у ворот. Через парк позволялось ехать лишь родственникам и близким друзьям, например, Таскиллам. Хотя Лан, как прежде и Рейлор, предпочитал наносить визиты верхом. Каретой пользовались исключительно в случаях, когда посетить Линсаров соизволяла эна Алдора, что, впрочем, случалось нечасто, поскольку маменька терпеть не могла эну Линсар, а скрывать свои чувства почитала слишком тяжким делом, не стоящим прилагаемых усилий.

Кто же эти странные визитеры, чей экипаж был допущен прямо к парадному входу замка Линсаров? Лан с Тэссой приникли к окну. Опершись на подоконник, они чуть ли

не касались лбами стекла, пытаясь понять, что за посетители пожаловали. Долго биться над этим вопросом не пришлось. На карете красовалась змея, обвивающая меч, — герб Ильдод. Значит, экипаж прибыл из королевского дворца. Малтэйр еще не успел заменить повсюду герб правящей династии Элара своим — совой, восседающей на книге.

— Из Нианона, — прошептала Лотэсса, белея.

Ей не нужно было объяснять Лану, что это значит. В свете рассказанного ею, ждать от гостей можно было самого худшего. Девушка заметалась по комнате, не зная, что предпринять. Вдруг она решила.

— Мы должны подслушать, о чем эти треклятые прихвостни Дайрица будут говорить с моими родителями. Это ведь не он собственной персоной? — предполагая подобное, Тэсс даже вздрогнула. Молодые люди снова ринуться к окну, от которого инстинктивно отпрянули, как только карета остановилась.

Из экипажа вышел не Валтор Малтэйр. Тэсса не знала в лицо нарядно одетого гостя и пришла к выводу, что пожаловавший — из дайрийского окружения нового монарха.

— Пойдем, — Лотэсса решительно потянула Лана за руку.

Они вышли из комнаты и быстро двинулись по галерее, затем оказались в коридоре, из него свернули в другой. Наконец девушка толкнула не слишком приметную дверь, которой завершалось одно из ответвлений главного коридора.

Комната, в которой они оказались, была небольшой и довольно странной. Главная странность заключалась в отсутствии окон. Очевидно, чтобы замаскировать это обстоятельство, одну из стен практически полностью закрывали тяжелые шторы из синей парчи. Обивка мебели также была синей. Впрочем, вся обстановка комнаты состояла из узкой кушетки и неудобного даже на вид кресла с высокой спинкой. Разглядеть это все Лан смог только тогда, когда Тэсса зажгла небольшую лампу: без нее, за неимением солнечного света, в комнатке царил полный мрак. Пока девушка возилась с лампой, Лан непроизвольно водил пальцем по резной спинке кушетки, в результате чего с некоторым удивлением обнаружил достаточно внушительный слой пыли, покрывавший мебель и все остальные поверхности.

— Здесь редко убираются, — объяснила его спутница. — Думаю, слуги навещают сюда пару раз в год, во время обстоятельных уборок. Не знаю, зачем наши предки устраивали эту комнату, смежную с главной приемной, но, сдается мне, использовали ее так же, как мы сейчас.

— Неужели, находясь здесь, можно услышать, что происходит в приемной? — удивился юноша.

— И не только услышать, — хитро подмигнула Тэсса.

Она подошла к синей портъере и с силой дернула ее, подняв в воздухе маленькую пыльную бурю. За шторой притаилось небольшое круглое окошко, за которым как на ладони открывалась парадная приемная, пока пустая.

— Но как? — поразился он. — Разве наблюдающих не видно с той стороны?

— А вот и нет! — торжествующе улыбнулась девушка. — С той стороны это выглядит как зеркало в перламутровой оправе. Я слышала, отец с кем-то обсуждал технику изготовления такого стекла, упомянув при этом, что в Нианоне есть несколько подобных зеркал.

Тут молодым людям пришлось спешно умолкнуть, потому что в зал вошла чета Линсаров в сопровождении давешнего гостя из дворца. Лан с Тэссой прикинули к странному стеклу.

Расположившись в кресле и терпеливо переждав восторженную воркотню хозяйки, придворный наконец заговорил о деле. Причем разговор он начал довольно неожиданно.

— Не хочу пугать прелестную энду Линсар, но известно ли вам, господа, о странных смертях, вот уже несколько недель происходящих на улицах вашей прекрасной столицы?

— Я слышал об этом, — нахмурился герцог. А эна Мирталь несколько секунд раздумывала, подобает ли ей принять новость спокойно или же изобразить трогательный испуг. Наблюдать со стороны за ней в этот момент было довольно забавно.

— Пока смерти — хотя, думаю, уместнее было бы именовать их убийствами — постигали лишь простолюдинов, а то и вовсе какое-нибудь отребье, но не исключено, что все мы в опасности. Его величество делает все, чтобы уберечь Вельтану от непонятной напасти, но, как вы понимаете, защитить всех и каждого не в его власти.

— Ну, надеюсь, хотя бы свих будущих жену и родственников он защитить сможет? — вопрос, который задала герцогиня, звучал скорее как требование.

— Разумеется, — с достоинством кивнул гость. — Именно поэтому я здесь. Король, обеспокоенный положением в столице, предлагает вам, своей прелестной невесте, а также всем, кого вы сочтете нужным взять с собой, некоторое время погостить в Нианоне. Как вы понимаете, королевский дворец охраняется лучше, чем что бы то ни было в Вельтане.

— Мы, конечно, не держим гвардейцев и стражников, но, смею заметить, наш замок достаточно надежен, и я не вижу особого смысла... — начал было Оро Линсар, но договорить ему не дали.

— Какая трогательная забота со стороны его величества! — всплеснула руками эна Мирталь. — Мы восхищены его предусмотрительностью и бесконечно благодарны. Думаю, мой благородный и бесстрашный муж переоценивает себя и наших людей или недооценивает опасность. Мне кажется весьма разумным принять великодушное предложение государя, — при этом хозяйка умудрялась одновременно слащаво улыбаться придворному и кидать многозначительные взгляды на Оро.

Лан, оторвавшись от происходящего за стеной, украдкой посмотрел на Тэссу. Та глядела на мать так, что зеркалу в зале впору было задымиться или расплавиться. В волнении девушка закусила нижнюю губу, и на ней проступили капельки крови, вызвавшие у парня желание стереть их если не поцелуем, то хотя бы рукой. Но он понимал, что сейчас к Тэсс, напряженной, как натянутая тетива, лучше не соваться.

Да, матушка Лотэссы та еще штучка. Мало того, что ей плевать на ненависть дочери к навязанному жениху, так она еще и мужа своего публично унижает, оспаривая при посторонних его мнение и оставляя за собой последнее слово. Не зря все-таки его собственная мать терпеть не может вторую эну Линсар. Конечно, самому Лану надо бы научиться быть к ней понисходительнее, ведь, если задуманное получится, эта вздорная и корыстная женщина станет ему тещей. Хотя сама герцогиня уже видит себя тещей Дайрица.

— Я сбегу с тобой из дома сегодня же! — решила Тэсса. — Надеюсь, эна Алдора даст мне приют? От Таскиллов меня не так легко будет перетащить во дворец, под надзор псов Дайрийца!

— Конечно, — он кивнул, хотя в глубине души был вовсе не уверен в разумности решения девушки. — Мы можем поехать к нам прямо сейчас, пока твои родители не стали тебя искать.

Однако хозяева дома уже вспомнили о дочери. Оставив жену развлекать гостя, Оро с обреченным видом отправился разыскивать Лотэссу, чтобы сообщить ей о новости, которая наверняка вызовет приступ негодования и протеста.

Тэсс задумалась, не зная, как лучше поступить. Впрочем, она быстро приняла решение.

— Я пойду к ним, а ты оставайся здесь, — попросила она Лана. — Ты услышишь все, о чем мы будем говорить. А потом я тебя тихонько выведу. Не надо, чтобы тебя лишний раз видели со мной. Наверное, мне все же не стоит открыто пребывать в вашем замке, навлекая гнев Валтора на тебя и твою матушку. Лучше уж вы спрячете меня до момента нашего отъезда.

Лан облегченно вздохнул. Так действительно лучше. Если Тэсса укроется у Таскиллов, открыто нарушая королевскую волю, неминуемо возникнут подозрения о заговоре. Если

же строптивая невеста Дайрийца просто сбежит, то вряд ли ее станут искать в первую очередь в замке эны Алдоры.

Так он сидел, нервно похлопывая ладонью по кушетке и вздымая над синим бархатом облачка пыли, пока Оро вновь не появился в приемной, на этот раз в сопровождении дочери.

Посланец Валтора повторно изложил суть предложения своего короля. Лотэсса выслушала его стоя, молча скрестив руки на груди. Столь нелюбезный прием эны Линсар заставил придворного поспешно засобирается обратно во дворец, коль скоро поручение было выполнено. Герцог вышел, чтобы проводить гостя. Едва оставшись с дочерью вдвоем, эна Мирталь набросилась на девушку.

— Как можно было вести себя столь вызывающе? Неужели ты не понимаешь, что король заботится о тебе... о нас.

— Король хочет держать меня под охраной, — буркнула в ответ Тэсса. Было видно, что каждое слово, обращенное к матери, дается ей с трудом. — Если хотите погостить у любезного убийцы вашего сына, то извольте, но я не поеду!

— Нет, поедешь! — взвизгнула герцогиня. — Как же ты меня измучила, неблагодарная девчонка! Ты поедешь, и ты станешь королевой! Не знаю, что ты там задумала и зачем к тебе таскается мальчишка Таскиллов, но я положу этому конец...

— При чем тут Лан? — тихо спросила внезапно побледневшая Тэсс.

— Вот и мне интересно: при чем? — язвительно поинтересовалась мать. — Ты проводишь с ним все время, запершись в комнате. Что за разговоры вы там плетете? Что, надумала замуж выскочить за этого молокососа?

А эна Мирталь, оказывается, не такая уж беспросветная дура, как полагает матушка. Может быть, какое-то странное чутье интриганки заменяло ей ум и мудрость, но каждая из ее догадок была точно в цель.

— Что за чушь?! — фыркнула Тэсса. Причем возмущение ее было искренним и явно относилось к последнему предположению матери. Лана одновременно радовало то, что не посвященная в их планы девушка может, избегая притворства, опровергнуть выводы эны Мирталь, и огорчало то, что она сама даже мысли не допускает о браке с ним.

— Думаешь, что он вырастет и заменит тебе своего дерзкого красавчика брата? А то я не видела, как ты вздыхала по нему, хотя мать устроила тебе самый блестящий брак из возможных.

Лан знал, что на самом деле брак с Нейри Ильдом устроила вовсе не герцогиня, она вообще тут была ни при чем. Руки Тэссы попросил сам Йеланд, причем совершенно неожиданно, когда все были уверены в скорой свадьбе Лотэссы и Рейлора.

— Не смейте! — Лотэсса побледнела еще сильнее. — Никогда не смейте произносить имени Рейлора, убитого вашим проклятым королем! Если вы упомянете его еще хоть раз, клянусь, я вас ударю!

Глава 27

Тарин Ворни возвращался домой за полночь. В это время открыты лишь одни городские ворота, которые оттого и получили свое прозвание — Ночные. Путь до них был дальше, чем до Старых или Рыночных, но выбирать не приходилось. Да и не жаль Тарину пройти лишние полчаса, если бы только все не было зря...

Его любовь, его прекрасная и жестокая Омиза опять не удостоила несчастного поклонника, проводящего часы напролет под ее окнами, и взглядом. То есть увидеть-то она его увидела, но сразу же решительно задернула шторы.

Тарин отказывался понимать и принимать упрямство своей избранницы. Нет, будь она к нему совсем равнодушна, он бы оставил ее в покое и не унижался бы раз за разом. Но он ведь еще помнил, как пылко Омиза отвечала на его чувства... пока не узнала, что он женат. Тот факт, что жену Тарин ненавидел столь же страстно, сколь сильно любил Омизу, никак не повлиял на решение последней. Омиза Венайл, узнав от сестры, что ее ухажер состоит в законном браке, надавала Тарину пощечин, наговорила кучу жестоких слов и велела навсегда убираться из ее жизни. Это было полгода назад, и все равно отвергнутый влюбленный не мог поверить в ее равнодушие. Может, Омиза и ненавидит его, но все равно в глубине души продолжает любить, как и он ее.

Тарин понимал, что все их страдания — лишь его вина. Это страшная неизбежная цена его давней глупости. Что за безумие на него накатило десять лет назад, когда он без памяти влюбился в проклятую ведьму? И ведь действительно влюбился, эта хитрая гадина проверила его колдовским способом, подозревая в корысти. Сдалась ему стареющая иноземка, пусть богатая, пусть загадочная, но все же почти на пятнадцать лет старше. И ведь не околдован был. Зачем бы ей иначе его проверять, если бы сама чары любовные наложила? Да и к чему привораживать простого парня, пусть ладного и пригожего, но бедного и безродного, когда можно выбрать в мужья кого пожелаешь?

Нет, Тарин Ворни сам прыгнул в эту пропасть, добровольно и чуть ли не с радостью. Он ведь и правда любил эту женщину, пусть и недолго. Энлил, эта ведьма-чужестранка, запала ему в сердце с первого взгляда. Сейчас он уже не понимал, что его так поразило в ней. Скорее всего, дело было во внешности — яркой, вызывающей, чужой красоте. Нельзя сказать, что сегодня его жена выглядела сильно старше или хуже, чем десять лет назад, когда поразила воображение бедного паренька — племянника купца, сдававшего в аренду дома в Руджии, один из которых колдунья выбрала для себя. Она была почти так же хороша годы спустя, только вот любовь давным-давно стала ненавистью.

Кто знает, как бы все сложилось, относись к нему Энлил иначе. Нет, сначала она была очень благосклонна. Согласилась стать его возлюбленной, а после даже женой, предварительно проверив, не ищет ли он союза с целью завладеть ее богатством, нажитым колдовским ремеслом. Ни молодость любовника, ни его безродность не остановили ведьму — она вышла замуж за племянника купца. А Тарин был на вершине блаженства. Он получил и желанную женщину, о которой мечтал, и познал прелести богатой и праздной жизни. Однако очень скоро Энлил дала понять кем, а точнее, чем для нее является молодой муж.

О, эта стерва никогда не любила его. Тарин, который и до свадьбы вполне устраивал колдунью как любовник, став мужем, по ее настоянию принял на себя обязанности по управлению хозяйством. Это Энлил так называла, а на деле Тарин заменял управляющего, посыльного, дворецкого — короче, был мальчиком на побегушках. Ведьма никогда не стеснялась унижать супруга при посторонних. Он подавал им еду и напитки, выполнял мелкие поручения хозяйки, а тем, кто умудрялся вызвать расположение Энлил, она доверительно сообщала, что ее новый муж — очень полезный в хозяйстве мальчик.

Не так уж много времени прошло до того момента, как страстная любовь обратилась в жгучую ненависть. Странно, что женушка никогда больше не проверяла Тарина магическим способом на предмет испытываемых им чувств. Она, живя с ним долгие годы, и не догадывалась, что муж, низведенный до положения прислуги, ненавидит ее и жаждет ее смерти. Кстати, возможная смерть Энлил была той единственной, но прочной нитью, которая держала Тарина рядом с колдуньей все эти годы. Никто иной, как супруг,

должен был унаследовать дом, который ведьма давным-давно выкупила в собственность, и все ее отнюдь не малые капиталы, о размерах которых он доподлинно знал, поскольку вел финансовые дела жены. Возможность рано или поздно стать богачом стоила того, чтобы продемонстрировать свою полезность, притворяясь изо дня в день покорным и любящим. Но годы шли, Энлил не только не собиралась умирать, но даже ни разу не заболела и практически не старела. Скорее всего, этим ведьма была обязана своей магии. А Тарин слишком поздно понял, что его ожидания напрасны и что годы потрачены зря. Лучшие годы его молодости! Конечно, сейчас он еще выглядит моложе жены, но пройдет не так уж много лет, и они будут казаться ровесниками, а потом — Тарин с ужасом осознал это — он будет смотреться старше ее, начнет болеть и угасать, а проклятая колдунья будет все так же свежа и хороша. Старость обойдет Энлил, зато всей своей неумолимой тяжестью обрушится на ее глупца мужа. Самое страшное, что Тарин так и не жил! Волшебная гадина высосала его молодость, теперь пьет зрелость, даже не догадываясь, на какую беспросветную тоску обрекает того, кто когда-то так сильно ее любил.

Однако именно любовь, когда-то сбросившая несчастного парня со скалы, спустя десятилетие, насытившись его страданиями, дала ему надежду на спасение, придав пустой жизни новый смысл. Смыслом этим стала молодая женщина с нежным узким личиком, белокурыми косами и ореховыми глазами, явившаяся однажды к его жене. Сама Омиза не нуждалась в колдовских услугах, она сопровождала сестру — толстую вульгарную купчиху, от которой сбежал муж. Мужа требовалось срочно вернуть в лоно семьи, и, очевидно, все средства, кроме магии, были испробованы и не принесли желаемого результата.

Омиза не была красавицей, но внешность ее, милая и трогательная, с первого взгляда пришлась Тарину по душе, может быть, оттого, что являла противоположность яркой и броской красоте его жены. Однако искренней симпатией к гостье муж колдуньи проникся, случайно подглядев, как в саду Омизу отчитывала ее сестрица-купчиха.

— Что значит «уйдем отсюда»?! — толстуха умудрялась визжать шепотом, вероятно, чтоб не услышала хозяйка. — Я тебя для чего с собой позвала? Для поддержки! Думаешь, ты мне для того тут нужна, чтоб выслушивать, как тебе страшно и не по себе? Мне самой страшно, дурочка этакая, и не смей меня пугать еще больше. Мне без этой ведьмы никак не обойтись. Это ты, мужа схоронив, уже третий год одна прозябаешь, а я так не хочу, поняла?

Белокурая спутница купчихи молча и покорно выслушивала упреки, склонив голову. А Тарин, невидимый для обеих женщин, глядя на эту сцену, почувствовал истинное родство если не душ, то судеб. Их обоих унижали, использовали, с их мнением не считались, в них видели не людей, а что-то среднее между прислугой и полезной вещью. С этого момента хрупкая женщина со светлыми косами стала ему близка и необходима.

Тарин любил в своей жизни дважды, и оба раза влюблялся практически с первого взгляда, да так сильно, что горы готов был своротить, лишь бы цели своей достигнуть. В первый раз достиг и жалел об этом много лет. Вторая же любовь пришла к нему как очищение от первой, как дверь в новый мир, как свобода после долгой неволи. Со всей страстью отдался Тарин новому чувству. Без особого труда разыскав молодую вдову Омизу Венайл, он покорил ее своей пылкой страстью. В день своего визита к Энлил Омиза хоть и видела его мельком, но не запомнила, как не запоминают лакеев, открывающих двери, или дворецких, зовущих к обеду. Сестра ее, Гедрика, еще не раз приходила к колдунье по своему делу, но уже одна. Так что возлюбленная Тарина понятия не имела, кто он такой.

Мужчина, пойманный в ловушку скоропостижного и несчастного брака, мечтал жениться на избраннице своего сердца и не раз говорил ей об этом. Невозможность же выполнить свое самое горячее желание Тарин объяснял Омизе зависимостью от богатой тетки, в услужении которой он находится много лет и чье наследство должно со временем сделать его богатым человеком. Вообще он практически верно описывал возлюбленной свое положение, лишь заменяя в рассказах жену на тетку. Омиза, которой постоянно помыкала старшая сестра, прекрасно понимала любимого, и все же чем дольше длились их отношения, тем чаще намекала, что, возможно, бедность в достойном браке лучше вечного положения любовников в ожидании призрачного богатства злой родственницы. Будь Тарин действительно племянником тетки-тиранши, он давно бы

сбежал от нее и женился на Омизе, но он-то был мужем...

Впрочем, и это обстоятельство не удалось скрывать вечно. Толстая Гедрика однажды застала младшую сестру с возлюбленным и не преминула обнаружить тот факт, что любовник дурочки Омизы — не кто иной, как молодой муж колдуньи Энлил, которая, к слову сказать, вернула нерадивого Гедрикиного супруга обратно в семью.

Узнав правду, гордая Омиза безжалостно разорвала связь с Тарином, и теперь он частенько ошивался под ее окнами вечера напролет, но она не достаивала его и словом. Однако перестать приходить в небогатый квартал, где жила его любовь, было выше сил отвергнутого мужчины. Пусть обратный путь отсюда до Руджии занимал немало времени, пусть в последнее время по Вельтане ползли слухи о загадочных ночных убийствах — ничто не могло удержать Тарина от желания хоть издали увидеть Омизу.

Будь проклята Энлил! Почему бы этой гадине в самом деле не умереть? О, получив драгоценную свободу, Тарин сумел бы вымолить прощение Омизы и жениться на ней. Но ведьма явно не собирается за Грань, эта тварь всех переживет! Тарин уже сам не помнил, когда у него впервые появилось желание убить Энлил, должно быть, довольно давно. Однако если до появления Омизы это было лишь желание, то теперь Тарин ощущал просто невыносимую жажду смерти жены. Он бы решился на убийство, если бы не боялся так сильно ее колдовского могущества. Тарин не понаслышке знал, что такое эти тени, точнее, кто они такие. Если Энлил могла повелевать этими существами и вершить судьбы других людей, то уж себя-то она защитит точно сумеет. И страшно подумать, что будет с тем, кто осмелится покуситься на ведьму.

И все же временами Тарин был готов рискнуть, хотя бы и ценой своей жизни. Слишком уж ему эта самая жизнь опостылела. Что ему терять? Кроме того, Энлил доверяет ему, а это может сильно упростить задачу. Надо только решиться. Почему бы не сегодня? Неужто проклятая ведьма даже спит, опутав себя защитными заклинаниями? К чему ей это, когда рядом лишь он — любящий муж и преданный слуга в одном лице... Нет, решено, он сегодня же ночью убьет гадину, укравшую у него десять лет жизни и надежду на счастье, — либо погибнет сам!

Тарин шел по темным улицам, и ненависть со страхом плескались в нем, переливаясь через край. Он был так сосредоточен на Энлил, что не замечал происходящего вокруг. Легкое шипение, раздавшееся за спиной, не привлекло его внимания. Лишь став сильнее и заполнив собой все пространство вокруг, звук заставил мужчину обернуться. Обернувшись же, Тарин мигом забыл о ненависти, остался лишь страх — липкий, безудержный, объяввший все его существо.

За спиной мужчины скалилась в жуткой усмешке кошмарная тварь — наполовину человек, наполовину змея. Возможно, в гадине было что-то красивое — гибкий стройный торс, длинные волнистые волосы, утонченные черты, — но Тарин видел лишь круглые желтые глаза с вертикальным зрачком без ресниц и бровей, тонкие сухие губы, по которым временами пробегал раздвоенный язык, острые когти на пальцах рук и мощный змеиный хвост с узорами на чешуе.

Энлил! Это все она! Проклятая колдунья каким-то невероятным образом узнала о его мыслях и планах и решила предупредить покушение на себя, а заодно и наказать неверного муженька. Наверняка, чудовище является порождением ее магии.

— Кто ты? Что тебе от меня нужно? — бедняга, прислонившись к стене, чтобы не упасть, выкрикивал вопросы, срываясь на визг. Это было недостойно сильного мужчины, но ужас, затопивший все его существо, делал Тарина жалким и беспомощным, словно дитя.

— Я уже получил то, что мне нужно, — чудовище говорило свистящим шепотом, и в голосе его чувствовалось удовлетворение. — Ты так сильно ненавидишь и боишься... Отличная добыча! Ненависть и страх — самые сладкие чувства на свете...

Тарин был в корне не согласен с высказанной точкой зрения, Впрочем, ему было плевать, что нравится гнусной твари. Главное — чудовище сказало, что уже получило от него то, что нужно.

— Значит, теперь ты оставишь меня? — мужчина не смел поверить мелькнувшей надежде на спасение.

— Не оставлю, — если бы тварь не шипела, казалось бы, что она мурлычет. — То, что я забрал, принадлежит не мне, а моему господину. Я создан, чтобы служить ему. Но ведь я заслуживаю награды за верную службу, ты не согласен?

Тарин бы сейчас со всем согласился, лишь бы ужасное создание сгнуло. Пока оно разговаривает и выглядит довольным, жертва получает минуты отсрочки. Возможно, удастся и вовсе заболтать тварь или вымолить пощаду.

— Ты служишь моей жене? — осторожно спросил Тарин.

В ответ змеехвостый расхохотался. Смех его, сухой и свистящий, мерзким шуршащим скрежетом терзал слух и нервы.

— Твоей жене?! — переспросил он. — Не знаю, кто эта женщина, но если ты мнишь, что в услужении у нее могут быть подобные мне, ты сильно переоцениваешь свою супругу. Я служу лишь одному господину, чье величие безгранично, хоть и позабыто... ну и себе, конечно. То, что нужно ему, я уже забрал, себе же возьму то, что осталось.

— Пожалуйста, нет, — взмолился несчастный, теряя последнюю надежду. — Пощади! Забери не меня!

— А кого? — мучитель Тарина, казалось, заинтересовался открывающимися перспективами.

— Мою жену, будь она проклята! — почему бы не попробовать обратить самый ужасный миг своей жизни в торжество, отправив чудовище по следу Энлил. — Она ведьма! Она сильна, но наверняка лучше насытит тебя, чем я — слабый и жалкий, — ради спасения своей шкуры и осуществления главной мечты не грех и поунижаться.

— Ведьма, говоришь? — прошипело создание. — Если она сильна, она не нужна мне. А она сильна, раз ты мог подумать, что я ее раб, — сделанное тварью умозаключение звучало логично. — Сильные маги мало чего боятся и редко ненавидят. В этом плане вы, жалкие ничтожества, куда полезней моему повелителю и желанней для меня. Твое предложение отклоняется. Хватит болтать, я хочу забрать все остальное, — после этих слов существо вперило в Тарина немигающий взгляд жутких желтых глаз.

Глава 28

Мирталь руководила горничными, укладывающими ее платье, от души наслаждаясь кутерьмой, вызванной неожиданным переездом. Она ликовала. Думала ли бедная дворяночка Мулен из Норты, что через двадцать лет ей суждено перебраться в Нианон? Конечно, все нортские дамы и так исходили завистью к ней все эти годы, но что бы они сказали теперь? Королевская теща! Хотя «матушка» звучит лучше. Надо будет попросить Валтора обращаться к ней именно так. Ведь его величество, женившись на Тэссе, станет ей сыном.

При мысли о сыне Мирталь почувствовала грусть, смешанную с укорами совести. Но голос совести был тут же безжалостно подавлен. Ей нечего стыдиться. Это Тэсс постоянно укоряет ее тем, что Мирталь предала своего погибшего мальчика. Что может понимать девчонка, никогда не имевшая детей?! Боль от потери сына никогда не умрет в материнском сердце. И глупо думать, что цвет платьев и отказ от увеселений могут выразить степень этой боли. Тэсс полагает, что, наряжаясь в черное, лучше почитает память брата? Если бы ей довелось потерять сына, она бы поняла, как мелочны и показушны все эти траурные традиции. Конечно, Мирталь могла бы утонуть в своей скорби, предаться печали и оставить всякую деятельность на благо семьи. Но куда бы это, скажите, завело их всех? Муж принялся бы тут же плести заговоры, дочь натворила бы глупостей, а в итоге все Линсары попали бы в опалу, если не хуже.

Нет, Мирталь не могла в такой момент сидеть сложа руки и упиваться трауром, именно ей выпало спасать то, что еще можно спасти. До чего же глупо полагать, что перемены в Эларе носят временный характер. Валтор пришел навсегда, Ильдов больше нет, и уже ничто никогда не станет «как раньше». Ничего не вернуть, надо жить дальше. А Оро и Тэсса, похоже, на это неспособны, поэтому все жизненно важные решения пали на хрупкие плечи эны Линсар. Этот брак с королем, против которого столь решительно настроена дочь, Мирталь тоже считала своей заслугой. Конечно, его величество сам обратился к ним с предложением, но все дальнейшие сложности пришлось расхлебывать ей. Увы, ради будущего счастья Лотэссы, которого та пока не понимает, матери пришлось пожертвовать дочерней любовью и уважением. Мирталь терпеливо носила оскорбительный тон дочери, ее нескрываемое презрение и одну за другой глотала страшные обиды. Как хочется верить, что настанет день, и девочка поймет, насколько была неправа, обращаясь так с матерью, устроившей ее блестящее будущее. Поймет, что, лишившись сына, Мирталь сосредоточила всю свою любовь и заботу на непокорной и взбалмошной дочери, жертвуя собой ради ее счастья. Хорошо хоть ей удалось уломать негодницу и заставить ее принять приглашение Валтора пожить в королевском дворце.

И как могут некоторые считать эну Линсар недалекой поверхностной женщиной, помешанной на богатстве и нарядах? Да она — Мирталь — главный и, похоже, единственный стратег в своей семье. Конечно, ей повезло, когда Оро взял ее в жены и увез из проклятой Норты в столицу, но и Оро повезло не меньше. Ведь именно она, Мирталь, помогает Линсарам удержаться на плаву в этой бурной воде политических перемен. Да будь она какой-нибудь чванливой потомственной аристократкой, наверняка довела бы семью до опалы, как эта чопорная надменная эна Таскилл, с младшим сыном которой непонятно за какими демонами связалась в последнее время Тэсса. Нет, Мирталь не даст Линсарам утонуть вместе с Ильдами, она спасет свою семью, чего бы ей это ни стоило. Линсары не только не потеряют своего положения при новой власти, но и укрепят его благодаря ее уму и дальновидности. Хорошо бы только дожидаться благодарности от мужа с дочкой. Что ж, пока приходится довольствоваться расположением короля и его присных.

На этот раз его величество прислал к Линсарам верховного протектора, самого доверенного своего приближенного и друга. Элвир Торн дожидался завершения сборов в гостиную, чтобы потом с почетом сопроводить королевскую невесту с семьей в Нианон. До чего же он хорош! В своем роде не менее красив, чем король. Конечно, черты Валтора тоньше и совершеннее, зато от Торна исходит особое обаяние силы и мужества, способное свести с ума любую женщину. Ах, будь она моложе! Хотя кто сказал, что такому мужчине нужны смазливые ветреные девчонки? Вполне возможно, что женщина в расцвете зрелой красоты подойдет ему куда больше. Конечно, все это глупые мечты! Разумеется, Мирталь не собирается изменять мужу, пока он жив. Она верная и достойная жена, умеющая, в отличие от некоторых, ценить выпавшее на ее долю

счастье. Но Оро уже немолод. Эна Линсар с самого начала своего брака отдавала себе отчет в том, что рано или поздно ей придется овдоветь. И вот тогда-то... Почему бы ей, близкой родственнице короля, не стать избранницей его лучшего друга? Юная Тэсса получит прекрасного, как Странник, короля, а она, Мирталь, — сильного, красивого и могущественного мужчину. Мужчину, которого ей, по правде сказать, так не хватало все эти годы. Ведь с Оро ее связывала не любовь, а лишь благодарность. Она была и остается ему хорошей женой, но разве можно в таком союзе мечтать об истинной страсти?

Эна Линсар вздохнула и принялась с усиленным рвением отдавать распоряжения горничным. Ей бы, конечно, было приятнее развлекать гостя в гостиной вместо Оро, но разве муж способен организовать сборы и переезд? Пусть из вещей нужно взять лишь одежду, потому что во дворце их ждут все мыслимые удобства, но все же отбор и упаковка необходимых вещей требуют ее внимания и присмотра. Кроме своих платьев, нужно еще обязательно провести инспекцию вещей, которые планирует взять Тэсса. С девчонки станется отправиться в Нианон в том же самом черном убожестве, что на ней сейчас, и не захватить даже ночной сорочки. Обеспокоенная этими соображениями, эна Мирталь направилась в покои дочери.

Лотэсса сидела в кресле и читала. Как и предвидела мать, негодница, судя по всему, и не думала готовиться к переезду. Лучший способ отомстить родителям за то, что она почитает насилием над свободной волей, — опозорить их перед королем, представляя перед ним и всем двором изо дня в день в одном и том же наряде.

— Лотэсса, девочка моя, — для начала лучше быть мягкой, и Мирталь выбрала доброжелательный тон. — Ты уже начинала собирать вещи?

— Да, — дочь равнодушно кивнула, указав подбородком в сторону дивана, где лежали стопка книг и неизменная гитара.

— Это все? — Мирталь вопросительно изогнула тонко выщипанную бровь.

— Нет, — Тэсс, очевидно, решила быть предельно немногословной. Что ж, Мирталь не привыкать к подобной манере разговора.

— И где же остальное, позволь узнать?

— Вот, — девушка, не слезая с кресла, подвинула к матери ногой небольшой, плотно набитый баул.

Мирталь удивленно хмыкнула, она не ждала, что Лотэсса действительно будет готовиться к переезду, но, похоже, в этот раз ошиблась. Эна Линсар нагнулась, чтобы проверить содержимое баула. Вещи, аккуратно сложенные там, скорее подходили для путешествия или долгой дороги, чем для переезда из одной резиденции в другую. По крайней мере, платьев было только два — дорожное из черного сукна и изысканное, хоть и простое, из черного атласа с серебряной отделкой по поясу, подолу и широким рукавам.

— Тебе не кажется, что этого маловато? — женщина размышляла, стоит ли вновь поднимать избитую тему траура.

— Достаточно, — ответила Тэсса. — Я по балам и королевским приемам ходить не собираюсь. Вы с этим отлично справитесь за меня, и уж ваших-то платьев с лихвой хватит на все случаи жизни.

Мирталь задумалась. Разумно ли начинать очередную ссору, из которой ей, вполне возможно, не выйти победительницей? Не лучше ли уже после водворения в Нианоне на полдня отправиться домой (благо их замок от королевской резиденции совсем близко) и самой выбрать для гардероба Лотэссы те платья, которые она сочтет нужными. Именно так она и поступит. Как всегда, приходится быть мудрее и выше пустых склок. Кто бы еще вышел из положения с таким достоинством, решив проблему и избежав очередного семейного скандала? Довольная собственной выдержкой и находчивостью, эна Линсар оставила дочь и удалилась, ибо ей предстояло еще немало работы.

Проходя по галерее, Мирталь не удержалась от искушения заглянуть в гостиную, где Оро общался с гостем. Эн Торн сидел в кресле в позе расслабленной и в то же время

исполненной достоинства. Он был великолепен! Мирталь нестерпимо захотелось присесть на ручку его кресла, но, естественно, она и мысли не допускала о том, чтоб позволить себе подобную вольность. Зато уж в удовольствии поговорить с этим воплощением мужского совершенства она себе не откажет.

Появление эны Линсар положило конец беседе, которую вели мужчины до ее появления. Но что бы ни было предметом разговора, велся он, очевидно, без воодушевления и заинтересованности с обеих сторон. У гостя вид был скучающий, у хозяина — натянуто вежливый. Самое время брать все в свои руки, решила Мирталь. В очередной раз она единственная, кто может поправить положение и расставить все на свои места. Нет, положительно, Оро должен молиться на жену.

— Эн Элвир, расскажите мне об этих ужасных убийствах, которые послужили причиной беспокойства его величества о нас.

— Мне бы не хотелось пугать вас, эна Линсар, — галантно возразил собеседник.

— Мне не страшно, — игриво воскликнула Мирталь. — Находясь под защитой такого мужчины, как вы, женщине нечего бояться.

Краем глаза женщина заметила обращенный на нее удивленный и несколько укоризненный взор мужа. Ах, с Оро она потом разберется. В конце концов, муж должен понимать, что льстить победителям — одна из обязанностей побежденных, если они не хотят лишиться своего положения. Правда, в данный момент эта обязанность отнюдь не казалась Мирталь тяжелой, совсем напротив. Гость также одарил хозяйку странным взглядом, значение которого истолковать было непросто. Что ж, почему бы ему не смотреть на нее... Разве она не хороша, несмотря на свои годы? Конечно, первой красавицей королевства считается Тэсса, но от кого, скажите на милость, девочка унаследовала свою красоту?

— Прошу вас, эн Торн, расскажите мне! — она придала своему нежному голосу тон, в котором даже требовательные нотки звучали кокетливо.

— Что ж, извольте, — сдался протектор. — Вот уже несколько недель мы находим на улицах города чрезвычайно странных покойников. Тела их, не имея никаких внешних повреждений, тем не менее несут на себе отпечаток очень нехорошей смерти. Лица несчастных отмечены выражением сильнейшего ужаса. Мы с дэном Карстом склоняемся к мысли, что именно крайняя степень страха служит причиной смерти. Пока мертвецов находят лишь в небогатых частях, на окраине столицы, все они люди незначительные и довольно жалкие...

— И это все? — разочарованно протянула хозяйка. — Никаких растерзанных и изуродованных тел?

— Для столь прелестной женщины вы слишком кровожадны, — заметил Торн.

Хорошо, что он находит ее прелестной. Да, она, конечно, сглупила, показав, что недооценивает опасность. Получается, что король зря вызвал их во дворец. Ей-то плевать на всяких плебеев и изгоев. Пусть себе убийства не кончаются подольше. Тогда не будет необходимости раньше времени покидать Нианон. Как же, однако, мил король. Другой бы не придал внимания тому, что всякий сброд убивают в трущобах, а Валтор Дайрийский сразу позаботился о безопасности своей невесты. Хотя, скорее всего, ему просто нужен предлог видеть Тэссу ежедневно. Ох, какая же счастливица эта девчонка! Ей бы, Мирталь, такого мужчину! Хотя если выбирать между королем и протектором, то второй, пожалуй, даже предпочтительнее. Определенно.

— Вы неправильно меня поняли, — с ласковой укоризной попеняла собеседнику эна Линсар. — Конечно, я переживаю за этих несчастных, но мне казалось, что все намного ужаснее....

— Ужасно, что мы за все время ни на шаг не приблизились к разгадке, ужасно, что люди продолжают умирать, ужасно, что по городу ползут слухи, один хуже другого... — казалось, что Элвир Торн не столько отвечает ей, сколько разговаривает сам с собой.

— Ах, уверена, что вы с этим справитесь, — голос хозяйки звучал беззаботно. — Таким

мужчинам все по плечу!

— Боюсь, эна Линсар, что не могу разделить вашей уверенности, — вздохнул гость. — Более того, мне кажется, что если мы не сможем в ближайшее время понять, что происходит, и остановить это, странные смерти выйдут за пределы городских окраин и перестанут ограничиваться безродными бедняками.

В его словах была такая уверенность и озабоченность, что Мирталь стало страшно. Одно дело, когда где-то далеко мрет какой-нибудь сброд, и совсем другое, когда рано или поздно это может коснуться непосредственно тебя.

— Но ведь можно же это как-то предотвратить? — теперь в голосе женщины слышался трогательный испуг.

Торн просто обязан успокоить ее. Во взгляд, обращенный к протектору, Мирталь вложила очаровательно женственную незащитность. Однако тот остался бесстрастным.

— Пока, к сожалению, мне нечем вас успокоить, именно поэтому я и не хотел начинать этот разговор. Как вы теперь видите, у его величества были основания пригласить вас под защиту дворцовых стен и королевской гвардии.

— О да! Мы бесконечно благодарны его величеству! — постепенно благодарность Мирталь из показной становилась искренней. Надо же, как одна фраза способна изменить взгляд на вещи.

— А что за слухи ходят по городу? — подал голос Оро, о присутствии которого жена почти позабыла.

Мирталь тоже было интересно, однако, в отличие от мужа, женщина понимала, что тема неприятна гостю. Но разве от Оро можно ждать деликатности? Он, конечно, не Тэсса, но его истинное отношение к дайрийцам тоже слишком сильно просвечивает сквозь с трудом натянутую вежливость.

— Мне кажется, что эна Линсар и так уже достаточно обеспокоена, чтобы пугать ее еще больше нелепыми байками, которые выдумывает Вельтанская чернь, — голос Торна звучал довольно жестко.

Ох, как он беспокоится о ней! Это так трогательно! Нет, пусть все-таки убийства не заканчиваются подольше! В Нианоне им ничего не грозит, зато каждый день пребывания во дворце в обществе верховного протектора... Мирталь с трудом сдержала блаженную улыбку.

Но самого Торна улыбаться явно не тянуло. Очевидно, затеянный хозяйкой разговор стал ему слишком неприятен. Что ж, самое время сменить тему.

— Эн Элвир, расскажите нам о короле, — попросила Мирталь. — Мы ведь так мало знаем о том, кого в скорости будем иметь счастье называть сыном.

До чего же это все-таки ужасно звучит! Она чувствует себя совсем юной, сегодня даже более юной, чем обычно, но при этом взрослый мужчина станет ей сыном. Мирталь даже поежилась, словно почувствовал неожиданный холод.

— Думаю, вскорости вы будете иметь возможность узнать его поближе.

Глава 29

Энлил стояла над трупом собственного мужа, безуспешно пытаясь унять хаос мыслей и чувств. Соглашаясь помочь протектору и коменданту, она и представить не могла, что очередной жертвой окажется Тарин. Мужчины стояли чуть поодаль и деликатно молчали, не решаясь потревожить ее переживания.

И почему именно сейчас так важно понять, любила она его хоть немного или нет? Какой теперь-то в этом смысл? Впрочем, о чем еще может думать женщина, склоняясь над мертвым телом того, кто десять лет согревал ее постель...

— Вы позвали меня потому, что это он? — Энлил сама поразилась тому, как хрипло звучит ее голос.

— Мы планировали обратиться к вам в случае любой подобной смерти, — негромко ответил протектор. — Но, как вы понимаете, конкретно в этом случае мы просто не могли не позвать вас.

— Понимаю, — кивнула женщина. — Хотя именно в этом конкретном случае помощник из меня будет куда хуже, чем в случае любой подобной смерти, — она бездумно повторяла формулировки собеседника, стараясь хоть отчасти взять себя в руки.

— Сейчас нам потребуется ваша помощь и как жены покойного, и как... — вступивший в разговор комендант запнулся, подбирая нужное слово.

— Колдуньи? — подсказала Энлил. Она привыкла, что люди звали ее ведьмой, колдуньей, чародейкой, и не придавала этому значения.

Карст молча кивнул.

— Только не в этом порядке, — увидев непонимающие взгляды мужчин, Энлил пояснила. — Сначала я попробую выяснить все, что касается магической стороны, а уж потом буду отвечать на вопросы вроде «когда вы в последний раз видели мужа?» Потому что колдовство нужно проверять непосредственно здесь, а беседовать можно в любом другом месте. А стоять все это время над телом собственного мужа — слишком тяжелое испытание.

Возражений не последовало, и она приступила. Для начала нужно было отключить собственные чувства. Отстраниться, стать чужой этому бездыханному человеку. Забыть, как эти глаза смотрели на нее преданным влюбленным взглядом, как эти руки жарко обнимали ее. Может быть, Тарин значил в ее жизни не так уж много, гораздо меньше, чем ему хотелось бы, может быть, она любила его скорее как сына или младшего брата, но боль от потери это не притупляло. Безутешной вдовой она не станет и смысла жизни не потеряет, но Тарин был дорог ей, а теперь об этом нужно забыть. Ближайшие полчаса она не имеет права быть женщиной, сейчас она только маг и никто больше.

Энлил склонилась над телом. Как же могут простые люди не видеть сияния, окружающего мертвых? Конечно, и она видит его не глазами, а разумом или каким-то особым мысленным зрением, недоступным существам, не знающим магии. По цвету этого сияния, которое с каждым часом становится все слабее, но полностью не исчезает очень долго, можно легко определить причину смерти. Смерть от старости дает серое свечение, от болезни — гнилостно-зеленое, если человек погиб, то свет вокруг него красный, если его убили — черный. Самый странный цвет присущ самоубийцам, это словно отсутствие цвета — этакое прозрачное мерцание воздуха вокруг тела. Но это все более-менее обычно, а вот синий цвет — смерть от магии — встречается неизмеримо реже. Конечно, если иметь в виду Элар и вообще Дозью. У них, в Шургате, синим сиянием вокруг мертвеца никого не удивить, так же как и темно-бордовым — следом присутствия волшебных тварей.

Свечение, разливавшееся вокруг Тарина, было и вовсе редкостным — пурпурным, Энлил опознала в нем смесь бордового и синего. Значит, ее мужа убило сверхъестественное существо, применяя для этого магию.

— Разве это не очевидно? — выслушав отчет женщины, спросил Торн. — Если тварь магическая, то она с помощью магии и убивает. — Или нет?

— Не всегда, — спокойно разъяснила Энлил. Она вновь была в своей стихии, и это помогало ей держать чувства в узде до поры до времени. — Есть чудовища, хоть и созданные волшебством, но банально пожирающие жертву. И таких довольно много, — увидев, как передернуло после этих слов обоих собеседников, она поспешила развеять их опасения. — Не у вас, конечно. Здесь, в Эларе, эти существа — редкость, так же как и все остальные магические создания. У вас и магии-то как таковой практически нет, — почти презрительно добавила она.

Затем женщина вновь склонилась над мертвецом. Увидеть и понять причину смерти нетрудно, сложнее распознать эмоции, испытанные человеком перед смертью. Как правило, это и не нужно. Но в случае, когда на лицах покойных читается панический ужас, узнать, что они чувствовали, отнюдь не лишне. Энлил было не по себе, когда она решилась «прочитать» последние чувства Тарина. Но, как оказалось, нервничала она напрасно. Вокруг покойного мужа не было никаких следов эмоций, ни малейших! Выходило так, что в момент смерти он был бесстрастен, как скала. Это Тарин-то! Да чувства всегда бурлили в нем, как вода в кипящем чайнике, заглушая и без того слабый голос разума. Совершенно невозможно, чтобы в момент смертельной опасности он ничего не испытывал.

Можно было бы еще предположить, что тварь напала внезапно и убила мгновенно, не дав жертве толком испугаться, но выражение лица несчастного исключало эту версию. Да и в этом случае хоть какие-то чувства должны иметь место — раздражение, усталость, озабоченность... да мало ли что может чувствовать человек, бредущий по улице среди ночи. А тут — ничего, полная пустота.

Энлил крепко задумалась, а мужчины ей не мешали, храня молчание и терпеливо ожидая пока она соизволит заговорить. Само по себе появление на'ари в Вельтане уже странно, хоть и возможно (доэйские страшные сказки о чудовищах тоже появились не без причин), но вот отсутствие следов страстей вокруг жертвы вообще ни на что не похоже.

— На'ари, вызывающий безумный страх и при этом не оставляющий никаких следов этого страха, — пробормотала она, разговаривая скорее сама с собой. — Странно. Никогда не слышала о таком...

— На'ари? — переспросил протектор. — Что это?

— Не что, а кто, — машинально поправила Энлил. — У нас, в Шургате так зовут любое разумное существо, не являющее человеком. Конечно, в отличие от людей, на'ари бывают очень разными и у каждого вида есть свое особое имя, но все они, и злые, и добрые...

— Они бывают добрыми?! — Торн изумленно выгнул бровь.

— Редко, — признала она. — Но все же бывают. То есть не то чтобы добрыми в человеческом понимании, но есть на'ари, не представляющие опасности и даже изредка приносящие людям пользу. Таких немного, и они руководствуются отнюдь не нашими представлениями о добре и зле, а собственными, но все же иногда от них можно получить помощь или защиту.

— Ну уж этот-то, как вы его называете, на'ари, был отнюдь не добр, — комендант кивнул на тело Тарина. — Значит, вы точно уверены, Энлил, что убийца — не человек.

— Так же точно, как вы, например, понимаете, что чашку со стола скинула не муха, ползающая по скатерти.

Карст чуть слышно выругался, а его спутник вздохнул. Ничего хорошего сведения, предоставленные им Энлил, не сулили. Но раз уж они, не считаясь с ее чувствами, потребовали ее помощи, пусть находят в себе мужество смириться с правдой, которая их не устраивает. Хотя какое там смириться... им и поверить-то в эту правду крайне сложно. Одно слово — доэйцы! Живут без магии и на этом основании считают, будто ее и нет вовсе. Впрочем, чего удивляться их реакции, если она сама в недоумении.

— Это создание либо лишает жертву способности чувствовать, либо уничтожает любые следы человеческих страстей уже после смерти, либо просто-напросто поглощает эмоции, — Энлил перечисляла возможные объяснения произошедшего. — В любом

случае, я никогда не сталкивалась с подобным.

— Первая версия кажется мне наиболее вероятной, — задумчиво произнес Торн, отводя ладонью назад светлые волосы, которые были короткими в противоречие царящей в Эларе моде. — Хотя совершенно непонятно, зачем ему это...

— Не надо даже пытаться понять на'ари, — ей было удивительно сталкиваться с людьми, которые так мало знают о других существах, делящих с ними мир. Конечно, для них все эти создания не более чем герои сказок и легенд. — Они живут по своим законам, меряют реальность совсем другими мерками, и судить о логике их поступков, исходя из человеческих представлений о жизни, по меньшей мере неразумно.

Она бы могла сказать «глупо», но не хотела без нужды обижать собеседников, понимая, что они, в свою очередь, также являются детьми другого мира, и очевидное для жителей Шургата чуждо и непонятно доэйцам. Эти-то хоть изо всех сил стараются понять и принять неожиданно свалившееся на их головы неприятное знание, не мучают ее сомнениями, не требуют доказательств... Даже странно немного, как легко они принимают услышанное на веру.

— Вы мне верите? — она неожиданно обернулась к коменданту и протектору. Вместо ответа мужчины переглянулись, и взгляды, которыми они обменялись, не понравились Энлил. — Почему вы молчите?

— Ситуация очень непростая, дэна Энлил, — осторожно начал Торн. — И чтобы ее до конца прояснить, нам необходимо перейти ко второй части беседы с вами, если, конечно, вам нечего больше сказать на тему магического вмешательства. Вы просили, чтобы вопросы мы задавали не здесь, а потому, полагаю, стоит проехать до комендатуры...

— Мне не нравится ваш тон, эн Торн, — она оборвала протектора. — Сначала просите помочь, а затем, приняв помощь, вместо благодарности буравите меня такими взглядами, словно подозреваете в чем-то.

Не успела Энлил произнести эту фразу, как ее осенила внезапная догадка.

— Ах вот оно что! — воскликнула она. — Вы ведь действительно подозреваете! Думаете, это я убила собственного мужа, а до этого еще десяток человек, чтоб отвести от себя подозрения, — от изумления и возмущения ее миндалевидные глаза округлились, губы приоткрылись, на скулах проступил румянец, и в это мгновение колдунья выглядела почти юной.

— Дэна Энлил, — Торн старался придать голосу доброжелательности. — Мы не обвиняем вас, однако, поймите, полностью сбрасывать со счетов возможность вашего участия в этом деле вряд ли было бы разумно...

— Но почему?!

— Вы сами признали, что покойный погиб в результате колдовства, но кроме вас в окрестностях Вельтаны нет магов подобной силы, да и вообще нет магов, если они только не скрываются.

— Не столь обидно, что вы, господа, видите во мне чудовище, способное убить собственного мужа и заодно ни в чем не повинных людей, — Энлил горько усмехнулась. — Но что вы держите меня за дуру — вот это крайне унижительно!

— Что вы имеете в виду? — осторожно поинтересовался комендант, до этого не участвовавший в разговоре.

— Вы полагаете, что я, обладая силой теней, не могла тихо и незаметно погубить мужа, а сделала это публично и именно после того, как вы своим визитом, нанесенным мне, дали понять, что делом о странных смертях занимаются первые люди столицы. До этого я зачем-то убивала невинных ночами на улицах. На попытку замести следы похоже не слишком, скорее уж верный способ привлечь к себе внимание.

— Все это действительно совершенно лишено логики, — вынужден был признать верховный протектор. — Но в то же время, особенно учитывая открывшиеся обстоятельства...

После этих слов комендант бросил на Торна весьма красноречивый взгляд, в котором читалось явное предостережение и попытка удержать товарища от дальнейших откровений, которые, очевидно, не предназначались для ушей Энлил. Старания Карста увенчались успехом, и протектор, оборвав фразу на полуслове, вновь предложил женщине покинуть место смерти и отправиться в комендатуру для продолжения разговора. То, что он назвал «разговором», по сути своей явно будет допросом, в этом Энлил не сомневалась.

Ей захотелось уйти, окатив презрением этих мелочных людишек. Пусть сами расследуют загадочные смерти и докапываются до страшных тайн. Она не станет им больше помогать, пусть хоть половина Вельтаны поляжет жертвами неведомого на'ари. И даже гибель Тарина ничего не изменит. С этим она и сама разберется. Энлил непременно бы ушла, если бы не понимала, что никто ее теперь, после озвученных подозрений, не отпустит. А позволить тащить себя в комендатуру силой значило подвергнуться еще большему унижению. Поэтому женщине ничего не оставалось, как подчиниться и в сопровождении Торна сесть в ту же карету, которая привезла ее сюда из Руджии. Комендант на несколько минут задержался, отдавая своим людям распоряжения относительно покойного.

Как странно, что она может вот так, почти равнодушно, смотреть и слушать, куда следует доставить тело того, кто еще вчера был ее мужем. Конечно, смертей и мертвецов в своей жизни она повидала немало, и не все среди ушедших за Грань были чужими ей, но все-таки казалось, что трагическая кончина Тарина заслуживает с ее стороны большего ужаса и скорби. Возможно, не огласи протектор своих нелепых обвинений, приведших ее в глубочайшее волнение, она бы сосредоточилась на своей потере, как любая нормальная женщина, потерявшая мужа, а так сознанием Энлил владели лишь растерянность и гнев.

Когда Карст наконец присоединился к ним и карета тронулась, колдунья сосредоточилась на том, как будет защищаться. Тот факт, что возводимые на нее обвинения были безумны, не отменял необходимости их опровергать. Придется оправдываться перед этими наглецами! Конечно, искушение проучить их с помощью теней велико, но всерьез такую возможность Энлил не рассматривала — по крайней мере, пока. Не прошло и четверти часа, как экипаж остановился у здания столичной комендатуры — старинного особняка из темно-серого камня, пожалуй, чересчур помпезного для своего назначения и совершенно не подходящего для такого человека, как нынешний комендант.

Пройдя длинным коридором, все трое оказались в кабинете Итона Карста. Вот эта комната куда больше соответствовала духу обитателя, чем все остальное здание. Мебель явно не новая, но добротная и удобная. Ничего лишнего, но каждая деталь находится на своем месте и служит делу, а не просто украшает помещение или призвана подчеркнуть статус хозяина кабинета. У Энлил было довольно времени налюбоваться рабочим местом коменданта, потому как мужчины почти сразу оставили ее и вышли в соседнюю комнату, очевидно, для того, чтобы поговорить наедине и обсудить дальнейшую тактику поведения с ведьмой.

Стены в комендатуре, даром что излишне богато отделанные, были толстыми и не пропускали посторонних звуков, отнюдь не благоприятствуя подслушиванию — явлению крайне нежелательному и не способствующему эффективной работе людей, находящихся на государственной службе. Однако для Энлил, весьма заинтересованной в содержании разговора, толщина стен не имела никакого значения. Простейшее заклинание — и голоса мужчин доносились до нее так четко, словно они оба находились рядом.

— Вы могли бы быть поделикатнее, — с укоризной произнес комендант, обращаясь к Торну.

— А зачем? — хмыкнул тот. — Чем меньше церемонишься с людьми, тем естественнее их реакция. И по этой реакции я сужу о том, врут мне или говорят правду. Наша ведьма, судя по всему, была искренна, если кроме магии она не посвящала себя актерскому искусству.

— Но она женщина!

— И что? Сейчас я не мужчина, а верховный протектор, а вы — столичный комендант. И мы ведем расследование, а не любезничаем с прекрасными дамами. Вот будь я ее кавалером на балу — и вел бы себя соответственно... И вообще, дэн Итон, с каких это пор вас так заботят нежные дамские чувства? Мне как-то казалось, что ваша работа не менее располагает к черствости и жесткости, чем моя.

— Не так уж часто я имею дело с женщинами, — буркнул в ответ комендант.

— Да, мне чаще приходится с ними общаться, — Энлил послышался вздох в голосе верховного протектора. — Дворцовые и политические интриги затягивают представительниц прекрасного пола не реже, чем мужчин. И я не раз уже убеждался, что, пытаясь быть тактичным и вежливым, стараясь осторожно и постепенно намекать на суть дела, лишь даешь этим хитрюгам время продумать наиболее выгодную линию поведения и придумать нужные ответы.

— Дэна Энлил вовсе не похожа на хитрюгу! — подслушивающая разговор женщина мысленно улыбнулась, невольно проникаясь к коменданту симпатией.

— Не похожа, — согласился Торн. — Она и на придворную интриганку походит весьма мало. И я практически уверен в ее непричастности ко всей этой мерзости, однако, несмотря на это, я не намерен менять тактику допроса.

— Вам виднее, — вздохнул Карст. — Но имейте в виду, что таким образом вы рискуете лишиться нас единственного стоящего союзника и помощника в этом деле. Без нее мы вряд ли сможем с этим разобраться.

А вот это уж точно, злорадно подумала Энлил. Она и пальцем теперь не пошевелит и слова лишнего не скажет! На невинных жертв — прошлых и будущих — ей, в сущности, плевать, а вот возможность досадить Торну, усложнив его и без того непростую жизнь, она не упустит. Посмотрим, эн протектор, как вы справитесь дальше. Конечно, первые ваши шаги были сделаны в правильном направлении: понять, что здесь замешано колдовство, а затем разыскать ее и обратиться за помощью. Это говорит о том, что голова у вас на плечах есть и работает она исправно. Только вот потом, молодой человек, вы совершили непоправимую глупость, рассорившись с той единственной, кто не только может помочь разобраться, но и, возможно, в силах противостоять неведомому порождению тьмы.

Торн ничего не ответил собеседнику, да и разговор, в сущности, был окончен. Через несколько мгновений дверь открылась, и оба мужчины вошли в кабинет. Энлил даже головы не повернула в их сторону, демонстративно игнорируя присутствие представителей власти, что не помешало последним приступить ко второй части беседы, по сути, являвшейся не чем иным, как допросом.

— Дэна Энлил, вы знали, по каким делам ваш муж посещал Вельтану? — ведение «беседы» решил взять на себя комендант, то ли щадя ее и без того расстроенные чувства, то ли не желая терять ценную помощницу. — Вы давали ему какие-нибудь поручения в тот день?

Не успела она ответить, как в разговор встрял неугомонный Торн, очевидно, вновь решив прибегнуть к своей ошеломляющей тактике, выводящей допрашиваемого на чистую воду:

— Вы знали, что у вашего мужа в Вельтане жила любовница?

Глава 30

Время перевалило за полночь, а Элвир направлялся в кабинет Малтэйра. Он не просто рассчитывал, что король бодрствует в столь поздний час, он знал это наверняка. Валтор работал как проклятый. Со времени водворения в Вельтане протектор не мог припомнить и десятка дней, когда его монарх и лучший друг не проводил бы полночи в кабинете своего несчастливого предшественника.

Эларцы, сочащиеся ненавистью к захватчикам, вне зависимости от того, пряталась ли эта ненависть под маской лживой доброжелательности или нет, даже не давали себе труда задуматься, как трудно «проклятому узурпатору» и его «прихвостням» навести порядок в захваченном государстве. И ведь царящий во всем хаос был вызван не войной и дайрийским нашествием, виновниками нынешнего плачевного состояния дел были сами Ильды. Йеланд, предпочитающий тронному залу залы бальные, большой любитель танцев, охоты, шумных праздников, и Нейри... Младший Ильд формально королем не был, но мог бы соизволить оторваться от своих кистей, красок, арфы и тетрадей со стихами ради того, чтобы помочь старшему брату управлять государством. Но нет! Нейри хоть и был, судя по всему, куда умнее братца, но не желал тратить силы и время, вникая в политические, дипломатические и финансовые тонкости управления огромной страной. В итоге королевством правили трое негодяев, которых и аристократами-то можно назвать с натяжкой. Да и как правили... Воровали, распределяя казну между собой, своими друзьями и родственниками, заставляли короля брать все новые и новые займы, повышать налоги и совершать прочие подрывающие благополучие государства глупости. Даже странно, что эларцы не возненавидели своего бездарного монарха. Но, видно, почитание Ильдов было в этой стране столь естественно и непреложно, что ничто не могло его подорвать. Короля жалели и по-прежнему любили, а ненависть обращали на его поработителей — Мертона, Падда и Сворна. Удобная позиция, если не задумываться о том, кто отдал всю власть в руки «гадючьей троицы», как прозвали в Вельтане истинных правителей Элара.

И теперь им, завоевателям, предстояло сделать так много для восстановления захваченной страны, что само покорение Элара казалось в сравнении с этим легкой прогулкой. Элар упал в руки завоевателей, как спелый плод, вот только внутри этот плод оказался насквозь червивым.

В отличие от предшественника, Валтор не собирался переваливать груз государственных забот на чужие плечи. Конечно, он не мог все делать сам и не считал это правильным, да и дайрийцев, прибывших с ним в столицу завоеванного государства, нельзя было назвать бестолочами и лентяями. Работы хватало всем, в том числе и ему — верховному протектору, но все-таки оставалась масса дел, разбираться с которой король должен был лично. Вот и сидел монарх ночами в кабинете, разбирая груды документов, приведших королевство к столь плачевному состоянию, и составляя новые, призванные выгнать Элара из той ямы, куда его загнали Ильды.

И вот сейчас он, Элвир Торн, ближайший друг и сподвижник короля, вместо того, чтобы хоть как-то облегчить тяжесть павших на монаршие плечи забот, должен сообщить Валтору, что по ночам на столичных улицах резвится какой-то неведомый, но очень сильный монстр, и что им нужно как-то решать еще и эту проблему, причем очень срочно. Нет, решать ее, конечно, будет он сам вместе с комендантом Вельтаны, но поставить короля в известность — необходимость и долг верховного протектора. Хотя он бы предпочел не обременять Валтора столь тягостным знанием.

Когда Элвир зашел, король поднял на него глаза, стараясь стряхнуть с лица выражение усталости.

— Хорошо, что ты пришел, — Валтор решительно отодвинул от себя стопку бумаг. — Я и сам думал тебя разыскать.

— Что-то случилось? — раз у короля к нему дело, доклад о чудовищах пока подождет.

— Не то чтобы случилось, — Малтэйр вышел из-за стола и по своей давней привычке облокотился о столешницу, стоя к столу спиной. — Но хотелось бы не дать случиться ничему, что не входит в наши планы.

— О чем ты? — не понял Торн.

— Я бы хотел попросить тебя присмотреть за моей невестой...

— Отдавая подобное распоряжение, ты сильно рискуешь, — усмехнулся Элвир. — Точнее, рискую я. Присматривать за прекрасными девицами — значит ставить под удар свой душевный покой.

— Брось, — Валтор махнул рукой, и в этом жесте чувствовалась какая-то безнадежность. — Она не любит дайрийцев.

— Зато ваше величество явно готовы простить энье Линсар подобную нелояльность, должно быть, испытывая к ней чувства прямо противоположного свойства.

— Тебя это удивляет? — король хмыкнул. — Она, как-никак, моя будущая жена.

— Ну да, — Элвир постарался придать лицу безразличное выражение. — Конечно, все дело только в этом. Так отчего же твоей будущей жене понабился мой присмотр? От нее следует ждать плетения интриг и заговоров, или же, напротив, у нас есть основания беспокоиться о ее безопасности? В каком смысле я должен за ней присмотреть?

— В обоих, — спокойно ответил Валтор. — Но в первую очередь позаботься все-таки о ее безопасности. Как интриганка и заговорщица, она, хоть и полна страстной ненависти, недостаточно опытна и умна. Поэтому серьезной опасности с этой стороны ждать не приходится. Но бездарный заговор, не причинив вреда тому, против кого направлен, как правило, оборачивается большим злом для самого заговорщика. Мне бы не хотелось, чтобы Лотэсса в один прекрасный день сломала шею, оступившись на лестнице, упала с лошади или утонула в пруду королевского парка.

— Думаешь, ей следует этого опасаться? — недоверчиво спросил Элвир. — С чего бы?

— Моя невеста слишком уж демонстративно ненавидит дайрийцев в целом и меня в частности, — вздохнул король. — Думаешь, как долго это будут терпеть те, кто изначально не одобрял идею моей женитьбы на эларке? Даже ты поначалу не поддерживал меня в этом решении.

— Ну, положим, на то, чтобы переубедить меня, много сил тебе не потребовалось, — несколько ворчливо отозвался верховный протектор.

— Согласен, — Валтор кивнул. — Но следует учитывать, что у тебя нет дочки на выданье, или сестры, или племянницы — словом, молодой особы женского пола, через которую можно было бы породниться с королем.

— Чего нет, того нет, — Торн провел ладонью по щеке, которая к ночи утратила свою утреннюю гладкость, — Но если бы и была, твой брак с Лотэссой Линсар принес бы тебе куда больше выгод для укрепления в Эларе, чем с любой из дайрийских девиц.

Элвир не кривил душой. Он действительно находил идею союза Валтора с первой аристократкой покоренной страны удачной и разумной. Но иные соратники Малтэйра придерживались противоположного мнения. Им казалось, что беззаветная преданность заслуживает награды. А разве может король почтить верную службу в бою и в государственных делах лучше, чем взяв в жены дочь, сестру или внучку? А тут его величество, благополучно воцарившись в столице завоеванной страны, объявляет, что хочет жениться на местной девице. Многие дайрийцы восприняли это решение как пощечину. Если бы Лотэсса Линсар хотя бы не была такой красавицей...

Когда видишь девушку столь ослепительно прекрасную, как энья Линсар, мысли о политической выгодности союза, о дипломатических хитросплетениях или дальновидном расчете как-то пасуют перед убеждением, что Валтор Малтэйр попросту потерял голову, влюбившись в эларскую красотку до такой степени, что позабыл о своем долге перед приближенными, да и перед родной страной вообще. И бесполезно им объяснять, что красота королевской избранницы является лишь приятным дополнением к ее знатности и положению ее семьи в государстве.

Так или иначе, брак короля вызывал довольно единодушное недовольство среди его дайрийских подданных. Только вот откажись Валтор в угоду им от своей затеи, не сильно

бы это помогло улучшить щекотливую ситуацию — напротив, только ухудшило бы ее. Торн, как и Малтэйр, понимал, что, откажись король от эларской невесты и возьми вместо нее дайрийку, поддавшись на уговоры, стало бы еще хуже. Потому как выбор дайрийских девиц у него более чем богатый, а королевой можно сделать только одну. И наивно думать, что отвергнутые приверженцы смирятся с тем, что выбрали кого-то другого, утешившись мыслью, что не попораны права и гордость родной Дайрии. Нет, у каждого из них своя собственная гордость и, что греха таить, своя корысть. И если поправление чести страны перенести трудно, то поправление своей собственной дается большинству людей куда тяжелее. Есть, конечно, и исключения, к каковым, без сомнения, можно отнести самого короля и, как надеялся Элвир, его самого тоже. Но по большей части зависть и обида, неизбежные среди дайрийских сподвижников Малтэйра, выбери он дочку одного из них и прояви пренебрежение остальными, оказались бы куда сильнее гордости за страну и стали бы причиной распрей, подрывающих нынешнее пусть и относительное, но единство.

Так что придется оберегать прекрасную Лотэссу и заодно присматривать за ней, чтоб не совершила какой-нибудь глупой пакости, способной еще больше настроить против нее людей, которых и без того сложно назвать ее доброжелателями. В конце концов, эта красивая, пусть и не меру пылкая девушка будет не худшей королевой для своей страны, а Валтор заслуживает лучшей участи, чем династический брак с какой-нибудь уродиной.

— Я позабочусь о твоей невесте, — пообещал Элвир другу.

— Спасибо, — искренне поблагодарил король. — Кроме тебя, я никому не мог ее поручить. Мне вообще сложно доверять кому-то так же полно и безоговорочно, как тебе. Я даже не знаю, кому доверяю больше — тебе или себе самому. Должно быть, в равной мере.

— Хотелось бы верить, что ты меня не переоцениваешь, — вздохнул Торн. — Боюсь, что далеко не всегда мне удастся оправдывать твое полное и безоглядное доверие. Я, кстати, за тем и пришел, чтобы разочаровать тебя в своем всемогуществе.

Элвир рассказал Малтэйру то, что они узнали от Энлил. Валтор слушал внимательно, не перебивая, временами хмурился и потирал ладонью лоб и переносицу. Выслушав до конца, он начал планомерно задавать собеседнику вопросы, назревшие по ходу повествования.

— Ты считаешь, можно серьезно относиться к словам колдуньи?

— Не знаю, — честно признался протектор. — До этого мне никогда не приходилось иметь дела ни с колдунами, ни с магией как таковой. И все же, пока Энлил и ее объяснение — единственная ниточка, за которую мы можем зацепиться.

— Она может помочь в охоте на это мифическое чудовище и уничтожить его? — Валтор невольно поморщился. Было видно, что ему сложно всерьез рассуждать о ведьмах и чудовищах.

— Не уверен, — Торн помнил, как выглядела Энлил после таинственных махинаций на месте смерти своего мужа. Помнил ее озадаченность и страх.

— А с этим... существом вообще можно справиться? — король опять потер переносицу, этот жест у него означал напряженную задумчивость.

— Мы должны с ним справиться! — Торн словно резанул словами воздух. — Не имеем права не справиться, даже если это свыше наших сил и совершенно невозможно. Эта тварь не должна разгуливать по улицам и безнаказанно убивать людей. Если нужно, мы объявим ей войну, задействовав всех солдат гарнизона, расквартированного в Вельтане, королевскую гвардию и городскую стражу в придачу.

— Хорошо, — король кивнул. — Думаю, что у твоего монстра при таком раскладе просто нет шансов.

Было видно, что со стороны Валтора это скорее бравада, чем искренняя уверенность, но так им обоим легче. А еще было видно, что король, принимая правила игры и соглашаясь считать аксиомой реальность таинственной твари, на самом деле не верит в ее

существование. Просто потому, что не может поверить, так как это выходит за рамки его представлений о возможном и невозможном. Что ж, не Элвиру его судить. Ведь сам протектор пребывал практически в таком же состоянии. Поверить нельзя, потому что это безумие, не верить тоже нельзя, потому что единственное мало-мальски разумное объяснение сводится к участию в деле сверхъестественных сил. Все факты свидетельствуют в пользу того, чего просто не может быть.

— Ты ведь не веришь во все это? — голос Торна звучал устало. Он не собирался переубеждать короля, да и не смог бы даже при желании.

— Не верю, — признал тот. — Так же, как и ты. Только это ничего не меняет. Мы должны действовать так, как будто верим, пока у нас не появится хоть что-нибудь, опровергающее вашу безумную теорию. Потому что если вся эта магическая дрянь окажется правдой, а мы будем сидеть сложа руки, считая происходящее абсурдом, то нам этого не простят... хуже то, что мы сами себе никогда не простим. Лучше казаться безумцами, вопреки логике и здравому смыслу гоняясь за призраками и ночными тварями, чем бездействовать. Согласен?

Элвир кивнул. Теми же соображениями руководствовался он сам, распутывая это кошмарное дело.

— Да, — вздохнул Валтор. — Отцу было бы проще. Ты же знаешь, он верил во всякие такие вещи. Если не в чудовищ, то, по крайней мере, в предсказания, знамения и пророчества. Помнишь, он все твердил нам о проклятии Ильдов?

— Да уж, — Торн против воли улыбнулся. — Его покойное величество Аритэр Дайрийский столь часто поминал проклятый род Ильдов, что одного этого было достаточно, чтоб их возненавидеть. Призвания уничтожить Ильдов и спасти мир от проклятия набили оскомину всем, кого он почтил особым доверием и счел достойными быть посвященными в сию страшную тайну. Но ведь мы убили их не поэтому? — Элвир и так знал ответ, просто вопрос сам сорвался с губ.

— Естественно, не поэтому, — король на секунду прикрыл ладонью лицо. — Мы уничтожили Ильдов, чтоб спасти Элар от гражданской войны и смуты... хотя если этим не слишком благовидным деянием мы заодно избавили Анборейю от страшных бед...

— Не знаю, как насчет всей Анборейи, а наши беды, похоже, только начинаются, — мрачновато ухмыльнулся протектор. — Если верить твоему батюшке, то, уничтожив Ильдов, мы избавились от нависшей над нами угрозы, но если оценивать реальное положение вещей, то скорее похоже, что мы невольно разбудили какое-то жуткое проклятие вместо того, чтобы покончить с ним...

— А знаешь, в этом что-то есть, — в зеленых глазах Валтора мелькнула какая-то смутно осознаваемая догадка или предчувствие ответа. — Кто знает, может, отец что-то напутал с этим пророчеством, о котором без устали твердил нам. А ведь оно действительно существовало! Он даже показывал мне свиток. Нам нужно это проклятое пророчество и все, что с ним связано. Не факт, что это хоть чем-то поможет, но когда нет совсем никаких разумных идей, приходится хвататься за безумные. Свиток с пророчеством, конечно, в Тиарисе¹, но, возможно, в Эларе мы найдем копии или хоть что-нибудь на эту тему. Займешься?

— Куда я денусь, — вздохнул Элвир.

— Прости, я знаю, что у тебя и без того хватает дел, причем все как на подбор важные и неотложные...

— Если уж король не спит ночами, разгребая наследство «проклятых Ильдов», то верховному протектору сами богини велели этим заниматься. Покопаюсь в библиотеке Нианона. Если ничего не найду, сунусь в университетскую...

После этого мужчины распрощались, крепко пожав друг другу руки. Это на людях они держались церемонно, наедине же были близкими друзьями. И немудрено, что их связывала такая дружба. Элвир и Валтор росли как братья, Торн вроде как даже приходился Малтэйрам каким-то дальним родственником, впрочем, это обстоятельство не имело особого значения. Важно было то, что они всегда были вместе, понимали друг

друга с полуслова или вовсе без слов, могли безоговорочно доверять друг другу. Их учили одни и те же наставники, готовили к достижению одних целей. Конечно, Валтору предстояло быть королем, но из Элвира делали того, на кого будущий монарх всегда сможет опереться, его изначально готовили к тому, что рано или поздно он станет вторым лицом в государстве. Судя по всему, покойный король совершенно сознательно облек дальнего родственника таким доверием. Аритэр словно показывал всем вокруг, что, когда придет время, правой рукой его сына станет его ровесник и друг, а не кто-то из умудренных жизненным опытом вельмож, находящихся в преклонных годах. Бывший король был прав. И дело не вовсе не в том, что Торн упивался выпавшими на его долю влиянием и властью, которые не слишком соответствовали его возрасту и положению. Демоны с ней, с этой проклятой властью! Как люди не понимают, что она куда больше бремя, чем радость... Нет, Аритэр рассчитал все правильно. Если бы при молодом короле находился кто-нибудь из заслуженных аристократов, это вряд ли послужило бы на пользу Валтору и Дайрии. Во-первых, эти упивающиеся своей значимостью государственные мужи соперничали бы за место возле дайрийского монарха и возможность управлять его действиями. Во-вторых, сама идея управляемого короля — опасность для благополучия государства, за редким исключением, когда властитель глуп, слаб, жесток или беззаботен, как дитя, а его советники мудры, бескорыстны и ставят государственные интересы выше собственных. Такое, однако, случается редко, и последний Ильд служил ярким тому примером.

Протектор бросил последний взгляд на короля, вновь склонившегося над бумагами, и вышел. Идя по коридорам, Элвир был полностью погружен в свои невеселые мысли, что, однако, не помешало ему заметить женскую фигуру, мелькнувшую в одной из боковых галерей. Незнакомка мало того что гуляла по дворцу глубокой ночью, так еще была облачена в темный плащ с капюшоном и передвигалась легко и бесшумно, явно стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Но проявлять внимание ко всему было работой Торна, а потому, пренебрегая нарушением приличий, он догнал женщину и аккуратно, но крепко взял ее за локоть. Та резко обернулась, и капюшон слетел с головы, представив взору Элвира его новую подопечную — королевскую невесту, Лотэссу Линсар.

— Энья Линсар? — Торн отпустил руку девушки и поклонился.

Проявление учтивости не произвело впечатления на Лотэссу и не умерило ее гнева, который легко читался на прекрасном лице, несмотря на полумрак.

— По какому праву вы позволяете себе задерживать и хватать меня, словно преступницу, эн Торн? Вы следили за мной? — она не скрывала своей злости, к которой примешивалась изрядная доля страха. Элвир явственно чувствовал исходящие от девушки волнение и тревогу.

— Отнюдь, — протектор усмехнулся и покачал головой в знак отрицания. — Просто меня удивила женская фигура, крадущаяся во тьме. Позвольте узнать, что вы делаете здесь в такой час, энья Лотэсса?

— А вы, эн Торн? — вопросом на вопрос ответила она. — Что вы делаете в такой час в коридорах Нианона? Выслеживаете тайных врагов вашего любимого короля? Разнюхиваете заговоры? Ищете, кого бы еще казнить?

После этих слов Элвир невольно поморщился. Вот кем он видится этим людям — чудовищем, рыскающим в поисках новых жертв. С другой стороны, лучше уж так, чем слащавые письма, пахнущие духами.

— Нет, энья, вы не угадали. Ни разу, — он вздохнул. — Я просто возвращался от своего любимого короля, который, к слову сказать, тоже не спит глубоко за полночь, пытаюсь разобраться с наследием, оставленным ему вашим любимым королем... тем самым, которого я казнил.

Пусть ненавидит еще сильнее! А заодно пусть боится. Чем больше она будет напугана, тем меньше глупостей решится совершить. Пусть девица знает, что не может незаметно и безнаказанно шастать ночами по Нианону. Но не к Валтору же она, в конце концов, шла, скрывая кинжал под плащом. И ведь допытываться бесполезно: все равно соврет. И, естественно, она соврала.

— Ну, а я просто заблудилась в переходах, — Лотэсса лгала столь нагло, что было не ясно, то ли это зашкаливавшая за все грани разумного наивность, то ли откровенный вызов. — Я, знаете ли, еще путаюсь во всех этих дворцовых коридорах, поскольку нахожусь во дворце недавно и не по своей воле.

— М-да, — с усмешкой протянул Торн. — Несколько странно, что вам так мало знаком Нианон, где вы проводите время с самого детства. С учетом этого королевский дворец должен быть вам известен не хуже родного замка, который, кстати, виден из дворцовых окон.

— Вам странно, что я так плохо знаю Нианон? — в голосе девушки слышался вызов. — А мне странно, что вы знаете его так хорошо! Как-никак, в отличие от меня, вы не провели здесь детство и занимаете королевский дворец всего несколько недель.

— В этом нет ничего удивительного, — Элвир небрежно пожал плечами, но уголки его рта тронула жесткая усмешка. — Хозяевам надлежит хорошо знать свои новые владения.

— Вы здесь не хозяйева! — вскинулась Лотэсса.

Что, девушка, больно? Он этого и добивался своими словами. Вы ненавидите дайрийцев и видите в нас чудовищ? Ну так позвольте нам вести себя соответственно! Хотя настоящие чудовища рыщут ночами по улицам, а вы, энья Линсар, судя по плащу, туда и направлялись. Хотя интересно, как вы рассчитывали проскользнуть мимо дворцовой стражи?

— Позвольте проводить вас до ваших покоев, энья Лотэсса, — Торн предложил ей руку, но сей галантный жест был демонстративно проигнорирован. Однако деваться девушке было некуда, пришлось идти за навязавшимся провожатым.

Проводив невесту короля до ее комнат, Элвир учтиво пожелал ей спокойной ночи и был вознагражден за свои труды дверью, с шумом захлопнувшейся перед его носом. Какое-то время он постоял напротив двери, с помощью которой первая красавица и аристократка Элара в очередной раз выразила свое отношение к проклятым дайрийским захватчикам. Затем, покачав головой и снисходительно улыбнувшись, пошел прочь по коридору, нарочито громко ступая по каменным плитам. Отойдя таким манером довольно далеко, Торн преспокойно вернулся, на этот раз ступая настолько бесшумно, что Лотэссе, крадущейся по коридорам, стоило бы у него поучиться. Элвир скрылся в одной из многочисленных стенных ниш, находясь полностью в тени и имея возможность созерцать дверь Лотэссиной комнаты, при этом оставаясь практически незаметным. Облокотившись о стену, верховный протектор принялся ждать.

1Тиарис — столица Дайрии.

Глава 31

Наконец-то ушел! Тэсса вздохнула с облегчением, вслушиваясь в удаляющиеся по коридору шаги. Она боялась, что Торн так и останется у ее дверей. С этого бы сталось караулить ее до утра! К счастью, очевидно, у него были дела поважнее.

Не теряя времени, девушка, так и не скинувшая плаща, выскользнула из своей комнаты в полутемный коридор. Было тихо и пусто. На всякий случай Тэсс огляделась вокруг, однако тусклый свет приглушенных настенных светильников мало что позволял увидеть. Оставалось лишь надеяться, что на этот раз ей никто не встретится. Девушка, стараясь быть бесшумной и незаметной, быстро пересекала один дворцовый коридор за другим, ни разу не задумавшись, где свернуть. Надо быть идиотом, чтобы поверить, что она может заблудиться в Нианоне. Впрочем, Торн и не поверил. Он, конечно, бездушный мерзавец, но далеко не дурак. Нажать лишнего врага в его лице было бы очень неприятно. Наверняка завтра доложит его самозваному величеству, что видел королевскую невесту шастающей ночью по дворцу.

Но завтра будет завтра, а сегодня нужно во что бы то ни стало встретиться с Ланом. В том, что юноша ее дождется, Тэсса почти не сомневалась. Он хоть и совсем еще мальчишка, но положиться на него можно. И решения он принимает куда более разумные и взвешенные, чем она сама, даром, что младше ее на два с лишним года. Лотэсса невольно задумалась, как бы проявил себя в подобной ситуации старший Таскилл. Рейлор был сильным, надежным и храбрым до безрассудности, но вот способности здраво рассуждать и просчитывать возможное развитие событий хоть на несколько ходов вперед ему, в отличие от младшего брата, явно не хватало. Сама Тэсс тоже действовала импульсивно, не задумываясь о последствиях, чем за короткий срок успела немало навредить себе. Лишь последнее ее решение можно было назвать более-менее разумным. Совершенно не ясно, как мать, которую Лотэсса привыкла считать весьма недалекой особой, дошла до понимания того, что связывает их с Ланом, но нужно было любой ценой сбить ее со следа. Девушка так расстаралась, чтобы убедить Мирталь в нелепости ее предположений, что даже дала себя уговорить на переезд в Нианон. Мать, довольная одержанной победой, казалась, забыла о своих подозрениях и с головой погрузилась в хлопоты, связанные с переездом.

Тэсс же, едва выскользнув из приемной, побежала к Лану, по-прежнему находящемуся в тайной комнатке. Тот все слышал и одобрил ее решение усыпить бдительность короля и родителей притворной покорностью и согласием перебраться во дворец. Пусть ее оставят в покое, считая, что Тэсса смирилась со своей участью. О, она больше не будет привлекать к себе лишнее внимание дерзкими выходками, но и довольство также выказывать не станет. Она будет мрачной, язвительной и печальной, как и надлежит выглядет побежденной. И тогда, когда все утратят к ней интерес, она исчезнет у них прямо из-под носа. И верный Лан ей в этом поможет. Право же, ужасно досадно, что она попала сегодня, и не кому-нибудь, а самому Торну — главной ищейке Дайрийца. Еще надумает приставить к ней соглядатаев. Остается лишь верить в удачу и надеяться, что верховный протектор не придаст случайной встрече особого значения.

Размышляя подобным образом, девушка миновала внутренние переходы и оказалась в открытой галерее, опоясывающей левое крыло Нианона. Тэсса находилась на нижнем этаже дворца. Все выходы из дворца охранялись. Правда, стражники вряд ли позволили бы себе дерзость задержать знатную даму, гостью короля, которой пришла блажь ночью прогуляться по парку. Зато с утра не преминули бы доложить о ее похождениях тому же Торну. А это означало практически крах всего их плана. Ни король, ни его прихвостень не должны даже мысли допускать, что она планирует побег. Пусть уж протектор лучше думает, что она под покровом ночи кралась к его драгоценному монарху, одержимая жадной убийства, чем догадывается, что птичка задумала улететь из клетки. Не такая уж ваша пленница дурочка, да и вы не такие умные, господа узурпаторы. Хоть вы и возомнили себя здесь хозяевами, да только про тайны Нианона вы знаете куда меньше, чем те, кто всю жизнь был связан особыми узами с королевской семьей.

Оказавшись рядом с одной из изящных арок, украшавших галерею, девушка легко вскочила на перила и так же легко соскочила вниз, благо высота была небольшая. Ночной парк дышал туманной прохладой. Роса, лежащая на траве и листьях, сразу же замочила Тэссе подол платья и край плаща. Торн, должно быть, решил, что она нацепила черный плащ для пушей таинственности, чтоб сподручнее было красться по коридорам.

На самом деле плащ имел вполне практическое назначение — хранить девушку от ночного холода. А что до выбора цвета, так траур остается трауром, что дома, что во дворце, и никто не заставит ее снять черное. Оказавшись во власти по-осеннему холодной ночи, Тэсс лишней раз порадовалась своей предусмотрительности. Месяц Эльвии — граница между летом и осенью; какими бы жаркими ни выдавались дни, ночная прохлада неизменно напоминала о близящейся осени. Зато эльвийским звездам не было равных! Воздух словно делался прозрачнее, чем в более теплые летние месяцы, небо темнее, а звезды крупнее и ярче. К тому же, их было так много, что казалось, будто кто-то прячет часть небесных сокровищ весь год, и, лишь дождавшись Эльвии, щедрой рукой рассыпает их по небосводу. Но как бы ярко ни сияли звезды сквозь кроны деревьев и как бы ни любила их Лотэсса, она не могла себе позволить стоять в парке и пялиться на небо, ей нужно было спешить. Лан и так заждался. Да и в любой момент можно столкнуться с кем-нибудь из «хозяев», шастающих по своим новым владениям.

Шанс нежелательной встречи увеличился, когда девушка вышла из тени деревьев и оказалась на открытом пространстве королевских цветников. В обрамлении причудливо подстриженных кустарников, насколько хватало глаз, тянулись клумбы самых разнообразных форм. Тэсс старалась держаться ближе к темной густой зелени кустов, однако, минуя одну из клумб, не удержалась и приблизилась к цветам. Сейчас роскошные лилии казались почти черными, но Лотэсса знала, что на самом деле они глубокого лилового цвета. Как ее глаза. Так сказал Нейри. Богини знают, где он раздобыл такой редкий сорт и как они звались изначально, но, разбив эту клумбу в качестве подарка своей невесте, Нейри объявил, что отныне цветы будут носить ее имя. С тех пор эти лилии получили официальное название «Тэсса» и именно под ним вошли в моду у столичной знати. Девушка склонилась к цветам, венчики их были полузакрыты по случаю ночного времени суток и усыпаны бисеринками росы. Тэсс с нежностью провела пальчиком по лепестку и печально улыбнулась сквозь внезапно навернувшиеся слезы.

Нейри... Темные лилии казались его прощальной улыбкой, обращенной к ней из-за Грани, улыбкой, исполненной нежности и грусти. Цветы по-прежнему живут, садовники исправно ухаживают за ними, и неважно, кому принадлежит Нианон с его парками. Цветы есть, а принца нет! Тэсса взглянула в сторону дворца, ища глазами окна спальни Нейри, которые выходили именно в эту сторону. Он хотел иметь возможность любоваться лилиями цвета глаз своей любимой из окон своих покоев. Сейчас эти окна были темными. Хорошо хоть у захватчиков хватило совести никого не поселить в комнаты младшего Ильда. Королевские-то апартаменты заняты Малтэйром, дабы ненавистный Дайриец мог лишней раз подчеркнуть свой монарший статус. Пусть хоть в покоях ее бывшего жениха будет темно и пусто. Она обязательно заберется туда в какой-нибудь из ближайших дней, чтобы без помех предаться воспоминаниям о том, кто был избран ее судьбой. Лотэсса знала, что была бы счастлива с Нейри, пусть иначе, чем, например, с тем же Рейлором Таскиллом, но все-таки счастлива. И с Рейлором тоже была бы... Но этого никогда не будет. Не будет потому, что нынешний ее жених убил обоих предыдущих. Что ж, ей остается лишь одно — месть. Месть, которая не вернет из могил тех, кто был ей дорог. Месть, которая ничего не исправит. Месть, ставшая единственным смыслом ее жизни.

Миновав лиловую клумбу, а затем и цветники, Тэсс вновь углубилась в темноту, постепенно смещаясь к ограде королевского парка. Ограда и была конечной целью ее вылазки, точнее, не сама ограда, а маленькая, почти незаметная калитка. У калитки Лотэссе дождался Лан.

— Ты все-таки не ушел! — девушка чуть было не бросилась ему на шею, но в последний момент сдержалась, сочтя подобную фамильярность нарушением приличий.

— Как ты могла подумать, что я уйду?! — в голосе юноши звучало неподдельное возмущение, а еще легкий стук зубов, сопровождающий речь любого человека, несколько часов простоявшего на холоде.

— Я не сомневалась в тебе, — она и правда была уверена, что Лан будет стоять у калитки, сколько бы ни пришлось ждать. — Но все равно я виновата. Представляешь, меня подстерег этот мерзкий Торн. Шляется ночами по коридорам, вынюхивает что-то. Пришлось врать, что я заблудилась, позволить ему вернуть меня в темницу, навязанную Малтэйром, и потом еще дожидаться, пока этот мерзавец наконец уйдет. Слышал бы ты, как он кичился ролью нового хозяина Нианона. Я, право, с трудом удержалась, чтоб не

плюнуть ему в лицо!

— Будь они все прокляты! — с чувством произнес парень. — Стерегут тебя как тюремщики. Не уверен, что вы встретились с Торном случайно, не удивлюсь, если он намеренно тебя выслеживал.

— Надеюсь, что это не так, — ей стало не по себе от подобного предположения. — Счастье еще, что эти новоявленные хозяева Вельтаны и Элара на самом деле не знают наших тайн, — слово «хозяева» было произнесено предельно презрительным тоном.

— Ты об этом? — Лан кивнул в сторону калитки, почти скрытой от глаз листвой густого плюща и ветвями кустарников.

— Да, — девушка кивнула и, взяв в ладони большой резной ключ, висевший на шее у Лана, нежно провела пальчиком по темному от времени металлу.

Откуда чужакам, возомнившим себя повелителями, знать старинные секреты Нианона, не один век связывавшие королевскую династию и две наиболее близкие к трону семьи? Калиток было две. Они так и назывались — «вход Таскиллов» и «вход Линсаров». Эти тайные проходы были предназначены для того, чтобы Линсары и Таскиллы, чьи замки были построены по обе стороны Нианона, могли в любой момент беспрепятственно, при необходимости тайно, проникать во дворец и покидать его. Секретные калитки были не столько привилегией и знаком отличия, сколько символом безграничного доверия монархов к представителям этих фамилий. Конечно, за столетия правления Ильдов всякое случалось. Как среди Линсаров, так и среди Таскиллов находились порой те, для кого одна ступень, отделяющая от верховной власти, казалась не слишком высокой и потому слишком соблазнительной, так и манящей перешагнуть ее. Возможно, именно поэтому так важно было показать, что, несмотря на прискорбные случаи, Ильды по-прежнему неизменно доверяют своим ближайшим сподвижникам и ничто не сможет поколебать согласия между древнейшими династиями Элара. Между собой у Таскиллов и Линсаров тоже не все и не всегда шло гладко, были такие, кого не устраивало равенство положений семей по отношению друг к другу и к трону. Однако разногласия между ними, к чести всех трех фамилий, были эпизодическими, занимали в истории Элара незначительные периоды и воспринимались как печальные недоразумения, обусловленные несовершенством человеческой природы. Зато периоды стабильности, взаимного уважения и поддержки, напротив, считались естественным положением вещей.

Ключи от калиток традиционно хранились у глав семей Таскиллов и Линсаров. Именно поэтому Тэсса не могла воспользоваться своим. Попросить у Оро ключ было все равно что признаться в планах побега. Не будь у нее возможности воспользоваться помощью Таскиллов, пришлось бы пытаться выкрасть ключ у отца, но, к счастью, этого не потребовалось. Эна Алдора отдала ключ Лану для сообщения с Лотэссой, ставшей пленницей короля, и устройства ее побега из Нианона.

Покидать дворец прямо сегодня Тэсса не собиралась. Этой ночью она встретила с Ланом, чтобы обсудить детали и спланировать свое бегство из Вельтаны.

— Матушка все устроила, — отчитывался Лан. — Пользуясь своими связями, она выправила нам бумаги, с которыми мы сможем выехать через любые ворота, естественно, под чужими именами. Когда ты сможешь выбраться отсюда?

— Думаю, что исчезнуть мне стоит тогда, когда его величеству будет не до меня. На следующей неделе у него намечается встреча с послами. Уж такое-то мероприятие целиком поглотит его внимание. Дайрийцу и его обожаемому протектору будет не до меня. Когда он обо мне вспомнит, мы будем уже далеко, — немного помолчав, она добавила несколько смущенным тоном: — Знаю, что и так многим обязана тебе и эне Алдоре, но могу ли попросить еще об одной услуге?

— Проси о чем угодно! — разве мог он ответить иначе?

— Если бы ты смог с запиской от меня явиться на наши конюшни и забрать моего коня... Я знаю, это не слишком разумно, но мне так не хочется оставлять Карвена здесь. Да и кучеру нашему, Герезу, я доверяю, он не станет болтать о том, о чем нужно молчать. Ты сделаешь это для меня?

— Сделаю, — кивнул Лан, хотя по лицу его было заметно, сколь мало одобряет он Тэссину идею. — Если ты готова рисковать и положиться на молчание своих слуг. Уверен, матушка этого не одобрит. Думаю, даже не стоит ей рассказывать. Но ты не думала, что кто-нибудь из стражников у ворот сможет признать твоего жеребца?

— С чего бы это обычным городским стражникам или, тем паче, людям Дайрийца знать моего Карвена в лицо? — пробурчала девушка, не слишком довольная тем, как Лан воспринял ее просьбу.

— В лицо его, конечно, никто не знает, — терпеливо объяснил юноша. — Скорее уж, узнают тебя саму. Но если твою всей столице известную внешность мы с помощью одежды и разных ухищрений надеемся скрыть, то чистокровный сантэрский красавец, столь мало подобающий худородной дворяночке, за которую мы тебя выдаем, может испортить все дело. Странно, что ты сама этого не понимаешь.

Ну вот, не хватало еще начать ссориться. Конечно, по большому счету Лан прав, но ведь Карвен не просто конь, он — друг, бросить которого нечестно и неправильно, особенно с учетом того, что впереди долгая дорога и, скорее всего, не одна. Жаль, что лошадь нельзя изуродовать и замаскировать как человека. Даже если вымазать его сажей и выстричь роскошную гриву и хвост, сантэрскую стать никуда не спрячешь. Тэсса совсем приуныла.

— Я же сказал, что достану твоего Карвена, если ты этого желаешь, просто ты должна понимать, что это увеличивает риск.

— Почему ты всегда рассуждаешь так разумно, что и возразить-то нечего? — почти зло поинтересовалась Лотэсса. — После твоих слов я, конечно, не решусь взвалить на себя ответственность и поставить под угрозу наш план. Я и так уже достаточно наделала глупостей, — вздохнула она.

— Тэсс, не сердись, — Лан осторожно взял ее за руку. — Я подумаю, и, может, мы найдем другой выход.

— Да я не на тебя злюсь, а на себя.

Это было правдой. Девушка понимала, что рассудочность Лана, очевидно, доставшаяся ему от матери, в их предприятии куда полезней ее безрассудных порывов. Просто она осознала, сколь часто буйные волны ее желаний будут разбиваться о скалы безупречных доводов разума, возведенные мальчишкой, который даже младше ее.

— Забудь, — Тэсса махнула рукой, смирившись с поражением.

— Знаешь, как мы поступим, — Лан, напряженно размышлявший пока Лотэсса досадовала, наконец принял решение, устраивающее обе стороны. — Напиши записку своему конюху, если так ему доверяешь, и попроси доставить твоего коня в какой-нибудь из ближних пригородов Вельтаны. Желательно до нашего отъезда. Пусть пристроит его на конюшню трактира поприличней и заплатит за содержание. А потом явемся мы и заберем твоего любимца.

Второй раз за полчаса Тэсс была готова броситься парню на шею. Нет, он просто сокровище. Если его чрезмерная предусмотрительность захлопнула одну дверь, то благодаря ей же открылась другая.

— Только пусть твой Герез заплатит содержателю конюшни лишь половину суммы, да пригрозит хорошенько...

— Зачем? — не поняла девушка.

— Затем, что даже в этом случае любой трактирщик сообразит, что стоимость сантэрского скакуна многократно превышает то, что он может заработать, и ему крайне сложно будет удержаться от искушения продать твоего Карвена, если представится случай. — Лан вздохнул, разясняя очевидные с его точки зрения вещи. — И еще пусть прячет его от посторонних глаз, лишние слухи нам не к чему.

Тэсса согласно кивала, заранее соглашаясь со всеми доводами собеседника, обрадованная тем, что ее ненаглядный Карвен все-таки будет с нею. Непрактичность

девушки в очередной раз сказала в том, что она, планируя передать через юного Таскилла записку конюху, даже не озаботилась захватить с собой перо и бумагу. У Лана тоже не было письменных принадлежностей, поскольку он, несмотря на всю свою предусмотрительность, никак не мог предположить, что среди ночи им понадобится что-нибудь писать. Но парень и тут нашел выход, предложив Лотэссе написать записку позже и оставить ее в каком-нибудь условном месте недалеко от входа Таскиллов, чтобы он мог забрать послание. Местом был выбран раскидистый платан, ствол которого был почти полностью скрыт оплетающим его плющом. Конечно, дупло в дереве, да еще и на высоте человеческого роста, пришлось бы кстати, но, увы, природа не всегда готова подстраиваться под людские прихоти. А потому молодые люди условились, что Тэсс просунет свою записку под плети плюща, а Лан заберет, как стемнеет.

На прощание Тэсса крепко сжала руки парня, преисполненная благодарности. Тому факту, что Лан задержал ее ладони в своих чуть дольше, чем следовало, она не придавала особого значения. Расставшись с Таскиллом, девушка поспешила к себе и, едва добравшись до кровати, заснула как убитая.

Проснувшись она после полудня и тут же принялась за письмо к Герезу. Записка вышла короткой и деловой, Лотэсса была уверена, что все самое важное Лан передаст ее конюху на словах. Закончив, она спрятала сложенный листок бумаги за корсаж и направилась к заветному дереву. Был день, и гостя короля спокойно могла прогуливаться по паркам сколько душе угодно, не вызывая ничьих подозрений. Естественно, в этот раз девушка выбрала другой путь, прыгать через перила галереи днем было не только без надобности, но и весьма неразумно.

Тэсса решила пойти через старый розарий. Он был разбит по желанию королевы Тарлины — жены покойного короля Лендера и матери последних Ильдов. Девушке нравилось это место. Пышные розы цвели по обеим сторонам неширокой дорожки, источая дивный аромат и радуя глаз богатством цветов и оттенков. Лотэсса привычно ощущала сквозь тонкие подошвы мягких туфель камешки, которыми была вымощена тропинка. Черные и белые, они лежали не плашмя, а ребром, отчего узор становился рельефнее.

За розарием начиналась лестница. И хотя розарий назывался «старым» лестница была куда старше. Скорее всего, она была тут изначально, являясь ровесницей дворца. Лестницу, в отличие от розария, Тэсс очень не любила. Ступени были не просто старыми, сколотыми и покрытыми трещинами, но и огромными. Можно подумать, что в прежние времена люди были великанами, с досадой подумала девушка. Разве у прежних Ильдов ноги были намного длиннее, чем у их потомков? Тэсса не была маленькой, и коротконожкой ее тоже никак не назовешь, однако высота ступеней почти достигала ее колен. Каждый шаг давался с трудом, приходилось скорее спрыгивать, чем перешагивать ступеньки. Подол платья Лотэсса была вынуждена поднять несколько выше, чем позволялось приличиями. Благо в это место редко кто забредал, а потому она рассчитывала, что минует дурацкую лестницу, никем не замеченная. На всякий случай, однако, Тэсс держала спину прямой, а голову высоко поднятой, дабы не смотреться со стороны совсем уж смешной. Именно из-за откинутой головы и взгляда, гордо устремленного вдаль, она и споткнулась на последней ступени.

Девушка не успела осознать, что с ней произошло, и толком испугаться, как оказалась в руках подхватившего ее мужчины, очевидно, стоявшего у подножия лестницы и не замеченного оттого, что она смотрела не вниз, а вперед. Подняв взгляд на своего спасителя, Тэсса вздрогнула, как от удара. Над ней, насмешливо улыбаясь, склонился не кто иной, как сам Валтор Дайрийский.

— Энья Линсар? — он изогнул бровь, изображая удивление. — Не стоит меня благодарить, я и без того по вашим прекрасным глазам вижу, как сильно вы меня ненавидите в этот момент.

— Пустите меня! — Лотэсса и впрямь задыхалась от злости на него, на себя и на обстоятельства, из-за которых оказалась в подобном положении.

— Разумеется, — король тут же разомкнул руки и даже сделал шаг назад. — А между тем, — усмехнулся Малтэйр, — я оказал вам неоценимую услугу, спас от поистине ужасной участи...

— От какой же? — меньше всего она хотела обсуждать случившееся, но вопрос сам сорвался с губ.

— Не столь страшна перспектива сломать себе ноги или даже шею, как рухнуть на колени перед дайрийским чудовищем. Не правда ли? Что может быть унижительнее?

Разве что рухнуть к нему в объятия, обреченно подумала про себя Тэсс. Но она не может позволить себе выглядеть в его глазах дурочкой, исходящей бессильной злобой. Даже оказавшись в крайне неловкой ситуации, нужно уметь сохранять лицо.

— Вы напрасно полагаете, эн Малтэйр, что не дождетесь благодарности, — увидев заинтересованность в его глазах, она продолжила. — Напротив, я чрезвычайно ценю вашу заботу. О, ваше беспокойство обо мне поистине безгранично! — с каждым словом яда в голосе прибавлялось. — Вы не только обеспечили мне своей высочайшей волей почетное заключение во дворце, но еще и лично сооблаговостили следить за каждым моим шагом...

— Вы полагаете, я следил за вами? — Валтор расхохотался.

Вряд ли, конечно. Стал бы король утруждать себя или даже своего драгоценного Торна подобными вещами. Шпионить за ней приставили бы кого попроще и незаметнее. Но почему бы не уколоть Дайрийца лишний раз, заодно показав, что она не так уж и смущена случившимся.

Решив, что она сказала все, что хотела, Тэсса решительно развернулась к Малтэйру спиной и пошла прочь, искренне надеясь, что он не последует за ней.

— Смотрите под ноги, моя принцесса! — крикнул король ей вслед.

— Я не принцесса! — она даже не обернулась.

— И верно, — он усмехнулся. — Но не беда, скоро у меня будет право звать вас «моя королева»...

Глава 32

— И что? — Альва прямо-таки задыхалась от злости. — Теперь мы должны позволить перебить нас поодиночке, не оказывая ни малейшего сопротивления?!

— Брось, — поморщился Чиртон. — Нас, — он сделал особый упор на это слово, — нас никто не тронет.

— С чего такая уверенность? — ехидно спросила девушка. — Только за последние дни двое покойников в нескольких кварталах друг от друга! У нас на глазах убивают людей!

— И что с того? — в голосе купца слышалась презрительная усталость, словно его утомляла необходимость объяснять глупой девчонке элементарные вещи. — Для того, чтобы охранять жизнь и имущество порядочных людей, есть стража. Конечно, стражники не могут, да и не должны защищать каждого жалкого бродягу, но уж поверь мне, достойных жителей столицы никто в обиду не даст. И вовсе нет необходимости самим хвататься за ножи и топоры, охраняя по ночам покой своего квартала. Странные, право, идеи приходят в твою голову, девочка.

— Тот, кого позавчера убили на Винной улице, бродягой не был, — возразила Альва. — Я сама видела! Одет прилично и ...

— Альва, ты что, бегала туда? — перебила тетушка, и голос ее был весьма строг.

— Я хотела застать коменданта, — нехотя ответила девушка. — Но он уже уехал, а покойника как раз убрали с мостовой.

— Что за дела у тебя с комендантом? — Чиртон мгновенно насторожился.

Альва со злорадным удовлетворением наблюдала за его бегающими глазками и нервно подрагивающим жирным подбородком. Может быть, это самовлюбленное ничтожество оставит их в покое, опасаясь внимания Итона Карста к своим грязным делишкам. Девушка уже хотела выложить купцу, что с начала осени будет личным секретарем столичного коменданта, но укоризненно-предостерегающий взгляд Тийлы остановил ее.

Тетушка была категорически против идеи Альвы зарабатывать себе на хлеб. Не сумев отговорить упрямую племянницу, она, очевидно, хотела бы сохранить этот страшный позор втайне от окружающих, особенно от Ровика Чиртона. Что ж, может, отчасти Тийла и права, незачем тучному дельцу знать такие вещи — по крайней мере, до поры до времени. Хватит с него туманной фразы о знакомстве племянницы Тийлы с самим Карстом. Достаточно, чтобы опасаться, но слишком мало, чтобы распространять гадкие слухи.

— Это мои дела, — ответила она Ровику, улыбнувшись как можно загадочней.

— Ну уж если у вас такое близкое знакомство, — ехидно прошипел Чиртон, и по его тону Альва поняла, что кое-какие выводы он все же сделал. Причем выводы, которые дадут почву для слухов куда более порочащих, чем известие о том, что благородная девица нанялась на работу. — Тогда ты могла бы лично попросить коменданта особо присмотреть за нашей частью — от Гончарной улицы до Нижних мельниц.

— Не буду я его ни о чем просить! — девушка насупилась. — Его забота — вся Вельтана. А наши несколько кварталов мы можем защитить и сами. И говоря «мы», господин Ровик, я не имею в виду вас, не переживайте. Вас никто не просит браться за меч или топор, ведь ваше оружие — счеты. Конечно, если правильно рассчитать силу удара, то и этим приспособлением можно нанести урон врагу. Но ваша комплекция и года, надо полагать, не позволят вам принимать личное участие в обороне родных улиц, — Альва издевалась и не думала этого скрывать.

Чиртон после каждой ее фразы багровел все сильнее, а Тийла смотрела все более укоризненно, хотя в то же время с трудом сдержалась, чтоб не улыбнуться.

— Альва, — тетушка поспешила прервать разглагольствования разошедшейся племянницы. — Твоя идея, возможно, и не лишена здравого смысла, однако, как мне кажется, заниматься организацией обороны родных улиц должны взрослые сильные

мужчины, а не юная девица.

— Но у меня есть лук! — вскинулась девушка. — И вряд ли здесь найдется хоть кто-то, кто умеет обращаться с ним лучше меня.

— Юную девицу отнюдь не красит владение мужским оружием, — важно изрек Ровик, очевидно, радуясь, что может хоть отчасти отомстить Альве за едкие слова в его адрес.

— Возможно, вы и правы, любезный господин Чиртон, — купец довольно улыбнулся, но рано. — Только вот если взрослые мужчины вместо оружия грозно размахивают векселями, то юным девицам поневоле приходится браться за лук и стрелы, хоть это их, конечно, и не красит.

На Чиртона было жалко смотреть. Казалось, еще чуть-чуть, и он воспламенится.

Прям не торговец, а чистый дракон, подумала Альва. Интересно, выдержит он очередную гадость в свой адрес или сорвется, дав Тийле окончательный повод отказать от дома. Чиртон выдержал.

— Ты забываешься, девочка, — прохрипел он.

Взор, обращенный к тете Тийле, красноречиво выражал, скольких усилий ему стоит не выложить ее наглой племяннице все, что он думает, причем не стесняясь в выражениях. Тетушка в ответ лишь опустила ресницы и слегка наклонила голову. Я вас понимаю, любезный Ровик, говорил этот жест, но что взять с дикой провинциалки, будьте снисходительны.

Чтобы избавить старших от необходимости перебрасываться многозначительными взглядами и дать им возможность высказать на словах все, что они думают о несносной девчонке, Альва решила уйти.

— Пожалуй, мне лучше вас оставить, — с этими словами она закинула за спину злополучный лук и направилась в сторону калитки.

— Ступай, — напутствовала ее тетюшка, и по тону девушка поняла, что по возвращении ее ждет выволочка.

Конечно, тетя Тийла сердится не совсем всерьез, Альва же видела, что, опуская глаза, женщина прятала искорки смеха, которые могли ее выдать. Отчитает племянницу она скорее для порядка, в очередной раз напомнив о манерах и элементарной вежливости. Но это будет потом, а пока можно спокойно несколько часов шататься по улицам, уже ставшим знакомыми, а не торчать в садике, созерцая и выслушивая противного Чиртона.

Первым делом девушка направилась к городской стене. Их район в некоторых местах примыкал к стене, окружавшей Вельтану, и до Ночных Ворот отсюда было рукой подать. Стена была сложена из серого камня, местами прилично разрушилась, поросла травой, кустарниками и даже деревьями. Понизу люди использовали стену, как могли: мостили к ней лотки, навесы и прочие сооружения. А самые бедные даже использовали как основу для своих хижин, попросту пристраивая к городской остальные стены из самых разных материалов и крышу.

Суэта вокруг «обустроенной» части стены никогда не привлекала Альву, она стремилась туда, где камень предельно обветшал и раскрошился, превращая ровную некогда линию в рытвины и зигзаги. Там почти не было взрослых, зато дети и молодежь с утра до вечера лазили по развалинам, сидели на выступах или на вершине. Альва не стала исключением, оценив и роскошный вид, который открывался за стеной, и возможность рисковать, покоря очередной уступ. А еще городская стена хоть отдаленно, но напоминала ей крепостные стены родного замка.

Кроме всего прочего, именно здесь чаще всего коротал свободное время ее новый приятель — Ларни Боглан. Не то чтобы девушка пришла сюда именно к Ларни, но если бы он оказался здесь, это бы пришлось весьма кстати.

— Ла-аа-арни! — позвала она.

Ждать пришлось недолго, парень действительно ошивался поблизости.

— Что-то ты рано сегодня, — заметил он.

— Да просто у нас опять сидит этот жирный дурак — Чиртон, — пожаловалась девушка.

Произнеся слово «жирный» она на секунду смутилась, поскольку ее приятель тоже был пухловат. Однако это, как ни странно, ему даже шло, по крайней мере, по мнению самой Альвы. Но мало ли, вдруг все равно обидится. Ларни не только не обиделся, а, похоже, даже не обратил внимания.

— Я, признаться, сглупила, упомянув при нем о планах охраны улиц, — вздохнула Альва.

— Ты все-таки всерьез намерена заняться этим? — в голосе парня слышалось удивление и даже намек на беспокойство.

— А ты нет? — вскинулась девушка. — Разве мы не вместе обсуждали это вчера? Что, струсил?

— Не струсил, — тут же начал оправдываться он — Просто я не принял твои слова всерьез. Думал, что мы просто говорим, — промямлил Ларни. — Что вроде как это хорошая идея, которую, естественно, никто не собирается воплощать в жизнь.

— Зачем же тогда говорить? — не поняла Альва.

— Ну, не знаю, — парень пожал плечами. — Все всегда говорят, что хорошо бы следить за чистотой улиц, убирать по весне снег и сосульки со стены, чтоб на голову не падали, помогать беднякам и сиротам и тому подобное. Говорить-то говорят, но ничего не делают. И не собираются даже. Зато соседям сразу ясно, кто здесь самый порядочный и обеспокоенный чужими заботами.

— Понятно, — презрительно фыркнула девушка, выслушав приятеля. — Одно слово — город. Тем паче столица. У нас в замке никто бы не стал тратить время на пустые разговоры и похвальбу, когда общая беда стучится в двери. Когда на несколько верст вокруг замка никого нет, любая забота и уж тем более опасность сплачивает всех — и господ, и слуг, и крестьян. А у вас совсем не так. Каждый сам по себе. Все рассчитывают на кого-то, кто о них позаботится — стража, чиновники, да сам король, в конце концов. Потому как это их забота, они за то жалование получают, — Альва невольно копировала назидательный тон Чиртона.

— Ты права, — кивнул Ларни, — так и есть. Мы привыкли так жить, хоть это и неправильно. Но как же заставить всех разом думать и действовать по-другому?

— Всех и необязательно, тем более разом, — усмехнулась она. — Просто нужно показать людям, что можно и самим отвечать за свое благополучие и что так даже надежнее, не говоря о том, что умнее и правильнее. Вот, к примеру, сегодня ночью мы с тобой пойдем по улицам дежурить и охранять их сон. Завтра кто-нибудь, узнав, захочет к нам присоединиться хотя бы из любопытства. И так будет собираться все больше народу, по крайней мере, из молодых. И в конце концов взрослые, глядя на своих детей, постыдятся отсиживаться по домам. Вот твой отец, кузнец...

— Отчим, — поправил ее парень.

— Ну, отчим, — только тут Альва вспомнила, что у Ларни и кузнеца Холто разные фамилии. — Он сильный и в оружии разбирается. Неужели же он не захочет помочь?

— Не знаю, — честно признался Ларни. — Не привыкли у нас так действовать, говорю же тебе. Может, и захочет, если объяснить ему все по-хорошему, а может, и меня не отпустит. Даже еще и затрещин надает, чтоб дурь выбить. Думаю, что ему говорить пока не стоит. Если решила идти этой ночью — я с тобой, но трепаться об этом не стану — ни родителям, ни друзьям. А там видно будет.

Они ненадолго замолчали. Каждый думал о своем, глядя вниз и по сторонам. Альва принялась рвать примостившиеся между камнями мелкие бледно-сиреневые цветочки и плести венки. В конце концов, она все-таки девушка и не только из лука стрелять умеет. А Ларни неожиданно спросил:

— Ты правда совсем-совсем не боишься?

— Почему же не боюсь? — она даже опешила от такого вопроса. — Боюсь, конечно. Я же нормальный человек, тем более — женщина, а не герой древности.

— Так почему же ты тогда идешь? — продолжал допытываться парень.

— Потому что смотреть в лицо любому врагу не так страшно, как прятаться от неведомой опасности. По крайней мере, для меня. Лучше даже умереть в бою, чем, забившись в темный угол, затаить дыхание, трястись и гадать, найдут тебя или нет, особенно когда даже не знаешь, кто тебя ищет.

— А если знаешь, думаешь, легче? — Ларни склонил голову и серьезно посмотрел на девушку. — Вот мать, например, считает, что это не человеческих рук дело, а нечисти из-за Грани. Может, она и глупая женщина...

— А может, и не глупая, — задумчиво протянула Альва.

В тварей из-за Грани она не то чтобы серьезно верила, но вполне допускала их существование. В сельских замках, в отличие от городов, старые предания и легенды пользуются большим уважением, и относятся к ним не в пример серьезнее. Потому как лучше переоценить опасность и быть готовыми ко всему, чем недооценить и столкнуться нос к носу с тем, чему не можешь противостоять хотя бы гипотетически. Ведь провинциальным дворянам не приходится рассчитывать на то, что городская стража уберезет их от всех напастей. Может, и смешно, но и замке Свеллов, и в последней крестьянской лачуге были свечи с полынью, чтобы отгонять по ночам бесплотных духов. Даже в ясный день с такими свечами ходили в темные кладовые, спускались в подвалы, лазили на чердаки. На дверных замках рисовали узоры, запрещающие любой нечисти доступ в дом. Точнее, рисовали люди попроще, а дворяне и наиболее зажиточные селяне заказывали кузнецам замки сразу с узорной резьбой. А уж разного рода обереги и приметы, связанные с нечистью из-за Грани, и вовсе не перечислить. И ведь не то чтобы Свеллы и их люди всерьез ждали нападения темных созданий, просто привычки, укоренившиеся веками, стали неотъемлемой частью их повседневной жизни.

Ну а про страшные сказки старой няньки Хэнн или те байки, что рассказывали друг другу дети, оставшись одни в темноте, и говорить нечего. Больше в них, конечно, было выдумок, а все же вряд ли они совсем на пустом месте появились. Были, разумеется, и те, кто желал посмеяться над своими и чужими страхами. Что ни год молодые парни на спор проводили ночи запертыми в пустой башне замка или на недалеком погосте. Только вот не каждая такая история имела хороший конец. И пропадали, бывало, самонадеянные юнцы, и мертвыми их находили. Кто уж потом разберет — от страха, от человеческих ли рук или все-таки нечисть вмешалась. Нечасто такое случалось, а все-таки... Потом эти случаи пополняли число страшных баек и становились поводом для безрассудства все новых и новых добровольцев. А случалось и так, что ничего не происходило — выходил на утро храбрец из башни или возвращался с кладбища, чувствуя себя героем и осознав за собой право посмеиваться над суеверными соседями. Только вот и из вернувшихся не все проживали потом долгую и счастливую жизнь, хотя... долгая, а тем паче счастливая, жизнь и так редко кому достается, так что, может, нежить и не при чем.

— Даже если твоя мать права, то и эти твари не всемогущи и не бессмертны, — глаза Альвы блеснули каким-то лихорадочным огнем. — Если уж они и вправду явились из-за Грани, то почему бы нам не попробовать отправить их обратно?

Глава 33

— Хорошо, я прочту означенную петицию, как только будет время, — Валтор забрал свиток из рук канцлера — Фрэлома Табрэ.

Разумеется, времени на разбор идиотских петиций с требованиями немедленного дележа и раздачи завоеванных земель и замков у короля не будет еще долго, а скорее всего, петиция полетит в камин, для порядка полежав пару месяцев среди прочих не имеющих значения бумаг.

— Вы свободны, эн Фрэлом, — когда Валтор Малтэйр говорил кому-то из подчиненных «вы свободны», это означало, что он сам хочет освободиться от общества собеседника.

— Прежде чем покинуть ваше величество, я позволю себе в очередной раз затронуть деликатный вопрос...

— Моей женитьбы, — закончил фразу канцлера король.

— Ваше величество, ваш выбор по-прежнему удручает тех, кто искренне печется о вашем и государственном благополучии.

— А я по-прежнему не желаю ничего менять, — выражение лица короля было скучающим, словно разговор шел о сущих пустяках, недостойных внимания.

— Поверьте, — Табрэ не желал так просто сдаваться. — Как мужчина, я вас понимаю, ваша избранница молода и хороша собой, но при этом она явно не испытывает ни малейшей благодарности за оказанную ей честь...

— Что само по себе вполне закономерно, — заметил Валтор.

— Ваше величество, право, порой вы меня просто удивляете, если не сказать пугаете, — вельможа всплеснул пухлыми руками. — Вот и сейчас вы рассуждаете, как эларец. Еще немного, и вы объявите своих соотечественников захватчиками, а себя самого — узурпатором.

— Ну, до этого не дойдет, — монарх усмехнулся. — Просто энья Линсар имеет полное право не испытывать никакой благодарности и даже противиться этому союзу. Но ее мнение, так же как и мнение моих придворных, не повлияет на мое решение.

— Я готов поддержать ваше величество в решении не связывать себя узами брака с дайрийкой. При всем уважении к нашим прекрасным девушкам, брак с иностранной принцессой или даже королевой всегда выгоднее для государства. Так почему бы вам не присмотреться к девицам на выданье королевских кровей?

— Союзы представителей королевских фамилий — союзы между державами, — для разнообразия Валтор не стал возражать собеседнику. — С помощью подобного альянса можно превратить врага в друга или сделать друга врагом своего врага... Но самым опасным врагом Дайрии был Элар. Да и в качестве друга он полезнее всех остальных соседей, вместе взятых... только вот дружить с Эларом мы никогда не умели. Но теперь это не имеет значения, Элар — наш. Однако если уж говорить о династических браках, то чем плох союз с самым значимым государством на континенте?

— Но ведь вы сами сказали, что Элар — наш, — Табрэ решил использовать против короля его же доводы. — А какой смысл заключать договор с самим собой? Кроме того, эта ваша Лотэсса Линсар даже не принцесса.

— Она могла бы стать королевой, если бы меня вдруг не стало, — парировал Валтор. — На данный момент только Линсары и Таскиллы считаются законными претендентами на эларский престол.

— Тогда уж скорее на трон посадили бы мальчишку Таскилла, — не сдавался канцлер.

— Думаю, во избежание споров их бы просто-напросто поженили, положив тем самым начало новой королевской династии, — протянул король скучающим тоном. — Это я к тому, что выбранная мною невеста не уступает по знатности любой принцессе из тех,

что вы мне можете предложить. И если я вдруг откажусь от своего замысла, то, уверяю вас, иностранные принцы, а возможно, и короли не сочтут для себя зазорным тут же засыпать ее предложениями руки и сердца.

— Ну и пусть, — Табрэ явно не усматривал в таком повороте событий никакой опасности.

— Пусть? — губы короля скривились в недоброй усмешке. — А вас не смущает то, что, связав себя узами брака с законной наследницей эларской короны, будущий муж попытается, прикрываясь правами супруги, претендовать на престол Элара? Я привык ценить ваш ум, эн Фрэлом, и потому искренне удивлен, что вы не принимаете в расчет данное обстоятельство.

Но Табрэ, которого одновременно и похвалили и выставили недальновидным политиком, не собирался сдаваться.

— Разве ваше величество не заявили, что нет государства, способного бросить вызов Элору, ныне находящемуся в ваших руках? И, смею надеяться, эти руки надежнее удержат власть, чем те же Ильды.

— Удержать-то я ее скорее всего удержу, — Валтор вздохнул, словно опечаленный непониманием своего сподвижника. — Только вот вызовы это бросать не помешает. Всегда найдутся правители достаточно дерзкие и недальновидные, чтобы замахнуться на кусок, который им не по зубам. Положим, я сумею отстоять добытую власть, только вот какой ценой? Кому, как не вам, эн Табрэ, знать, как много еще предстоит сделать. Я, как монарх, предпочитаю заниматься наведением порядка в стране, которую теперь считаю своей, а не отстаивать свои права на престол. Именно поэтому я женюсь на девице Линсар, а брак юного Таскилла постараюсь устроить, как только он немного повзрослеет.

— Ваши доводы резонны, мой государь, и все же прошу вас еще раз подумать, — канцлер склонился в поклоне перед тем, как покинуть кабинет.

Как только доселе молчавший Элвир остался наедине с королем, он поднялся из кресла и обратился к Валтору с вопросом, на протяжении всей беседы крутившимся у него в голове.

— Я полностью согласен со всеми твоими доводами, но признайся, не будь твоя нареченная, как выразился Табрэ, молода и хороша собой, настаивал бы ты на этом браке с таким же непоколебимым упорством, раз за разом бросая вызов многочисленным противникам вашего союза?

— Разумеется, — лицо Валтор оставалось бесстрастным, и поэтому сложно было понять, насколько он искренен. — Лишь бы была не слишком стара для того, чтобы произвести на свет наследника. А внешность? Разве это так важно?

— А разве нет?

— Я не лукавлю, когда заявляю, что ищу в этом браке лишь политических выгод, — король по своей привычке оперся ладонями о стол. — А для услаждения взора и прочего я завел бы любовницу, а может, даже нескольких, — неожиданно ухмыльнулся он.

— А так, значит, не заведешь? — Элвир ехидно прищурился, довольный тем, что все-таки сумел поддеть своего друга и сюзерена.

Сразу после этого Торну пришлось уворачиваться от свитка, запущенного в него Валтором. Подобрал с пола орудие, не достигшее цели, протектор покачал головой и придал своему лицу суровое и скорбное выражение, старательно изображая негодование.

— Так, значит, ваше величество относится к прошениям своих верных подданных, не жалеющих крови на полях сражений и сил в делах государственных? — гневно вопрошал Элвир, потрясая свитком с петицией, которую давеча принес канцлер. Но смеющиеся глаза и кривящийся в невольной улыбке рот с головой выдавали отношение верховного протектора к подобным документам, а заодно и к их подателям.

Валтор не выдержал и расхохотался, Торн тут же присоединился к нему. Отсмеявшись,

Элвир обратился к королю:

— Ты помнишь, о чем я тебе говорил? Не передумал?

— Нет, — Валтор покачал головой.

— Но почему? — Торн отказывался понимать друга. — Мне кажется, что я куда лучше справлюсь с этим. Да и покидать посольский прием в его разгаре королю как-то не подобает.

— Ничего, ты меня заменишь, — Валтор беззаботно махнул рукой.

— Не заменяю, — поспешил разочаровать его Элвир. — Мы с Карстом сегодня идем в Кузнечную часть, выслеживать эту тварь, она там уже дважды отметилась.

— Тогда ты тем более не сможешь заняться моей строптивой невестой, — вздохнул король. — Да и все-таки я должен сделать это сам. Не хочу никого вмешивать. Ей ведь и так несладко, я понимаю.

— Ты еще ее пожалей! — фыркнул протектор. — Бедненькая девочка! Это еще хорошо, что у меня хватило ума пойти за ней и стать свидетелем беседы весьма интересного содержания. И что делает монарх, узнав новость? Просит не привлекать к этому лишнего внимания! Таскиллы с Линсарами плетут заговоры, а его величество изволит рыдать над их нелегкой судьбой!

— Брось, Элвир, — Валтор поморщился. — Не будь столь кровожаден. Они же дети! И ты не хуже меня понимаешь, что у них есть право плести заговоры... так же, как и у нас — эти заговоры раскрывать.

— И наказывать заговорщиков!

— Ты кого собрался наказывать? — король прищурился. — Мальчишку и свою будущую королеву? Она и так наказана — замуж против воли идет.

Ох, и наплачемся же мы с этой будущей королевой, про себя вздохнул Торн. Когда эта девочка вырастет и станет женщиной, а ее интриги будут уже не столь наивны и топорны, Лотэсса Линсар может стать по-настоящему опасной, если только не пересмотрит свое отношение к дайрийцам вообще и Валтору Малтэйру в частности.

— Поступай, как знаешь, — Элвир махнул рукой. — Оставь за себя Табрэ на приеме. Послы — его стихия.

— Я так и собирался, — его величество кивнул.

Выйдя из кабинета, Торн почти сразу выкинул из головы королевскую женитьбу и все сложности, вокруг нее возникающие. Теперь его волновала лишь сегодняшняя вылазка в Кузнечную часть. Комендатура находилась по дороге, и потому протектор, предпочтя на сей раз передвигаться по городу верхом, заехал за Карстом. Присоединившийся к Торну комендант пребывал не в лучшем расположении духа.

— С чего вы взяли, что чудище будет поджидать нас именно там и именно сегодня? — ворчливо осведомился он у спутника.

— А я этого и не утверждал, — отозвался Элвир. — Это лишь предположение. И, между прочим, я не настаивал на том, чтобы вы меня сопровождали, дэн Итон.

— Ну разумеется, — буркнул комендант.

Конечно же, он просто не мог не принять личного участия в подобном рейде. Карст воспринимал свою Вельтану как поле вечного боя. Ему нужно было быть там, где жарче всего. По сути, комендант был и оставался солдатом. Именно солдатом, а не полководцем. А если и полководцем, то таким, который первым несет в атаку, не просчитывая последствия, а просто стремясь закрыть собой все бреши.

Как же все-таки им повезло с этим человеком. Откажись Итон сотрудничать с новой властью, и город, и король много бы потеряли. Как хорошо, что преданность столичного

коменданта Вельтани оказалась сильнее ненависти к захватчикам. Вот уж кто поистине находится на своем месте. И как знать, если со временем Карст сможет преодолеть свое предубеждение против дайрийцев, быть может, они с Элвиром смогут стать друзьями, а не просто людьми, временами выполняющими общую работу. Хотя для дела это не так уж и важно.

Верхом мужчины быстро добрались до Кузнечной части. Подъехав к трактиру побогаче, они оставили там лошадей, не заходя в помещение. Комендант и протектор не ставили себе целью ни скрываться, ни привлекать особого внимания к своему визиту в одну из небогатых частей города. Одеты они были просто. Не зная их в лицо, сложно было заподозрить в двух путниках важных персон. Но специально прятать лица под капюшонами плащей Торн с Карстом тоже не считали нужным: узнают так узнают. В конце концов, и столичный комендант, и верховный протектор имеют полное право находиться в любой части города в любое время суток.

По улицам они тоже шли, не таясь, но и не производя ненужного шума. Идут себе двое мужчин, мало ли какие у них дела.

— И все-таки, почему мы решили начать с Кузнечной? Здесь было два убийства, а в Ночной — три, — Карст упорно вел себя так, словно относится к их сегодняшней вылазке с крайним неодобрением, и старался придаться к чему угодно.

— В Кузнечной убийства были последними по времени, — равнодушно отозвался Элвир, которого ворчание спутника нисколько не задевало. — Кроме того, Ночная часть граничит с Кузнечной, и мы можем позже туда заглянуть.

— Вы всего несколько недель здесь, а знаете город, похоже, получше некоторых местных, — сложно было понять, что звучало в голосе коменданта — похвала или досада.

— Недавно одна девушка сказала мне примерно то же самое относительно дворца, — фыркнул Торн. — Не буду повторять свой ответ. Думаю, что уж вы-то должны понимать, что к чему.

Карст неохотно кивнул и пробормотал что-то невнятное. Вдруг откуда-то сверху донесся шорох. Мужчины мигом замолчали и насторожились. Прижавшись к стене, они медленно двинулись вперед. Комендант первым осторожно выглянул из-за угла дома, окинув внимательным взглядом крыши, деревья и прочие возвышенности. Долго выискивать нарушителей тишины не пришлось.

Выглянув из-за плеча спутника, Элвир увидел на крыше невысокого домика двоих. Протектор не знал, радоваться ему или досадовать, что перед ним не какое-нибудь чудовище, а самые заурядные люди. Ну, если, конечно, можно счесть заурядными тех, кто лазит ночами по крышам, скрыв лицо капюшоном плаща и с луком в руках. С луком, кстати, один из незнакомцев явно умел обращаться, тетива была натянута, а стрела, лежащая на ней, недвусмысленно направлена в сторону Карста и Торна. Значит, их присутствие не осталось тайной, хоть они и старались не производить лишнего шума. Так кто же перед ними — мелкие ночные воришки или рыбка покрупнее? Тот, что был без лука, что-то шепнул своему спутнику, кивнув на мужчин внизу, которых парень в капюшоне держал под прицелом.

— Нет, Ларни, — голос какой-то слишком высокий. — Это не те, кто нам нужен. И вообще, я одного знаю. Доброй ночи, дэн комендант, — неожиданно обратился лучник к Карсту.

— Доброй ночи, — хмыкнул тот в ответ. — Позволь предположить, что и я тебя знаю. Надеюсь, что в этот раз ты не будешь метать ножи или пускать стрелы по бельевым веревкам? — ехидно осведомился Карст, окончательно уверяя протектора в своем знакомстве с местными героями. Он что, всех в городе знает?!

В ответ лучник рассмеялся звонким, явно не мужским смехом, откинул капюшон, являя ослепительную улыбку на милом девичьем личике. Как ни удивительно, но Элвиру это лицо тоже было знакомо.

— Альва?!

Глава 34

Идя по дорожкам парка, Тэсса постоянно одергивала себя, чтобы не оглядываться. Время было еще не очень позднее, скорее вечер, чем ночь, особенно по дворцовым меркам. Конечно, странно выглядит придворная дама, гуляющая по парку одна в такой час, но все-таки не до такой степени странно, чтобы устанавливать за ней слежку и тем более остановить. Как и в прошлый раз, девушка воспользовалась открытой галереей, а не одним из входов, но раз уж этот маневр остался незамеченным, то теперь опасаться вроде бы нечего.

Думая о Лане и о том, что если все получится, то она надолго (а может, и навсегда) покинет Вельтану, Тэсс невольно возвращалась мыслями к королю и к судьбе, от которой бежала. Так ли уж плохо быть королевой? Его королевой? Конечно, плохо, одернула она себя. Хуже некуда. Что с того, что он красив, умен и даже способен на подобие благородства. Стать женой убийцы своего брата и своего короля? Нет уж, лучше смерть!

Однако при всей ненависти к Малтэйру Лотэссу несколько задевало то обстоятельство, что король не влюблен в нее. В его желании жениться на ней ничего, кроме политического расчета, и это при том, что все ее прежние поклонники с ума по ней сходили. Ведь и для Рейлора, и для Нейри так же, как и для Дайрица, она, исходя из династических соображений, была вполне подходящей партией, однако это не мешало им искренне любить ее. Любовь короля нужна была Тэсс вовсе не затем, чтобы потешить самолюбие. К своим неполным восемнадцати годам она была слишком избалована и пресыщена мужским восхищением. Нет, ей не нужны были лишние доказательства того, что она самая прекрасная и желанная девушка в Эларе. Но если бы проклятый Малтэйр был влюблен, она бы получила удовольствие мучить его в расплату за те страдания, что он доставил ей. Как приятно было бы знать, что этот надменный бессердечный человек страдает! Жаль все-таки, что он ничего к ней не чувствует.

Возможности завоевать сердце Валтора, чтобы добиться своего, Тэсса совершенно не допускала. И не потому, что ее бы унизила подобная игра, она просто-напросто понятия не имела, как можно влюбить в себя мужчину. Тебя либо любят сразу, либо не любят. Правда, с последним вариантом Тэсс практически не сталкивалась. Девушки, не столь щедро одаренные судьбой, знали множество ухищрений, как понравиться мужчине, разжечь в его сердце огонь чувств, привязать его к себе, но Лотэсса, никогда не испытывавшая в том необходимости, была в этих делах совершенно неискушенной. Поэтому ей оставалось лишь жалеть, что она не сможет хоть отчасти отомстить узурпатору за то горе, что он принес ей и ее стране.

Подобные размышления разбредили старые душевные раны, вызвали волну отчаяния и ненависти. Почему она должна бежать из родного города и собственного дома?! Почему во всем мире у нее не осталось ни одного близкого человека, кроме Лана Таскилла? Да и мира-то, по сути, не осталось. Все, что ей было дорого, в прошлом. И каким бы ни было будущее, оно никогда не сравнится с тем, чего уже не вернуть. Будь ты проклят, Дайриец! Пусть вся боль, причиной которой ты стал, падет на твою голову!

Обуреваемая такими мыслями, девушка шла, не замечая дороги. Она прошла чуть больше половины пути, когда внезапный звук заставил ее резко остановиться. О, этот звук! Не однажды она слышала его во сне — мерзкое, выжигающее сознание шипение. Неужели и сейчас она спит?! Нет, невозможно! Слишком реальны ощущения — холодный ветер, озябшие ноги в промокших от росы туфлях, шум, доносящийся из ярко освещенных окон Нианона, где сейчас проходит посольский прием. Если минуту назад Тэсс хотела оказаться от дворца как можно дальше, то теперь ей внезапно захотелось быть там, внутри, под защитой каменных стен и в окружении толпы народа.

Звук нарастал точно так же, как во сне. Девушка уже приготовилась к тому, что сейчас он станет невыносимым, однако этого не случилось. Зато она смогла воочию увидеть источник кошмарного шипения, оказавшийся ничуть не менее кошмарным. Глядя расширенными от ужаса глазами на получеловека-полузмея, Лотэсса уже была согласна даже оказаться в своем ненавистном сне, где были скалы, песок и пыльное небо, но не жуткие создания, подобные этому чудовищу. Впрочем, лицо твари было почти человеческим и даже почти красивым, если бы не желтые глаза с вертикальным зрачком и не змеиный язык, ежесекундно пробегающий по губам.

Тэсс безумно хотелось кричать, но она обнаружила, что не в силах издать ни звука. То ли от ужаса, то ли это существо лишило ее голоса.

— Ты поистине прекрасное создание, — скорее прошипело, чем проговорило оно. — Но твоя ненависть стократ прекрасней! Ты чиста и считаешь свою ненависть праведной, а оттого она восхитительна, как самый изысканный сорт вина. А твой страх... Впрочем, страх твой такой же, как у большинства людей, ничего особенного, но я не побрезгую и им. Ты отдашь мне свою ненависть и страх и еще кое-что, а потом умрешь...

Несчастливая Тэсса лишь крепче запахнула накидку, словно это могло ее хоть как-то защитить, и зажмурилась, в отчаянии ожидая своего последнего мгновения.

— Не умрет, — вдруг услышала она за спиной знакомый голос, до этого момента казавшийся ненавистным. Сейчас, однако, самое время пересмотреть свое отношение к голосу и к его обладателю.

Открыв глаза, Лотэсса увидела рядом Его Величество Валтора Дайрийского. Король в правой руке держал меч, а левой бесцеремонно задвинул девушку себе за спину.

— Уйди, — словно песок шелестит над сухими костями. — Уйди, я пришел не за тобой. Оставь ее — и будешь жить.

— Мне плевать, за кем ты пришел, — по грани меча Валтора скользнул лунный отблеск. — Умрет не она, а ты!

Тварь захохотала, и смех этот выворачивал душу. Тэсса подумала, что если чудовище не прекратит смеяться, то она умрет прямо сейчас, и никаких дополнительных усилий с его стороны не понадобится.

— Какая самонадеянность! — раздвоенный язык вновь мелькнул между узкими бескровными губами. — Ты и впрямь не боишься. Но тебе не под силу убить меня. Будь ты хоть трижды властителем, ты не больше, чем человек. А вот я с легкостью уничтожу тебя, если пожелаю. Но не хотелось бы. Ты полезнее мне живым, король. Ты принес в Элар так много ненависти и страха, что убивать тебя было бы расточительством, — растянутые шипящие звуки и буква «с», словно гной, стекали с его жала, и даже воздух вокруг казался отравленным этим мертвым голосом.

— Ты готов отдать за нее жизнь? — продолжало темное создание, видя, что Дайриец не двинулся с места. — Ты дурак, король! Она ненавидит тебя! О да, она мечтает, чтобы ты остался. Ее цель — твоя смерть! Не уйдешь — сгинете оба, но она умрет, торжествуя, что смогла погубить тебя — главного своего врага.

Тэссой овладело тоскливое отчаяние. Конечно же, он уйдет. Он бы и без откровений чудовища имел полное право уйти. Кто она такая, чтобы ради нее умирать? Идеальный политический брак — это, конечно, значимо, но не важнее жизни. Тем паче, что короли свою жизнь привыкли считать достоянием государства и народа. Уйдет и будет прав. И она не будет унижаться, умоляя его остаться и защитить ее, особенно учитывая, что это бессмысленно. К чему королю делить смерть с той, что его ненавидит?

А может, тварь и права? Может, ее собственная смерть не слишком высокая плата за гибель узурпатора? Разве не клялась она сделать все, чтобы скинуть его с эларского престола? Почему бы не пожертвовать жизнью, тем более что ничего хорошего эта жизнь ей не сулила... Только вот отречься от жизни куда легче, когда тебе ничего не угрожает и только ты решаешь, стоит ли жить дальше. А сейчас, когда все решено, Тэссе вдруг отчаянно не захотелось умирать. И если Валтор Дайрийский единственный, кто сейчас стоит между ней и небытием, то пусть уж лучше он живет как можно дольше.

— Заткнись, — голос Малтэйра прозвучал устало, но в нем не было ни страха, ни обреченности. — На тебя и смотреть-то тошно, а слушать и того хуже. — Лотэсса, уходите, — обратился король к девушке и слегка подтолкнул ее в направлении дворца, а потом взмахнул мечом и сделал шаг навстречу змеехвостому.

— Ну, тогда отправляйся за Грань, гордец! — прошипело чудовище.

Что-то поменялось в его взгляде, направленном теперь прямо в глаза королю. Желтые, почти круглые глаза без ресниц смотрели сосредоточенно и властно. То был взор змеи,

заворожившей кролика. Сколь бы мало Дайриец ни походил на кролика, он, подобно несчастной зверушке, оказался напрочь лишенным воли колдовскими глазами гадины. Король бессильно уронил занесенную руку, по-прежнему сжимавшую меч, и даже темнота не могла скрыть внезапной бледности, залившей его лицо.

— Убирайся прочь, мерзкая тварь! Оставь нас! — Тэсс, так и не двинувшаяся с места, несмотря на то ли просьбу, то ли на приказ Малтэйра, теперь истерично кричала на змеехвостого, осознавая, что ничего этим не добьется. Она была готова вцепиться ногтями в жуткое подобие лица, выцарапать эти кошмарные змеиные глаза. Терять все равно нечего, так не умирать же покорно и безропотно!

Девушка могла ожидать всего, чего угодно, в первую очередь того, что тварь оставит в покое короля и займется ею. Она даже рассчитывала на подобный поворот событий. При всей ненависти к Дайрийцу ей не хотелось, чтобы он погиб вот так после того, как отказался бросить ее, поставив на кон собственную жизнь. Однако действия Лотэссы привели к последствиям, ожидаемым менее всего. Темное создание после первых же слов Тэсс скорчилось, словно от боли, и, послав ей полный безысходной ненависти взгляд, прошипело:

— Повинуюсь!

Не успели потрясенные люди осознать абсурдность происходящего, как чудовище исчезло. Тэсса, окончательно утратив связь с реальностью, внезапно начала истерично хохотать.

— Нет, ну надо же! — бедную девушку сотрясали конвульсии, она задыхалась от хохота. — Я велела ему убираться, и он ушел! Так просто, — ей с огромным трудом удавалось втискивать слова между приступами дикого смеха. — Я повелительница чудовищ!

— Энья Линсар, успокойтесь, прошу вас, — король выглядел сейчас более озабоченным, чем пять минут назад перед лицом практически неминуемой смерти. — Если вы не возьмете себя в руки, мне придется вас ударить.

— Вв-вы... вы не посмеете, — она была не в силах остановиться, даже если бы захотела, но ей было все равно.

— Верно, — он не стал спорить. — Я поступлю иначе.

После этих слов Малтэйр практически поволок Тэссу к фонтану, находившемуся неподалеку. Посреди небольшого мраморного бассейна две каменные девицы лили воду из кувшинов. Дайриец с девушкой перепрыгнул через бортик, оказавшись по колено в воде, и без всяких церемоний сунул первую аристократку королевства под перекрещивающиеся струи.

Ледяная вода холодной эльвийской ночью кого угодно отрезвит и остановит любую истерику. Лотэсса перестала смеяться, ошарашенно глядя на короля. Негодование после всего случившегося высказывать было глупо, но и спускать подобное обращение ей не хотелось.

— Приношу свои извинения, но у меня не было другого выхода, — его величество вытащил Тэсс из фонтана. — Надеюсь, вы простите отсутствие должной почтительности.

Девушке хотелось сказать в ответ что-нибудь едкое, но вместо этого она так же внезапно, как до этого смеялась, заплакала. Струи холодной воды не погасили истерику, а лишь перевели ее в другое русло. Тэсса дрожала в мокрой одежде, слезы текли по ее и без того мокрому лицу, а говорить между всхлипываниями было не легче, чем между приступами хохота. Король мог бы вновь попытаться ее успокоить, Тэсса ждала и в глубине души даже желала этого, но Валтор поступил иначе.

— Это существо сказало правду? Вы желали мне смерти? — то ли Малтэйр решил, что резкая смена темы пойдет на пользу девушке, то ли его и впрямь очень занимал этот вопрос.

— Я постоянно желаю вам смерти, — буркнула в ответ Тэсс. — Но конкретно в тот момент я желала ее менее всего.

Вот так. Пусть знает, что она его по-прежнему ненавидит и ею двигала лишь прагматичность и жажда самосохранения.

— По крайней мере, честно, — хмыкнул Дайриец.

Девушке неожиданно стало стыдно. Неужели это все, что она может сказать ему? Неужели он не заслужил хотя бы простой благодарности?

— Спасибо, — слова с трудом давались Лотэссе. И потому, что она никак не могла успокоиться, и главным образом потому, что признавать себя обязанной ему было тяжело.

— За что? — в голосе сквозило удивление, словно он и вправду не понимает, чем заслужил благодарность.

— Ну, — протянула Тэсс, — вы не ушли, хотя могли бы.

— Не говорите ерунды, энья Лотэсса, — отрезал король. — У меня не было выбора. Если бы я ушел, оставив вас на растерзание этой твари, то навеки утратил бы право считать себя мужчиной.

Какое-то время они оба молчали, и тишину нарушали только всхлипывания Тэссы.

— Полноте, — Малтэйр шагнул к ней и осторожно взял за плечи. — Постарайтесь успокоиться. Нам нужно возвращаться. И мне кажется, будет лучше, если пока вы будете молчать о том, что случилось. Я сам сообщу тем, кому нужно знать. И, можете быть уверены, я позабочусь о вашей безопасности. Хотя... есть ли в том необходимость, если вы сами можете прогнать этого демона? — неожиданно почти весело добавил он. — Тварь явно страшится вашего гнева.

— Вы смеетесь, а мне страшно, — она жалобно всхлипнула, и слезы хлынули с новой силой.

Лотэссе не хотелось выглядеть жалкой в его глазах, но она ничего не могла с собой поделать, не в силах унять ни сотрясающей ее дрожи, ни рыданий. Неожиданно Валтор привлек девушку к себе и, нежно глядя по волосам, прошептал:

— Не бойся, маленькая, никто тебя не тронет. Я обещаю!

Тэсса, ошеломленная подобным поведением, подняла глаза, в которых изумление проглядывало даже сквозь пелену слез. Дайриец, очевидно, тоже смущенный своим внезапным порывом, отпустил ее и заговорил уже совсем другим тоном.

— Вы промокли и замерзли, энья Линсар, — он снял камзол и закутал ее плечи. — Вы сможете идти?

Станный вопрос. А если не сможет, то что? Должно быть, проявив себя истинным рыцарем, Валтор Малтэйр собирается продолжать в том же духе и вознамерился нести ее до дворца на руках. Нет уж, этого она не позволит! И так слишком много вольностей для одного вечера.

— Дойду, — коротко ответила Лотэсса.

Однако, сделав первый шаг, Тэсса поняла, что явно переоценила свои силы. Король тоже это понял и, не говоря ни слова, подал ей руку. Мокрая, дрожащая, измученная девушка оперлась на нее, мысленно послав гордость к Изгою.

— Кстати, как вы оказались здесь? — она озвучила явно запоздалый, но оттого не менее важный вопрос.

— Пришел, — Дайриец на ходу пожал плечами.

— Я имею в виду, с какой целью?

— Хотел удержать вас от идиотского побега в обществе юного Таскилла, — очевидно, увидев выражение лица спутницы, которая остановилась как вкопанная, он продолжил: — Не бойтесь, я не собираюсь мстить ни ему, ни вам. Хотя, не окажись меня рядом, вы

понесли бы за свою опрометчивость кару, куда более серьезную, чем я в состоянии измыслить. И не спрашивайте, откуда я знаю о ваших замыслах...

— К чему спрашивать? — зло бросила Тэсса. — И так ясно, что это все ваша ищейка, ваш верный Торн, будь он неладен...

— Если бы не он, вы были бы сейчас мертвы.

Крыть Лотэссе было нечем. После этого они хранили молчание вплоть до того момента, когда король подвел Тэссу к двери ее апартаментов.

— Теперь я жалею, что распорядился поселить вас отдельно от ваших родителей, — неожиданно заявил Малтэйр.

— Так это было ваше решение? — Тэсс была удивлена.

— Сложно было не заметить, что ваши отношения с матушкой, э-э... несколько натянутые. Я решил, что вам будет комфортнее без ее излишней опеки.

Опять это удивительное внимание в мелочах — при том, что по большому счету с ней совершенно не считаются.

— Однако я настаиваю на том, чтобы вы ни в коем случае не оставались в одиночестве в ближайшее время. С вами живет кто-нибудь из ваших дам или служанок?

Она отрицательно помотала головой. И зачем он спрашивает? И так, скорее всего, знает, что никто с ней не живет, раз уж приставил Торна следить за каждым ее шагом. Нет, конечно, в течение дня ей прислуживали камеристка и пара горничных, но на ночь девушка отпускала их на родительскую половину. Тэссе совсем не нужно было, чтобы девицы докладывали матери о ее ночных похождениях или того хуже начали за вознаграждение шпионить в пользу Дайрийца.

— Я пошлю кого-нибудь, пусть пришлют к вам женщин из свиты вашей матушки, — решил король. — Скажите им, что во время вечерней прогулки случайно упали в фонтан... глупо, конечно, зато правда. И вследствие приключившейся с вами неприятности вам чрезвычайно понадобится забота вашей челяди.

А вот тут он был прав. Лотэсса как никогда нуждалась в заботе — горячей ванне, сухой и теплой одежде, грелке в постель и бокале подогретого вина с медом и пряностями. Но еще больше она нуждалась в том, чтобы кто-то просто был рядом этой ночью, пусть даже глупые маменькины служанки, лишь бы только она самолично не заявила.

— А еще я поставлю возле ваших дверей гвардейцев, — тон Малтэйра был таким, словно в его предложении не было ничего из ряда вон выходящего.

— А это не слишком? — поинтересовалась девушка не без сарказма. — Если вы не хотите привлекать лишнего внимания к случившемуся....

— Что ж, — король словно задумался на секунду. — Пусть все решат, что я вас не охраняю, а стерегу, знья Лотэсса. Тем более что ваше поведение при дворе явно дает мне повод для подобных мер предосторожности.

И вновь ей нечего было ответить. Да и вообще говорить больше не о чем. И если она не мечтает остаться в одиночестве, избавившись от общества Дайрийца, то лишь потому, что ей все еще очень страшно, и лучше уж он, чем вообще никого рядом.

Король, очевидно, понял, о чем думает его невеста, и решил наконец ее оставить. Он поклонился и даже позволил себе на прощанье поцеловать ей руку. Уже отойдя на несколько шагов, Валтор Дайрийский неожиданно обернулся и бросил на ходу:

— И, кстати, я буду вынужден забрать у юного Таскилла ключи от входа на территорию дворца...

Конец первой части

Часть вторая. Глава 1

Шафира вздохнула и отвернулась от зеркала. Вот уже несколько лет, как собственное отражение ее не радовало. Может быть, в восемнадцать и даже в двадцать лет она была если не красива, то свежа и миловидна, но теперь нельзя утешаться даже и этим. Из зеркальных глубин взирала полноватая женщина среднего возраста (а ведь ей всего двадцать шесть!) с бледной кожей и темными синеватыми кругами под глазами, которые невозможно было скрыть ни пудрой, ни белилами. Конечно, некоторым утешением могли служить волосы, хоть и не густые, зато светлые, довольно приятного льняного оттенка. Но к этому прилагались белесые, почти незаметные брови и ресницы, которые приходилось постоянно подкрашивать. Голубые глаза были бы, пожалуй, даже хороши, не порть их постоянное выражение усталости и тоски, которое Шафира не могла вытравить, даже когда веселилась.

А ведь она королева... точнее, была ею. А до этого была принцессой крови, что тоже кое-что значит. Единственная дочь короля Тарники, в юности Шафира искренне верила, что ей сказочно повезло и жизнь поистине прекрасна. Может быть, поэтому в те времена ее фигура была стройной и легкой, а личико сияло юной безмятежной свежестью. Тарнийская наследница ощущала себя прелестной и обворожительной. А уж когда девушке сообщили, что ее судьба — стать королевой Элара, Шафира и вовсе уверовала в исключительную благосклонность судьбы. Конечно, принцесса не имеет права быть наивной, и король Юлдари объяснил дочери, что на соглашение с Тарнией эларский король пошел не ради прекрасных глаз своей невесты, а в надежде получения солидных кредитов с очень большой рассрочкой. Но девушка небезосновательно полагала, что между монаршими семьями матримониальные дела иначе не вершатся, а потому финансовая сторона не омрачила ее радости от того, что ей предстоит стать королевой самого могущественной страны. И уж тем паче не расстроило Шафиру то обстоятельство, что король Йеланд не особо хорош собой, не силен и не умен. Ну и что с того? Может, он и не похож на героя баллад, зато правит Эларом. Себя же принцесса считала вполне достойной искренней любви, несмотря на то, что союз с ней несет Элору и Йеланду ощутимые финансовые выгоды.

Как же давно все это было, хотя, казалось бы, пять лет — не срок. Но за эти годы все ее мечты и надежды рассыпались прахом. Вслед за ними ушли молодость и красота, а теперь Шафира лишилась последнего — своего положения. Как же грустно быть немолодой, некрасивой вдовой и отставной королевой захваченного государства в придачу. Конечно, Валтор Дайрийский не выставил ее обратно в Тарнику после казни мужа, только радости это не добавило. На самом деле, ей бы самой уехать домой, потому как делать при дворе Малтэйра Шафире абсолютно нечего. Так ведь нет же, осталась, дуреха!

И чего, спрашивается, она ждет? Сначала хоть была робкая надежда, что Валтор женится на ней. Конечно, бывшая королева Элара отдавала себе отчет в том, что как женщина она узурпатора вряд ли привлечет, зато кредиты, за которые Йеланд так и не расплатился, могли бы стать серьезным аргументом в пользу такого союза. Тем более, эту идею поддержал и отец. Он даже велел тарнийскому послу, который так и не покинул Вельтану во время осады, осторожно намекнуть Малтэйру на возможность подобной взаимовыгодной сделки. После беседы с дайрийским королем посол сообщил своей госпоже, что Валтор либо совсем не понимает намеков, либо старательно делает вид, что не понимает. Кредиты он признал, выплатить со временем обязался, а вот возможностью длительной, практически вечной рассрочки на определенных условиях не заинтересовался. Разумеется, посол Тарники не мог откровенно предложить новому королю брак с бывшей королевой, потому как открытый отказ Валтора сильно задел бы честь Шафиры Тарнийской, да и престиж государства в целом. А тактичные, хоть и довольно прозрачные намеки Малтэйр предпочел игнорировать.

Тарнийская принцесса даже самой себе не хотела признаваться, что отказ Валтора печалит ее куда сильнее, чем следовало бы. Юлдари до Берра мог, конечно, иметь на этот союз свои сугубо прагматичные и политические виды, но Шафира, хоть и была принцессой, оставалась женщиной и оценивала кандидата в мужья в том числе и как мужчину. А мужчиной Валтор Дайрийский был, каких еще поискать. Даже если не брать в расчет его молодость и внешность, его государственные и полководческие таланты более чем впечатляли. Меньше чем за год захватить самое могущественное государство.

Да после этого, будь он хоть страшен и стар, любая принцесса возмечтает стать его королевой. И, наоборот, будь Валтор столь же никчемным и жалким королем, как Йеланд, при его умопомрачительной внешности найти суженную вовсе не составит труда. Но Дайриец совмещал в себе и то, и другое, а потому в возможности стать его женой Шафира увидела то счастье, надежды на которое совсем было утратила. На какое-то время она поверила, что за годы безнадежно тоскливого замужества богини подарят ей величайшего короля и потрясающего мужчину.

Упрекала ли она себя за то, что мечтает пойти под венец с убийцей мужа? Ни одной секунды. Безусловно, смерть Йеланда испугала и глубоко опечалила ее, но в то же время принесла свободу от постылого брака. Шафира была честна с собой и давно понимала, что не любит мужа, потому как любить Йеланда Ильда было не за что — некрасивый, неумный, слабый и телом, и духом... И все это можно было бы простить коронованному мужу, если бы он просто любил свою супругу или хотя бы оказывал ей галантность и почтение. Но король Элара и не думал скрывать, что брак его заключен исключительно из финансово-политических соображений и что он тяготится этим союзом. Шафире было от этого тошно, и от ее заочной симпатии к старшему Ильду очень скоро ничего не осталось. Скорее уж ей нравился младший. Нейри, не в пример брату, всегда был вежлив, добр и приветлив с невесткой. Он, как мог, старался сделать пребывание тарнийки при эларском дворе если не приятным, то хотя бы не таким безрадостным. Дружба принца была ее единственным утешением все эти годы. Однако Шафира очень быстро поняла, что симпатия Нейри никогда не выйдет за пределы дружеского расположения. А все потому, что принц был влюблен в дочку герцога Линсара.

Ох уж эта Лотэсса Линсар. Вроде ничего плохого королеве она не делала, даже была добра и учтива по примеру Нейри. Но при этом вечно стояла на пути у тарнийки, непрестанно и без малейших усилий доказывая, кто на самом деле первая дама королевства. Мало было богиням сделать ее самой знатной после королевской семьи, так ведь в придачу девчонка получила красоту, лишаящую мужчин разума. Шафира, не задумываясь, отдала бы полжизни (а то и три четверти) за такую внешность, как у Лотэссы, но, увы, подобную сделку ей никто не предлагал.

Мало было этой вертихвостке заполучить в женихи Нейри Ильда, являющегося наследником престола, и заодно числить в своих поклонниках практически всех придворных мужчин, так нет же, ей и самого короля подавай! И пусть Шафира Йеланда не любила и не уважала, однако красноречивые взгляды кидаемые ее супругом на девицу Линсар, и излишнее внимание, ей уделяемое, были королеве чрезвычайно неприятны. И дело не в ревности, ибо она редко вспыхивает там, где нет любви, просто замужнюю женщину всегда унижает предпочтение, отдаваемое мужем другой. К чести девчонки Линсар, она королевских ухаживаний либо не замечала, либо не считала нужным отвечать на них, но от этого было как-то не легче. И чего бы энье Линсар не выйти замуж за красавчика Таскилла, за которого ее все прочили до сватовства королевского брата? Конечно, пыл поклонников это бы не особо охладило, но хоть Нейри был бы свободен, и кто знает.... Хотя теперь-то какой во всем этом смысл? Принц мертв, так же как и король, только его, в отличие от мужа, Шафира оплакивала искренне.

Но горечь и тоска по одной несостоявшейся любви не мешала бывшей королеве лелеять планы на следующую. Однако и тут заносчивая наследница Линсаров перешла ей дорогу. Опять же, сама Лотэсса, скорее всего, никоим образом не пыталась завоевать Валтора, но ей, как всегда, и не нужно было прикладывать усилия, чтобы получить от нового короля предложение руки и сердца. Более того, получив, нахалка еще и ломалась, очевидно, набивая себе цену. Нет, никогда Шафире до Берра не быть счастливой, пока где-то рядом сверкает своими аметистовыми глазищами Лотэсса Линсар, будь она трижды неладна.

Еще раз горько вздохнув, отставная королева взялась за рукоделие. Вышивание было ее страстью и возможностью занимать себя за отсутствием других достойных развлечений. На гобеленах и покрывалах, вышитых рукой тарнийки, сияла красота, которой так не хватало ей в жизни. Там цвели сады и струились водопады, а дамы и рыцари были безупречно прекрасны. Вот и сейчас она трудилась над изображением влюбленной пары. Присмотревшись к рыцарю, Шафира вновь не удержалась от вздоха. Пожалуй, надо бы распустить нитки и вышить волосы героя более светлым цветом, чтобы кому-нибудь не бросилось в глаза сходство с его величеством — Валтором Дайрийским.

Женщина взяла серебряные ножницы и принялась было за работу, но ее отвлек какой-то странный звук, похожий на шелест или странный шепот. Шафира потрясла головой, отгоняя наваждение, а когда снова сфокусировала взгляд, увидела перед собой нечто невообразимое. Существо, неизвестно откуда появившееся в ее покоях, было наполовину человеком, наполовину змеей. Несчастливая королева, никогда не отличавшаяся крепостью духа, была готова рухнуть в обморок и даже желала этого как избавления, но, увы, сознание отказывалось покидать ее.

— Похож, — прошепстало создание.

— На кого? — пролепетала Шафира.

— На короля, — усмехнулся полужмей. — Тебе ведь нужен король, да? Ты хочешь его, как никогда ничего не хотела. И ты могла бы его заполучить, если бы не проклятая Лотэсса Линсар.

— Какое тебе дело? Кто ты? — истерично завизжала насмерть перепуганная женщина, вряд ли понимающая смысл обращенных к ней речей. — Уйди! Оставь меня!

— Не бойся, — до чего же мерзкий голос. — Я не причиню тебя зла. Ты нужна мне. И король нужен. У нас общий враг и общая цель...

— У меня нет с тобой ничего общего, исчадие бездны! Пресветлые богини, защитите! — безумный страх заставил ее извлечь из глубин памяти остатки старой религии и взывать к тем, в существование которых, по сути, никогда не верила.

— Не защитят, — свистящий шепот, казалось, заполнил собою комнату. — Их больше нет, а я есть. Лучше тебе договориться со мной. Помогите мне избавиться от Лотэссы, и этим приблизишь исполнение самых смелых своих желаний.

— Зачем тебе я?! — поддерживая разговор с ужасным существом, бывшая королева тянула время, от души надеясь, что ее крик привлечет внимание кого-нибудь из прислуги, а еще лучше — стражников. — Избавься от нее сам!

— Не могу, — желтые змеиные глаза моргнули. — Ее защищает кольцо Повелителя. Завладей кольцом, которое, кстати, передал маленькой дрянн твой муж, и в тот же день Лотэсса Линсар умрет. Ты же хочешь этого?

— Не хочу!

Шафира не врал. Всей душой ненавидя Лотэссу, она между тем не желала ей смерти и уж давно не хотела приложить к этому руку. Больше всего удовольствия королеве доставило бы известие, что девчонка вышла замуж за какого-нибудь иностранного государя или наследника престола и навеки покинула Вельтану. Одно время королева даже жалела, что у нее нет брата, иначе бы она постаралась устроить его свадьбу со своей соперницей. Она бы даже согласилась выдать дочку герцога Линсара за собственного отца, овдовевшего восемь лет назад, и обрести в ее лице мачеху, однако слишком хорошо понимала, что на подобный союз не пойдет сама Лотэсса. При ее-то выборе женихов, зачем ей старый король не слишком выдающейся страны, к тому же известный своим склочным характером? Любой ценой удалить ненавистную Линсарку подальше от эларского двора — о большем Шафира никогда не мечтала. Даже в самых страшных приступах злости королева не помышляла о смерти той, что вечно ее затмевала. Подобные мысли просто не приходили ей в голову. И сейчас, сколь бы ни была соблазнительна идея навеки отделаться от соперницы, практически не прикладывая к этому усилий, женщина отвергла ее без малейших сомнений. Шафира до Берра, наследница тарнийского престола никогда не опустится до подобной низости!

— Ах вот как? — змеиный хвост с силой ударил по полу, заставив задрожать безделушки на полках и хрусталики люстры. — Хочешь, чтоб Лотэсса Линсар жила? — ужасное создание оказалось совсем близко от насмерть перепуганной женщины. — Тогда умрешь ты!

Оцепенев, Шафира не могла вымолвить ни слова, а существо, которому, видно, запугивать было привычнее и приятнее, чем соблазнять и уговаривать, продолжало:

— Если до исхода следующего дня ты не принесешь мне кольцо с рубином, то, которое

твой покойный муж носил, не снимая, можешь прощаться с жизнью.

Такого поворота событий несчастная не ожидала. Даже будь Лотэсса ее лучшей подругой, умереть за нее Шафира бы вряд ли согласилась. Может быть, жизнь у бывшей королевы была и не радужной, но расставаться с ней, спасая ненавистную девицу, это уж чересчур. И все же, Шафиру мутило от одной мысли, что она станет соучастницей чьей-нибудь смерти.

— Почему я? — застонала она, падая на колени. — Пусть это сделает кто-нибудь другой. Я не убийца!

— А тебе и не придется убивать, — угроза в шипящем шепоте вновь сменилась увещанием. — Ты должна просто забрать кольцо. Свое кольцо, кстати. Почему фамильный перстень Ильдов оказалось у девицы Линсар?

— Откуда мне знать?! — Шафира даже не замечала, как слезы катятся по ее щекам. — Я не хочу... не могу иметь с этим ничего общего. Хотите убить ее — убивайте без моего участия.

— И без тебя я найду способ забрать у нее кольцо, — тварь осклабилась. — Только вот в этом случае ты не будешь мне больше нужна... в смысле, нужна живой. Зато твоя смерть принесет мне пусть не столь весомую, но все же ощутимую пользу. Выбирай!

Женщина, по сути лишенная выбора, не хотела выбирать, зато хотела жить. Она сделает это. Отдаст проклятой твари проклятое кольцо и уедет к себе в Тарнику. Уедет, чтобы навсегда забыть, если такое вообще возможно забыть.

— Я... я попробую, попытаюсь, — задыхаясь и дрожа, лепетала она. — Я буду стараться, но если она не отдаст?

Можно ведь и соврать, сказав змею, что Лотэсса не отдала кольцо или вовсе была без него, хотя Шафира не раз видела рубин Йеланда на ее безупречно тонком пальце.

— Ты попробуй, — голос звучал почти мягко. — Если получится — будешь жить...

После этого, очевидно решив, что тема исчерпана, создание стало медленно таять на глазах изумленной женщины. Шафира стояла, тяжело облокотившись о стену, и смотрела на него мутным, остекленевшим взглядом, а слезы текли и текли по лицу, размывая дорожки среди белил и румян.

— Да, и учти, — существо на миг вновь стало четким. — Если ты расскажешь хоть кому-нибудь о моем визите — умрешь в любом случае.

Глава 2

Ночь в родительских покоях прошла ужасно, и утро началось не лучше. Естественно, Лотэсса совершенно не выспалась. Сначала ее приводили в порядок под непрерывное маменькино кудахтанье, а затем в течение многих часов девушку мучила затейливая смесь из жутких воспоминаний и еще более жутких кошмаров. Забытые и пробуждения сменяли друг друга, не принося облегчения. Кроме того, девушка непрерывно переживала о Лане, который ее так и не дождался. Сорвавшийся побег ее тоже угнетал, но не столь сильно, как следовало бы. В свете последующих событий неудача их плана как-то меркла.

Только после рассвета Тэсс наконец заснула по-человечески, но тут ее растолкали, сообщив, что его величество изволил выразить желание вкушать утреннюю трапезу в обществе своих будущих родственников. Меньше всего на свете измученная девушка хотела завтракать с королем, но выбора ей, разумеется, не оставили.

И вот теперь она сидела за столом в одной из малых столовых Нианона и, вяло ковыряя вилкой очередное блюдо, временами одаривала Дайрийца недобрыми взглядами. Надо же быть таким бесчувственным негодяем, чтобы после всего, что она пережила, не дать ей элементарно выспаться и заставить терпеть свое общество в совокупности с обществом гнусного Торна и маменьки. Тэсс не знала, кто из этой троицы бесит ее больше в данный момент, но вину за то, что вообще находится в этом месте и в этой компании, возлагала на Малтэйра.

Кроме Валтора, Торна и Линсаров, в зале не было никого, если не считать снующих вокруг стола слуг. Эна Мирталь практически не замолкала, нахваливая обстановку, сервировку, блюда. А уж как она восторгалась любым словом, слетавшим с уст монарха или протектора! Тэсс подумала, что, чихни сейчас Дайриец или его прихвостень, маменька непременно найдет это восхитительным, исполненным тонкого вкуса и глубокого смысла.

— Ах, этот соус просто божественен, — ворковала эна Линсар. — Не правда ли, Оро?

И хотя мать обращалась к мужу, Лотэсса, не выдержав, ответила за него, тем более что герцог предпочитал отмалчиваться.

— Безусловно, матушка, — слащавость в Тэссином голосе была приторно едкой. — Немудрено, что вы в восторге от еды. Вам ведь так нравится все дайрийское.

Эна Мирталь чуть не поперхнулась и с укором взглянула на дочь, а Оро лишь покачал головой. Неожиданно в разговор изволил вмешаться сам Малтэйр.

— Я бы мог возразить, энья Лотэсса, сказав, что все блюда на столе принадлежат эларской кухне, но это было бы не совсем верно... — выдержав небольшую паузу, он продолжал. — Дело в том, что между эларскими и дайрийскими обычаями нет существенной разницы, в том числе это касается кулинарных традиций. Очевидно, слишком долго эти два государства были единой страной, так что даже триста лет разделения не изменили, по сути, общей культуры. Разумеется, некоторые отличия есть, но они скорее географические, нежели политические. Даже если брать одну страну... Разве можно сказать, что в Муане или во Фьерре нет самобытных традиций или особых местных блюд? Например, праздники, одежда и традиционные блюда Норты будут больше походить на дайрийские, чем на обычаи Лиртии или Унт-Рино. И это различия севера и юга, запада и востока, а не Дайрии и Элара. Впрочем, теперь даже формальные различия между этими двумя державами будут сняты, ведь Дайрия и Элар вновь единое государство.

После этой тирады Тэссе захотелось его убить. Может, он и спас ее вчера ночью, но это ничего не меняет. Дайриец такой же мерзавец, как и был. У него еще хватает наглости и жестокости издеваться в лицо над своими заложниками. Будь он проклят! Лучше бы гадина вчера убила их обоих! Право, новый день не стоил того, чтобы ради его наступления жертвовать гордостью, честью и возможностью извести узурпатора. Тэсс в бессильной тоскливой злобе обвела взглядом стол. Вот бы зашвырнуть в него чем-нибудь. Например, блюдом с тем самым божественным соусом, что пришелся маменьке по вкусу. Чтoб по этому самодовольному распрекрасному лицу растеклись темно-желтые

жирные потоки, смывая надменно-снисходительную полуулыбку.

Таковыми зловными фантазиями она тешила себя до самого конца завтрака. И как только ненавистная и казавшаяся бесконечной трапеза наконец завершилась, Лотэсса тут же вскочила из-за стола, дабы отправиться к себе и все-таки выспаться. Но не тут-то было. Король, поблагодарив и отпустив всех присутствующих, энью Линсар попросил задержаться на пять минут.

— Чего вам еще? — устало спросила девушка, когда они остались наедине. — Уж вы-то должны понимать, что после всего случившегося мне нужно элементарно выспаться, а не присутствовать мероприятиях, подобных этому завтраку.

— Очень жаль, — Малтэйр притворно вздохнул. — Потому как я хотел вам сообщить, что отныне посещение подобных мероприятий — официальных и не слишком — станет вашей ежедневной обязанностью. Я желаю, чтоб вы, энья Лотэсса, проводили как можно больше времени в моем обществе. И, дабы соблюсти все приличия, временами наше общение будет проходить в присутствии ваших родителей.

— Зачем вам это нужно?

— Странный вопрос, учитывая, что вы — моя невеста. Почему бы мне просто не жаждать вашего общества?

— Только не вам, — отрезала Тэсса. — Должна быть другая причина, настоящая.

— Ну что ж, — король невесело усмехнулся. — Настоящая, как вы изволили выразиться, причина состоит в том, что я должен быть уверен в вашей безопасности, а потому мне будет спокойнее, находясь вы все время у меня на глазах.

— Разве недостаточно того, что теперь я не остаюсь одна? — возразила девушка. — Или себе в качестве моего защитника вы доверяете больше, чем шестерым гвардейцам, которые дежурят у моих дверей?

— Не больше, — казалось, Дайрийца совсем не задело то, что она усомнилась в его мужественности. — Просто, когда я вижу вас, мне не нужно думать о том, все ли с вами в порядке. Это, знаете ли, отвлекает, а у меня и без того достаточно забот. Ночами вас будут охранять гвардейцы, а днем я предпочту присматривать за вами лично.

Можно подумать, его так волнует ее безопасность, что он не может думать ни о чем другом. Как бы не так! Просто очередной повод ее помучить под благовидным предлогом. Ну ничего, она постарается сделать мероприятия со своим участием совершенно невыносимыми, уж на это-то ее хватит. Рассудив подобным образом, Лотэсса решила продемонстрировать притворную покорность и присела в глубоком реверансе.

— Как будет угодно вашему величеству, — сказала и тут же осеклась, но было уже поздно.

Очевидно, эмоции слишком ярко отразились у нее на лице, и для Дайрийца не составило особого труда прочесть их.

— Не стоит так пугаться сказанного, энья Линсар, — вкрадчиво начал он. — Вы ведь даже не погрелись против своих принципов и своей ненависти, обратившись ко мне как к монарху. Возможно, вы не признаете меня королем Элара, но королем Дайрии я в любом случае не перестану быть, а следовательно, обращаться ко мне «ваше величество» логичнее, чем «эн Малтэйр». Впрочем, последнее обращение меня ничуть не задевает, ибо предками своими я горжусь не меньше, чем короной.

— Вот и отправляйтесь в свою Дайрию! — зло бросила Тэсс. Она и сама не знала, почему сказала «отправляйтесь», а не «убирайтесь».

— Непременно, — серьезно кивнул Валтор. — Только когда-нибудь позже и обязательно в сопровождении моей королевы. Вам ведь следует получше знать свои владения, энья Лотэсса.

Говорит так, словно она будет правящей королевой, а не просто марионеткой возле его трона. Это отец все мечтает и верит, что Тэсса, надев корону, возьмет власть в свои руки,

Малтэйру наверняка нужно противоположное.

— Я могу идти? — она решила не удостаивать ответом последнюю реплику, чтоб не вступать в новую дискуссию, очень уж хотелось спать.

— Безусловно, — милостиво разрешил король. — Но, надеюсь, к обеду я снова буду иметь счастье лицезреть вас.

Выражение лица девушки красноречивее слов поведало Дайрийцу, что она думает о нем и его затее. Она молча развернулась и пошла прочь, удивляясь, что по дороге от столовой до родительских апартаментов ее не сопровождает стража. Не успев отойти и полсотни шагов, Тэсс наткнулась на королеву... бывшую королеву, жену Йеланда. Лотэсса Линсар присела в почтительном реверансе перед Шафирой Тарнийской.

— Приветствую ваше величество, — она склонила голову.

— Вы издеваетесь, энья Линсар? — тарнийка поморщилась. — Должно быть, так, ведь вам, как и всем прочим, отлично известно, что никакая я не королева. Совсем напротив, это вы скоро сядете на моем троне, и мне придется склоняться перед вами.

— Это вовсе не так, — возмущенно воскликнула Тэсса. — Для меня, как и для всех не забывших о чести эларцев, королева — вы. Вы жена короля, пусть покойного, но законного! А я... — девушка горько усмехнулась. — Даже если меня и принудят к этому постыдному браку, буду лишь женой узурпатора, а следовательно, прав восседать на вашем троне у меня будет не больше, чем у Малтэйра — занимать трон Ильдов.

Женщина удивленно воззрилась на нее. На ее лице, сменяя друг друга, мелькали разные выражения. Вот королева подняла голову и посмотрела в глаза собеседницы каким-то беззастенчиво-доверчивым взглядом, затем быстро опустила глаза, словно смутившись. В следующее мгновение Шафира выглядела испуганной и страдающей. Лотэссе от всей души хотелось помочь несчастной королеве. Она всегда жалела тарнийку, которой несладко жилось при дворе. Для истинной дружбы с женой короля Тэсса была слишком юной, да и Шафира никогда не проявляла расположения к девушке, с которой ей предстояло породниться. И все же Тэсс по мере сил старалась быть милой и любезной с ее величеством. Тем обиднее ей было услышать подобный упрек из уст жены Йеланда. Впрочем, бедняжку можно понять. Разумеется, овдовев, она, и раньше-то не чувствовавшая себя своей в Вельтане и Нианоне, намного болезненнее ощутила свою ненужность и одиночество. Странно, почему она до сих пор не испросила у Валтора разрешения вернуться домой, в Тарнику. Вряд ли новоявленный монарх стал бы ее удерживать. Почему Шафира остается здесь, когда, в отличие от Тэссы, не является пленницей и заложницей короля?

— Что ж, — говоря, женщина больше не смотрела в лицо собеседнице. — Я рада слышать такие речи от вас, энья Линсар. Было бы неприятно узнать, как быстро вы забыли принца и обещание, данное ему. Исполнить свою клятву вы нынче не в силах, я понимаю, но все же отрадно знать, что под венец с его убийцей вы идете не по доброй воле и не с радостью.

— Будь богини милостивы ко мне, мне не пришлось бы идти под венец, — в голосе Тэсс сквозила неподдельная боль.

— Кто знает, дитя мое, — королева наконец подняла глаза и как-то странно посмотрела на девушку. — Быть может, и не придется.

— О, я готова умереть, лишь бы не выходить за Малтэйра!

И снова странный взгляд, словно тарнийка знала что-то недоступное Тэсс и то ли жалела ее, то ли чувствовала себя виноватой. Впрочем, Лотэсса никогда не была мастерицей читать по лицам, так же как и следить за своим собственным.

— Раз уж мы встретились, энья Линсар, — женщина упрямо не хотела обращаться к Тэссе по имени, — у меня к вам небольшая просьба. В скором времени я планирую покинуть Элар и вернуться в Тарнику...

— Какая вы счастливая! — завистливо воскликнула девушка.

— Не думаю, что меня можно назвать счастливой, — бывшая королева покачала головой. — Так вот, перед отъездом я хотела бы попросить вас вернуть кольцо моего мужа.

Тэсса не сразу поняла, о чем идет речь, но, машинально взглянув на руки, увидела темный рубин Йеланда.

— Я бы с радостью вернула вашему величеству кольцо, — начала она. — Признаюсь, этот прощальный дар тяготит меня. И если я до сих пор этого не сделала, то по одной причине: я не считаю себя вправе оспаривать последнюю волю покойного короля. Понятия не имею, почему он решил передать перстень именно мне, но теперь поздно задавать вопросы.

— Чем бы ни руководствовался мой муж, отдавая фамильное кольцо посторонней женщине, его решение вряд ли можно назвать обдуманным, и не стоит слепо выполнять его волю, будь она даже последней. Возможно, он опасался того, что кольцо Ильдов, как символ их власти, в первую очередь начнут искать у меня — законной супруги, вот и передал его вам — человеку не совсем чужому, но при этом не очень близкому королевской семье.

Ну уж, фыркнула про себя Тэсс, положим, к королевской семье-то она куда ближе самой Шафиры. Она знает Йеланда и Нейри с детства, а тарнийская принцесса прибыла в Вельтану немногим более пяти лет назад. Кроме того, невесту младшего брата короля вряд ли правильно считать чужой в семье Ильдов. Но, разумеется, вслух высказывать подобные мысли девушка не стала.

— И все-таки король так решил, можем ли мы...

— Не знаю, как вы, энья Линсар, — перебила ее Шафира. — А я могу. Кольцо мужа по праву принадлежит мне, и странно, что я вообще вынуждена вам что-то доказывать. По хорошему вам стоило давным-давно, без лишних напоминаний, принести мне перстень мужа, — чувствовалось, что женщина раздражена не на шутку. — Кроме того, неужели не ясно, что Валтору может в любой момент прийти в голову отнять кольцо, чтобы присвоить, как знак власти Ильдов, или, наоборот, уничтожить. У вас забрать его будет проще простого, а я рассчитываю уехать до того, как Малтэйр хватится кольца.

Тэссе весь этот спор порядком надоел, да и кольцо давно уже жгло палец. Что ж, она чиста перед Йеландом, и если тому за Гранью захочется спросить с кого-то за нарушение последней воли, то пусть спрашивает с жены. Девушка с силой дернула перстень и стянула его с пальца.

— Пожалуйста, ваше величество, — она протянула кольцо Шафире. — Рубин Ильдов в полном вашем распоряжении.

— Благодарю вас, — женщина благосклонно кивнула. — И, Лотэсса... — королева впервые обратилась к Тэссе по имени. — Простите меня!

Глава 3

Итон сидел в своем кабинете и прихлебывал слегка остывший чай. Какое же все-таки удовольствие хоть изредка нормально выспаться и с утра не услышать об очередном проклятом убийстве. Не успел комендант подумать, что ему повезло сегодня, как в коридоре раздались торопливые шаги, затем дверь толкнули — посетитель явно не считал нужным стучать — и в комнату ворвался Элвир Торн.

— О нет, — простонал Карст. — Только этого не хватало!

Раз протектор собственной персоной заваливается в кабинет, а не вызывает Итона во дворец, значит, дело плохо. А как хорошо начинался день!

— Смотрю, вы мне не рады, дэн Карст, — хмыкнул Элвир.

— Да уж, — комендант отставил чашку, бросив на нее прощальный взгляд, исполненный сожаления. — Поводов для радости у нас с вами в последнее время не много. Что, опять кого-то убили?

— Самое парадоксальное, что нет! — в голосе Торна слышалось возбуждение, и выглядел он почти довольным. — Зато мы теперь знаем, что за тварь хозяйничает ночами на улицах Вельтаны.

— Кому-то удалось выжить? — Карст тут же забыл о чае, исполненный заинтересованности.

— Именно! — протектор взгромоздился на стол. — И даже не одному, а двоим. Хотя, возможно, в этом весь секрет.

— И кто же эти счастливики?

— Не поверите! — Элвир довольно ухмыльнулся, предвкушая эффект своих слов. — Дочка герцога Линсара и его величество король Валтор.

Лотэсса Линсар и Дайриец? Что они делали вместе, скорее всего, ночью и наедине? До сих пор по слухам, долетавшим до коменданта, наследница Линсаров была преисполнена к новоявленному монарху отнюдь не теплых чувств. Или все изменилось, и юная девушка не устояла перед мужским обаянием своего врага? Что ж, не ему — Карсту — упрекать ее в этом. Он-то сам давно находится в услужении у дайрийцев. А ведь, в отличие от Лотэссы, у него был выбор, он мог уехать, а ее бы никто не выпустил из города. Раз уж за нее все решили, то почему бы девочке, идя по предначертанному пути, не испытать простого женского счастья? Новый король из тех, кого любят женщины, и раз уж дочке Оро Линсара непременно нужно выйти за него замуж, пусть лучше живет в любви, чем в ненависти. Да он и сам уже испытывает к тому же Торну чуть ли не дружеские чувства, а ведь именно протектор убил Ильдов.

— И как же им удалось спастись? — не успев задать вопрос, Итон подумал, что, наверное, сначала следовало спросить, что же именно представляет собой чудовище.

— Опять же, в это сложно поверить, но энья Линсар отогнала эту тварь простыми криками, вроде «убирайся прочь», — Элвир развел руками: мол, бред, конечно, но по рассказам очевидцев дело обстояло именно так.

— Серьезно? — Карст вытаращил глаза. — То есть все настолько просто? Неужели жертве достаточно просто прогнать этого на'ари, как выражалась Энлил...

— Кто его знает, — Торн пожал плечами. — Может, и так, а может, тварь слушается приказов исключительно Лотэссы Линсар, как самой именитой и красивой эньи столицы и всего Элара. Этого мы не знаем.

— И на кого же похож этот на'ари? — это занимало коменданта не меньше, чем чудесное спасение короля и его нареченной.

— Сейчас покажу, — и протектор, достав сложенный вчетверо листок, протянул его собеседнику.

На бумаге углем было изображено странное создание — человеческий торс на змеином хвосте. Рисунок не отличался искусностью, зато был вполне реалистичен. Линии были четкими, всякие там штрихи, тени и прочие художественные атрибуты отсутствовали, но понять, что именно хотел изобразить автор, не составляло труда.

— Миленькое создание, — нервно хохотнул Карст. — Художник, надо полагать, его величество? Что-то подсказывает мне, что энья Лотэсса рисует в иной манере. Тем более, благородных девиц специально обучают изобразительному искусству, пока юноши учатся махать мечом.

— Правильно понимаете, — кивнул Торн. — Но думаю, что энью Линсар тоже стоит попросить изобразить эту дрянь. Не для красоты, а для пользы дела.

— Если спастись так просто, отчего столько людей погибло? — Итон в задумчивости прикрыл глаза и провел ладонью по лицу.

— Во-первых, мы не знаем, есть ли другие выжившие, — Элвир, похоже, вновь оседлал своего конька — логику. — После случившегося вполне можно допустить, что таковые имеются, просто они не сочли нужным бежать к представителям власти и делиться подробностями встречи с чудищами и чудесного спасения. Во-вторых, выход хоть и прост, но вряд ли первая мысль при виде этой твари — что она исчезнет, если ее просто попросить об этом.

— Ну, знаете ли, — возразил на это комендант. — Специально, возможно, до такого и не додумаешься, зато вполне естественной первой реакцией нормального человека при виде этой жути будут вопли вроде «сгинь!» или «изыди!», сопровождаемые размахиванием рук и прочими подобными жестами.

— Это при условии, что они смогут махать руками и кричать, — парировал Торн. — Валтор... король рассказал, что тварь обездвигила его и лишила воли. Очевидно, гадина не может контролировать сразу двух жертв, поэтому энья Лотэсса, оставаясь свободной, смогла воспользоваться своим оригинальным методом борьбы с чудовищами.

— Лишает воли, говорите? — Итон задумчиво потер подбородок. — Значит, вы правы, все дело в том, что их было двое.

— Это лишь предположение, — вздохнул Элвир. — Как бы нам ни хотелось праздновать победу, но пока на один полученный ответ возникает множество новых вопросов. И мы с вами можем сколько угодно строить догадки, понятия не имея, насколько они близки к истине. Единственный, кто мог бы пролить свет на всю эту жуть...

— Это дэна Энлил, — закончил за него комендант.

Элвир вздохнул, кивая. Что ж, сам виноват, не без злорадства подумал Карст. Теперь только и остается, что вздыхать. Неужели, мучая женщину необоснованными подозрениями и без жалости вываливая на нее ужасную правду о покойном муже, Торн не учел того, что им еще может понадобиться ее помощь? Где же его хваленая логичность и предусмотрительность? Хотя, возможно, он и не видел в своих действиях ничего особенного и не понимал, насколько глубоко оскорбляет ту, что уже однажды помогла им. Итон никак не мог забыть изменившегося лица женщины, широко раскрытых глаз, которые придавали ее лицу какое-то беззащитное выражение. Он помнил, как она горячо возражала против того, что считала грязными наветами на своего Тарина, как ей пришлось уступить под натиском доказательств, составленных протектором из показаний соседей мужниной пассии. Не то чтобы комендант жалел Энлил, он почему-то был уверен, что жалости к себе она бы не потерпела. Просто полное отсутствие элементарной человечности в торновской манере ведения допроса казалось коменданту вопиюще неправильным и недопустимым, по крайней мере, когда дело касалось этой женщины. Как ни странно, на этот раз, Элвир был склонен с ним согласиться.

— Да, вы были правы, а я нет, — особого раскаяния в его голосе не слышалось, скорее досада. — Но ваша Энлил нам позарез нужна!

— Почему это она моя? — пробурчал Карст.

— Потому, что, кажется, вы ей понравились, производя на моем фоне весьма благоприятное впечатление.

— Да уж, на вашем фоне это было несложно, — поддел Итон. — Достаточно просто молчать.

— Теперь ради пользы дела я готов вымалывать прощение, валяясь у нее в ногах и целуя прекрасные руки... только вот вряд ли она меня даже на порог пустит. А вы — другое дело. С вами Энлил хотя бы поговорит, а может быть, вам даже удастся загладить мои грехи и вновь заручиться ее поддержкой. Расскажите ей, что я несказанно страдаю от осознания причиненной мной несправедливости, — судя по тону, Элвир вошел в роль.

— Врать я не буду, — Итон покачал головой. — Не то чтобы я принципиальный противник любой лжи, но обманывать человека, чьей помощи ищешь, безнравственно, а пытаться обмануть ведьму просто глупо.

— Согласен, — Торн, видно, твердо решил во всем ему поддакивать, лишь бы добиться своего и отправить его к Энлил. — Пожалуйста, поезжайте к ней. Сделайте, что хотите, только пусть она расскажет про этого демона или, как она выражается, на'ари.

— Не надо меня уговаривать, — Карст махнул рукой. — Мне это нужно не меньше, чем вам.

Это нужно всей Вельтане и каждому ее жителю. Если тварь способна напасть на короля, то никто не может чувствовать себя в безопасности. А если что-то нужно городу, то он — Итон Карст — вывернется наизнанку, но сделает все от него зависящее. И пусть ему придется расхлебывать последствия недальновидности протектора, это не имеет значения.

— Я поеду, и притом прямо сейчас.

— Богини поистине возлюбили этот город, послав ему такого коменданта, как вы, дэн Карст, — Элвир, похоже, говорил искренне.

— Если бы богини возлюбили Вельтану, — жестко возразил Итон, — то не дали бы вам захватить ее и убить законных правителей. Больше похоже на то, что они нас прокляли. Сначала вражеское нашествие, а теперь еще и чудовища, хозяйничающие на улицах.

— Мы его остановим, — Торн мгновенно снова стал серьезным. — Пусть мы чужие в вашем городе, Итон, но сделаем все, чтобы защитить его.

Карст подивился и тому, что протектор впервые обратился к нему просто по имени, как к другу, и тому, что признал дайрийцев чужими в Вельтане.

— Тогда не будем тратить время, — подвел итог комендант. — Возвращайтесь во дворец, а я поеду в Руджию. Кстати, вы опросили обоих свидетелей? Я имею в виду, и короля, и энью Лотэссу?

— Пока только короля. Энья Линсар еще не до конца пришла в себя от потрясения, надо полагать. Я планировал поговорить с ней несколько позже.

— Бойтесь, что она не станет отвечать на ваши вопросы и вообще разговаривать с вами, — рискнул предположить Итон.

— И опять вы правы, — Торн развел руками, пасуя перед пронизательностью коменданта.

— Не переживайте, — Карст уже натягивал камзол, на ходу прихлебывая остывший чай. — Я сам поговорю с ней, когда вернусь. Надеюсь, что сумею убедить ее, хоть и подозреваю, что она меня презирает после сдачи города. Но в данном случае презрение все-таки предпочтительней ненависти, которую она питает к вам.

Выйдя из здания, Итон направился к конюшне. Конечно, в Руджию он поедет верхом. Будь у него малейшая надежда привезти Энлил в город, он бы, разумеется, предпочел экипаж, но рассчитывать на подобное — слишком самонадеянно. Сейчас бы просто вернуть разрушенное доверие, о большем задумывать пока рано.

Миновав respectable части города, Карст неожиданно изменил маршрут. Почему бы ему не захватить с собой одного человека? Ту славную девчущку, что бегаёт ночами по крышам с луком наперевес. Альву Свелл, которую он обещал взять к себе в секретари. Вот пусть барышня и приступает к обязанностям. Вряд ли с ее стороны последуют возражения, хоть обговоренный срок еще не наступил. Если Энлил согласится ответить на его вопросы, Альва сможет вести записи. В любом случае, девушку можно взять для моральной поддержки.

Почему Карст решил, что присутствие юной девицы должно смягчить Энлил, он и сам не знал, однако отчего-то желание захватить дэню Свелл в гости к колдунье казалось ему довольно разумным. Пойдя на поводу у внезапной прихоти, Итон свернул и направился путем, ведущим через Кузнечную часть к Ночным воротам. Дорогой он размышлял о давешней ночной встрече с девушкой и заодно о ней самой.

У коменданта до сих пор не укладывалось в голове, что белобрысая девчонка могла додуматься организовать оборону родных улиц, при том что, по сути, эти улицы вовсе не были ей родными. Карст, служивший Вельтане не первое десятилетие, отлично усвоил, что горожане не привыкли заботиться о себе сами, делают это очень неохотно и исключительно в случаях крайней необходимости, стремясь переложить все городские беды на плечи стражников, чиновников, военных. Если эта провинциальная девочка хотела заразить их своим примером, она сильно просчиталась. В лучшем случае ее сочтут за сумасбродку и нарушительницу спокойствия, в худшем объявят безумной. Да и нечего ей скакать ночами по крышам. Неизвестно, насколько велик шанс повстречать змеехвостого на'ари, зато всякого сброда из соседней Ночной части ошивается немало. Луком-то она, положим, владеет, как и метательным ножом, но против какой-нибудь шайки шансы ее не так уж велики. Итон клятвенно заверил Альву и ее спутника, плотного серьезного паренька, что выделит дополнительный наряд стражи для охраны улиц Кузнечной части.

Если идея добровольного патрулирования улиц удивила Карста, то не меньшее удивление вызвал факт знакомства захоластной дворяночки Альвы Свелл с верховным протектором. Оставшись с комендантом наедине, Торн поведал историю их первой встречи, и почему-то Итону показалось, что этот эпизод несколько глубже запал протектору в душу, чем следовало бы ожидать. В любом случае, было заметно, что Элвира обрадовалась новой встрече с девушкой. Что касается самой Альвы, она казалась, бесспорно, удивленной, но довольной вряд ли. Впрочем, чему тут удивляться? Она для него славная смелая девчущка, охраняющая свой замок, а он для нее — практически предводитель захватчиков родной страны.

За этими размышлениями комендант доехал до небольшого домика с облезлой зеленой дверью. Он спешил и постучался. Лучше бы, конечно, открыла сама девушка, иначе придется объясняться с ее теткой — женщиной вполне достойной, однако явно предубежденной против работы племянницы на столичного коменданта. Дверь никто не открывал, даже шагов внутри дома не слышалось, зато сзади раздался звонкий веселый голос:

— Хорошего дня, дэн комендант!

— Альва? — Итон обернулся. — Ты-то мне и нужна, девочка.

Карст очень кратко, не вдаваясь в детали и о многом умалчивая, изложил девушке суть дела и предложил его сопровождать. Та, как он и предполагал, с энтузиазмом согласилась, быстренько накарябала записку тегушке и объявила, что готова следовать за дэном комендантом хоть за Грань.

— Значит, ты не боишься ехать к настоящей ведьме? — Итон и так знал ответ, просто ему хотелось подразнить свою юную помощницу.

— Вот еще! — фыркнула та.

— Ну, тогда садись ко мне и поехали!

Карст подал девушке руку, чтоб помочь взобраться на коня. Он решил, что она, как дама, поедет впереди него, но Альва, схватившись за протянутую руку и едва коснувшись ногой стремени, мигом оказалась за спиной коменданта. Девица решила ехать по-

мужски, даром что была в платье. То ли привыкла, то ли сочла, что так удобнее. В любом случае, Итон не возражал. Он лишь усмехнулся, представив, как сморится со стороны с юной обворожительной барышней за спиной, обхватившей его за пояс, и какие теперь слухи поползут по Кузнечной части.

Глава 4

Тэсса сидела в одиночестве и размышляла над событиями прошедшего дня. Даже странно, что после усиленной опеки его дайрийского величества ее все-таки оставили в покое. Пребывание у родителей казалось ей пыткой. Ни секунды наедине с собой, маменька то ласкается, то упрекает, то окружает безумно раздражающими заботами. Лотэсса, сказавшись уставшей, ушла спать. Это помогло ей остаться одной, но заснуть так и не получилось. В итоге девушка объявила, что сможет выспаться только в своих покоях, раз уж нет возможности оказаться в собственной спальне. Пусть посылают с ней сколько угодно дам и служанок матери, лишь бы те сидели тихо в ее комнатах и не мешали спать. Мирталь пришлось уступить в обмен на обещание дочери присутствовать на обеде с королем. Пообещать Тэсс пообещала, но не пошла. Служанки просто не смогли ее добудиться, когда она все-таки погрузилась в сон. Прибежавшая матушка взглянула на заспанную, словно в тумане пребывающую дочь и, оценив ее внешний вид и способность изрекать связные фразы, пришла к неутешительному выводу, что, пожалуй, и впрямь лучше Тэссе на королевском обеде сегодня не появляться.

А девушка и впрямь чувствовала себя ужасно. Сон не только не принес облегчения, но, совсем напротив, измучил ее еще больше. Ее опять преследовало проклятое сновидение про скалы и песок. И на этот раз шипение, служившее неизменным фоном к пейзажу, накрепко связало в ее сознании с кошмарной тварью, встреченной накануне. И вновь мучительное ощущение, что она вдыхает пыль и песок, а также саднящая боль в горле и надрывный кашель, преследовавшие Лотэссу даже после пробуждения. Зато кашель стал последним аргументом, убедившим Мирталь оставить дочку в покое и не тащить ее на очередной поклон к Дайрийцу. Маменька выразила уверенность, что после вчерашнего купания в фонтане Тэсса подхватила ужасную простуду, и обещала попросить его величество прислать ей лучшего придворного врача. Тэсс было уже все равно, лишь бы мать поскорее отправилась на свой обед и оставила ее наедине со своими мыслями.

А мысли были одна другой хуже. Если прошедшей ночью девушку терзали страхи, связанные с кошмарным созданием, чуть не лишившим ее жизни, то днем Тэссе куда больше тревожила участь Лана Таскилла. Она мучилась, представляя, как он ждет ее, с каждым часом все больше отчаиваясь и теряя надежду. Но еще сильнее Лотэссу занимало, как Малтэйр решит поступить с ее единственным другом. Если ограничится тем, что заберет ключ, еще куда ни шло, а если все же ему взбредет идея наказать молодого заговорщика... Пожалуй, надо все-таки будет явиться к следующему завтраку (или какое он там мероприятие заготовил ей в качестве новой пытки) и, поступившись гордостью, изыскать способ остаться наедине. Совершенно необходимо выведать планы Дайрийца касательно Лана и, если понадобится, пойти на любое унижение, лишь бы спасти парня от королевского гнева.

И еще эта Шафира с дурацким кольцом. Еще подумает, что ей — Тэссе — нужна треклятая побрякушка. Да она терпеть не могла злополучный рубин и мечтала от него отделаться, однако не решалась пренебречь странной волей Йеланда. Пусть королева забирает ильдовский рубин в свою Тарнику, и дело с концом. Хотя если бы ее величество соизволила попросить повежливее, от нее бы, пожалуй, не убыло. Конечно, Шафира понятия не имела, какой ужас и разочарование пришлось пережить Лотэссе накануне, но даже и без этого дочка Линсаров, которую родители насильно выдают замуж, заслуживает большего сочувствия. Впрочем, жена Йеланда никогда не была к ней добра, неизменно отвечая холодностью на все попытки Тэссы быть милой и приветливой. Ну да богини с ней, с Шафирой, и с ее — теперь уже ее — кольцом. Вот обручальное кольцо Нейри Тэсс бы не отдала никому и никогда, а все остальные драгоценности не имеют для нее никакой цены. Это раньше, еще совсем недавно, она рассчитывала продать их и вырученные деньги вложить в организацию мятежа, а теперь уже и смысла нет.

Пока Лотэсса предавалась мрачным думам, забравшись в кресло, маменькины девушки почти бесшумно передвигались по комнатам или сидели за книгами и рукоделием. Некоторой неожиданностью для Лотэссы стало желание всех фрейлин Мирталь временно покинуть ее, чтобы посетить свою госпожу. Но девушка тут же сообразила, что дело тут в желании доложить эне Линсар, чем занимается ее дочь и не затевает ли каких новых сумасбродств. Конечно, несколько странно, что они решили доложиться матери все разом, хотя для этого хватило бы и одной. Зато возможность побыть наедине с собой была весьма соблазнительна. Лотэсса без лишних вопросов отпустила

дам и велела им не особо спешить обратно, облегченно вздохнув, когда за ними закрылись двери.

Прошло больше часа, а девицы все не возвращались. Ладно, фрейлины ей, положим, только мешали, в отличие от служанок, чья помощь в приговлении ко сну была бы не лишней. Самостоятельно раздеться Тэсс еще могла, а вот справиться с густыми и очень длинными волосами своими силами совершенно нереально. Кроме того, как бы ни бесил ее Валтор, в том, что лучше не оставаться одной, особенно ночью, девушка с ним была вполне согласна. Если в течение ближайшего времени никто из этих лентяек не вернется, придется ей самой идти в родительские апартаменты и тогда уж остаться там на ночь, чтоб не слоняться по Нианону туда-сюда. Не то чтоб Лотэсса всерьез боялась, все-таки за ее дверью постоянно дежурили королевские гвардейцы, но одиночество, еще час назад радовавшее ее, теперь казалось давящим и особенно тоскливым.

Тэсс уже почти было собралась пойти к родителям, как раздался стук в дверь. И чего эти дураки стучат, открыто же. Хоть и ворча про себя, она испытала облегчение от того, что девицы все-таки соизволили вернуться. Только, отворив дверь, Лотэсса обнаружила за ней отнюдь не маменькиных дам, а его величество Валтора Дайрийского собственной персоной.

— Что вы тут делаете? — она вмиг забыла, что сама хотела искать с ним встречи, чтоб поговорить о Лане.

— Где охрана? — вопросом на вопрос ответил король.

— Понятия не имею, — она надменно пожала плечами. — Весь день торчали здесь.

И правда, куда они вдруг подевались? Эх, задумай она отправиться на родительскую половину чуть пораньше и обнаружь, что ее покои больше не охраняются... Да ее бы через четверть часа уже здесь не было. И пусть бы потом Малтэйр посылал погоню, сколько хочет, ей терять уже нечего, хуже, чем есть, все равно не будет.

Досаду на себя за то, что упустила свой единственный, пусть и ненадежный, шанс сбежать из дворца, девушка, естественно, решила выместить на неожиданном и нежеланном госте.

— Что вам нужно? — гневно спросила она.

— Если я скажу, что пришел справиться о вашем здоровье после того, как эна Мирталь рассказала о постигшей вас ужасной простуде и требовала лучших врачей, вы, конечно, мне не поверите.

— Разумеется, — подтвердила Тэсса.

— Правильно сделаете, — он усмехнулся, и усмешка вышла довольно жесткой. — Потому что я, в свою очередь, не верю вам. Напротив, убежден, что весь этот ваш душераздирающий кашель и прочие недомогания — лишь спектакль, разыгранный с целью не явиться к обеду или прикрывающий очередные ваши идиотские выходки. И, как я могу убедиться, вы действительно совершенно не больны. Так потрудитесь объяснить мне, где охрана и куда подевались все ваши фрейлины и служанки.

— Маменькины девушки изволили всем скопом отбыть к своей госпоже, надо полагать, дабы доложить ей о моем поведении, — ядовито процедила Лотэсса. — А что до ваших гвардейцев, то они, насколько мне известно, подчиняются вам, вашему Торну или кому там еще, но уж явно не мне. И даже вздумай я отослать их, вряд ли это возымело бы действие.

Лишь на секунду лицо Дайрийца выразило сомнения, затем вновь сменившееся подозрительностью.

— Так-то оно так, энья Линсар, но я не удивлюсь, если вы все-таки изыскали способ удалить охрану, как и женщин из своей комнаты, — он сложил руки на груди и смерил девушку взглядом прищуренных глаз. — У меня нет ни малейших оснований вам доверять.

— Ну так и не доверяйте, — фыркнула Тэсса. — Что мне ваше доверие? Я его не жду и не

нуждаюсь в нем.

Неужели еще вчера ночью она искала защиты у этого человека и рыдала на его плече? Какой ужас! Никогда она не простит себе этой слабости.

— А теперь оставьте меня! — девушка с вызовом вскинула голову. — Пусть вы считаете королевский дворец своим, но в этих комнатах я вроде как хозяйка, а потому прошу вас немедленно уйти.

— И не подумаю, — в глазах Валтора полыхнул злой зеленый огонек. — Как вы верно заметили, дворец — мой, и я имею право находиться там, где сочту нужным.

— Сейчас же уходите! — она указала на дверь.

Малтэйр действительно сделал шаг в указанном направлении, однако вместо того, чтобы покинуть ее покои, он преспокойно повернул ключ в замочной скважине, запирая дверь.

Страх волной накатил на девушку, норвя спутать мысли и лишиться воли. Лотэсса, как могла, противостояла этому. Нет, это просто невозможно, он не посмеет причинить ей вред. Она не кто-нибудь, а почти принцесса и королевская невеста в придачу, его собственная невеста. Валтор Малтэйр мерзавец, но, надо отдать ему должное, понятия о чести у него имеются, хоть и своеобразные. Он просто хочет напугать и унижить ее, вот и все. Но Тэсс не собиралась доставлять королю удовольствие, показывая свое замешательство. Она развернулась к королю спиной так резко, что взметнулись юбки, и направилась прочь.

Разговор происходил в небольшом холле. Лотэссе надо было пересечь это помещение, затем пройти гостиную, из которой двери вели в спальню и будуар девушки. Двери спальни закрывались на ключ. Она захлопнет дверь перед носом у Дайрийца, и пусть потом объясняет вернувшимся дамам, что он тут делает.

Но не успела Тэсс сделать и пары шагов, как король набросился на нее сзади, резко и грубо развернул лицом к себе, а затем повалил на пол, рухнув сверху. Задышавшись от гнева, ужаса и элементарного отсутствия воздуха, девушка хотела закричать, но ее лицо было плотно впечатано в бархат королевского камзола и прижато мужским плечом. Безумный страх, затопивший сознание и тело, сделал Тэссе совершенно беспомощной. На грани потери сознания, словно издалека она услышала треск, скрежет и звон. Должно быть, падая с ней на пол, Дайриец задел что-нибудь из мебели. Возможно, это хоть на время отвлечет его и даст ей призрачный шанс вырваться.

Звуки все еще слышались, и воздух в легких до сих пор не кончился, хотя Тэссе казалось, что прошла уже целая вечность. На деле же все произошедшее не заняло и полминуты. Еще через некоторое время король чуть приподнялся, что дало его жертве возможность наконец-то вздохнуть.

— Как вы, Лотэсса? — самое безумное, что в голосе этого чудовища звучала неподдельная тревога и забота.

— И вы еще смеете спрашивать?! — она смогла говорить лишь после нескольких судорожных глотков воздуха.

— Простите мою бесцеремонность, — лица его было не видно, серый бархат камзола по-прежнему заслонял все перед глазами. — Но обстоятельства не оставляли мне выбора.

— Какие обстоятельства?! — похоже, он бредит или считает ее идиоткой. — Какого выбора?!

— Зеркало упало, — голос Малтэйра звучал приглушенно. — Оно сорвалось со стены, когда вы оказались под ним.

Вот оно что! Оказывается, гнусный Дайриец спасал ее жизнь, а вовсе не пытался сотворить с ней Изгой знает что. Теперь на смену страху пришла жгучая волна стыда. Тэсс припомнила огромное, выше ее роста зеркало в тяжелой позолоченной раме. С чего бы ему вдруг падать? Ладно, разобраться во всем можно и позже, не валяться же так вечно.

— Мне кажется, стоит подняться, — она постаралась, чтобы голос звучал как можно безразличнее, не выдавая смущения.

— А мне так не кажется, — она почувствовала напряжение, исходящее от него. — Не уверен, что попытка встать не обойдется нам слишком дорого. Я даже не знаю, чего мне будет стоить простой поворот головы.

— Все так плохо? — прошептала Тэсса.

— Предлагаю вам самолично оценить ситуацию, — Валтор приподнялся на локтях и слегка сдвинулся, давая девушке возможность наконец увидеть картину целиком.

И Тэсс увидела. И чуть снова не впала в припадок истеричного смеха, подобный вчерашнему. Зеркало не упало до конца. Его падение остановила мраморная статуя, стоящая у противоположной стены. Изваяние изображало девушку, на вытянутые руки которой Лотэсса бросала плащи и накидки. А теперь на этих мраморных руках, лишившихся, к слову, нескольких пальцев, покоилась зеркальная рама, из которой во множестве мест торчали острые клинки осколков. Зеркало, не долетевшее до пола совсем немного, нависало над людьми, и любое их неосторожное движение грозило нарушить хрупкое равновесие, неизвестно каким образом державшееся до сих пор.

— Ох, — только и смогла пробормотать Тэсс.

— Все так плохо? — на этот раз вопрос задал король.

— Я бы предложила вам самолично оценить ситуацию, — она почти дословно воспроизвела его фразу. — Но боюсь, что, повернув голову вверх, вы порежетесь.

— Все равно мне придется это сделать, — вздохнул Валтор. — Надо же как-то выбираться. Я безумно раскаиваюсь, что запер дверь...

— Правильно делаете, — Тэсса не смогла удержаться от ехидства. — Если бы дверь была открыта, вернувшиеся дамы призвали бы вернувшуюся стражу и зеркало бы подняли, а теперь, даже если дверь начнут вышибать, скорее всего, это лишь ускорит его падение.

— Без вас знаю, — буркнул он. — Сам виноват, мне и разбираться.

— Какого Изгоя вы закрыли дверь? — не унималась девушка.

— Энья Лотэсса, давайте обсудим это позже, — голос Малтэйра звучал устало. — А пока закройте руками лицо. Не хочу, чтоб мою жену украшали шрамы.

— И даже в сохранности моего лица вы ищите свою выгоду, — усмехнулась она. — А руки мои, кстати, плотно прижаты и, кажется, даже вывернуты, по крайней мере, левая.

Вместо ответа король сдвинулся еще немного, давая девушке возможность высвободить затекшие руки. При этом, сколь бы осторожными и плавными ни были его движения, они вызвали режущий ухо хруст битого стекла.

— Отвернитесь, насколько это возможно, и плотно закройте глаза.

Тэсса сочла за лучшее выполнить приказ Дайрийца, и на этот раз без лишних препирательств. Зажмурив глаза и прижав ладони к лицу, она лишилась возможности видеть, что делает Валтор, могла лишь чувствовать его движения. Раздался мерзкий звук ломаемого стекла, потом еще и еще... А затем девушка почувствовала, как несколько теплых капель упали ей на ладони. Решившись нарушить указания Малтэйра, она чуть приоткрыла глаза и слегка отвела руку от лица. Так и есть — кровь! Опираясь правой рукой о пол, левой король ломал осколки, торчавшие из рамы. Многочисленные порезы кровоточили, и с каждой секундой крови становилось все больше.

— Во имя богинь, что вы делаете?! — воскликнула Тэсс.

И тут же осеклась. В честь чего это она его жалеет? Его — убийцу Эдана, Рейлора и Ильдов, подлого беспринципного захватчика... Надо же, он поранился до крови, бедненький. А сколько этой самой крови он пролил при Латне и в других сражениях? Крови лучших сынов Элара! А кровь Ильдов, пролитая в Вельтане? Нет уж, она не станет

его жалеть, даже истекай он собственной кровью и захлебывайся в ней. И плевать, что он снова спас ее! Лучше бы уж они погибли вместе, не вчера, так сегодня. Хоть польза бы была... И потом, он сам устроил себе это испытание, непонятно за какими демонами закрыв дверь. Вот пусть мучается теперь!

И все-таки она была не в силах унять охватившую ее дрожь и жгучее сочувствие к мужчине, режущему руки об острые как бритва края зеркала ради ее спасения. Валтор ничего не ответил, продолжая ломать стекло.

— Может, стоит просто проползти под зеркалом? — предлагая это, Тэсса злилась на свою слабость, не позволявшую ей равнодушно созерцать его страдания.

— Не стоит, — он все-таки соизволил ответить. — Иначе ваши руки станут похожими на мои, а заодно и ноги, и спина, и все остальное. Пол усеян осколками, и вы не сможете преодолеть такое расстояние, не содрвав в кровавые лохмотья кожу на ладонях и коленях.

Надо же, думает только о ней. С другой стороны, о себе ему уже поздно беспокоиться: левая рука полностью в крови, а рукав намок и потемнел по локоть и даже ниже. Наконец король решил, что расчистил достаточно пространства для того, чтобы им можно было вылезти. Он встал сначала на колени, затем на ноги и медленно поднялся. Все его движения сопровождались неизменным хрустом битого стекла, усеявшего пол, и звоном при падении тех осколков, которые Валтор неудачно задевал. И все-таки ему удалось встать и перешагнуть через планку рамы, предварительно очищенную от крупных кусков стекла. Оказавшись на свободе, Малтэйр протянул правую руку девушке, все еще лежащей на полу, затем очень медленно и осторожно помог ей подняться. Когда Тэссины ступни коснулись пола, Валтор обхватил ее за талию обеими руками — лицо его при этом исказилось от боли — и поднял над рамой, а потом перенес, пока девушка не оказалась над участком пола, не так густо засыпанном осколками.

— Ну вот и все, — он утер пот со лба правой рукой. Затем заметив, что Тэсс машинально коснулась рукой кровавого пятна на талии, мрачно усмехнулся. — Ничего, на черном незаметно.

Открыв дверь и по-прежнему никого за ней не обнаружив, король нахмурился, словно что-то могло испортить ему настроение больше случившегося.

— Сейчас мы отправимся к протектору, — видя ее желание, что-то возразить, он продолжил, не давая девушке вставить и слова. — Оставлять вас здесь одну — безумие, отпускать к родителям — тоже не лучший вариант, я предпочел бы для начала разобраться в ситуации, и никто не поможет в этом лучше, чем эн Элвир.

— Зачем вы закрыли дверь? — перед тем, как они отправятся к Торну, она все-таки твердо вознамерилась прояснить этот момент.

— Чтоб позлить и напугать вас, — нехотя признал король.

— А зачем вообще пришли?

— Я пришел к вашим родителям, чтоб просить вас зарисовать вчерашнюю тварь для следствия, но вас там не было. Придя сюда, я обнаружил отсутствие гвардейцев и дам. Кроме того, ваше вызывающе дерзкое поведение вызвало желание сбить с вас спесь. Согласен, я действовал не лучшим образом. Однако мою вину несколько смягчает то обстоятельство, что за все это время никто к двери так и не подошел.

Глава 5

Элвир уже спал, когда раздался настойчивый стук в дверь. Он поднялся с кровати и, мысленно посылая визитера ко всем демонам, поплелся открывать. Всю прошлую ночь он не сомкнул глаз, слушая рассказ Валтора и пытаясь хоть что-то понять и запихнуть в рамки логических объяснений. Весь день он также провел на ногах и в делах. В кои-то веки лег спать до полуночи — и вот, пожалуйста! Открыв дверь, Торн к своему немалому удивлению обнаружил за ней Валтора и его беспокойную невесту. Поскольку он не ожидал в столь поздний час визита дамы, то не потрудился накинуть хотя бы рубашку и теперь предстал перед Лотэссой Линсар с обнаженным торсом. Смущенная девушка тут же поспешила юркнуть за спину короля, чем немало позабавила Элвира.

Однако желание веселиться мигом слетело с него, как только он бросил взгляд на левую руку Валтора, которую тот старательно, но тщетно пытался спрятать за спиной. Кроме того, королевский камзол был в крови, местами порван. Да и в целом вид у короля и его спутницы был такой, словно им снова пришлось столкнуться с чудовищем.

— Какого Изгоя, Валтор? — начал было Торн, но, бросив взгляд на Лотэссу, робко выглядывающую из-за плеча нареченного, осекся. — Ваше величество, что произошло?

— Я все объясню, как только ты позволишь нам войти.

— Конечно, — Элвир, стряхивая с себя замешательство, сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

— Что у тебя... у вас с рукой? — Торн метнулся к другу. — Послать за врачом?

— Не стоит, — король поморщился. — Надеюсь, сам справишься.

Разумеется, он справится. Мужчина, прошедший войну, пусть и короткую, справится и не с такими ранами. Он помог Валтору стащить камзол, затем принес воды, чтобы промыть раны и оценить размер и характер повреждений. Левая ладонь выглядела жутко, кое-где кожа болталась клочками, многие порезы были очень глубокими. Пока Элвир возился с раной, король поведал ему о своих злоключениях, на этот раз, как ни удивительно, не имеющих отношения к давешнему чуду. Закончив нехитрое врачевание и наложив повязки, Торн вышел из комнаты и вернулся, неся свежую рубашку. Та, что была на Валторе, пропиталась кровью и могла служить лишь для устрашения. Мужчины были почти одного роста и комплекции, разве что король был чуть повыше, а Элвир — шире в плечах. Облачившись с помощью друга в чистую одежду, король заметил:

— Ты бы и сам оделся, — и кивнул в сторону притихшей девушки, о которой Элвир практически позабыл, занятый порезами.

— Прошу прощения, энья Линсар, — он отвесил ей поклон и вновь удалился.

Бедняжка залилась краской. Ее смущение забавляло и умиляло Торна. Большая часть женщин была в полном восторге от его фигуры, и созерцание рельефного обнаженного торса доставляло им удовольствие, которое они и не думали скрывать. А королевская невеста оказалась скромницей. По крайней мере, одно достоинство у нее есть, разумеется, не считая красоты. А вообще эта девица приносит Валтору одни неприятности. Из-за нее он каждый день подвергается смертельной опасности. Быть может, многие мужчины сочли бы за честь спасти столь обворожительную особу, только вот Валтор в первую очередь король и уж потом мужчина. Надо будет попытаться ему это втолковать, когда они останутся наедине.

Застегивая на ходу рубашку, Элвир вернулся в комнату и, открыв дверцу небольшого шкафчика резного светлого дерева, вынул бутылку, в которой плескалась рубиновая влага. Он плеснул в бокалы Валтору и себе, затем, немного подумав, налил третий и протянул его девушке.

— Пейте, энья Лотэсса, — он почти насильно вложил бокал в ее руку, не обращая внимания на протесты. — Вам не понравится, но станет легче.

Ей и впрямь необходимо расслабиться. Раз уж король притащил свою невесту, то имеет

смысл задать ей необходимые вопросы, хотя шансов, что ее ответы хоть что-то прояснят, не так уж много.

— Итак, что ты думаешь насчет всего этого? — Валтор отхлебнул рубиновой настойки и откинулся на спинку дивана.

— Надо полагать, мое мнение совпадает с твоим, — хмыкнул Торн. — Что тут думать? Исчезнувшие гвардейцы, девицы, ушедшие всем скопом, и зеркало падающее со стены... Все ясно. Именно то, о чем ты меня предупреждал. Только вот я ослабил бдительность, и выручать свою прекрасную невесту тебе пришлось самому. В том, что это отлично организованное покушение на эню Линсар, нет никаких сомнений, зато разобраться, чьих это рук дело, будет ой как непросто. Слишком многим все это крепко не нравилось, — Элвир бросил взгляд на Лотэссу, раздумывая, стоит ли при ней продолжать этот разговор.

— Хватит уже говорить обо мне так, словно меня здесь нет, — фыркнула девушка. Настойка, видно, уже начала действовать, и Лотэсса осмелела. — Думаете, я не понимаю, о чем вы толкуете? Будто я не знаю, что вся дайрийская знать против брака его величества Валтора Дайрийского со мной... как и вы, эн Торн, — язвительно прибавила она, одаривая его издевательским поклоном и блеском аметистовых глаз.

— Насколько мне известно, никто не настроен против этого брака так сильно, как вы, — парировал Элвир.

— Хватит, — король решил прекратить их спор в самом начале. — Ты мне лучше скажи вот что, — обратился он к другу. — Насколько реально удалить с поста гвардейцев, которые, между прочим, находятся непосредственно в твоём подчинении, убедить уйти линсаровских дам, для которых, по идее, благополучие их госпожи превыше всего, и заставить огромное зеркало сорваться со стены именно в тот момент, когда под ним окажется эня Лотэсса, которая, кстати, могла бы и вообще не выйти в холл за всю ночь, если бы не мой визит?

— Хм, — Торн задумался. — Организовать все это достаточно сложно, однако ничего невозможного я здесь не вижу. Понимаю, что после личного общения с ночными тварями велико искушение за всеми странностями видеть магию, но я бы все же искал в другом направлении... Предположим, что гвардейцам передали какой-либо срочный приказ от моего имени... или от твоего. При чем передал человек хорошо им знакомый. Предатели, знаешь ли, бывают где угодно, почему бы им не объявиться в королевской гвардии? — забывшись в ходе рассуждений, Элвир не заметил, как вновь стал обращаться к королю на «ты». — Хотя, надо полагать, пособник нашего таинственного недоброжелателя вряд ли считает себя предателем, скорее уж горит фанатичным убеждением, что спасает своего короля во благо Дайрии, — в этом месте протектор не удержался и глянул сначала на Валтора, потом на Лотэссу. — Что касается дам, их тоже могли убедить в том, что их отсутствие необходимо, например, передали одной из них распоряжения герцогини. А саму герцогиню в то же время убедили, что эня Линсар должна на время остаться одна. Благовидных предлогов я хоть сейчас сочиню не меньше десятка.

— Что ж, — в голосе короля по-прежнему слышалось сомнение. — Насчет стражи и фрейлин я с тобой соглашусь, их убрать было не так уж сложно, но зеркало...

— Да, зеркало — самый сложный и загадочный пункт, и все-таки устроить его падение не превышает человеческих возможностей. Не представляю, если честно, как можно добиться подобного, но уверен, что это реально. Скорее всего, действовали, находясь за стеной. Для того чтобы увидеть, что эня Лотэсса оказалась в нужном месте, достаточно просверлить крошечное отверстие в стене... если его не было там заранее.

— Да, но в этом случае наблюдатель должен был обнаружить и мое присутствие. А убивать эню Линсар на глазах у ее жениха и короля — не очень-то разумная идея, тебе не кажется?

— Действительно, — Торн потер ладонью подбородок. — Здесь что-то не сходится. В любом случае, нужно опросить дежуривших гвардейцев, фрейлин герцогини, осмотреть комнаты эни Лотэссы и граничащие с ними...

— Ты собираешься заняться этим прямо сейчас? — осведомился король.

— Ну, комнаты, разумеется, следует проверить немедленно. Да и гвардейцев надо найти и расспросить как можно скорее. А вот беседа с дамами как раз может подождать до утра. Ни к чему поднимать лишний переполох в покоях Линсаров.

— Тогда давай отведем энью Линсар к родителям и затем осмотрим ее комнаты, — предложил король, то ли уставший от общества своей невесты, то ли жалевший ее.

— Ну уж нет, — решительно возразил Элвир. — Энью Линсар я отпустить никак не могу. Ее показания на месте покушения слишком важны для расследования. Лучше уж ты иди спать. — Спыхватившись, Торн исправился: — Вашему величеству следует отдохнуть.

— Энья Лотэсса — не единственная участница происшествия, — вздохнул Валтор. — Я вроде как тоже там присутствовал, а потому, надо думать, мои слова не менее важны.

— В отличие от его величества, — внезапно подала голос Лотэсса, — я вовсе не желаю возвращаться в свои покои. Ни за что не пойду туда! — Элвиру показалось, что барышня на грани истерики, и он пожалел, что дал ей настойки. Очевидно, на юных девиц крепкие напитки действуют куда более пагубно, чем на мужчин. — И вообще, я устала до безумия и хочу спать!

В принципе, Торн понимал мотивы протеста девушки. Она действительно ужасно устала, если вспомнить, какой выдалась ее прошлая ночь. Действие крепкой настойки, может, и сняло напряжение, но сил и бодрости явно не прибавило. Кроме того, совершенно очевидно, что пережитый ужас отвращает Лотэссу от посещения места, где она едва не погибла чуть больше часа назад. И все-таки ее присутствие необходимо, а потому он не может позволить себе роскошь жалеть бедняжку.

— Прошу вас, энья Линсар, — протектор старался быть вежливым, дабы не повторять ошибку, допущенную с Энлил. — Я не задержу вас долго. А потом мы с его величеством проводим вас до покоев ваших родителей.

— Туда я не пойду! — девица, очевидно, решила добить «проклятых дайрийцев». — Если в довершение всего мне придется еще и объясняться с матерью, я просто умру.

— Не думаю, что стоит так драматизировать, — Элвир прилагал усилия, чтобы голос звучал мягко, хотя больше всего ему хотелось взять девчонку за плечи и потрясти хорошенько, чтобы выбить то ли женские, то ли детские глупости и капризы. — Если вас категорически не устраивают апартаменты герцога, могу предложить вам свои. Моя кровать в вашем полном распоряжении, мне сегодня ночью все равно не светит выспаться.

После столь неожиданного предложения девушка опешила и уставилась на Элвира округлившимися глазами. Зато Валтор явно не оценил галантности друга.

— Разумеется, невеста короля не останется на ночь в покоях верховного протектора. Подобное обстоятельство, став известным, вряд ли пойдет на пользу репутации эньи Лотэссы. По той же причине я даже себе не позволяю пригласить ее, хотя так мне было бы намного спокойнее.

— Вообще-то я шутил, — Торн в некоторой растерянности взлохматил светлые волосы на затылке.

То ли он столь неудачно пошутил, то ли король внезапно лишился неизменно присущей ему способности на все смотреть иронично. Должно быть, все-таки второе. Присутствие прекрасной дочки герцога Линсара явно лишает Валтора душевного равновесия. Хотя необходимость каждую ночь рисковать из-за нее жизнью делает сие обстоятельство не удивительным.

— Я хочу домой, — девушка вновь подала голос, и на этот раз он звучал столь жалобно, что даже у сурового протектора дрогнуло сердце. — К себе домой, в Вэйлтайн.

Вэйлтайн — фамильный замок Линсаров. Так когда-то звучало название Вельтаны, в те времена, когда она являлась лишь небольшим городком княжества Муана, а столицей был всемогущий Тиарис. Линсары, естественно, построили свой новый замок уже после

перенесения столицы. Да и Вэйлтайн к тому времени уже не одно десятилетие звался Вельганой и был довольно процветающим городом. Однако тогдашнему герцогу прежнее звучание отчего-то было милее, и он нарек так свою резиденцию. Зато его современник герцог Таскилл, очевидно, не столь поэтичный, зато исполненный сознания собственной значимости, недолго мучаясь, нарек свой замок Таскиллоном.

— Вы же понимаете, что не можете пойти туда, — король обращался к невесте, и голос его звучал заботливо, почти ласково.

— Почему не могу? — она продолжала настаивать, должно быть, рассчитывая разжалобить мужчин. — Я буду там не одна. Вся наша стража и большая часть слуг остались в замке. Там будет кому обо мне позаботиться. Не бойтесь, я не сбегу, — добавила она, глядя Валтору в глаза. И взгляд ее фиалковых очей был столь беспомощным и просительным, что Торн усомнился в стойкости его величества.

Однако король не поддался, хоть и видно было, что ему тяжело отказывать девушке.

— Вы можете выбрать любые незанятые покои во дворце, — пообещал он. — Я дам распоряжение подготовить их, пока мы будем осматривать ваши бывшие комнаты.

— Говорите, любые? — Лотэсса внезапно оживилась. — Тогда я хочу остаться в комнатах принца. Не верю, что там, где жил Нейри, со мной может случиться что-то дурное. Его дух даже из-за Грани будет оберегать меня и от людей, и от ночных тварей.

Элвир заметил, как мимолетная тень коснулась лица его друга после этих слов. Ревнует? Точно, ревнует. Интересно, девица намеренно хотела задеть короля, упоминая покойного жениха, да еще при том с такой нежностью в голосе? Или правда верит, что призрак младшего Ильда будет ее хранить от всех напастей? Ну и дура, если так, со злостью подумал Торн. Глупо надеяться на заступничество покойника и не замечать, как живой, реальный мужчина раз за разом выцарапывает тебя из лап смерти. Стоишь ли ты того? Стоишь, наверное. Но только оттого, что ты прекрасна, как Страница, а вовсе не потому, что герцогская дочка. Что бы там Валтор не говорил, а геройствует он ради глаз цвета аметиста, а вовсе не ради титулов и политических выгод. А вы, энья Линсар, просто неблагодарная девчонка!

Пока протектор предавался мысленному негодованию, король пообещал своей невесте исполнить ее просьбу, и наконец все трое вышли в коридор, направляясь к покоям Лотэссы, чуть было не ставшим местом ее гибели. Мужчины шли по обеим сторонам от девушки, словно оберегая ее, а она, шествуя между ними, казалась особенно маленькой и хрупкой. Кидая временами мимолетные взгляды на Лотэссу Линсар, Элвир начинал понимать друга, поавшего под обаяние этой дикой и взбалмошной, но в высшей степени обворожительной девицы. Такие красавицы созданы для того, чтобы вертеть мужчинами. Это закон мироздания, и даже самые умные и сильные мира сего не в силах избежать древнейшего из капканов. Правда, следует отдать прекрасной Лотэссе должное: она не заманивает короля в ловушку, она его простодушно и искренне ненавидит.

Осмотр комнат, в первую очередь холла, занял довольно много времени. Как ни старался Элвир, он так и не обнаружил ни одного просверленного отверстия, а за стеной не обнаружилось никаких смежных помещений, по крайней мере таких, где мог бы укрыться человек. Энья Линсар добросовестно отвечала на все вопросы, видно, очень хотела поскорее покончить с этим делом. Да, она несколько раз в день ходила мимо зеркала и планировала пройти по меньшей мере еще один раз, поскольку собиралась отправиться в комнаты герцогини. Нет, стражники не докладывались ей перед тем, как уйти, и никакого шума в коридоре она не слышала... И так далее. Никаких зацепок и следов. Точнее, следов-то было хоть отбавляй — рама, до сих пор лежащая на руках статуи, пол, усыпанный осколками, местами обгаренный монаршей кровью. Но все эти следы вели в никуда и ничего не проясняли.

Еще до начала осмотра Торн дал распоряжение одному из своих слуг, чтоб тот занялся приготовлением покоев принца Нейри для королевской невесты. Измученная девушка, не дождавшись конца действия, прикорнула в нише (той самой, где прятался сам Элвир в ту ночь, когда следил за нею), умудрившись уснуть прямо на жестком холодном мраморе в совершенно невообразимой позе. Освободившись, Валтор хотел было отнести свою избранницу в ее новые апартаменты, но осуществление сего начинания обошлось бы ему слишком дорого, учитывая израненную руку. Протектор вызвался самолично доставить

барышню до постели, после чего подхватил ее на руки, уложив голову спящей девушки себе на плечо.

Шагая по коридорам, Торн решительно подавлял в себе все мысли и чувства, вызванные близостью восхитительной девицы. Она принадлежит Валтору, она будущая королева, и вообще, сколь бы ни была хороша энья Линсар, как человек она не слишком нравилась Элвиру. Чтобы противостоять внезапно нахлынувшему искушению, мужчина вызвал в голове другой женский образ, который и без того частенько прошенным и непрошенным мелькал в его мыслях. Зеленоглазая белокурая лучница без труда справилась с первой красавицей королевства, точнее, с внезапным романтическим угаром, вызванным ею в душе протектора.

Добравшись до комнат покойного принца, Элвир отнес Лотэссу в спальню и уложил на постель. На секунду им вновь овладел соблазн совершить какую-нибудь глупость — провести ладонью по темным волосам спящей девушки или припасть к губам к ее руке. Но он, конечно, удержался. И все же перед тем, как выйти, Торн еще раз задержал взгляд на бледной руке, безжизненно свисающей с простыни — на узкой ладони, на длинных, тонких, совершенных в своем изяществе пальцах. И тут он смутно ощутил, что чего-то не хватает. Несколько мгновений понадобилось протектору, чтобы понять, чего именно — массивного безвкусного перстня с темным рубином. Он довольно давно обратил внимание на тот факт, что девица Линсар, несмотря на вечный траур и полное отсутствие иных драгоценностей, не снимая носит два кольца. Изящное колечко с аметистом на безымянном пальце левой руки, где женщины носят обручальные кольца, и большое, не по размеру, золотое кольцо с рубином, непонятно каким чудом держащееся на среднем пальце правой. Узнать в этом ювелирном шедевре явно с мужской руки знаменитое фамильное кольцо Ильдов не составило никакого труда. А он еще удивлялся после казни, не обнаружив у Йеланда легендарного украшения. Найдя пропажу и посоветовавшись с королем, протектор решил до поры до времени не отнимать у девушки кольцо, не видя в том особой необходимости.

И вот теперь, созерцая пальчик, свободный от ильдовского наследия, Элвир силился поймать за хвост ускользающую мысль, что-то очень важное, но пока не поддающееся осознанию и формулированию. Что ж, в любом случае он не оставит эту вроде бы незначительную деталь без внимания и завтра обязательно расспросит девушку о пропавшем кольце.

Глава 6

Альву, находившуюся в кабинете коменданта Вельтаны, прямо распирало от сознания собственной значимости. Перед ней, нагруженный папками, сновал туда-сюда бывший секретарь Карста — Мелвил Дайтин. Долговязый, длинноносый и весь совершенно несуразный, молодой человек с суетливыми нервными движениями совсем не вписывался в обстановку рабочего помещения. Однако дэн Итон явно не покривил душой, назвав его толковым парнем, дело свое Мелвил знал и посвящал в него Альву детально и обстоятельно. Объяснения его были дельными, бумаги, похоже, содержались в образцовом порядке. Когда же Дайтин в порыве заботы о девушке, которой предстояло его сменить, принес ей чаю, Альва почувствовала себя довольной донельзя.

И почему знатным девушкам не дозволяется работать? Разумеется, речь не идет о тяжелых и черных работах, но мало ли дел, где грамотная разумная девица может найти себе применение. Просматривая папки с документами, проникаясь атмосферой рабочего кабинета, Альва вся так и кипела энтузиазмом. До чего же это все интересно, не то что вышивать, руководить заготовкой солений на зиму или подсчитывать расход муки и яиц за полгода. Да уж, доступные уважающим себя дворянкам занятия — сплошная скука, по крайней мере, дворянкам из захолустья. Девушка решила, что ни за что бы не променяла свои сегодняшние заботы на удел матери или тети.

А уж если вспомнить вчерашний визит к самой настоящей колдунье в обществе Карста, то и вовсе можно почитать себя счастливицей, на долю которой выпали удивительные приключения. Правда, повод для визита и всей этой суеты был совсем не веселым, ну так и настоящие приключения из-за пустяков не начинаются. Ведьма Энлил Альве понравилась. Вот тоже женщина, не считающая для себя зазорным зарабатывать себе на хлеб. И заработала столько, что тот же Чиртон, мнивший себя зажиточным господином, по сравнению с ней почти голодранец. В суть беседы Энлил с комендантом Альва вникла не до конца, хоть и ловила каждое слово. На обратном пути дэн Итон кое-что разъяснил, и все же многое оставалось неясным. Впрочем, самому Карсту и даже ведьме также было понятно далеко не все. Главное, девушка поняла, кто именно убивает людей ночами на улицах. Мать Ларни и прочие досужие сплетники и паникеры, как ни странно, оказались правы: это не человек. Альва своими глазами видела рисунок, который комендант показывал колдунье — жуткое создание с круглыми глазами и змеиным хвостом. Энлил сказала, что не знает, что это за тварь или, как она выразилась, на'ари, она никогда не сталкивалась с демонами подобного вида и даже не слышала о таких.

Еще несколько месяцев назад Альва и помыслить не могла, что она — простая девушка из глухомани — будет принимать участие в столь необычном и захватывающем расследовании в компании столичного коменданта и женщины, для которой колдовство является профессией. Ведьмы, чудовища, таинственные убийства — Альва словно стала героиней страшных сказок няньки Хэнн. Пусть наяву все это куда более мрачно, но все же девушка не променяла бы возможность оказаться в центре жутких событий на тягучий бессмысленный покой старого замка. Нет, конечно, если бы ей предложили вернуть родных в обмен на тоскливую скуку, она бы согласилась, не раздумывая. Но никто ей ничего подобного не предлагал. А прозябание в тетушкином доме, возможность бездельничать, сидя на ее шее — совсем уж безрадостная перспектива.

От размышлений девушку отвлек все тот же Мелвил, притащивший очередную стопку бумаг. Альва честно сосредоточилась на том, что он ей пытался втолковать. Этому несколько мешала странная манера молодого человека смотреть на собеседницу — очень пристально и как-то даже заискивающе. Может, с ней что-то не так? Прыщик на лице или пятно на платье? Или она ведет себя неподобающим образом? Или вообще сама идея работающей девушки-дворянки не укладывается в голове у Дайтина, как и у тети Тийлы?

Покончив с очередными объяснениями и притащив еще одну чашку чая, Мелвил как бы невзначай заметил:

— Право и не знаю, дэнья Альва, как вас здесь оставить одну с этакой прорвой работы. Разве же можно в один день все показать, растолковать и научить? Тут срок подольше нужен, недели две, а то и месяц... Если вы захотите, я уж, так и быть, отложу отъезд в деревню и помогу вам. Дэну Итону-то не до того сейчас, — он вздохнул.

Ах, вот оно как... Альва про себя усмехнулась. Значит, все в порядке у нее с лицом и одеждой. Просто-напросто она, видно, приглянулась долговязому помощнику коменданта. И умильно-пристальные взоры, и предложение остаться помогать ей — все свидетельствовало в пользу этой догадки. Но хоть молодой человек и не вызывал неприязни, даже был симпатичен своей трогательной нелепостью, девушке совсем не хотелось делить с ним работу и внимание Карста. Нет уж, теперь она будет секретарем столичного коменданта, причем единственным. Кроме того, нечестно подавать бедняге хоть тень надежды на благосклонность с ее стороны. А то получится, что остался он зря и старался напрасно. Альва решила, что отказать напрямую будет невежливо и пошла на хитрость.

— Да, это так мило с вашей стороны, Мелвил, — молодой человек не был дворянином, поэтому она обращалась к нему просто по имени, впрочем, и в отношении себя на «дэнье» вовсе не настаивала. — Все эти ужасные вылазки по ночам! — девушка придала лицу трагически-испуганное выражение. — Мне будет жутко страшно сопровождать дэна коменданта, а это наверняка понадобится. И если вы сможете заменить меня...

— Ну-у, вообще-то, — промямлил Дайтин, — вроде как раньше дэн Итон обходился без секретаря в такие моменты... И потом, теперь с ним работает сам верховный протектор...

— Протектор протектором, — возразила Альва, — но не ему же вести протокол, а без этого никак. Так что ваша помощь будет просто неоценима, особенно в момент ужасной опасности, нависшей над столицей.

Вообще-то, девушка беззастенчиво врала. Ни о какой помощи и тем более о необходимости сопровождать его к местам убийств Карст не упоминал. Она, правда, сама подумывала убедить его в необходимости ведения протоколов, чтобы иметь возможность участвовать в ночных рейдах. В отличие от нескладного мямли Мелвила, среди достоинств которого храбрость занимала явно не первое место, Альва ужасно хотела оказаться в гуще событий. На Дайтина ее выдумка оказалась как раз то воздействие, которое требовалось.

— Я бы остался, разумеется, — он наконец-то опустил глаза и перестал на нее пялиться, очевидно, от смущения. — Но вот только как подумаю, что матушке уже письмом обещал быть не позже начала Фессы... Как-то неловко получается, ждет ведь старушка.

— Ну, тогда конечно, — поспешила утешить его Альва. — Матушка — это важнее всего, особенно если вы у нее единственный сын.

— Вот именно, — секретарь с радостью ухватился за предложенный собеседницей аргумент. — Один я у нее, бедняжки. Не первый ведь год зовет домой. И помощь нужна, и одиноко ей, как отец помер. А как столицу захватили так совсем извелась, горемычная. Вы не думайте, дэнья Альва, — неожиданно прибавил он. — Я ведь не от страха бегу из города и не от работы отлыниваю, мне матушку жалко. Никто ей, кроме меня, не поможет.

Очевидно, в этот момент молодой человек сам искренне верил в то, что говорит. А может, приняв решение, не первую неделю убеждал себя, что все дело в бедной матери. В любом случае, Альва и не думала его осуждать, напротив, была глубоко благодарна, что тот уезжает, освобождая ей свою должность.

Одно только смущало девушку — необходимость работать в компании с верховным протектором. В ту ночь, когда они с Ларни лазили по крышам и наткнулись на коменданта, сопровождавшего его Торна Альва не узнала, хотя лицо дайрийского командира вроде бы запомнила неплохо. Правда, было темно, протектор стоял в тени и молчал, да и никак не ожидала она встретить его в Кузнечной части. Зато когда девушка услышала свое имя из уст незнакомца, то вмиг поняла, кто перед нею. Самым главным из чувств по этому поводу стало, естественно, удивление. А вот с остальными эмоциями разобраться было сложнее. Вроде как и неплохой человек, и поступок по отношению к ней совершил почти благородный, и с луком им подаренным она практически не расстается... Но с другой стороны — дайриец же! А их положено ненавидеть. И как, скажите на милость, с ним работать? Альва вроде бы страстно желала, чтоб Торн каким-нибудь чудесным образом не являлся в комендатуру как можно дольше, и в то же время в глубине души с любопытством ждала новой встречи с ним. Сложно все это, проще все-таки стараться держаться от протектора подальше. И вообще, кто бы мог подумать, что

случайно встреченный ею в далекой Фьерре военный окажется вторым лицом в государстве.

Альва ненадолго задумалась и потеряла нить мелвиловских рассуждений. Очнулась только тогда, когда осознала, что речь идет о коменданте.

— Ведь эти гнусные ничтожества его не ценят, — сколь бы несуразным не казался исполненный гнева Дайтин, девушка вполне разделяла его праведное возмущение. — Он ради вельтанцев за Грань готов шагнуть, а они шипят ему вслед, как стая гадюк. Нету сил смотреть на такую несправедливость! Удивляюсь, как он сам-то еще не решился все бросить к демонам и уехать из проклятой столицы, особенно теперь, когда такое началось...

— Вот именно теперь-то он ни за что и не уедет, — вздохнула девушка. Пусть она знала коменданта немногим более недели, но, похоже, уже начала понимать, что он за человек.

Альва хотела еще что-то добавить, но в этот момент в кабинет постучали, и, не дожидаясь, пока дверь отворят, на пороге появилась та самая ведьма — Энлил, к которой они ездили вчера с дэном Итоном.

— А дэн Карст? — женщина казалась несколько растерянной, оглядывая помещение. — Его нет?

— Он уехал по делам во дворец, — почти хором сообщили Мелвил и Альва.

— Но вы можете его дождаться, — поторопилась заверить девушка, в то время как молодой человек пытался дознаться имени неожиданной посетительницы. — Правда, я не знаю, когда он вернется. Но не уезжать же вам, раз вы проделали такой путь из Руджии.

Мелвил все-таки был толковым секретарем, не зря Карст держал его при себе. Он на лету схватил две вещи — то, что Альва знакома с этой необычной дамой, и то, что дама, обитающая в Руджии, является важной персоной. А следовательно, незнакомка имеет полное право находиться в рабочем кабинете коменданта, дожидаясь его возвращения.

— Я, пожалуй, сделаю вам чаю, если вы не возражаете, — решил Дайтин.

— Я была бы вам чрезвычайно благодарна, юноша, — Энлил обворожительно улыбнулась, и Альва подумала, что она, наверное, моложе, чем показалось при первой встрече.

А Мелвил после ведьминой улыбки уставился на нее точно таким же взглядом, какого до этого удостоилась Альва. Еще, чего доброго, начнет искать новый повод, чтоб остаться.

Едва оставшись наедине с девушкой, Энлил быстро заговорила:

— Дэн Итон вчера взял тебя с собой, и ты все знаешь... Думаю, это значит, что я могу тебе доверять.

После того, как Альва кивнула, Энлил продолжала, стараясь изложить суть дела как можно быстрее и тише, пока не вернулся секретарь с чаем.

— Вчера после вашего отъезда я решила спросить о происходящем у теней, — видя недоуменный взгляд юной собеседницы, она добавила: — Тени — основа моей магии, рассказывать о них долго, и ты мало что поймешь. Лучше слушай, это важнее. Спрашивала я о том, что есть, а в ответ получила непрошеное знание о том, что будет. И мне совсем не понравилось то, что довелось узнать. Тени сказали, что мир гибнет. Мол, разгуд неизвестного демона в Вельтане есть свидетельство конца всей Анборейи.

— Ерунда какая-то! — недоверчиво фыркнула девушка. — Так же тетки на рынке говорят. Ужасные смерти, ночные твари, дайрийцы, Закат Мира...

— Я тебе не тетка с рынка, девочка, — гневно прервала ее Энлил. — А тени и подавно. Или ты мне не веришь?

— Верю, — поспешила заверить Альва, чувствуя вину перед колдуньей, удостоившей ее

откровенности. — Но, согласитесь, дэна Энлил, все это звучит как затертое пророчество... Разве ваши тени никогда не лгут и не ошибаются?

— Кто знает, — задумчиво протянула женщина. — На моей памяти такого не случилось, но полностью исключать такую возможность тоже нельзя.

Вернулся Мелвил с двумя чашками чая, одну он вручил гостье, другую поставил перед Альвой. Девушка решила, что третью чашку она не осилит, и уговорила Дайтина выпить чаю самому.

— Я тут подумала, — внезапно произнесла Энлил, — а так ли важно то, что я хотела сказать дэну Карсту... Расследованию это никак не поможет, ведь комендант с протектором охотятся за конкретным реальным чудовищем, а не интересуются затертыми пророчествами... Быть может, мне лучше уехать?

Дайтин, мало что понявший из речи красивой дамы, тем не менее, рьяно стал уговаривать ее остаться. Альва присоединилась к нему.

— Вы обязательно должны дождаться эна Итона, — решительно заявила она. — Уверена, что его заинтересует все, что имеет хоть отдаленное отношение к делу, замешанному на магии, в которой никто, кроме вас, ничего не смыслит. Он сам мне вчера говорил, что ваша помощь для нас бесценна.

— Интересно, что думает по этому поводу протектор, — хмыкнула колдунья. Судя по тону, особой симпатии к упомянутому протектору она не испытывала. Ну и правильно, она же эларка, пусть и пришлая.

— Он думает, что ужасно виноват перед вами, — со стороны двери раздался голос Карста. — И лично извиниться ему мешает отнюдь не гордость, а уверенность, что вы не захотите его видеть.

— И он прав, — Энлил улыбнулась коменданту. — Его я видеть не хочу... в отличие от вас. Видите, сама приехала в гости, — голос женщины звучал чуть смущенно. — А ваши милые помощники не дали мне заскучать.

— Со стороны моих милых помощников, — Итон выразительно поглядел на молодых людей, — было бы очень мило отправиться по домам. На сегодня вы оба мне больше не понадобятся.

Альва немного обиделась, что комендант отсылает ее вместе с Дайтином, тогда как колдунья сочла возможным посвятить ее в суть дела. Но, во-первых, Карст этого не знал, а во-вторых, было бы, наверное, неправильно услатить одного Мелвила. Он ведь давно при коменданте, а она — только второй день. Понятное дело, бывшему секретарю будет обидно, что нового — тем паче девицу — почтили особым доверием. Нет уж, она уйдет и даже не будет дуться. Тем более что причина визита Энлил стала известна ей даже раньше, чем самому Итону Карсту.

Глава 7

Проснувшись, Тэсса не сразу сообразила, где находится. Еще больше времени ей потребовалось, чтобы вспомнить события, происшедшие накануне. Девушка лежала одетая и растрепанная на явно чужой постели, поверх покрывала из серебристого атласа. Восстановив в памяти события минувшей ночи, Лотэсса так и не нашла ответа, что это за комната. Не ее бывшие покои, это точно. И не родительские комнаты. Она, несомненно, никогда раньше не бывала в этой спальне.

Тэсс приподнялась и скорее скатилась с широкой кровати, чем слезла. Все тело ныло. Неудивительно после того, что ей пришлось вынести. Отойдя на несколько шагов, девушка окинула взглядом комнату. Все здесь было выдержано в серо-серебристых тонах — шторы, шпалеры на стенах, покрывало и балдахин на кровати, обивка мебели. Сама мебель была изящной, из светлого дерева, местами инкрустирована перламутром. По стилю Тэсса начала догадываться, в чьей спальне она оказалась. Окончательно же убедилась в своей правоте, обратив внимание на потрет, висевший над кроватью. Ее собственный портрет, принадлежавший кисти принца Нейри. Девушка с картины мало походила на себя теперешнюю.

На портрете Лотэсса, одетая в платье из шелка цвета спелой сливы, улыбалась. Она словно только что подняла взгляд от открытой книги, лежащей перед нею. Ладони касались страниц, а на лице застыло выражение задумчивости с оттенком лукавства. Было похоже, что мыслями девушка все еще в далеких мирах, открывающихся с книжных страниц.

Тэсс вспомнила, как позировала для портрета. Как сложно было все время хранить одно и то же не слишком естественное выражение лица, как часто она срывалась на смех, а Нейри в такие моменты забавлялся, делая вид, что сердится. Сердце сжалось от нежности и боли. Чтоб отвлечься, Лотэсса перевела взгляд на зеркало и тут же поежилась от нахлынувших воспоминаний. Но нельзя же, в самом деле, теперь всю жизнь шараться от зеркал. Хотя в данном случае можно и нужно шараться, только не от самого серебряного стекла в ажурной раме, совершенно безобидного, а от собственного отражения. Куда этой всклокоченной бледной девице до красавицы на портрете! Под глазами синеватые круги, еще более заметные на фоне черного мятого и местами рваного платья. Кроме всего прочего, на боку засохшая кровь. Ужас какой! Надо немедленно привести себя в порядок. Но, похоже, здесь она совершенно одна, а без служанок в таком деле никак не обойтись. Значит, придется все-таки тащиться к маменьке. Мало того, что через полдворца идти в таком виде, так потом еще и объясняться по поводу этого вида с родительницей.

Как же она все-таки тут оказалась? Тэсса помнила, что присела где-то в коридоре в ожидании, пока Торн ее отпустит. Помнила она также, что высказала желание остаться в комнатах Нейри Ильда, но на этом воспоминания, и так не слишком ясные, заканчивались. Наверное, не стоило все-таки соглашаться на этот странный крепкий и даже по-своему вкусный напиток, которым ее пичкал Торн. Пьянство еще никого не доводило до добра. Но зато она хотя бы не мучилась ни от бессонницы, ни от ночных кошмаров. А сегодня с утра (если, конечно, сейчас утро) она не мучилась от похмелья. Что это такое, девушка знала лишь понаслышке, но, скорее всего, она вчера выпила не настолько много, чтобы прочувствовать на себе все прелести этого состояния.

Из спальни Тэсса прошла в другие комнаты, где уже бывала раньше — гостиная, кабинет, личная библиотека принца, его мастерская... Нейри не раз приглашал ее к себе, но, разумеется, строгие понятия о приличиях исключали спальню из числа комнат, где молодые люди могли проводить время наедине. Переходя из одной комнаты в другую, девушка испытала нечто похожее на благодарность завоевателям за то, что ничего здесь не тронули. Хотя, конечно, глупо испытывать благодарность к тем, кто пощадил дом, убив его хозяина. Теперь здесь будет жить она. И она скорее умрет, чем позволит изменить в этих покоях хоть малейшую деталь. И даже если ей все же придется стать женой проклятого Малтэйра, ее комнатами будут эти.

Хотя... если она здесь поселится, притащит свои платья, безделушки, книги, гитару... все эти вещи неминуемо изменят облик покоев принца, который ей так хочется сохранить. Женщина, обосновавшись в жилище мужчины, пусть даже любимого, при всем желании не сможет оставить все как было. Впрочем, у нее еще будет время подумать об этом. А

сейчас нужно идти к родителям, потому что здесь ни слуг, ни чистой одежды.

Выйдя в коридор, Тэсса нос к носу столкнулась с протектором.

— Эн Торн, — она присела в реверансе, буравя мужчину недобрым взглядом.

— Энья Линсар, — тот поклонился в ответ, ослепительно улыбаясь. — Я как раз шел к вам.

— Чего бы вы от меня не хотели, вам придется подождать. Мне нужно привести себя в порядок.

— Не вижу в том нужды, — Торн ухмыльнулся. — Вы прекрасны, как, впрочем, и всегда.

— Ну конечно, — язвительно прошипела девушка. Лестью ее не купишь.

— Я бы подвел вас к зеркалу, чтобы доказать свою правоту, но, боюсь, со вчерашнего вечера вы их недолюбливаете.

— Я не трусиха, — гневно возразила Тэсс. — И я уже смотрелась в зеркало сегодня. Именно поэтому я так жажду придать себе пристойный вид. Впрочем, — девушке внезапно пришла в голову новая мысль, — я окажу вам услугу, за которой вы пришли, если вы до этого соблаговолите помочь мне.

— Отчего вы думаете, что я пришел за услугой? — он с любопытством изучал ее лицо.

— Ну не пожелать же мне доброго утра, — фыркнула Тэсса.

— Увы, вы правы, энья Лотэсса, — признал протектор. — Хотя доброго утра я вам также желаю от всей души. Так какой же услуги вы ждете от меня в ответ на свою помощь?

— Во-первых, вы сейчас сопроводите меня к герцогине, моей матери, — начала девушка.

— Я бы сделал это и без вашей просьбы, — он снова улыбнулся, на этот раз несколько ехидно. — А то вдруг опять заблудитесь в коридорах огромного дворца, который вы так плохо знаете...

— Во-вторых, — Тэсса сделала вид, что не заметила намека. — Пока мы идем, вы придумаете сносное объяснение моему внешнему виду, состоянию моих бывших комнат, тому факту, что я ночевала в покоях принца, и моему дальнейшему там пребыванию.

Торн на некоторое время задумался, но вскорости нарушил молчание.

— А почему бы нам не сказать герцогине правду? — увидев удивленно-скептический взгляд собеседницы, он разъяснил свою мысль. — Мы скажем, что на вас упало зеркало, это сразу объяснит и вид, которым вы столь недовольны, и разгром в ваших комнатах, и ваш переезд. Мне кажется, что ваша почтенная родительница не настолько, э-э-э...мнительна, чтобы заподозрить за падением зеркала истинную подоплеку событий. Хотя, конечно, она имеет полное право удивиться тому, как часто с вами случаются странные вещи. Сначала вы падаете в фонтан, на следующий день на вас падает зеркало...

— Вот этому она как раз не удивится, — проворчала Тэсса. — Она считает, что со мной постоянно что-нибудь случается. По ее мнению, я просто притягиваю неприятности.

— Вот в этом я полностью согласен с герцогиней.

— Ну еще бы! — девушка постаралась вложить в голос как можно больше яда, но Торна, казалось, это нисколько не задевало.

— Стоит ли упоминать об участии его величества во всем этом? — осведомился протектор.

— Ой, нет! — она не на шутку испугалась.

Этого только не хватило! Если маменька узнает, что король лично спас ей жизнь, то... страшно даже представить, что она навоображает.

— Как вам будет угодно, — протектор не стал настаивать. — Если же герцогине случайно все-таки станет известно об участии короля, то всегда можно сказать, что его величество из скромности умолчал о своей роли в вашем спасении.

— А теперь скажите, зачем я вам понадобилась? — Тэсс решила перейти к делу.

— Мне хотелось бы обсудить с вами одну любопытную деталь, на которую я обратил внимание, когда доставил вас вчера в покои принца...

— Доставили? — девушка не поняла. — Что-то я не помню...

— Логично, — Торн пожал плечами. — Вы же спали. Я отнес вас на руках.

— Серьезно? — Лотэсса не на шутку удивилась. — Вы лично отнесли меня?

— Ну не мог же я доверить бесценное тело своей будущей королевы кому-нибудь из гвардейцев или тем более слуг. Его величество не одобрил бы подобного пренебрежения.

— А что же он сам не соблаговолил отнести свою драгоценную невесту в постель? — язвительно поинтересовалась она.

— Он порывался, — мужчина как-то странно взглянул на нее. — Забыв о руке, которую искромсал до кости осколками стекла, спасая вашу бесценную жизнь и красоту.

Лотэсса испытала нечто похожее на стыд, осознав свой промах. Но, разозлившись на себя, досаду, естественно, решила сорвать на спутнике.

— Я не просила меня спасать, — пробормотала она.

— Разумеется, как в первый, так и во второй раз...

Девушка не поняла, что он имеет в виду, но уточнять не стала.

— Впрочем, мы отвлеклись, — Торн вновь был совершенно бесстрастен. — Я хотел поинтересоваться, куда исчезло кольцо.

— Какое еще кольцо? — внутри у Тэссы все сжалось. Она-то, естественно, поняла, о чем идет речь.

— Кольцо Йеланда Ильда, точнее, всех Ильдов, — спокойно пояснил мужчина. — До вчерашней ночи вы носили его на среднем пальце правой руки... по крайней мере, во время завтрака у короля оно было еще при вас.

— А вы наблюдательны, — зло бросила Тэсса. — Даже чересчур.

— Замечать разного рода мелочи — или, точнее, то, что кажется мелочами другим — часть моих обязанностей, — он пожал плечами. — Так где кольцо?

Девушка лихорадочно думала. Имеет ли она право рассказать правду и натравить Торна на королеву? Конечно, тарнийка была с ней почти груба, но это еще не повод подвергать ее преследованиям новой власти. И потом, скорее всего, Шафира действительно хотела оставить кольцо мужа как память о нем, и если его отнимут... Размышления Лотэссы были бесцеремонно прерваны Торном.

— На вашем лице слишком ясно читается ход ваших мыслей, энья Линсар, — вздохнул протектор. — Так что хватит выдумывать идеальную ложь, скажите правду. Версию, что кольцо утеряно, можете даже не оглашать. Это имело бы смысл, умей вы лучше скрывать свое волнение.

— Я отдала его Шафире Тарнийской, — слова давались ей с трудом. — Ее величество попросила меня вернуть драгоценность, принадлежавшую ее супругу.

— Сейчас эта драгоценность принадлежит казне, — возразил Торн. — Пока вы носили кольцо Ильдов на руке, я не видел смысла в изъятии. В конце концов, оно было в сохранности и у нас на глазах. Но теперь...

— Но королева имела право его забрать, — Тэсс, еще недавно сомневавшаяся в этом, теперь из чувства противоречия встала на сторону Шафиры.

— А мы имеем право забрать его у нее, — парировал мужчина. — По крайней мере, поинтересоваться, с чего ей столь внезапно понадобилась королевская регалия.

Бедная королева! Теперь ей не дадут спокойно вернуться в Тарнику. Лотэсса, хоть и была в курсе планов Шафиры, раскрывать их Торну не собиралась. Благо он и не требовал, очевидно, удовлетворившись тем, что услышал.

Тем временем они подошли к покоям Линсаров. Дверь открыла одна из фрейлин — долговязая Вайрис. При виде гостей девица сдавленно ойкнула, а за ее спиной уже возникла герцогиня собственной персоной. Мирталь была облачена в утреннее платье — свободное и прозрачное. Нежный персиковый цвет, надо признать, очень шел к маменькиному лицу, придавая ему свежий вид.

— Эн Элвир, какая неожиданная радость, — проворковала женщина, но, кинув взгляд на дочь, изменилась в лице. — Светлые богини! Тэсса, на кого ты похожа?!

Уж матушка-то не сочтет, подобно Торну, что с Лотэссой все в порядке и она выглядит восхитительно, как, впрочем, и всегда...

— Я могу все объяснить, — поспешил заверить протектор, избавив девушку от необходимости объясняться с матерью, за что Тэсс ощутила к нему нечто похожее на благодарность. По крайней мере, он честно выполнял свою часть сделки.

Торн как можно сдержанней поведал о «трагической случайности» с зеркалом, попутно выразив желание поговорить с дамами, прислуживавшими Лотэссе накануне вечером. Пожелание это было высказано небрежно и между делом, словно разговор не имел особого значения, а был, скорее, досадной формальностью. Мирталь, естественно, ни в чем не могла отказать столь важному гостю, более того, всячески старалась угодить.

Глядя на мать, девушка подумала, что той куда приличнее было бы переодеться, находясь в присутствии постороннего мужчины. Но сама зна Линсар, очевидно, так не считала. Конечно, она отдавала себе отчет, что утреннее одеяние идет ей чрезвычайно. Нежный цвет делал женщину почти юной, свободный покрой и прозрачная ткань являли взору формы все еще довольно соблазнительные. Короче, утренний наряд, в отличие от обычных платьев, открывал то, что обычно скрыто, но при этом скрывал все, что не слишком уже молодой женщине хотелось скрыть. Но щеголять в таком виде перед протектором — просто бесстыдство! И где, интересно, отец?

Но Торн не обращал внимания на красоту стареющей герцогини, он был занят расспросами. Дамы все как на подбор твердили одно и то же: они внезапно поняли, что должны уйти. Да, да, именно должны, а не просто желают. Каждая из них осознала, что совершенно необходима герцогине и как можно скорее. А потому, как только какая-то из них (уже не могли вспомнить, кто именно) первой огласила свое желание покинуть молодую госпожу, остальные немедленно присоединились.

— Бред какой-то, — вполголоса пробормотал протектор.

— Думаете, врут? — Тэсса, игнорируя маменькины выразительные и страшные взгляды, все-таки осталась, чтобы поприсутствовать при допросе.

— В том-то и дело, что вроде как нет, — мужчина выглядел озадаченным.

— А вы так хорошо умеете отличить ложь от правды? — не без сарказма поинтересовалась девушка.

— Вообще-то, мне казалось, что умею, — хмыкнул в ответ Торн. — Но сейчас я в этом уже не столь уверен.

После опроса девиц зна Линсар стала настаивать на том, чтобы эн Элвир доставил им удовольствие присутствием на завтраке. Тут уж вмешалась Тэсса, заявив, что протектор очень занят и никак не сможет осчастливить маменьку своим обществом. К удивлению Тэсс, Торн не разозлился на такую бестактность. Вместо этого он незаметно подмигнул ей и, склонившись к лицу девушки, прошептал:

— Благодарю, энья Лотэсса, я ваш должник.

Глава 8

Покинув Лотэссу Линсар и герцогиню, которая с каждой встречей раздражала его все больше, Элвир, не теряя времени, направился к Шафире Тарнийской. Про бывшую королеву все благополучно забыли. Ее не замечали, да и она, очевидно, старалась лишней раз не попадаться на глаза завоевателям. Зачем этой несчастной тихой женщине кольцо мужа, который практически открыто пренебрегал ею? Конечно, смерть человека зачастую заставляет его близких примириться со многими его недостатками и хранить о нем лишь светлую память. Неужели Шафира посмертно простила мужа? Возможно, тому поспособствовала трагическая кончина Йеланда?

А вдруг все совсем не так? Вдруг кольцо понадобилось Юлдари до Берра — тарнийскому королю, которому вздумалось предъявить претензии на трон своего бывшего зятя? Кто знает, что творится в головах правителей мелких государств? Почему бы для начала не завладеть ильдовской регалией? Вскорости можно объявить, что дочка беременна от последнего короля — Ильда. На самом деле это вряд ли так, хотя совершенно сбрасывать подобную возможность со счетов тоже нельзя. Но что помешает Юлдари объявить наследником Ильдов любого другого ребенка? Найти «отца» для будущего Ильда — дело нехитрое. Уговорить дочку поступиться честью тоже не так уж сложно, всем известно, что женщина она робкая и покорная, а ее батюшке, напротив, не занимать властности и родительского авторитета. Конечно, рождение ребенка по меньшей мере на месяц позже срока может вызвать вопросы, но и тут при желании можно выкрутиться. Вот и все! Юлдари до Берра получает в полное распоряжение внука-Ильда и повод оспорить владычество Малтэйра в Эларе. А как символично нацепить на крошечный пальчик ильдовский рубин! Хотя нет, на палец, пожалуй, не пойдет — свалится. Тогда можно повесить на шею малышу, а еще лучше — украсить кольцом собственную длань. Все равно же предъявлять претензии на эларский трон от лица малолетнего внука будет, естественно, король Юлдари. Конечно, кольцо во всех этих гипотетических планах — мелочь. Но мелочь очень досадная и символичная. А потому лучше забрать его у тарнийской принцессы и хранить в казне. Или вовсе уничтожить к вящей радости покойного Аритэра Дайрийского, призывавшего к беспощадному изничтожению Ильдов и всего, что с ними связано.

Бывшую королеву Элвир застал на месте. Вид у нее был какой-то напуганный и жалкий. Бледное лицо явно хранило следы слез. Глядя на женщину, походившую на затравленного зверька, Торн еще больше укрепился в своих подозрениях. Вполне возможно, отец настаивает на своем, а бедняжке, которой отведена роль мелкой фигурки на игральном диске, вся эта затея явно не по душе.

— Ваше высочество, — Элвир склонился в поклоне. Величать женщину, как прежде, «величеством» было бы неуместно и звучало бы издевкой. Обратиться к ней просто «эна Ильд» — по меньшей мере бестактно. Зато никто не отменял ее статус тарнийской принцессы.

— Эн э-э-э... Торн? — она явно смутилась, боясь назвать гостя чужим именем.

Что ж, ничего удивительного. Его знают в лицо и по имени лишь те, кто связан с ним по долгу службы или постоянно вертится при дворе. Шафира же с самого захвата столицы не покидала Нианон, но жила отшельницей. Она и с королем-то виделась всего раза два-три.

Мужчина улыбнулся, чтобы дать собеседнице понять, что она не ошиблась, и хоть немного ободрить и успокоить ее.

— Что вас привело ко мне? — спросила женщина, стараясь казаться исполненной достоинства и спокойной, однако это ей плохо удавалось.

— Ваше высочество, прошу простить мне непрошенный визит. Он вызван мелким недоразумением, которое, как я надеюсь, мгновенно разрешится к обоюдному согласию и удовлетворению. Цель моего посещения некоторым образом имеет отношение к энье Линсар...

После этих слов протектор окинул собеседницу внимательным взглядом. И не зря. Бывшая королева мгновенно поменялась в лице — сначала побелела еще сильнее, затем,

напротив, залилась краской. Руки ее нервно мяти ткань темного платья, дыхание сделалось прерывистым, а сердце стучало так, что было слышно Торну, стоявшему к тарнийке отнюдь не вплотную.

— Энья Линсар? — женщина подалась вперед, буравя его почти безумным взглядом. — Что с ней?!

Ого, даже так! А не имеет ли бледная заплаканная бедняжка отношения к покушению на королевскую невесту?

— А что с ней могло случиться? — вопросом на вопрос ответил Элвир. Голос его звучал холодно и подозрительно.

Под пронзительным взглядом серых глаз Шафира до Берра молчала.

— Где кольцо? — Торн решил отбросить ненужную вежливость и перешел к более суровой манере допроса.

— Какое кольцо? — было видно, что каждое слово дается тарнийке с трудом и врать она совсем не умеет.

— Вы знаете, какое, — протектор бросал слова отрывисто и жестко.

— У меня его нет! — истерично взвизгнула женщина.

— А где оно?

— Я не знаю. Не знаю! Не знаю, слышите вы! — теперь она кричала ему в лицо. — И знать не хочу! У меня его нет!

— А у кого есть? — он не станет поддаваться жалости, пусть хоть визжит, хоть заходится в рыданиях.

— Я... я не могу сказать, — бывшая королева была смертельно бледна и, похоже, полна решимости унести свою (или, скорее, чужую) тайну в могилу.

— Вы боитесь, — он не предполагал, а утверждал. — Того, кому отдали кольцо боитесь больше меня.

Она лишь молча кивнула и кинула на него затравленный взгляд, полный мольбы. Так значит, Шафира до Берра в этой истории скорее жертва, чем злодейка. Ее принудили забрать кольцо у Лотэссы и отдать его. Очевидно, женщине угрожали и, возможно, смертью. Выходит, он был излишне суров. Она действительно заслуживает жалости и, что гораздо важнее, защиты. Если бы только убедить ее раскрыть личность того, кому отдала ильдовский рубин.

— Вы знали, отдавая кольцо, что энья Линсар подвергается опасности, — и вновь он не спрашивал, а утверждал.

Вдова Ильда ничего не ответила, даже не кивнула, но все было ясно без слов.

— Что с нею? — прошептала тарнийка. — Она...

— Она жива, — не стал мучить несчастную Торн. — Но жива по чистой случайности.

Вздых облегчения вырвался у женщины.

— Если бы вы все же решились назвать мне имя, ваше высочество, я мог бы защитить и вас, и энью Лотэссу.

Она упрямо замотала головой.

— От него меня никто не сможет защитить, да и ее тоже.

Кто же этот могущественный незнакомец, сумевший запугать ее до полусмерти? Неужто все-таки собственный отец? Нет, маловероятно. Юлдари — циничный старый интриган, но угрожать дочке всякими ужасами он бы не стал. Да и к чему тарнийскому королю

смерть Лотэссы Линсар? Или все же кто-то из дайрийцев? В этом случае понятно желание устранить неугодную претендентку на роль королевы, но при чем тут проклятое кольцо?! Безумие какое-то!

— Хорошо, я не буду настаивать, — сдался протектор. — И в любом случае постараюсь обеспечить вашу безопасность.

Надо выставить у ее покоев гвардейцев... хотя Лотэссе это не помогло. Гвардейцы, дежурившие у дверей эньи Линсар, несли ту же мутную чушь, что и девицы герцогини. Мол, они ощутили совершенно непреодолимую потребность покинуть пост. При этом ими двигало не желание, а сознание того, что в этом состоит их долг. Ничего более путного Элвир от них не добился. Нарушителей, естественно, наказали, но без излишней строгости. Если гвардейцам и фрейлинам заплатили за предательство, то неужели наниматель не мог выдумать для них более сносной версии исчезновения? Не совсем же идиоты планировали покушение.

— Думаю, что вам имеет смысл вернуться домой, ваше высочество. Я имею в виду Тарнику. Вам будет обеспечено сопровождение, чтобы вы чувствовали себя спокойней.

Шафира в ответ кивнула. Кажется, она начинала приходить в себя.

— Мне очень жаль, но я вынужден задать вам предельно бестактный вопрос, — Элвир заранее вздохнул, предчувствуя, что сейчас начнется. — Вы ведь не беременны?

— Что?! — она опешила. — Нет... То есть я не знаю, — бедняжка совсем смешалась и покраснела. — Вопрос действительно ужасно бестактный.

— Прошу меня простить, — он постарался принять покаянный вид. — Я интересуюсь не из праздного любопытства, а по долгу службы.

— Странная же у вас служба!

— Какая есть, — очередной вздох. — Это политика, ваше высочество. Как я уже сказал, вас не только отпустят, но и сопроводят в Тарнику, но при условии, что вы подпишете документ о том, что не ждете ребенка.

— Но зачем вам это?! — она начинала злиться. — Кому какое дело...

— К сожалению, слишком многим есть дело до того, носите ли вы под сердцем наследника Ильдов или нет. И, как вы понимаете, мы совершенно не заинтересованы в этом младенце.

— И что? — она сузила глаза. — А если бы оказалось, что я беременна? Вы бы казнили меня?

— Нет, — Элвир поморщился от подобного предположения.

— А ребенка? Он же Ильд.

— Мы бы не причинили ему зла, — гораздо проще быть гуманным, когда рассуждаешь лишь гипотетически. — Валтор Малтэйр не казнит женщин и детей. Но, разумеется, мы бы не выпустили последнего Ильда из Элара, чтоб он не стал оружием в руках наших врагов.

— Считаете Тарнику врагом? — напрямую спросила женщина, на мгновение снова став королевой.

— Очень хочется верить, что нет. Однако бумагу вы все же подпишете.

— Подпишу, если нет другого выхода, — она не стала спорить. — Я и сама хотела просить его величество отпустить меня из Вельтаны. Мне здесь больше нечего делать.

— Можете начинать сборы, и постарайтесь не затягивать с этим. И будьте уверены, что я сделаю все возможное, чтобы избавить вас от любого беспокойства.

Элвир был полон решимости выполнить данное тарнийке обещание, а заодно получить возможность контролировать каждый ее шаг под видом заботы о безопасности. И

вообще, давно нужно было отослать ильдовскую вдову из Элара. Тогда бы никому не пришла в голову идея использовать ее в своих неблагоприятных целях.

Он уже почти было вышел, когда его осенила внезапная догадка. Элвир повернулся к бывшей королеве и задал вопрос, имевший все шансы показаться безумным:

— А тот, кто забрал кольцо и угрожал вам, он вообще человек?

Глава 9

Нармин скучала и грустила. А что ей еще оставалось делать? Письма от владычицы все было, а значит, не было предложения для нового визита к королю. Да и, представься ей возможность вновь увидеть его величество, как ей смотреть ему в глаза? Валтор презирает ее после разговора о Лотэссе. Лучше бы пресветлая Лавинтия отозвала ее из столицы обратно в Храм. Ведь что ей здесь делать дальше? Верой король не интересуется, о ее участии в коронации больше не заикался. До чего же все безрадостно.

За этими невеселыми мыслями жрицу застало очередное приглашение от короля. Однако на этот раз Нармин не знала, радоваться ей или тревожиться. Кто знает, может быть, его величество вызывает ее лишь за тем, чтобы отослать. Нармин уже забыла, что только что сама мечтала вернуться в Храм, и теперь ужасно боялась такого поворота событий. Девушка сразу же бросилась к зеркалу, осмотрела себя очень придирчиво, но в целом осталась довольна внешним видом.

У короля ее ждало разочарование: он был не один. В комнате находился еще один мужчина, тоже молодой и красивый, но с Валтором ему не сравниться. Нармин смутно припоминала, что видела этого человека на королевских приемах. Кажется, это кто-то из ближайших сподвижников его величества.

— Добрый вечер, Нармин, — король приветливо улыбнулся, и у девушки на сердце потеплело. — Позвольте представить вам верховного протектора Элара и моего лучшего друга, эна Элвира Торна.

— Добрый вечер, ваше величество, — жрица присела в реверансе. — Эн Торн, — еще один реверанс в сторону протектора.

Тут девушка бросила взгляд на руки короля и чуть не вскрикнула. Левая рука была полностью скрыта повязкой, а на правой было заметно множество порезов и царапин. И даже широкие манжеты рубашки, очевидно, призванные скрывать это обстоятельство, не стали преградой для внимательного взгляда влюбленной женщины, от которого не ускользнет никакая тревожная деталь. Но позволено ли ей завести об этом речь? Имеет ли она право узнать, где и как ее обожаемый король получил эти раны? Уж не дело ли это рук исполненной безумной ненависти Лотэссы Линсар? Нет, вряд ли Валтор позволил бы одержимой девице полосовать себе руки. Одна-две царапины, пусть даже глубоких, еще куда не шло, но не столько же! Нармин с трудом удерживалась от того, чтобы задать мучивший ее вопрос, но все же сочла за лучшее пока промолчать.

— Прежде всего, позвольте принести свои извинения, — начал Валтор. — Наш последний разговор... окончился не совсем так, как хотелось бы.

Он еще извиняется! Да одно то, что он не презирает ее, окрыляло Нармин. Молодая жрица, так легко переходившая от надежды к отчаянию и обратно, вновь вознеслась вверх на качелях своих безумных грез. Король позвал ее, чтобы попросить прощения. Жаль, конечно, что он зачем-то притащил своего приближенного, но даже присутствие протектора не могло нарушать радость, внезапно захлестнувшую Нармин. Конечно, девушка понимала, что надо бы что-то ответить королю, но стояла, не находя слов и глядя во все глаза на предмет своего обожания, осознавая, что выглядит дурочкой. Тот между тем продолжал:

— Простите мою резкость, Нармин. Поразмыслив, я пришел к выводу, что вы желали мне добра и вами руководило лишь желание помочь. Ведь так?

— Безусловно, ваше величество, — девушка наконец снова обрела дар речи. — Я счастлива, что вы это поняли.

Ох, все-таки нехорошо, что подробности того злополучного разговора обсуждаются ими не наедине, а в присутствии этого Торна. Может, у Валтора и нет секретов от своего сподвижника и друга, но ей — Нармин — крайне неловко.

— Правильно ли я понял, что вы не испытываете недобрых чувств по отношению к моей невесте, энье Лотэссе Линсар? — в словах короля слышалось одновременно утверждение и вопрос.

— Да, ваше величество, — Нармин опустила глаза. — Я лишь хотела помочь ей, как и вам.

Хорошо бы не переборщить с поддакиванием и напускной скромностью. Впрочем, девушке казалось, что она дает именно те ответы, которых от нее ждут.

— Что ж, — Валтор выглядел удовлетворенным, — мне действительно требуется ваша помощь, Нармин, правда, несколько иного рода.

— Я готова сделать все, что в моих силах! — рвение в голосе жрицы свидетельствовало об искренности.

— Благодарю, — король кивнул. — Но для начала нужно прояснить некоторые моменты. Мы с эном Элвиром зададим вам ряд вопросов, они могут показаться довольно странными...

— Задавайте! — она была исполнена решимости ответить на любые вопросы и лишь молила Маритэ, чтобы ей хватило знаний и осведомленности для этого.

— Скажите, Нармин, — в разговор вступил доселе молчавший протектор. — Допускает ли ваша религия существование магии и чудовищ?

Жрица кивнула и пояснила:

— То, что вы зовете магией, мы воспринимаем как дар Маритэ, — девушка почувствовала, как в ней просыпается владычица Лавинтия. — Безусловно, богиня, даже покинувшая обитаемый мир много столетий назад, способна по своей воле нарушать законы бытия, ею же самой и созданные. Она вольна сотворить то, что люди зовут чудесами, или наделить особыми дарами и способностями своих служительниц...

— Вы обладаете талантами к магии? — Валтор удивленно изогнул бровь. — Говоря «вы», я подразумеваю как жриц вообще, так и вас конкретно.

— Не совсем, — терпеливо пояснила Нармин. — Не способностями как таковыми, но скорее возможностью таких способностей.

По лицам мужчин было видно, что они не слишком-то поняли суть сказанного, и девушка постаралась объяснить.

— Не знаю, известно ли вам, что не каждая женщина может стать жрицей Маритэ, — собеседники помотали головами в знак отрицания. — Так я и думала. А между тем в Храм принимают послушницами лишь тех девушек, в которых владычица и старшие жрицы смогут увидеть дар Маритэ. Это дар по воле богини менять реальность. В иных жрицах он может не проявить себя ни разу за всю жизнь, однако этот огонек горит в каждой из нас, отличая от других людей. Но есть и такие, кто творит вещи, которые обычные люди сочли бы волшебством, ибо им нет и не может быть иного объяснения, чем вмешательство богини.

— И что же могут жрицы? — вопрос задал Торн, и в голосе его сквозило неприкрытое сомнение.

— Многие из нас, — Нармин нравилось это многозначительное «мы», — владеют даром исцеления. Все в разной степени, но почти любая жрица справится с некоторыми распространенными недугами. Кроме того, иные служительницы Маритэ обладают даром толкования пророчеств...

— Каких пророчеств? — король и протектор подались вперед и задали вопрос практически хором.

— Ну-у, разных, — Нармин несколько замялась, поскольку была не в силах припомнить случаев толкования пророчества, которое бы оказалось судьбоносным.

— Чьи пророчества толкуют жрицы? — уточнил суть вопроса Торн. — Я имею в виду, кто их изрекает?

— Ну, — девушка вновь замялась. — Чаще всего сами жрицы. То есть одни жрицы

изрекают пророчества, это тоже часть дара Маритэ, а другие их толкуют, иногда много лет спустя.

— А толкования иных пророчеств и проклятий не входят в круг ваших способностей?

— Я не знаю, — она действительно не могла припомнить подобных случаев, но ведь она еще очень молода. — Об этом лучше спросить у владычицы.

— К сожалению, у нас нет такой возможности, — вздохнул король. — Разве что вы зададите этот вопрос своей владычице в очередном письме... хотя ответа придется ждать слишком долго.

— А что с чудовищами или, как их зовет простой люд, ночными тварями? — сменил тему Торн. — Вы верите в них? — заметив, что собеседница кивнула, он продолжил. — И как же ваша религия объясняет существование подобных созданий?

— Твари из-за Грани созданы Изгоем, — твердо сказала жрица.

— Разве он не побежден светлыми богинями? — осторожно поинтересовался Валтор. В голосе его не было уверенности, очевидно, историю Маритэ и других Хранителей он знал не лучше Лотэссы.

— Он создал их давным-давно, — объяснила Нармин. — Еще до заточения, когда пытался из мести уничтожить Анборейю. Твари из-за Грани стали его оружием.

— Но если так, — король нахмурился, стараясь понять услышанное, — то почему они не исчезли вместе со своим создателем и повелителем после его низвержения?

— Они уже жили своей жизнью, — девушка пожалала плечами. Ей казалось, что это довольно очевидно. — Многих Хранители уничтожили, но не всех. Оставшиеся срывались, пока богини и Странники жили среди людей. Когда же сначала Хранители, а потом и сама Маритэ покинули Анборейю, те, кому удалось выжить, стали потихоньку выползать из тени. Где-то они редкость, в других местах твари чувствуют себя вполне уверенно. Кроме того, некоторые из этих созданий способны порождать себе подобных.

— А Маритэ, покинув мир много столетий назад, случайно не наделила напоследок своих жриц даром уничтожать чудовищ? — ехидно осведомился протектор.

— Уничтожать — нет, — тон Нармин был исполнен собственного достоинства. — Зато любая из нас может противостоять их магии. Любая! — последнее слово она произнесла с особым ударением.

Девушка наслаждалась эффектом, произведенным на мужчин. Оба выглядели потрясенными.

— Серьезно? — Торн первым пришел в себя. — Значит и вы...

— И я, — она кивнула. — На меня не действует магия этих тварей. А большинство из них не могут обходиться без темной магии своего создателя.

На самом-то деле у Нармин никогда не было возможности проверить истинность этого постулата на деле. О чудовищах она читала только в книжках и древних летописях, которые заставляла заучивать чуть ли не наизусть старшая жрица Карилен. Но та же Карилен учила, что служительницы Маритэ все до единой свободны от магии темных созданий, и никому не приходило в голову подвергать ее слова сомнению. Однако это вовсе не значило, что Нармин жаждет встретиться с каким-нибудь чудовищем, чтобы продемонстрировать свои возможности.

— Но победить вы их не в силах? — уточнил протектор.

— Нет, — признала девушка. — Этот дар лишь для защиты.

— И защитить вы в силах только себя? — на этот раз вопрос задал король. — Может ли жрица оградить от темной магии того, кто находится рядом?

Нармин была почти уверена, что дар Маритэ хранит только своих обладательниц. Но

если защита нужна королю... Это значило бы, что она должна быть все время рядом с Валтором. О такой удаче нельзя было даже помыслить, и совершенное безумие упускать свой единственный шанс, возможно, посланный самой богиней. Пусть и придется несколько погрешить против истины, оно того стоит.

— Думаю, что жрица Маритэ, укротив магию Изгоя, способна защитить не только себя.

Ох, такое вранье может оказаться весьма опасным и слишком дорого стоить тому же Валтору, ведь жрицы не гасили магию ночных тварей, а лишь были ей неподвластны. И все же Нармин не находила в себе сил опровергнуть предположение короля.

— Это то, что нам нужно, — глаза Валтора сверкнули, когда он обернулся к своему другу. — Нармин, мы и мечтать не могли о подобном. Если честно, то мы ждали от вас лишь ответов на вопросы и каких-нибудь защитных молитв. Оказывается, ваша вера вовсе не так бессильна, как принято считать.

— Мне жаль, что вы судите о могуществе Маритэ и силе нашей веры лишь по столь ничтожным проявлениям, — в голосе жрицы слышалась печаль с легким оттенком высокомерия. — Но я понимаю, что люди готовы верить во что-либо, лишь увидев реальное подтверждение. Я ответила на ваши вопросы?

— О да, — кивнул король. — Благодарю, вы очень помогли.

— Могу я в свою очередь спросить, чем вызван ваш интерес к магии, чудовищам и силам служительниц богини?

— Думаю, вы имеете право знать, что происходит, — Валтор опять кинул взгляд в сторону протектора, словно ища согласия. Тот кивнул. — Тем более если мы хотим втянуть вас во все это.

После этого Нармин довелось узнать, что по Вельтане рыщет жуткая тварь со змеиным хвостом, способная завораживать жертвы взглядом. Тварь эта стала причиной смертей нескольких безвестных жителей столицы, а после покусилась на самого короля и Лотэсу Линсар. Участие в событиях королевской невесты отнюдь не порадовало жрицу. Эта самая Лотэсса каким-то чудом умудрилась прогнать чудовище. После этого на эню Линсар было устроено покушение, в котором есть основания подозревать все то же темное создание. А еще оно угрожало бывшей королеве и требовало достать фамильную драгоценность ее покойного мужа.

— А ваши руки? — наконец-то девушка задала вопрос, который занимал ее с самого начала. — Это чудовище вас ранило?

— Нет, — король невесело усмехнулся. — Но надо полагать, что оно имело к этому некоторое отношение. Я хотел бы попросить вас об одолжении, которое может показаться чрезмерным. Вы вправе отказаться...

— Я не откажусь! — она с силой помотала головой. Сейчас он попросит ее быть рядом, чтобы противостоять завораживающей магии темной твари.

— Тогда защитите... эню Лотэссу, — Валтор пристально смотрел на жрицу.

— Почему ее, а не вас? — слова сорвались с языка раньше, чем она успела подумать.

— Я уже говорил, что не нуждаюсь в защите хрупких девушек, — напомнил король. — Да и свою невесту я должен бы защищать лично, но, во-первых, приличия не позволяют мне все время быть рядом с ней, а во-вторых, что гораздо важнее, я боюсь, что толку от меня в этом будет не много. Уж на меня-то магия вашего Изгоя точно действует.

— Но эня Линсар сама откажется от моей помощи, — Нармин уцепилась за последний аргумент. Ей вовсе не улыбалось служить охраной своей удачливой сопернице.

— Со своей прекрасной невестой я переговорю сам, — заверил Валтор.

До чего же бестактно и даже жестоко в присутствии одной привлекательной женщины превозносить красоту другой. И если он еще раз назовет эту проклятую Лотэссу прекрасной, или прелестной, или обворожительной, то Нармин найдет в себе силы

нарушить только что данное обещание и отказать тому, кого безумно любит.

Глава 10

Как только за жрицей захлопнулись двери, Элвир обернулся к королю.

— Ты уверен, что приставить эту жрицу к Лотэссе — хорошая идея?

— Скорее я уверен в обратном, — вздохнул Валтор.

— Так зачем же? — логика друга ставила Торна в тупик.

— Затем, что все остальные идеи еще хуже. Я окружил ее слугами и приставил стражу к ее дверям. И те, и другие исчезли, не устояв перед силой магического внушения, если мы правильно понимаем ситуацию. Затем, что жрица может противостоять колдовству, если не врет и не заблуждается насчет своих возможностей...

— А если заблуждается? — продолжал допытываться Элвир. — Ты готов рискнуть своей невестой?

— А что мне остается? — Валтор, похоже, был взвинчен. — Если хочешь знать, то, по моему глубокому убеждению, единственный, кто сможет ее защитить — я сам. И убеждение это, заметь, ни на чем не основано. Разум твердит, что это полная ерунда, что один раз я не смог ее спасти, а другой раз спас лишь чудом. Но разум и логика пасуют перед безумным желанием всюду таскать Лотэссу за собой: на приемы, переговоры, заседания совета... Я хочу, чтобы она сидела рядом, когда я работаю с бумагами в кабинете, и спала в моей спальне...

— Ну, насчет спальни я тебя прекрасно понимаю, — скабрезно ухмыльнулся Элвир.

— Оставь свои грязные шуточки, — хмыкнул король. Похоже, ехидное замечание друга вернуло ему сносное расположение духа. — Как-никак, ты говоришь о будущей королеве.

— Ты, кстати, тоже, — парировал Торн.

— Вот именно, — Валтор вновь вздохнул. — Лишь опасение породить слухи удерживает меня от того, чтобы уступить настоящей потребности держать ее при себе. Как король и будущий муж, я не могу допустить, чтобы репутация Лотэссы Линсар была запятнана.

— Но ведь она должна стать твоей женой! — воскликнул протектор. — Тебе ли не знать, сколько правды в слухах, порочащих доброе имя Лотэссы... если только ты на самом деле хочешь держать ее при себе лишь ради безопасности.

— Если бы мной руководили другие мотивы, достаточно было бы просто ускорить свадьбу, — Валтор, очевидно, намеренно избегал тем, затрагивающих его чувства к нареченной. — Просто я не хочу, чтобы кто-то посмел сказать, что она стала королевской любовницей до того, как стать королевой.

— То есть ползающие по дворцу слухи о ненависти твоей невесты тебя заботят меньше, чем предположение, что она могла стать твоей возлюбленной?

— Ненависть не порочит чести женщины, в отличие от излишней уступчивости.

— Ох уж мне это твое благородство, — на этот раз вздохнул Элвир. — Ладно, приставляй к ней эту жрицу в зеленом и молись ее богине, чтобы все сказанное девицей оказалось хоть отчасти соответствующим истине.

— Это вовсе не значит, что я сниму охрану и позволю девушкам оставаться наедине, — наконец-то Валтор высказал разумную мысль. — Просто присутствие Нармин позволит мне надеяться, что хоть кто-то сохранит волю и ясный ум, не поддавшись колдовским приказам. Несомненно, я отдаю себе отчет, что две слабые девицы против змеехвостой твари имеют не очень-то много шансов. Однако если допустить, что основная ее сила в магии, то способности жрицы придутся как нельзя кстати.

— Только если принять на веру все, что она нам сейчас наговорила, — Торн был неумолим. В отличие от короля, он вовсе не собирался обольщаться призрачными перспективами. — Я не очень-то верю во всех этих богинь и Странников, да и ты тоже. А

если Маритэ — древняя легенда, то все ее дары — не более чем миф. Сама-то девушка в это верит, но она может искренне заблуждаться. Эх, надо было попросить ее вылечить твои руки, чтобы проверить на деле хоть способность к исцелению. Даже если ее дар в этой области слаб, с парой неглубоких царапин на правой руке она могла бы справиться для демонстрации своих способностей. Может, вернем ее?

— Не надо, — Элвиру показалось, что Валтор не очень-то жаждет снова увидеть жрицу.

— А она красивая, — словно бы невзначай заметил протектор. — До твоей Лотэссы, конечно, далеко и все же...

— Можешь ухлестнуть за ней, — милостиво разрешил король. — Думаю, делу это не помешает. Хотя... кто там их знает, какие требования и запреты в отношении мужчин установлены для жриц.

— Понятия не имею и не собираюсь выяснять, — неожиданное предложение друга позабавило Элвира. — Девушка не в моем вкусе, хоть и хороша.

— А кто, интересно, в твоём? — поинтересовался Валтор. — Или твоя благосклонность не распространяется на женщин покоренной страны?

— Мне сейчас не до романов и даже не до любовниц, — язвительно отозвался Элвир. — Да и ты, хоть и приискал себе невесту, но интересуешься ею исключительно из соображений безопасности... если только не врешь.

— Я? Вру? Тебе? — его величество выглядел возмущенным до глубины души.

— Скорее уж себе, — хмыкнул в ответ Торн. — Впрочем, мы не станем это обсуждать. У нас обоих есть дела поважнее сердечных переживаний.

— Ты прав, — кивнул король. Элвиру показалось, что в голосе друга слышалось облегчение.

У него на самом деле были дела. Нужно было встретиться с Карстом. Рассказать ему о визите чудища к королеве, о кольце Ильдов, о жрице, в конце концов. К тому же, Карст передал, что имеет какие-то новости от колдуньи. Так что пусть Валтор сам разбирается со своими чувствами к Лотэссе, если захочет.

Попрощавшись с другом, Торн поспешил к коменданту. Он застал Итона на улице, у здания комендатуры. Карст только что оседлал коня и явно собирался куда-то отправиться. И он был не один. На лошади за его спиной сидела Альва. Та самая Альва, о которой Элвир старательно запрещал себе думать большую часть времени. На девушке было простое платье песочного цвета, которое невероятно ей шло. Ветер, играя с ее светлыми волосами, кинул одну из прядей поперек переносицы, частично закрыв и милые веснушки, и восхитительно зеленые глаза. Одного взгляда на Альву Торну было достаточно, чтобы остро пожалеть, что она сидит не у него за спиной.

— Привет, крысенок! — Элвир ослепительно улыбнулся. Он умел быть обаятельным, когда хотел.

Неважно, что эта девчонка — бедная провинциалка и случайная знакомая, о которой давно пора позабыть. Он чувствовал к ней искреннее расположение, и этого было довольно. Однако зеленоглазая лучница ответного расположения явно не испытывала.

— Не смейте называть меня так! — высокомерно потребовала она. Надменность не стоила особых усилий, поскольку девушка, сидя в седле, возвышалась над собеседником и смотрела на него сверху вниз.

— Я буду звать тебя так, как мне вздумается, — рассмеялся Элвир. Он внезапно осознал, что ему чертовски нравится дразнить эту девочку.

За Альву вступился комендант.

— Негоже вам разговаривать так с моим секретарем, эн Торн, — упрекнул он.

Очевидно, Итон счел насмешливый тон протектора проявлением пренебрежения

сановного аристократа к бедной дворяночке. Элвир решил сменить манеру поведения, впрочем, скорее ради забавы.

— Дэнъя Альва, позвольте вашу руку? — он подошел совсем близко, чтобы помочь девушке спуститься... или помешать прыгнуть с лошади самостоятельно. — Все равно вам с дэном Итоном придется отложить поездку и задержаться, чтобы поведать мне последние новости и выслушать мои.

Пока Альва раздумывала, принять ли предложенную помощь, Элвир обхватил ее за талию и, легко вытащив из седла, поставил на землю. Щеки девушки зарделись то ли от смущения, то ли от досады, и это ей очень шло. Следом за помощницей спешился комендант и вновь бросил в сторону протектора укоризненный взгляд.

Теперь-то что не так, удивленно подумал Торн. Он вроде как проявил галантность. Ладно, пусть старый ворчун оберегает свою юную подопечную, это даже трогательно. И вообще, до чего же удачно сложилось, что единственная эларская девушка, которая вызвала его интерес, не просто оказалась в столице, но еще и работает секретарем коменданта. Теперь Элвир имел возможность видеть ее каждый день или даже по нескольку раз в день, если вздумается. Колючее недоверие Альвы лишь забавляло Торна, составляя разительный контраст опостылевшему слащавому обожанию придворных дам.

Отдав коня, Карст со спутниками направился обратно в комендатуру. В рабочем кабинете, как частенько бывало, ошивался секретарь коменданта, теперь уже бывший. Долговязый нескладный парень, имя которого Элвир не пытался не то что запомнить, но даже узнать, тут же засуетился, выбежал куда-то и вернулся с подносом, на котором стояли чашки с чаем, сахар и вазочка с чем-то странным — то ли кремом, то ли вареньем. Количество чашек удивило Торна. Их было три, и это значило, что Альву секретарь воспринимал как равную коменданту или верховному протектору. С чего бы молодчику прислуживать девице, которая пришла для того, чтобы занять его место? А может, он полагает, что молодая привлекательная девушка, да еще дворянка, будет исполнять при коменданте не только секретарские функции? В таком случае уважение к пассивности своего патрона вполне объяснимо. От подобного предположения Элвиру стало неприятно, оно одинаково порочило и девушку, и Карста, и оба не заслуживали таких домыслов. Однако еще несколько минут спустя он упрекал за грязные мысли уже себя самого. Красноречивые взгляды, которые бедняга секретарь бросал на Альву, расставили все на свои места. Парень просто влюблен и пытается проявить вовсе не подобострастие, а галантность. Ну и потом, девица благородного происхождения на подобной работе — такая невидаль, что сложно понять, как к ней относиться — как к помощнику коменданта или как к женщине.

Как только секретарь вышел из комнаты, Торн повернулся к Альве.

— А когда этот парнишка уедет к себе в деревню, кто будет заваривать нам чай? Ты? — насмешливо полюбопытствовал он.

Девушка вспыхнула и чуть было не опрокинула свою чашку, но быстро взяла себя в руки и ответила ледяным тоном:

— А почему бы и нет? Только не удивляйтесь, если в вашу чашку я насыплю жабьей травы.

— Что за трава такая? — Элвир был не силен в знании трав, не только эларских, но и вообще любых.

Альва залилась краской еще пуще, а Карст усмехнулся, что навело Торна на мысль, что последствия от употребления этого растения не сулили ему ничего хорошего.

— Я и сам могу заварить чай, — примирительно произнес комендант. — А вас, эн Элвир я еще раз попрошу оказывать дэнью Свелл побольше уважения.

Ну вот, опять. Элвир понимал, что хочет лишь подразнить и слегка позлить девушку, но выглядело это действительно почти оскорбительно.

— Простите, дэн Итон, — тон протектора был исполнен покаяния. — Вы же знаете, что я не умею обращаться с женщинами. Простите, дэнъя Свелл, я вовсе не желал вас обидеть.

Не злитесь, прошу вас! Я готов даже выпить жабьей травы, чтобы искупить свои промахи...

— М-мм... пожалуй, не стоит, — Альва не удержалась и хмыкнула.

Впрочем, веселье быстро улетучилось, как только они начали делиться новостями. Торн узнал, что колдунью посетили какие-то жуткие откровения, увязывающие разгул змеехвостого чудовища с Закатом Мира. Конечно, Элвир не собирался относиться к этому серьезно, да и слухов подобных он уже сполна вкусил. Кроме того, даже если допустить, что Энлил и ее жуткие тени правы и гибель Анборейи не за горами, то конкретно он — Элвир Торн — должен заниматься совсем другими делами. Теми, что имеют значение здесь и сейчас. Закат Мира отменить нельзя, а вот уничтожить одноединственное чудовище, обезопасив от него город, хоть и сложно, но реально. Пусть себе ведьма беседует с тенями, но их касается лишь то, что может помочь в борьбе с тварью, а не какие-то кошмарные пророчества. Пророчества... Что-то мелькнуло в воспоминаниях Элвира, что-то важное, связанное с пророчеством или проклятием. Он напряг память. Ну конечно же!

— Если уж нам не избежать всей этой таинственной мути, — заявил он, — то нужно разузнать побольше о проклятии Ильдов.

Оба собеседника ошарашенно уставились на протектора. Ну конечно, для них Ильды — вовсе не проклятый род, как для старого Аритэра и его предков, а великие древние короли. Логично, что в Эларе о подобном проклятии понятия не имеют, да и в Дайрии, надо полагать, оно было известно не всем и каждому.

— Не надо на меня так смотреть, — проворчал Торн. — Я и сам почти ничего не знаю об этом. Но что-то мне подсказывает, что выяснить подробности совсем не лишне. Ты любишь читать, крысенок? — и тут же поправился. — Как вы относитесь к книгам и библиотекам, дэнья Свелл?

— Несколько сложно уловить ход вашей мысли, — Карст вглядывался в протектора, будто тот неожиданно тронулся умом.

— Все просто, — устало объяснил тот. — Нам необходимо узнать как можно больше об этом проклятии, будь оно проклято. Если где-то и есть эти сведения, то, скорее всего, в дворцовом книгохранилище. Но нынешнее положение вещей таково, что ни у меня, ни у вас, дэн Итон, нет сейчас возможности просиживать дни и ночи за книгами в поисках нужных сведений. Так вот, почему бы Альве не заняться этим? Тем более что работа с книгами — вполне достойное секретаря занятие, а библиотека Нианона куда более подходящее место для юной дворянки, чем комендатура.

Кажется, ему удалось их убедить. По крайней мере, Карста. На вечно усталом лице коменданта промелькнуло что-то похожее на облегчение. Он ведь сам признался Элвиру, что взял девушку к себе в помощники не то чтобы из жалости, но из сочувствия к ее затруднительной ситуации. Итона поразило, что девица пусть и захудалого, но дворянского рода предпочитает решать свои и теткинны проблемы не надеждой на удачное замужество, а сама зарабатывая на хлеб. Это одновременно и нарушает все устои, и вызывает уважение. Словно оправдываясь за странное решение, комендант говорил, что место секретаря в комендатуре не роняет дворянской и девичьей чести, хотя ситуация все равно дикая. Сам Элвир был вполне согласен с Карстом, но, подобно ему, считал, что в комендатуре ей делать нечего. Пусть уж лучше исполняет свои обязанности во дворце. Это и почетней, и комендант там бывает не реже, чем у себя, да и самому Элвиру будет приятно осознавать, что юная лучница обитает так близко от него. Он был бы не прочь даже поселить дэнью Свелл в Нианоне. Валтор бы не возражал... в отличие от самой девушки. Уж она-то никогда не согласится. Хотя той же Лотэссе в качестве компании и охраны куда больше подошла бы Альва, чем эта фанатичка в зеленом. Над этим стоит подумать. Но подумать ему не дали. В кабинет ввалился давешний секретарь с перекошенным от страха лицом и безумными глазами.

— Эн протектор, там... к вам... из дворца, — парень запинался на каждом слове, но грозные взгляды Торна и Карста вернули ему дар речи. — Королеву убили!

Глава 11

Очередная тягостная трапеза в присутствии его величества, родителей и кого-то из придворных. Тэсса отламывала по одному лепестки от засахаренной розочки и отправляла их в рот. Кажется, это была уже третья или четвертая розочка. Зато, сосредоточившись на еде, можно ни на кого не смотреть и не поддерживать беседу. А главное, не видеть израненных рук короля. При взгляде на них Лотэссе охватывало чувство вины. Не за то, что Дайриец был ранен, спасая ее, а за то, что она его по-прежнему ненавидит, несмотря на это. Или, наоборот, вину она чувствовала за то, что не может ненавидеть его в полную силу после того, что он сделал. Девушке трудно было разобраться в себе, да и не хотелось.

Зато маменька кудахтала вовсю и трагически закатывал глаза. Не раскрывая причин, которые повлекли столь ужасные раны, король лишь отмахивался, мол, ерунда, но было видно, что даже это простое движение причиняет ему боль. Со столовыми приборами Малтэйр неплохо управлялся правой рукой. А большего в принципе и не требовалось. Вино в бокалы наливали слуги, блюда на тарелки накладывали они же. И все равно, поглядывая временами из-под ресниц на Дайрийца, замечая каждую его неловкость или мимолетную гримасу боли на лице, Тэсс чувствовала уколы совести.

Наконец мучительный обед закончился. Хорошо еще, что новый король не имел привычки часами рассиживаться за столом. Он ел и уходил заниматься делами. Все остальные могли сидеть за столом хоть до следующей трапезы, их никто не гнал, но и не удерживал. Впрочем, придворные Малтэйра были по большей части такими же деятельными, как их монарх. Ну а Линсары хоть и привыкли в прежние времена к долгим застольям, особенно во дворце, не могли оставаться за столом в одиночестве, а потому заканчивали вместе с остальными. Сама-то Лотэсса была рада выскочить из столовой, как только предоставлялась такая возможность. Но на этот раз радость девушки была преждевременной. Король попросил ее задержаться. Тэсса повиновалась с явной неохотой. Остаться наедине с Дайрийцем ей вовсе не хотелось.

— Как ваши руки? — она задала вопрос, лишь бы избежать неловкого молчания. — Я слышала, как вы ввали матушке, и видела ваше выражение лица. Мне можете ответить честно.

— Терпимо, — Валтор слегка усмехнулся. — Я все-таки не изнеженная девица. И в моей жизни случались раны и похуже.

— Что-то с трудом верится, — девушка шептала себе под нос, но король услышал.

— Почему же вы подвергаете мои слова сомнению? — поинтересовался он с искренним любопытством.

— Потому что вы молоды и потому что вы король, — хочет знать, что она думает, — пожалуйста. — Вы, конечно, прошли войну, но ведь не солдатом и даже не генералом. А главнокомандующие, да еще и монархи в придачу, следят за полем боя с какого-нибудь холма и отдают указания. В таком положении ничего страшнее какой-нибудь шальной стрелы ожидать не приходится.

— Какие познания! — Малтэйр откровенно забавлялся. — Такое впечатление, что лично вы прошли уже не одну войну. Впрочем, не стану вас разубеждать, тем более что во время последней кампании я действительно не получил серьезных ранений. Но это не значит, что порезанные пальцы — худшее, с чем мне довелось столкнуться.

— Ну конечно, — ехидно протянула Тэсс. — Можно еще с лошади на охоте упасть или...

— Или ногу на балу подвернуть, — продолжил за нее Валтор. — Нет уж, энья Линсар, балы и охоты — не моя стихия, оставьте их вашим Ильдам...

— Это вряд ли получится, — лиловые глаза девушки полыхнули гневом. — Моих Ильдов вы убили!

Малтэйр вздохнул и на секунду отвернулся.

— Думаю, что к этой теме мы вернемся еще не раз, но сейчас я должен обсудить с вами

иные вопросы.

— Что еще? — как же она устала от всего этого!

— Зеркало, — он помолчал. — Мы думали, что это покушение, спланированное кем-то из моих людей....

— А разве это не так? — Тэсса вскинула бровь. — Теперь вы будете утверждать, что зеркало упало само по себе, а дамам и стражникам на самом деле всего лишь захотелось прогуляться...

— Нет, не буду. Это действительно было покушение на вас. Вот только устроили его не дайриецы.

— А кто? — она разнервничалась, но старалась скрыть это за напускным сарказмом. — Наверное, эларцы, мстящие мне за предательство. Такая версия устраивает вас больше, не так ли, ваше величество... ваше дайрийское величество.

— Эн Элвир полагает, — на последний выпад собеседницы Малтэйр не счел нужным реагировать, — что падение зеркала — дело рук того милого создания, с которым мы общались ночью в парке.

— Да ну? — недоверчиво протянула Тэсса. — В парке он нас не убил, а потом провернул такую сложную интригу с зеркалом? Верится с трудом.

— Мне, по правде говоря, тоже, — не стал спорить король. — Хотя еще неделю назад мне вообще с трудом верилось в существование таких тварей. Но как ни старался протектор, он не нашел никаких помещений, граничащих с вашей комнатой, находясь в которых, можно было бы устроить падение зеркала. Не нашел даже самых крошечных отверстий в стене для наблюдения, чтобы знать, когда конкретно вы окажетесь в нужном месте. А показания ваших дам и наших гвардейцев? Это же какое-то безумие! Допустим, они все лгут, тем более что Элвир упустил возможность допросить их поодиночке. Но неужели нельзя было сочинить более разумную и логичную версию своего отсутствия? Все как один утверждают, будто их разумом и действиями управляло что-то, что сильнее их. А я ведь тоже чувствовал нечто похожее, когда тварь лишила меня воли. Я был не властен над собой. По сути, их, как и меня, лишили свободы действий.

— Думаете, это все-таки магия? — несмотря на приведенные доводы, Тэсса с большим сомнением относилась к новой версии покушения.

— Однако все, что я сказал, не так важно, как кольцо, — Дайриец в упор посмотрел ей в глаза.

— Какое кольцо? — девушка напряглась.

— Кольцо Ильдов, которое вы носили на пальце как обручальное, — губы короля изогнулись в презрительной усмешке.

— Да что вы все привязались ко мне с этим кольцом?! — вспыхнула Тэсс. — Я уже отчиталась перед вашим Торном, а он наверняка уже доложил вам. Кольцо у королевы! И я вовсе не носила его как обручальное. Как обручальное я ношу вот это! — она поднесла левую руку с аметистом Нейри прямо к лицу Малтэйра.

— Я подарю вам другое, — король снова казался бесстрастным. — А ильдовского рубина у Шафиры больше нет. Она отдала его.

— Кому? — почему-то прошептала Лотэсса, словно предчувствуя ответ.

— Нашему ночному знакомцу со змеиным хвостом.

— О нет! — все внутри сжалось и похолодело. — Она ведь просила кольцо как память о муже. И вообще, при чем тут оно?

— Вы не задумались, почему память о муже понадобилось ей спустя несколько недель после казни, хотя возможностей увидеться с вами было достаточно?

— Но она ведь решила уехать... — тут Тэсс осеклась, поняв, что сболтнула лишнее.

— Вы хотите сказать, вернуться в Тарнику? — уточнил Дайриец. — Не бойтесь навредить своей бывшей государыне, я не стану ее удерживать, напротив, постараюсь отправить домой как можно скорее.

— Так зачем было нужно кольцо?

— Эн Торн очень долго вытягивал из нее это. Бедная женщина просто пропитана ужасом, что неудивительно. Кольцо защищало вас, Лотэсса, — он не прибавил почтительное «энья». — Тварь желала вашей смерти и не скрывала этого. А ильдовское кольцо почему-то мешало убить вас. Помните, как чудовище исчезло, повинувшись вашему приказу?

Тэсс сглотнула, не в силах говорить, и молча кивнула.

— Чтобы убить вас, ему нужно было кольцо, и он заставил Шафиру Тарнийскую забрать его у вас.

— Но как она могла?! — у девушки наконец снова прорезался голос. — Как могла так поступить со мной, обречь на смерть! Мы не особо ладили, но я не делала ей ничего дурного...

— Не судите ее строже, чем она заслуживает, — в голосе мужчины послышалось что-то похожее на сожаление. — Ужасное создание запугало ее, угрожало смертью. Как бы вы сами поступили, оказавшись перед подобным выбором?

— Я предпочла бы умереть, чем пожертвовать чужой жизнью ради собственного спасения, — твердо ответила Лотэсса.

Валтор шагнул к ней, приподнял лицо за подбородок правой рукой и заглянул в глаза девушки долгим внимательным взглядом.

— Я верю вам, — проговорил он. — Но в то же время знаю, что вы не слишком-то цените собственную жизнь. Кроме того, не каждому присущи ваши смелость и безрассудство. Постарайтесь простить.

— Не вам учить меня прощению! — бросила Тэсс. Она хотела резко дернуть подбородком и отбросить его руку, но в последний момент передумала, боясь причинить лишнюю боль. Вместо этого она отшатнулась назад.

— Знай вы, что вдова последнего Ильда готова пожертвовать жизнью ради вас, вы бы это допустили? — Малтэйр решил не оставлять ее в покое.

— Разумеется, нет!

— Тогда вам не на что гневаться, — пришел к неожиданному выводу король. — Тем более, что вы, волею случая, живы.

Волею случая, как же! Конечно, его дайрийское величество предпочитает проявить скромность и не бравировать своей ролью в ее спасении, но и забыть об этом не даст. И если он полагает, что Лотэсса сейчас начнет рассыпаться в благодарностях, то он сильно недооценивает силу ее неприязни.

— В любом случае, жене покойного короля в сложившемся положении лучше всего как можно скорее вернуться к себе в Тарнику. Надеюсь, мы сумеем обеспечить ее безопасность.

— О да, — девушка вложила в голос все злое ехидство, переполнявшее ее. — Что может быть важнее безопасности Шафиры Тарнийской!

Тэсса не могла найти в себе силы простить тарнийку за предательство, особенно после заступничества Дайрийца.

— Ваша безопасность гораздо важнее, поэтому я вас и позвал.

— Меня тоже отправят в Тарнику? — язвительно поинтересовалась она. — Хотя я бы

предпочла Норту.

— И не мечтайте, вы останетесь во дворце! — отрезал король.

Ну, на самом-то деле ничего другого она и не ждала.

— Усилите охрану? Очень удобно! И охранять, и сторожить одновременно.

— Не вижу смысла в увеличении количества гвардейцев, — возразил он. — Вместо этого я позволю себе навязать вам компанию одной не совсем обычной девушки...

— Девушки? — Тэсса ничего не понимала.

— Да, она ваша ровесница, и вы даже знакомы. Нармин — жрица Маритэ, и она утверждает, что на жриц не действует магия тварей из-за Грани...

— Нармин?! — Лотэсса не дала ему договорить. — Да я ее ненавижу! Ни за что не буду терпеть рядом с собой эту мерзкую доносчицу!

Король молча наблюдал за тем, как его невеста бушует.

— С чего вы взяли, что она не врет? — продолжала кипятиться Тэсс. — А даже если это и правда, думаете, ваша ненаглядная жрица будет меня защищать? Она же ненавидит меня не меньше, чем я ее...

— Отчего вы так думаете? — спокойно поинтересовался Малтэйр.

— Вы еще спрашиваете?! — уж кому как не ему знать ответ.

— Я догадываюсь, на какие обстоятельства вы намекаете, и все же, поверьте, Нармин не испытывает к вам неприязни.

— Зачем бы ей тогда так поступать со мной? — Тэсс бесило то, что Дайриец оправдывает эту бесстыжую предательницу.

— Вы заблуждаетесь, — он все гнул свое. — Желая расстроить нашу свадьбу, жрица лишь хотела избавить вас от ненавистного брака. Она не желала вам зла.

— Как хорошо вы, однако, понимаете мотивы тех, кто меня предавал! — прошипела девушка. — Вы всех готовы оправдать — и королеву, и жрицу...

— Я — король, энья Лотэсса, — жестко ответил Валтор. — Меня учили понимать мотивы, двигающие людьми. Разными людьми, а не только добрыми и благородными, каковых, кстати, меньшинство.

— Ну, разумеется! Мир же полон подлецами!

— Подлецов в чистом виде тоже не так уж много, — возразил он. — Я знаю, вы относите меня к их числу, и мне это, признаться, даже льстит. Но большинство людей хороши или плохи в зависимости от обстоятельств. Эгоизм и забота о себе — нормальное свойство человеческой природы. И не считаться с этим себе дороже. Монарх, не понимающий, что движет теми, кто его окружает, рискует лишиться власти или, в лучшем случае, делить ее с другими. Людей не стоит ни недооценивать, ни переоценивать. И самое главное — никогда не судите о других по себе. Понимать каждого — не только полезный навык, но и бремя.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — его рассуждения ничуть не умили ее гнева, скорее разожгли еще сильнее.

— Затем, что вам, как будущей королеве, полезно это знать.

— Мне не нужна корона! — с досадой воскликнула Тэсса. — Мне плевать на власть! И я не собираюсь постигать премудрости политических интриг. Избавьте меня хоть от этого! Вам нужно жениться на мне ради моего имени, так не требуйте от меня большего. Вы готовы одаривать пониманием и сочувствием всех вокруг, кроме меня!

Она, к своему удивлению, поняла, что с трудом удерживается от того, чтоб разреветься.

Девушку просто бесило, что Валтор так снисходительно рассуждает о ее обидчицах. Разве он не должен быть на стороне своей невесты?

— Можете думать что хотите, но я не приму помощи от вашей жрицы, даже если дело идет о жизни и смерти.

— Что ж, — Валтор как-то странно на нее посмотрел. — У вас есть выбор.

— Неужели?

— Если вас по вполне объяснимым причинам не устраивает общество Нармин, вам придется терпеть мое. Будете постоянно у меня на глазах, посещая все официальные и неофициальные мероприятия. Сможете присутствовать при решении вопросов государственной важности и даже спать в моей спальне...

— Я никогда не буду спать в вашей спальне! — Тэсса задохнулась от возмущения, и это вызвало приступ кашля.

— Будете, — по его губам скользнула нехорошая улыбка. — Причем в течение многих лет...

Девушка продолжала кашлять, Малтэйр перестал похабно ухмыляться и выглядел обеспокоенным. Король шагнул к Лотэссе, собираясь что-то сказать, когда в дверь постучали и вызвали его в соседнее помещение. Как только Валтор вышел, Тэсс постаралась подавить кашель, который был сейчас совсем некстати, и вслушалась в разговор, доносящийся из-за неплотно прикрытой двери. Ей удалось уловить лишь отдельные слова.

— ...доложить... протектор... нашли мертвой... заперты... предполагает убийство...

Король отсутствовал недолго. Когда он вошел, то выглядел мрачнее некуда.

— Кого нашли мертвой? — голос девушки прозвучал неожиданно тихо.

— Шафиру Тарнийскую.

— О нет! — сдавленно вскрикнула Тэсса, ощущая, как мир вокруг нее стремительно теряет цвета и начинает кружиться, сжимаясь в одну точку.

Все последующее девушка воспринимала как в тумане или во сне. Валтор схватил ее за плечи, не давая упасть.

— Прах и пепел, я не должен был вам этого говорить! — он с силой тряхнул ее. — Не вздумайте винить себя в случившемся!

— Это я ее убила, — бормотала Тэсс. — Убила и осуждала за предательство... уже мертвую.

— Шафиру убило чудовище, а не вы! И она действительно была перед вами виновата, — король продолжал трясти ее. Боль исказила его лицо невольной гримасой, но он, похоже, не обращал на это внимание.

Лотэсса не отвечала, чувствуя себя тряпичной куклой. Пусть делает и говорит что хочет, ей плевать. Как только она останется одна... Что именно она тогда предпримет, девушка не успела решить. Валтор неожиданно привлек ее к себе и крепко обнял.

— Как вы смеете... Пустите, — она даже сопротивлялась как-то вяло. Чувства словно притупились, и все разом потеряло смысл.

— Лучше уж дать вам лишний повод ненавидеть меня, чем себя саму, — король не обращал никакого внимания на ее слабые попытки вырваться.

— Я могу ненавидеть нас обоих, — Тэсса подняла на него затуманенные глаза, в которых не было слез.

— С вас станется, — вздохнул он и потащил ее к креслу. — Ненавидеть вы умеете отменно.

Усадив ее, Валтор отошел к столу, чтобы налить девушке воды. Это вроде бы нехитрое действие от человека с одной рабочей рукой требовало значительных усилий. Король уронил стакан, пролил воду, выругался и начал все заново.

— Оставьте, — еле слышно прошептала Лотэсса.

— Что? — не понял король.

— Бессмысленные попытки привести меня в чувство. Это не нужно ни вам, ни мне. Я всего лишь хочу уйти и остаться в одиночестве.

— Остаться в одиночестве — это последнее, что я вам позволю, — отрезал Дайриец. — И дело даже не в вашем душевном спокойствии, а...

— В моей пресловутой безопасности, — закончила за него девушка. — Можете приставить ко мне свою Нармин. Но если она вам хоть чуточку дорога, не советую этого делать. Вы ведь не хотите найти ее мертвой, как Шафиру? Я приношу смерть всем вокруг, а чудовищу нужна только моя. Оно ведь приходило за мной. Дайте этой твари убить меня, и моя смерть станет последней.

— Даже если бы я был абсолютно уверен, что вы правы, — он оставил безуспешные попытки, подошел ближе и склонился к ней. — И тогда бы не позволил вам принести себя в жертву.

— Не пытайтесь спасти меня, прошу вас, — тусклым, безжизненным голосом ответила Тэсса и чуть слышно добавила. — Я того не стою...

Глава 12

Итон вновь мерил коридоры Нианона быстрым шагом. Торн и Альва следовали за ним. Комендант предложил девушке остаться, но та и слышать ничего не хотела. Она-де теперь его секретарь и будет всюду следовать за ним. Должен же кто-то вести записи, пока они с протектором будут строить версии. Дайтин вот никогда не напрашивался на место происшествия, даже если дело касалось каких-то банальных драк или ограблений. Паренек был кабинетной крысой, правда, очень полезной, толковой и обстоятельной. Но все записи и протоколы делал исключительно со слов Карста или его людей. Зато в бумагах всегда был идеальный порядок... ну и чай Дайтин заваривал отменно. А еще с ним было хорошо разговаривать. Не в смысле болтать о жизни, а рассуждать о делах. Мелвил умел слушать, задавать вопросы, где надо, причем вопросы правильные. Вроде как никаких новых идей секретарь не подавал, зато помогал набрести на нужное решение. Опять же, память у парня была замечательная, он помнил задачи, людей, даты, идеи. Мог с легкостью воспроизвести содержание беседы трехмесячной давности. Дайтин только на вид казался нелепым, а голова у него работала как надо. За это Итон ценил Мелвила и держал при себе. Трусоватость и излишек чувствительности комендант был готов прощать парню ради прочих его достоинств. Жалко было отпускать его в деревню, но тут как раз подвернулась Альва. Она куда образованней и храбрее, зато не очень-то готова считаться с комендантскими распоряжениями. Непонятно пока, как она будет справляться с функциями Дайтина. Девушка она толковая, но ведь девушка, вот что страшно. И так Итон замучился объяснять свое странное решение перед всеми и каждым в комендатуре. Хорошо хоть перед Торном не пришлось оправдываться. Тот, как ни странно, вполне одобрил решение коменданта. Удивительно все-таки сложились обстоятельства. Мало их неожиданной ночной встречи с Альвой, так еще и выяснилось, что протектор был знаком с девушкой раньше самого Карста. Правда, отношения Торна к Альве Итон так и не мог понять. Элвир то был изысканно галантен, а то почти грубил девушке. Но издевки казались беззлобными, скорее напоминающими дружеские насмешки, хотя друзьями протектор с Альвой явно не были. Довольно и того, что Торн принял девушку в качестве помощника, более того, сразу придумал для нее задание — уместное и полезное одновременно. Против поездки Альвы во дворец Элвир не возражал, но, кажется, он планировал сразу услатить ее в библиотеку. Сама же дэнъя Свелл, надо полагать, имела на сей счет совсем другие планы.

У входа в апартаменты бывшей королевы дежурили люди Торна. Их было всего трое, очевидно, те самые, которых протектор оставил охранять жену Ильда. Интересно, они знали, от чего именно оберегают свою подопечную? Скольких людей протектор считал нужным посвятить в страшную тайну? А если гвардейцы не знали о чудовище, то как собираются оправдываться в том, что вверенная им женщина погибла за закрытыми дверями в своих покоях? Впрочем, это не его заботы, а Элвира — пусть сам разбирается со своими подчиненными. Сам же Итон лишь двоих поставил в известность относительно истинной сути происходящего — Дайтина и Альву. Ну и Энлил, хотя та и сама прекрасно все знала.

Протектор, до этого момента словно позабывшей об Альве, решительно обернулся к ней, закрывая собой дверь.

— Дальше вы не пойдете, дэнъя Свелл! — тон его не допускал возражений. — Не на что вам там смотреть. И не начинайте снова о протоколах и записях... Я все подробно изложу вам после осмотра, тогда и запишете. Берите пример со своего предшественника, он не совался, куда не следует, а работу свою исправно выполнял в кабинете.

— Я пришла не с вами, а с дэном комендантом, — Альва, разумеется, стала спорить — никакого понятия о дисциплине и служебной иерархии у девочки не было и в помине. — Что я, по-вашему, мертвых людей не видела? Да в замке по вашей милости мертвецов было больше, чем эта тварь успела убить в Вельтане за все время! И по дороге до столицы я покойников насмотрелась. Кроме того, я видела двух жертв этого чудовища у нас в Кузнечной части. Ни удивить, ни напугать меня это зрелище не сможет.

— Как знаете, — сдался Торн.

Интересно, его убедили доводы девушки или после упоминания о тех, кто погиб «по его милости», Элвира посетило чувство вины? Вряд ли...

Кончив пререкаться, все трое вошли. Шафира Тарнийская лежала посреди небольшой уютной комнаты с нежными цветочными шпалерами на стенах, пасторальными гобеленами и милыми безделушками над камином. У окна красовался натянутый на раму холст с изящной вышивкой — рыцари и дамы на фоне природы. Все это никак не вязалось с мертвой женщиной на полу. Бедняжка королева! Карсту она помнилась с вечно усталым и печальным выражением лица. Теперь оно было другим — таким, как у всех жертв змеехвостого чудовища. Ужас, исказивший это и без того не слишком красивое лицо, делал женщину почти безобразной. Жаль, что нельзя ничего изменить, чтобы хотя бы в гробу Шафира Ильд выглядела достойно и была похожа на себя настоящую. В других случаях такие вещи совсем не заботили коменданта, но все прочие жертвы страшной твари были ему чужими и, по большей части, ничтожными людьми. А сейчас перед ним была его повелительница, пусть и бывшая. Принцесса Тарники, королева Элара, жена Йеланда и невестка Лендера. Впрочем, последнее обстоятельство не имело значения, так как к моменту свадьбы старшего сына старый король был уже за Гранью.

А теперь она мертва! И они не уберегли ее, хотя знали, что ей угрожает самая страшная опасность, какую только можно вообразить. Ну, приставил Торн к ее покоям гвардейцев. И что? Разве после того, что случилось с Лотэссой Линсар, сложно было понять, что толку в этом почти никакого? Правда, на сей раз доблестные охранники остались на посту и как раз сейчас давали объяснения протектору. По их словам выходило, что ни звуков борьбы, ни криков, ни даже простого разговора они не слышали. Комната, где убили Шафиру Ильд, не граничила с выходом, но была не настолько далеко, чтобы из-за дверей совсем не слышать происходящего. Почему, интересно, с ней не было никаких служанок или фрейлин? Понятное дело, после того, как Шафира Тарнийская в одночасье из королевы превратилась в опальную вдову, штат ее дам сильно поредел, но не совсем же ее лишили прислуги и компаньонов.

Обеспечивать безопасность бывшей королевы входило в обязанности Торна. Тем более что он сам поставил женщину в такое положение, когда темное создание вполне могло возжаждать мести. Торн вытянул из Шафиры все, что ей было известно и что было велено держать в строжайшей тайне. Добытые сведения помогли пролить свет на «зеркальное» покушение, но никак не объяснили безумной сути происходящего. А расплатиться за все пришлось несчастной королеве. Пусть Элвир объяснит, почему столь беспечно подошел к охране доверившейся ему женщины.

— Почему она была одна? — довольно резко спросил Итон у протектора.

— Понятия не имею, — судя по голосу, настроение у Торна было хуже некуда. — Когда я разговаривал с ней, она тоже была одна. Может, она вообще не любит... не любила, чтобы вокруг нее толкалась куча женщин. Не знаю! Я мог окружить ее солдатами, а придворные дамы и горничные не в моем подчинении.

— И все-таки вы должны были подумать об этом, — не сдавался Карст. — Ее нельзя было оставлять одну, преследуемую тварью, умеющей появляться из ниоткуда и исчезать в никуда.

— Нельзя, — на этот раз Элвир не стал спорить. — Но что следовало делать? Быть при ней неотлучно? Может, и стоило бы, от женщин все равно никакого толка. Но теперь уже поздно упрекать себя в непредусмотрительности.

— Конечно! — звонкий и злой голос Альвы разбил воцарившееся неловкое молчание. — К чему упрекать себя?! Ну, недосмотрели, не рассчитали... Велика беда! Пусть погибла женщина, и не простая. Жалко, конечно, но ничего не поделаешь. Не стоит тратить время на сожаления. С вас ведь никто не спросит за смерть королевы... нашей королевы!

— Никто не спросит?! — Итон еще не помнил Торна в таком гневе. Тот почти кричал на девочку. — Никто, не считая ее папаша — Юлдари Тарнийского! Да и другим мелким властителям всегда есть дело до любого промаха сильного соседа. Наверное, Тарника не станет объявлять нам войну... в одиночку. Но вы даже представить себе не можете, чего нам будет стоить эта смерть! И если я не рву в отчаянии волосы на голове, то лишь оттого, что мое запоздалое раскаяние ничего не изменит, а не потому, что мне плевать на вашу бывшую королеву. И еще, дэнья Свелл, — добавил протектор уже несколько спокойнее. — Постарайтесь в будущем не лезть не в свое дело. Ведите свои записи и помалкивайте! Не забывайте, что вы — не более чем секретарь коменданта.

Девушка вспыхнула, но смолчала, лишь одарила Элвира весьма красноречивым взглядом, прежде чем уткнуться в бумагу. Да уж, умеет Торн портить отношения с представительницами прекрасного пола. Может, настолько привык к женскому обожанию, что ни во что их не ставит. Впрочем, ссора с одной женщиной уже обошлась ему довольно дорого. И на этот раз Карст не собирался улаживать последствия грубости протектора. Хотя какое тому дело до какой-то помощницы коменданта, уж с ней-то Элвир вряд ли станет искать перемирия. Через несколько секунд Итон с удивлением понял, что ошибался.

— Прощу простить меня, дэнья Альва, — он подошел к отвернувшейся девушке. — Мне не стоило разговаривать с вами в подобном тоне. Случившееся вывело меня из равновесия, — помолчав немного, он произнес негромко, но твердо. — Мне не все равно, честно.

Ничего себе! Карст чуть не присвистнул от удивления. Торн оправдывается перед сельской дворянкой?! Перед той самой, которой только что велел знать свое место...

— Я уже ничего не могу сделать, — продолжал меж тем Элвир, обращаясь к Альве. — Но вы можете!

— Я?! — девушка уставилась на него. — Что я могу сделать для мертвой королевы?

— Для бывшей королевы — ничего, — кажется, к протектору возвращалось его хваленое хладнокровие. — Зато вы можете помочь королеве будущей.

— Кому?! — Альва по-прежнему выглядела совершенно ошарашенной. Карст и сам не понимал, к чему клонит Торн.

— Я имею в виду Лотэссу Линсар, — пояснил он. — Мы оставляли с ней гвардейцев снаружи и дам внутри, но это не помешало твари устроить покушение.

— Я помню, вы рассказывали, — коротко кивнула девушка. — Но от меня-то какой толк?

— Ты умеешь стрелять из лука, — Элвир вновь перешел на фамильярный тон.

— И метать ножи, — тихонько, почти про себя, пробурчал комендант.

— И что? — непонимающе хмыкнула Альва. — Ваши гвардейцы не умеют, что ли?

— Лук действительно не их оружие, гвардейцы лучше управляют с мечом. Но это не важно. Важно то, что мы можем выставить вооруженную стражу только снаружи, у дверей. Когда дело касается столь знатных дам, как Шафира до Берра... прошу прощения, Шафира Ильд или Лотэсса Линсар, соблюдение приличий имеет значение. А кучка кудахчающих перепуганных дам, даже находясь подле жертвы, все равно вряд ли способна оказать реальную помощь. Я виноват в том, что позволил вдове Ильда остаться в одиночестве в своих покоях, но, с другой стороны, не думаю, что присутствие служанок и фрейлин что-то бы сильно изменило, даже если бы они не ушли, как было с Лотэссой. От женщин, как правило, никакого толку. Но вы, дэнья Альва, редкое исключение из этого правила, — Элвир одарил девушку ослепительной улыбкой. Неужели это тот человек, что меньше пяти минут назад кричал на нее?

— Вы хотите, чтобы я стала при ней чем-то вроде телохранителя? — тон девушки был недоверчивым и настороженным, но в то же время в нем сквозила заинтересованность.

— Именно этого я и хочу, — признался протектор. — Ни я, ни король не можем находиться при ней неотлучно, не говоря уже о вооруженных мужчинах низшего сословия. Остается еще ее отец, но очень бы не хотелось посвящать герцога в детали происходящего раньше времени. Что касается дам... Они, во-первых, бесполезны, во-вторых, опять же, чем меньше людей знают правду, тем лучше. Его величество решил приставить к своей невесте какую-то сомнительную молодую жрицу, хвастающую тем, что умеет подавлять магию ночных тварей... Но я не доверяю этой девице. Старому доброму луку в твоих руках, крысенок, я верю больше, чем молитвам Маритэ в устах этой фанатички. Спорить с королем я не собираюсь, просто пусть при Лотэссе Линсар будете вы обе.

— Три девушки против чудовища, умеющего проходить сквозь стены и заораживать

взглядом? — вмешался в разговор Итон.

Комендант вовсе не жаждал отдавать свою новоявленную помощницу на растерзание змеехвостой твари. Будь его воля, он бы велел ей сидеть в комендатуре подобно Дайтину. Ну, разве что к Энлил брал бы... Кажется, девочка вызвала доверие и симпатию колдуньи. С другой стороны, судьба Лотэссы Линсар была Карсту совсем не безразлична. Как любой эларец, он привык почитать Линсаров и Таскиллов, особенно теперь, после того, как династия Ильдов пресеклась. Но одно дело — охранять наследницу Линсаров лично, и совсем другое — подвергать опасности девчонку, за которую чувствуешь себя ответственным.

— Я согласна, — в голосе девушки слышалась такая решимость, что Карст понял: отговаривать ее бесполезно.

— Благодарю, дэнья Альва, — Элвир поднес ее руку к губам. А он, оказывается, умеет быть галантным, когда хочет. — Ты очень смелая девочка, крысенок, — неожиданно добавил он. — Надеюсь, я об этом не пожалею.

— В любом случае, обо мне жалеть не стоит. Я же не королева, из-за меня войну не объявят, — уязвила Торна Альва.

Торн не нашелся, что на это ответить. Просто сказал, что сегодня же поговорит с королем о назначении Альвы Свелл фрейлиной Лотэссы Линсар. Происхождение, воспитание, манеры и внешность девушки отнюдь этому не препятствовали.

— Будешь жить во дворце, крысенок, — порадовал Альву протектор. — В покоях принца, — он благоразумно не добавил «бывшего» или «покойного», хотя и так все было ясно.

— Да хватит уже так меня называть! — не выдержала девушка. — А почему я буду жить в покоях принца? — любопытство пересилило гнев.

— Потому, что так решила энья Линсар, — пояснил Элвир. Протест Альвы против фамильярного обращения, он, естественно, проигнорировал. — Она вообще очень своевольная девица, но, надеюсь, вы все-таки сможете подружиться.

— Для меня честь служить любому из семьи Линсаров, — Альва говорила вполне серьезно. И это при том, что в ней не было ни капли подобострастия перед людьми из высшего сословия, например, перед тем же Торном. Просто она разделала обычное почтение к семьям-основателям Элара. — И не так уж важно, какой характер у эньи Лотэссы и сможем ли мы подружиться. Если понадобится, я отдам за нее жизнь.

Сказано это было просто, без лишнего пафоса и рисовки. Приставить эту девушку к Лотэссе — действительно удачная идея... если смотреть с точки зрения безопасности эньи Линсар. Но при всем почтении к Линсарам Карст не хотел бы разменять жизнь Лотэссы на жизнь Альвы. Оставалось лишь надеяться, что дэнья Свелл сможет позаботиться также и о собственной безопасности.

Глава 13

Лотэсса сидела в кресле и смотрела на стену. Она не знала, как долго сидит, и ей это было неважно. Девушка смутно помнила, как Малтэйр проводил, а точнее, почти приволок ее сюда, поддавшись бесконечным просьбам оставить ее в покое и одиночестве. Покой она получила, на одиночество можно было и не рассчитывать. Сам Дайриец, правда, почти сразу ушел, зато некоторое время спустя явилась эта невыносимая жрица — Нармин. Лотэссе хотелось вышвырнуть незваную гостью, но она помнила, что дала Валтору слово терпеть ее опеку. Поэтому Тэсс ограничилась тем, что просто закрылась в спальне, обещав открыть дверь в случае визита чудовища. Конечно, если бы тварь возникла на самом деле, девушка и не подумала бы открыть дверь. Пусть бы змеехвостый наконец убил ее, и все это закончилось. А этой... служительнице Маритэ незачем расставаться с жизнью, хоть она и гадина. Довольно уже того, что на совести Лотэссы смерть королевы Шафиры, да и всех тех несчастных, которых убила тварь из-за Грани.

Еще некоторое время спустя в покоях появились две женщины средних лет — служанки, но не линсаровские. Тэсса смутно припомнила, как король говорил о том, что не обязательно ее родителям быть в курсе смерти несчастной вдовы Ильда и уж подавно — причин этой смерти. А потому чем меньше Лотэсса будет общаться с родителями или своей челядью, тем лучше. Увидев ее в подобном состоянии, женщины герцогини непременно донесли бы своей госпоже. Чтобы этого не случилось Малтэйр «одарил» свою невесту новыми собственными служанками, а в качестве фрейлины подsunул жрицу. Еще Дайриец прислал лекаря, очевидно, опасаясь за здоровье Тэсс, но та притворилась спящей, и врачу пришлось уйти.

Вскоре девушка на самом деле то ли заснула, то ли впала в забытие. В себя она пришла от того, что одна из новых прислужниц тормозила ее. Женщину Тэсса прогнала, отказавшись одеваться, есть и вообще покинуть спальню. Она лишь перебралась из постели в кресло, откуда был виден ее портрет, висящей над кроватью. Смотреть на свое отражение из прошлой жизни, счастливое и прекрасное, было особой разновидностью пытки, которой Лотэсса решила себя подвергнуть. Временами она поднимала взгляд на девушку с книгой и напоминала себе вновь и вновь, что настоящая Лотэсса Линсар — та, что на картине — давно уже умерла. А ее злобной бледной тени, что по какому-то недоразумению еще дышит и мыслит, давно уже пора последовать ее примеру. Девушке казалось, что если она так и будет сидеть, то рано или поздно все встанет на свои места и милосердная тихая смерть заберет ее и уведет за Грань, не дожидаясь, пока это сделает чудовище.

Никто не решался беспокоить Лотэссу — ни Нармин, ни служанки, ни лекарь. Часы шли за часами, и Тэсс впала в какое-то тупое оцепенение, в котором нет места ни страху, ни раскаянию, ни злости. Ни мыслей, ни чувств — лишь пустая серая безнадежность. Вдруг девушка услышала какой-то шум в соседних комнатах, женские голоса и перекрывающий их властный мужской, а затем раздался решительный стук в дверь. Наверное, все-таки врач вернулся и требует допустить его к больной. Ничего, придется ему пережить разочарование. Все равно ей уже ничем не помочь — ни лекарствами, ни увещеваниями.

Из оцепенения Тэссу вывел звук удара и распахнувшиеся сразу вслед за этим двери. Обе половинки дверей разлетелись в стороны, с силой врезавшись в стены, а потом устремились в обратном направлении, успев, однако, пропустить мужчину, обошедшегося с ними столь бесцеремонно. И это явно был не врач. Перед Лотэссой предстал верховный протектор.

— Вы еще и двери вышибаете, — девушка произнесла это совершенно бесстрастно, просто утверждая очевидное.

— Иногда приходится... когда решительно отказывают в гостеприимстве.

— Кажется, я ясно дала понять, что хочу побыть одна, — упрекая Торна, она не злилась, сил на эмоции уже не осталось. — Что вам нужно? Говорите и уходите.

— Я хочу поговорить с вами, — протектор не сажился, так и стоял, возвышаясь на Тэссой, полулежавшей в кресле.

— Не самое подходящее время, — заметила она.

— Плевать, — отмахнулся мужчина. — Я вижу, вы твердо решили уморить себя, терзаясь чувством вины...

— Какое вам дело до этого? — впервые в ее голосе прорезался намек на гнев. — Это не касается ни вас, ни вашего короля.

— Его — нет, — согласился Торн. — Зато меня это касается, и еще как!

— Почему? — Тэсса опять говорила безжизненно равнодушным тоном.

— Потому что вы зря изводите себя. Вы не виноваты в смерти Шафиры до Берра... то есть Шафиры Ильд. В чем вы можете себя упрекнуть? В том, что остались живы?!

— Этого оказалось достаточно, чтобы она была мертва, — зачем он вновь растравляет эту боль, которая уже почти не чувствовалась, став частью ее существа?

— Недостаточно! — горячо возразил протектор. — Тварь убила несчастную женщину не за то, что вам удалось выжить после падения зеркала. Иначе Шафира была бы мертва еще до моего визита к ней.

А ведь он прав, с удивлением подумала Тэсс. Хотя, впрочем, почему бы чудовищу не отсрочить наказание...

— Вдова Ильда погибла потому, что я вынудил ее раскрыть тайну, которая должна была оставаться тайной. Змеехвостый обещал убить Шафиру, если та хоть кому-нибудь расскажет о нем. А я заставил рассказать. А потом... Потом мне не следовало оставлять ее одну ни на минуту до того момента, как она отправится в Тарнику. Я пренебрег подобными предосторожностями, посчитав их излишними. Положился на стражу, хотя уже видел, как мало толку от гвардейцев у дверей. Я и только я виноват в ее смерти, — подвел он итог.

Только теперь Тэсса с удивлением отметила, что в его голосе сквозит та же боль, что грызла ее. Ей стало несколько легче, зато она против воли почувствовала сострадание к Торну.

— Вы не виноваты, — тихо произнесла девушка. — Вы же не из праздного любопытства расспрашивали королеву про кольцо. Вы пытались уберечь меня от новых покушений.

— Не надо меня ни жалеть, ни утешать, энья Линсар — резко прервал ее протектор. — Я — мужчина, и я справлюсь с этим. Не могу позволить себе роскошь предаваться терзаниям и чувству вины... Не сейчас. Вся эта исповедь была отнюдь не затем, чтоб облегчить душу, и уж точно не для того, чтобы добиться вашего сочувствия. Просто вы не должны были казнить себя за мои грехи. Это неправильно.

— Откуда вы узнали о том, что я казню себя? — задавая вопрос, она уже знала ответ.

— Его величество рассказал, какое впечатление на вас произвела новость о смерти бывшей королевы. Я не мог допустить, чтобы вы расплачивались по моим счетам. Кроме того, — он помолчал мгновение. — Не позаботившись должным образом о безопасности Шафиры Тарнийской, я не хочу повторить эту ошибку с вами.

— У моей двери дежурят гвардейцы, при мне две служанки и навязанная королем жрица с чудодейственными способностями, — боль отступила, и к Тэссе понемногу возвращались прежние чувства, в том числе раздражение. — Что еще можно сделать ради моей сохранности? Как вы выразились, неотлучно находиться при мне? Ваш драгоценный король уже предлагал мне нечто в этом роде. Я против!

— Догадываюсь, — хмыкнул мужчина. — А потому и не предлагаю вам свое сомнительное общество. Но, может, вы не станете возражать против новой фрейлины? Есть одна девушка...

— Девушка?! — Тэсс вскочила с кресла и оказалась лицом к лицу с протектором. — Вы

что, с ума посходили с Малтэйром на пару, доверяя мою защиту юным девицам?!

— Карст сказал примерно то же самое, — досадливо пробормотал он. — Но вы же сами не оставляете нам выбора. Общество мужчин вы терпеть не желаете, да и приличия, опять же... Остается подыскивать вам особенных девиц.

— Одна вон особенная уже торчит в столовой, — Лотэсса кивнула в сторону двери. — А в вашей девице что такого?

— Она из хорошей семьи, хоть и не аристократка, — начал Торн.

— Эка невидаль, — фыркнула Тэсс. — Мало вокруг таких девиц, можно подумать! А ваша, надо полагать, отличается от других лишь тем, что готова сообщать вам подробности моей жизни... в части плетения заговоров. Хотите подсунуть мне свою осведомительницу, эн Торн?

— Не смейте... не говорите о ней так! — неожиданная горячность в его голосе удивила девушку. — Дэнъя Свелл честная и порядочная девушка. А что до ее особенностей, так она, в отличие от большинства представительниц своего пола, владеет оружием, и очень даже неплохо. Если я не могу приставить к вам вооруженных мужчин, то вооруженная женщина может стать неплохим выходом, вам не кажется?

— Интересная идея, — покачала головой Тэсса. — Впрочем, после жрицы хуже быть уже не может. Можете приводить эту свою дворянку — честную и воинственную, будем делать из нее фрейлину. Будет хоть с кем поговорить. Не с этой же святошей-интриганкой! — она бросила взгляд в сторону гостиной, где находилась Нармин.

— Думаю, вы подружитесь, — по губам Торна скользнуло подобие улыбки. — На почве общей неприязни к дайрийцам, например.

Протектор не мог придумать для своей подопечной лучшей похвалы. Если эта девушка не любит дайрийцев, значит, Лотэсса вполне может проникнуться к ней симпатией. Даже если та окажется недалекой и страшненькой, как маменькины дамы.

— Я представлю вам дэню Свелл завтра, — пообещал он и развернулся к двери, очевидно, намереваясь уходить, но остановился. — И еще одно...

Мужчина умолк, должно быть, размышляя стоит ли говорить то, что пришло ему в голову, и все-таки решился:

— Энья Лотэсса, я бы очень хотел, чтобы вы сами берегли свою жизнь.

— Что вы имеете в виду? — не поняла девушка.

— Ни молитвы, ни оружие не защитят вас, если вы будете так отчаянно искать встречи со смертью, — пояснил Торн.

— Какое вам дело? — она взглянула на него исподлобья колючим взглядом. — Если я и желаю умереть, то это касается только меня. Да и вам всем спокойней будет, когда меня не станет, — заметив, что собеседник хочет возразить, она быстро продолжала, не дав ему вставить слова. — Понимаю, идеальный с политической точки зрения брак с вашим королем не состоится, но зато одним махом будет решено множество проблем. А новая невеста для его величества найдется, за этим дело не станет, я убеждена.

— Вы серьезно полагаете, что с вашей смертью все станет проще? — Торн прищурил серые глаза. — Если так, то вы глубоко заблуждаетесь. Ваша смерть создаст такие сложности, по сравнению с которыми чудовище — ерунда, не стоящая внимания.

— Это еще почему?

— Потому что вы — Лотэсса Линсар! — отрезал он. — Единственная и неповторимая наследница самой почитаемой фамилии в стране. Ваша смерть станет причиной внутренних волнений и мятежей, а, возможно, даже повлечет войну.

— Да будет вам! — она презрительно фыркнула. — Не сгущайте краски, эн Торн. Эта страна, как и соседние, безропотно приняла казнь законного монарха. Станет кто-нибудь

устраивать восстания из-за меня или Лана.

— Насчет Таскилла такой уверенности нет, а вот из-за вас станут. Вас любят, энья Линсар: и знать, и народ.

— А Йеланда, значит, не любили? — ехидно поинтересовалась Тэсс.

— Не любили, — спокойно подтвердил протектор. — Вас это удивляет?

— Не говорите ерунды, — горячо возразила Лотэсса. — Ильдов разве что не боготворят в Эларе...

— Ильдов — да, но не Йеланда. Ильды — это свяшенно, никто не спорит. Древняя династия основателей Элара... и Дайрии, кстати, тоже. Но конкретно последний из Ильдов вызывал среди подданных мало симпатии. Он был слаб, не слишком умен и деятелен, находился под пятой у тройцы мерзавцев, о чем было известно всем и каждому. Ему, понятное дело, прощали все грехи, потому что он — Ильд. Этого достаточно для лояльности, но недостаточно для любви.

Тэсса не нашлась, что возразить на эти, в общем-то, справедливые слова. Она никогда не смотрела на вопрос с такой стороны, но, если вдуматься, то Йеланда и правда не за что было любить и даже уважать. Она и не любила. Почитала как короля, не более. Торн меж тем продолжал:

— Вы же, энья Лотэсса, — совсем другое дело. Вы молоды и прекрасны. Ничем не опорочены. Своими стараниями вы создали себе репутацию страдальцы, которую тащат под венец против воли. Да за вас и так многие готовы поднять мечи и знамена, но если вы еще и погибнете... В этом случае от желающих отомстить отбоя не будет. Как ни странно, люди мстят за мертвых с большим энтузиазмом, чем поддерживают живых. Пока вы живы, вы достойны сожаления, смешанного с толикой зависти, мертвая же вы станете символом.

— Бойтесь? — она прищурилась и недобро улыбнулась уголками губ.

— Не то чтобы очень боимся, но трудностей это создаст изрядно, — он, кажется, не лукавил. — Мятежи-то мы, скорее всего, подавим и войну выиграем, но какой ценой? Бояться нужно вам.

— А чего мне бояться? — она зло рассмеялась ему в лицо. — Я же буду мертва.

— То есть вы готовы взять на себя ответственность за гибель сотен, а может быть, тысяч ваших сторонников? За тех, кто пойдет на смерть с вашим именем на устах?

Такая постановка вопроса девушке в голову не приходила.

— Вы ведь сами пытались поднять мятеж, если мне не изменяет память? — продолжал меж тем Торн. — Интересно, как вы себе это представляли? Как милую прогулку во главе войска до Нианона и торжественную капитуляцию Дайрийца? Да, да, я знаю, как вы называете Валтора Малтэйра. Этакое романтическое приключение, достойное баллад... А вы не думали о неизбежных жертвах? Война или смута — это всегда бойня. Кровь и смерть ваших последователей, ваших друзей была бы на ваших руках. Вы смогли бы жить с этим, энья Линсар? А умереть, зная, что ваша смерть повлечет множество других?

Лотэсса молчала.

— Да вы чуть не сошли с ума от сознания вины за смерть Шафиры Гарнийской, с которой вас почти ничто не связывало. Стать причиной гибели других людей — испытание не по вашим силам, поверьте. Вы ведь не задумывались об этом, верно?

Она молча кивнула. К чему врать, стараясь представить себя бесстрастной и циничной. Даже Лан с его умом и дальновидностью не задумывался о цене победы. Даже зна Алдора... Или они просто молчали?

— Валтор прав, — неожиданно голос Торна стал мягким. — Вы еще совсем ребенок, Лотэсса. Наверное, хороший, с правильными принципами и, в общем-то, достойной целью, если смотреть с вашей точки зрения, но совершенно безрассудный и не понимающий, к каким последствиям приведут его действия. Вам нужно взрослеть, если хотите стать для Элара хорошей королевой.

— Но я не хочу!

Глава 14

Альва и не думала, что будет так переживать из-за всего этого. Хотя ее волнение ни в какое сравнение не шло с состоянием, в котором пребывала тетя Тийла в последние дни. Бедная женщина испытала глубочайшее потрясение от следовавших одна за другой новостей. Сначала племянница сообщила, что ее берет к себе в помощницы сам комендант Вельтаны. Затем Итон Карст лично явился в Кузнечную часть и увез Альву с собой. Сама Тийла этого не видела, но зато десяток соседей в красках описали ей событие, затмившее два ужасных трупы. Не успела девушка пробыть в комендатуре и дня, как сам верховный протектор предложил ей работать в королевской библиотеке Нианона. Тетушка не знала, что и думать. Вроде как работа с книгами во дворце отнюдь не порочит чести юной благородной девицы. По всему выходило, что все произошедшее с Альвой — большая удача... Только радоваться Тийла не спешила, очень уж все это неожиданно и странно. Но известие, принесенное неугомонной племянницей накануне вечером, и вовсе лишило женщину душевного покоя. Альву назначили фрейлиной к самой Лотэссе Линсар! Что же дальше? Завтра девочка придет и скажет, что она теперь королева Элара? Так рассуждала бедная, совершенно сбитая с толку тетя Тийла, готова племянницу к завтрашнему дню.

— Ох, Альва, — в который раз вздыхала тетюшка. — Ну разве можно в этом показаться при дворе? Станет энья Линсар держать фрейлину в таких обносках...

«Обноски» на самом деле были вполне приличным платьем, принадлежавшим самой Тийле в лучшие ее времена. Наряд был сшит со вкусом из хорошей материи и отлично сохранился, учитывая его возраст. Платье на взгляд девушки имело лишь два недостатка: фасон его несколько вышел из моды, и расцветка скорее подходила тете, нежели самой Альве — девушка никогда не жаловала серый и голубой цвета. С другой стороны, разборчивой в нарядах ее тоже никак не назовешь. Дома Альва донашивала наряды матери и других родственниц, и выбирать ей не приходилось. Так что фасон и цвет — совершенная ерунда, на которую вовсе не стоит обращать внимания и уж тем более охать по этому поводу, как это делала тетюшка.

— Бросьте, тетя, — нахмурилась Альва, успевшая несколько устать от этого причитания. — Если энье Лотэссе не понравится мое платье, она велит мне надеть другое, вот и все. Наверняка у герцогини куча одежды для фрейлин — в цветах их герба, или подходящих по цвету к обивке мебели, или еще что-нибудь в таком же роде. Кроме того, дэн Карст сказал мне, что сама энья Линсар ходит постоянно в одном и том же черном платье... ну, может, это и разные платья, но зато всегда черные.

Несколько успокоенная, Тийла начала рыться в шкатулке с драгоценностями.

— Украшения я надевать не стану, — решительно заявила девушка. — Лотэсса Линсар в трауре, а ее фрейлина будет щеголять побрякушками — так не годится. А вот если бы ты, тетя, соорудила из моих волос какую-нибудь приличную прическу, это бы пришлось как нельзя кстати. Я ведь только и могу, что косу заплести...

— Ну уж за этим дело не станет, — женщина наконец-то выглядела довольной. — Такую красавицу из тебя сделаем! Хотя ты у меня и так красавица. Только волосами займемся завтра утром, чтоб за ночь не растрепались. А сейчас тебе нужно лечь пораньше, завтра такой день. И что же мне сказать соседям? — словно про себя бормотала она, так и этак прикладывая светлые локоны Альвы к ее лицу.

— Скажи правду, — рассмеялась девушка. — Пусть завидуют. Особенно Чиртон! Пусть попробует теперь задаваться перед нами. Кстати, протектор обещал мне хорошее жалование, и мы сможем полностью погасить твои долги этому жирному дураку не позже месяца Шаэлы. Пусть подавится! А вообще, знаешь, — Альву неожиданно осенило, — может, я попрошу Торна, чтобы тебя тоже поселили во дворец? Не думаю, что это так уж сложно...

— Не стоит дразнить судьбу, девочка, — строго сказала Тийла. — Она и так была излишне щедра к тебе... то есть к нам. Если мы захотим еще больше, можем потерять все. И потом, мне и здесь неплохо. Тут мой сад, знакомые. Во дворце я бы чувствовала себя неудобно, не место там таким, как я.

— Таким, как мы, ты хотела сказать? — в голосе девушки против ее воли слышались вызов и обида. — Мы ведь из одной семьи, тетя. Я ничем не лучше тебя.

— Не лучше, — женщина кивнула. — Просто ты моложе, перед тобой все двери открыты, и ты еще не успела привыкнуть к чему-то настолько, чтобы твердо знать, что тут — твое место. Я ведь когда замуж вышла за Гилара, все вокруг считали, что это ужас какая удача и что я взлетела куда выше, чем могла мечтать фьеррская простушка. А мне же тогда казалось, что все в порядке вещей. Разве я недостаточно хороша, чтобы понравиться достойному человеку и жить в столице? Была уверена, что создана для такой жизни, а не для нашего обветшалого замка. И где я теперь? — она с грустной улыбкой обвела рукой комнату.

— Ты в столице, а не в обветшалом замке, — парировала девушка. — А если пожелаешь, то можешь хоть завтра поселиться во дворце, — возможно, Альва и переоценивала силу своего влияния на протектора, но очень уж ей хотелось доказать тете, что они обе достойны лучшей жизни. — И ты вовсе не такая старуха, какой пытаешься себя представить. Ты еще молода, тетя, и у тебя есть шанс поменять свою жизнь и привыкнуть к чему-то иному. Чего ты, безусловно, заслуживаешь больше, чем старенького дома в Кузнечной части, пусть даже и с отличным садом.

— Давай не будем спешить, — ласково обратилась Тийла к племяннице. — Ты ведь сама пока только однажды была во дворце. Не стоит злоупотреблять покровительством коменданта, протектора или Лотэссы Линсар. Возможно, тебе придется обратиться к кому-нибудь из не из прихоти поселить свою тетку в Нианоне, а по более серьезному поводу. Кроме того, ощущение, что ты кому-то обязан — деньгами или услугой — не самая приятная штука. Уж я-то знаю...

— Как скажешь, тетя, — сдалась Альва. — Может, я и правда слишком уж вообразила о себе. Закружилась голова от неожиданной удачи. В любом случае, голодать и множить долги тебе больше не придется.

— Пора спать, девочка, — напомнила тетушка. — И не спорь.

Как ни упиралась Альва, тетя была неумолима и, настояв на своем, отправила племянницу в постель. Но еще долго девушка не могла заснуть, кружась во власти хаотичных мыслей и чувств. Утром она, разумеется, не могла себе простить вынужденной бессонницы — не потому, что плохо себя чувствовала, а потому, что Тийла засыпала ее упреками по поводу бледности и красных глаз. Вручив Альве чашку со сладким чаем, тетя кружилась вокруг нее, укладывая волосы в прическу и непрерывно ворча. Девушка старалась не досадовать на любимую родственницу, понимая, что это все от волнения. Хорошо бы и Тийла, в свою очередь, понимала, что племянница тоже волнуется и нуждается в подбадривании, а не в констатации того, что она ужасно выглядит.

Когда с прической было покончено, тетя, окинув благосклонным взглядом свое творение, милостиво признала, что теперь Альва «почти хорошенькая». После этого женщина попыталась заставить девушку поесть, но та наотрез отказалась. Мысль о завтраке в такую рань, да еще и после бессонной ночи, вызывала тошноту. Тийла оставила племянницу в покое, но зато сразу же нашла новый повод для беспокойства.

— Как же ты в таком платье пойдешь через полгорода? — схватилась она за голову.

— Мне не привыкать ходить, — улыбнулась Альва. — Но не сегодня. Протектор обещал прислать за мной карету.

— Вот это да! — тетушка всплеснула руками. — За девушкой из Свеллов пришлют карету до Нианона. А ведь наша семья считала меня после замужества самой удачливой женщиной в роду! Видели бы они тебя сегодня!

— Некому меня видеть, тетя, — мрачно промолвила Альва. — Кроме нас с тобой, никого из Свеллов не осталось в живых. И позаботились об этом те самые люди, что присылают сегодня за мной карету и зовут во дворец.

Тийла умолкла, признавая правоту девушки. Впрочем, молчала она недолго. На улице послышался стук копыт и обе — тетушка и племянница — прильнули к единственному

окну, выходявшему на улицу. Карету протектор, видно, раздумал присылать, зато приехал лично. Пока он спешил, зрительницы отпрянули от окна, а через минуту Тийла уже спешила к двери. Торн, на этот раз, очевидно, решивший быть галантным, поцеловал руки обеим дамам, чем привел старшую из них в сильное смущение. То ли теть Тийла почитала себя недостойной внимания столь высокопоставленной особы, то ли ее просто взволновал рыцарский жест красивого мужчины. Затем все трое вышли на улицу, где, несмотря на ранний час, уже собралась изрядная толпа зевак. Жители небогатых рабочих частей Вельтаны ложатся и встают рано, предпочитая приступать к делам пораньше. Однако сейчас, глядя на сборище около Тийлиного дома, можно было подумать, что все эти люди поднялись с постелей и чуть ли не затемно вышли на улицу только ради того, чтобы поглазеть на изысканного кавалера, почтившего визитом дэну Ормонд и ее неугомонную племянницу.

Впрочем, саму Альву внимание соседей оставляло равнодушной. Куда больше ее занимал вопрос, как, не привлекая внимания тети, взять с собой лук. Конечно, можно оставить его дома, а затем во дворце потребовать у протектора новый, чтобы оберегать знью Лотэссу. Но почему-то девушке не хотелось расставаться с оружием, которое она считала своим. В небольшой дорожный мешок с вещами не то что лук, даже стрелы не влезут. На выручку девушке пришел Торн, проявивший чрезвычайный интерес к Альвиному луку и попросивший разрешения захватить его с собой, дабы «рассмотреть получше».

Альва с облегчением вздохнула и тут заметила в толпе Ларни. Не обращая внимания ни на тетюшку, ни на протектора, девушка подбежала к другу. Только сейчас она осознала, что они не виделись с того дня, как она первый раз уехала с комендантом. Наверняка до парня доносились связанные с нею слухи, но сама-то она ему ничего не рассказывала, кроме того, что устроилась секретарем к Карсту. И вот теперь за ней приехал протектор, которого Ларни знал в лицо после той памятной ночи, когда они лазали по крышам. Парень выглядел скорее не удивленным, а расстроенным, и Альва, глядя на него, ощутила укол совести.

— Ларни, — торопливо и негромко, чтоб не слышали стоящие рядом, прошептала она, — я все тебе объясню, обязательно. Но сейчас мне нужно ехать. Прости, что не нашла времени раньше, но слишком много всего случилось за эти дни. Я приду к тебе, как только смогу. А пока зайди к тете, она расскажет, что знает, только знает она не все. Присматривай за ней, пока меня не будет, ладно?

— Конечно, — он серьезно кивнул. — Не беспокойся ни о чем. Расскажешь все, когда сможешь... или когда захочешь. Это неважно. Главное, береги себя.

Девушка торопливо чмокнула друга в щеку на прощанье и поспешила обратно. Торн посадил ее на коня и вскочил в седло сам, перед этим еще раз приложившись к руке дэны Ормонд на радость многочисленным зрителям. Стоило им отъехать немного, как мужчина заговорил.

— Не припомню, когда меня в последний раз встречали и провожали подобным образом, — он явно имел в виду зевак с окрестных улиц.

— Для них это событие почище захвата столицы или ужасных смертей, — в голосе девушки против воли звучали нотки презрения. — А если бы вы все же прислали карету, то она попросту не смогла бы проехать из-за толпы. Сюда бы собралось все население Кузнечной части, включая стариков, увечных и грудных младенцев. А вы лишили бедняг такого зрелища и возможности рассказывать об этом событии своим внукам долгими зимними вечерами.

— Ну, извини, крысенок, что не увез тебя из дома с должной помпезностью, — съязвил Торн. — Может быть, твоих соседей несколько утешит тот факт, что стоимость моего коня превышает цену трех карет? Или то, что за тобой лично приехал верховный протектор?

— Полагаете, кузнецы и лавочники знают вас в лицо? — усмехнулась Альва. — Ларни единственный знает, кто вы, не считая тетюшки.

— Это тот паренек, что скакал с тобой по крышам?

Она кивнула. Какое-то время оба молчали. Утренняя прохлада давала о себе знать. Поначалу волнение горячило ей кровь, но теперь, когда девушка начала мало-помалу успокаиваться, холод становился все ощутимее. Альва пожалела, что оставила дома плащ. Причем сознательно, решив, что старый, выдавший виды плащ, который она прихватила из Фьерры, никак не сочетается с красивым тетиным платьем. В общем-то, так оно и было. Кроме того, девушка рассчитывала, что они поедут в карете, а когда явился протектор, она о плаще и не вспомнила. Теперь же она изо всех сил сдерживала дрожь и старалась не стучать зубами. Однако долго мерзнуть Альве не пришлось. Ее спутник снял с себя камзол и укутал плечи девушки. Затем, не дав ей сказать ни слова, опасаясь то ли благодарности, то ли протеста, он заговорил сам.

— Холодно. Сегодня первый день месяца Фессы. Осень началась.

— И правда, — Альву удивило, что она об этом и не вспомнила.

В начале Фессы она должна была приступить к работе у Карста, но вышло так, что нужда в ней возникла даже раньше. Эта мысль льстила девушке, она ощущала себя причастной к чему-то очень важному и необыкновенному.

— Альва, — голос Торна прервал ее мысли. — Энья Лотэсса... Она непростой человек. С ней порой может быть сложно. Но ей нелегко пришлось в последнее время...

— Можете ничего не объяснять. Я тоже непростой человек, и мне тоже пришлось нелегко. Уверена, мы сможем понять друг друга. Впрочем, — добавила она, — это не так уж важно. Ведь энье Линсар нужна не подруга, а защитница.

— Подруга ей бы тоже не помешала, — пробормотал мужчина. — Хотя, разумеется, охрана бесценной особы королевской невесты превыше всего.

— Я буду заботиться о ней, как о наследнице Линсаров, а не как о невесте вашего короля! — отрезала Альва.

— Как вам угодно, — Торн не утратил хладнокровия. — Вы должны сопровождать Лотэссу повсюду, кроме званных обедов, приемов и прочих королевских мероприятий. В такие моменты охранять энью Линсар будем мы с его величеством. Кроме того, у вас будет возможность избегать общества герцогини, в чем я, по чести сказать, вам очень завидую.

— Вы имеете в виду эну Линсар? — спросила девушка. — Почему мне стоит избегать ее?

— Во-первых, она совершенно невыносимая женщина, несмотря на прелестную внешность. Во-вторых, она сразу же вас невзлюбит и станет допытываться, как и почему вы стали фрейлиной ее дочери.

— Невзлюбит? — переспросила Альва, в голосе ее звучала плохо скрываемая обида. — Из-за того, что я не отличаюсь знатностью и богатством?

— Вовсе нет, — усмехнулся ее спутник. — Из-за того, что вы отличаетесь молодостью и красотой. А эта дама привыкла окружать себя стареющими недалекими дурнушками, которые должны, по ее мнению, оттенять ее достоинства, но на самом деле лишь уличают в мелочной расчетливости. Не представляю, как она терпит рядом с собой собственную дочь.

— Лотэсса Линсар ведь самая красивая девушка королевства!

— Это дело вкуса, — улыбнулся Торн. — По мне, так в Эларе есть и не менее красивые девушки.

Глава 15

Лан сделал неверный выпад, затем еще и еще один... Наставник укоризненно покачал головой и опустил меч, давая понять, что на сегодня тренировочные поединки закончены. Лан не стал спорить, сам понимал, что, когда мысли заняты другим, толком не получается ни атаковать противника, ни парировать его удары. А мысли его блуждали далеко уже не первый день, с той самой ночи предполагаемого побега, когда Тэсса не пришла. Парень прождал до утра, терзаемый самыми противоречивыми предположениями. Он не знал, чего бояться больше — того, что Лотэссу могли схватить, прознав о ее планах, или того, что девушка могла сама передумать, предпочтя сомнительной роли мятежницы корону Элара и красавчика Малтэйра в мужа. Час шел за часом, Тэсса не являлась, и Лан постепенно терял надежду. Он прождал еще пару часов после рассвета и был вынужден вернуться домой. Мать не мучила его расспросами, лишь велела выпить подогретого вина и отправила в постель. Лан заснул как убитый, даже тревожные сновидения оказались бессильны перед охватившей его усталостью. Утром он, разумеется, поговорил с матерью, бессильной его утешить, но способной поддержать. А потом потянулись дни, наполненные неизвестностью, тревогой за Лотэссу и ожиданием ареста. Эна Алдора с сыном были готовы ко всему и исполнены решимости мужественно и гордо принять любую участь. Лан каждый вечер ходил к тайной калитке — без особой надежды застать там Лотэссу и скорее из потребности делать хоть что-нибудь. А днем он опять без усталости махал мечом, чтобы отвлечься от тоскливых и тревожных мыслей. Но отвлечься не удавалось, и сегодняшней отказ мастера Брилора продолжать тренировку — явное тому доказательство.

Парень пошел в дом, стаскивая по дороге рубашку, пропитавшуюся потом. Он собирался привести себя в порядок, когда явился слуга и, запинаясь, доложил, что его хочет видеть важный господин из дайрийцев. Лан решил не спешить и преспокойно вылил на голову и торс бадью с водой, затем долго растирался и неторопливо надевал свежую рубашку. Кто бы ни был этот высокопоставленный дайриец — подождет. Да и ему спешить некуда. Вряд ли подобный визит окончится добром, а дурные события и вести не стоят того, чтобы ради них спешить.

С дайрийцем была эна Алдора. Она держалась с гостем холодно и надменно, велела проводить его в приемную, а не в гостиную, где Таскиллы обычно принимали тех, кому рады. Приемная же являла собой помещение хоть и безукоризненное с точки зрения отделки и обстановки, но зато лишенное даже намека на уют, строгое и официальное, под стать настроению хозяйки. Когда Лан вошел, гость поднялся ему навстречу, и парень узнал в нем Элвира Торна, верховного протектора и убийцу короля.

— Эн Таскилл, — мужчина поклонился учтиво, но весь его вид выражал высокомерие.

— Чему мы обязаны вашим визитом? — Лан не собирался тратить время на церемонии и изображать вежливость.

— Своей опрометчивости, — Торн, похоже, тоже не имел намерения играть в доброжелательную беседу. — Я могу предъявить вам обвинение в государственной измене.

— Не можете, — спокойно возразил Лан, мимоходом успев подивиться собственному хладнокровию.

— Почему это? — в голосе протектора послышалось любопытство.

— Потому что короля, которому я обязан верностью, больше нет, следовательно, нет и государства, по отношению к которому можно совершить измену.

— По поводу короля вы правы, — Торн изучающе смотрел на Лана. — А вот насчет государства заблуждаетесь. Со сменой власти Элар не прекратил существование, и, вредя ему, вы совершаете измену своей стране.

— Я не делал ничего, что могло бы навредить интересам моей страны, — возразил Лан, по-прежнему пытаясь сохранять бесстрастное достоинство, несмотря на очевидность того, что их с Тэссой заговор раскрыт.

За себя парень действительно не переживал, а вот мысли об участии девушки сильно

мешали напускному равнодушию. Лан поймал одобрительный и ободряющий взгляд матери.

— Обвинение в измене касается только моего сына или распространяется на меня тоже? — холодно спросила она.

— Пока ваше участие в заговоре не доказано, мы не смеем подозревать вас, эна Алдора, — вежливость протектора не скрывала его отношения к собеседнице.

— В таком случае позвольте удалиться, — и она вышла, не дожидаясь согласия гостя, оставив мужчин наедине.

— А чем вы докажете мое участие в заговоре? — рискнул спросить Лан. Кто знает, что именно и насколько много известно протектору. — На каком основании вы вообще смеете предъявлять мне какие-либо обвинения?

— На основании того, что видел и слышал лично, — ответил Торн. — Хотите знать, почему Лотэсса Линсар так и не пришла к вам той ночью? — не дав юноше и рта раскрыть, он продолжал. — Потому что повстречала его величество. Впрочем, она не пришла бы в любом случае. Если бы обстоятельства сложились иначе, ваша подруга была бы мертва.

— Лотэсса! — Лан, не в силах больше сдерживать себя, вскочил и впился глазами в собеседника. — Что вы с ней сделали?!

— А что мы могли с ней сделать? — ворчливо отозвался протектор. — Бросили в темницу, чтоб научить покорности и выбить дурь из ее прелестной головки. Если дерзкая девчонка и дальше будет упорствовать и запирается, придется прибегнуть к пыткам.

Лан задохнулся, побелел и инстинктивно потянулся к отсутствующему мечу. Впрочем, осознание безоружности не остановило парня, сейчас он был готов задушить Торна голыми руками.

— Успокойтесь, юноша, — холодно осадил Таскилла протектор. — Я пошутил. Ничего с вашей Лотэссой не случилось, разве что охраняют ее теперь усерднее. Его величество чересчур великодушен, на мой взгляд. Король не склонен карать свою невесту за участие в попытке государственного переворота. Более того, он готов простить и вас, естественно, на определенных условиях.

— Что за условия? — парень еще не отошел от ужаса, вызванного торновской «шуткой», но старался взять себя в руки.

— Во-первых, верните ключ от тайного прохода в Нианон, — Торн демонстрировал полнейшую осведомленность обо всех деталях заговора. — У нас, в отличие от Ильдов, нет оснований доверять вам. Ключ Линсаров также будет изъят. Ваши фамилии пока ничем не заслужили привилегий со стороны новой власти.

— В таких привилегиях мы и не нуждаемся! — Лан швырнул ключ протектору, со злостью сорвав его с шеи.

— Это еще не все, — спокойно продолжил Торн, пряча ключ. — Я хочу знать все о том, как покойный король передал вам свое кольцо с рубином. Если вдруг планируете отрицать свое участие в этом, не трудитесь. Ваша любезная Лотэсса рассказала, что именно вы принесли ей кольцо Йеланда Ильда по его просьбе.

— Лотэсса рассказала? — переспросил парень, лихорадочно соображая, говорить ли протектору правду или попытаться заморочить ему голову.

— Представьте себе, — с издевательскими интонациями подтвердил Торн. — И ее даже не пришлось ради этого пытаться... ну разве что самую малость, — увидев реакцию Таскилла, он хохотнул. — Шучу, шучу. Как же вас, однако, легко вывести из себя. Учитесь владеть собой, молодой человек.

Лану стало стыдно, что он второй раз попался на один и тот же крючок.

— Что вы хотите знать о кольце? — спросил парень, буравя собеседника исподлобья

злым взглядом.

— Вообще-то, все, что вам известно.

— Зачем вам это? — Лан и вправду не понимал, какое дело дайрийцам до ильдовского кольца, про которое он и сам давно позабыл.

— Я мог бы ответить, что вас это не касается, но понимаю, что рискую услышать историю не совсем правдивую... или совсем не правдивую. А потому скажу, что от того, насколько точно вы припомните подробности вашей последней встречи с Йеландом и все, что касается кольца, будет зависеть не только благополучие ваше и вашей матушки, но и жизнь вашей бесценной Лотэссы Линсар.

— Жизнь Тэссы? — на этот раз парень не вскочил и за меч не схватился, подозревая очередной подвох со стороны протектора. — Вы что, казните ее, если я промолчу или солгу?

— Что за мысли, юноша! — Торн притворно возмутился. — Его величество не собирается казнить свою невесту, даже уличенную в государственной измене. Напротив, он делает все, чтобы защитить ее. Кстати, если бы не король, энья Линсар была бы уже мертва, причем дважды.

Лан ошарашенно взирал на мужчину, а тот спокойно и равнодушно выдерживал его взгляд, не спеша разъяснять сказанное.

— Кто хотел убить Лотэссу? — наконец спросил Таскилл.

— Тот, кто хотел завладеть ильдовским кольцом, — ответ протектора ничего не разъяснил, лишь, напротив, добавил загадочности.

— Он все еще на свободе, да? — догадался парень. — Иначе вы бы расспрашивали его, а не меня. И вам не пришлось бы беспокоиться за жизнь Тэссы... я хотел сказать, эньи Линсар.

— Bravo, юноша, — интонации протектора были красноречивей слов. — А вы умеете думать... временами. Надеюсь, теперь, осознав, что поставлено на карту, вы напряжете память и вспомните все до мельчайших подробностей, сколь бы личными или незначительными они вам ни казались.

Вспомнить было нетрудно, в конце концов, все это случилось не так уж давно. Это только кажется, что с тех пор прошла целая вечность, на самом деле — чуть больше месяца. В тот день в стенах Нианона царило безумие. Дайрийские войска уже вошли в город, и с разных частей Вельтаны ко дворцу стекались весьма противоречивые слухи. То говорили, что солдаты грабят, жгут и убивают всех на своем пути, то, напротив, докладывали, что в городе относительно спокойно — никаких погромов и насилия. Проверить правдивость тех или иных слухов в тот момент не представлялось возможным. Это уже позже стало известно, что дайрийские военачальники, повинуясь приказу короля, поддерживали в войсках образцовый порядок и если и вступали в схватки, то только тогда, когда не было возможности их избежать. Ни на горожан, ни на их имущество никто не покушался. Таскиллоу, как и Линсаров, вызвали во дворец. Эна Алдора наотрез отказалась покинуть дом, явив редкий случай непокорности королевской воле, однако категорично настояла на том, чтобы сын был в Нианоне, подле короля. Линсары явились во дворец всей семьей, даже Тэсса, которое в то время была больна. Избыток душевных страданий, как часто бывает, вылился в телесный недуг. Лан не знал, посылал ли Йеланд за Лотэссой до того, как вызвать его. Просто в какой-то момент среди общей сумятицы запыхавшийся придворный подбежал к парню и сообщил, что герцога Таскилла срочно требует к себе его величество. Лан, разумеется, отправился к королю, а гонец помчался дальше, очевидно, разносить другие поручения монарха.

Йеланд сидел в кабинете и был более мрачен и бледен, чем все последние дни, хотя, казалось бы, это невозможно.

— Вы пришли, эн Таскилл, благодарю, — церемонно начал король.

— Разумеется, ваше величество. Чем я могу быть полезен?

— Вам известно, что это за кольцо, Лан? — Йеланд поднес к лицу парня руку, на которой было не меньше четырех колец. Не дав собеседнику ответить, король продолжал. — Это фамильная драгоценность моей семьи. Этот рубин принадлежал еще Дренлелору — основателю династии Ильдов.

Таскилл стоял и почтительно слушал монарха, не перебивая, хоть и не мог понять, какое отношение знаменитое кольцо может иметь лично к нему и зачем его величество все это рассказывает. Король меж тем продолжал.

— Я не знаю, что ждет меня, когда дайрийцы войдут во дворец. Какую участь уготовил Малтэйр нам с братом и стоит ли рассчитывать на его милосердие. Но, как бы там не повернулось, я не хочу, чтобы кольцо Ильдов, которое, по легенде, таит в себе удивительную силу, оказалось в руках врага. Вам известно, что в жилах Малтэйра течет кровь Ильдов? Дайр — тот самый, из-за которого великий Элар раскололся на две части, этот безумец, виновник всех наших бед — был справедливо наказан за свои деяния еще при жизни. У него не было сыновей, которым можно было передать престол, только дочь...

Историю страны, в отличие от истории таинственного кольца, Лан знал неплохо, а потому не нуждался в пересказах. Отсутствие наследника мужского пола у Дайра Ильда было общеизвестным фактом, зато его дочка стоила десятка сыновей. Королеву Теору, сильную и мудрую, помнят и по сей день, даже один из зимних месяцев назван в ее честь. Однако возражать Йеланду Таскилл не стал, дабы не проявлять непочтительность.

— Теора Ильд, выйдя замуж за полководца Малтэйра, взяла его фамилию, хотя король, ее отец, мог бы настоять на обратном. С тех пор Ильды правят лишь в Эларе, но в потомках Теоры и Малтэйра, увы, не меньше крови Дренлелора, чем во мне или в Нейри. Вполне возможно, что, захватив Элар, Валтор Малтэйр вспомнит об этом и захочет вернуть себе древнюю фамилию, а заодно и рубин, искони бывший символом нашей семьи. Этого нельзя допустить.

Что ж, логично, подумал про себя Лан. Наконец-то он понял, к чему клонил король, и согласился с тем, что сберечь фамильную реликвию от врагов необходимо и правильно.

— Вы хотите, чтобы я спрятал кольцо? — Таскилл скорее утверждал, чем спрашивал.

— Не совсем, — Йеланд покачал головой. — Я хочу, чтобы вы отдали рубин Лотэссе Линсар.

— Но почему? — не понял Лан. — Вы думаете, что Лотэсса лучше сможет сохранить кольцо, чем я? Но она же больна и вообще...

— Не спорьте со своим королем, эн Таскилл, — голос Йеланда звучал непривычно властно. — Полагаете, что лучше меня знаете, что правильно, а что нет? Я пока еще король, хотя, возможно, ненадолго, и могу отдавать приказания, не отчитываясь в своих решениях.

— Разумеется, ваше величество, — пристыженный парень склонил голову. — Я сделаю, как вы скажете.

— Вот и хорошо, — смягчился Ильд. — Отдайте кольцо Лотэссе. Не надо ей ничего объяснять, скажите лишь, что это мой прощальный дар, который должен напоминать обо мне, — видя, что Таскилл опять хочет что-то возразить, король продолжал. — Я не столь наивен, чтоб полагать, будто по-прежнему буду восседать на престоле или хотя бы жить во дворце. Если меня не казнят, не убьют и не бросят в темницу, то уж сошлют из столицы наверняка. Королем мне больше не быть, Лан, — он вздохнул. — Мой трон займет Валтор Малтэйр. Он будет сидеть в этом кабинете и спать в моей опочивальне. Пусть хоть что-то мое ему не достанется, — с этими словами король снял перстень с руки и протянул парню.

— Вы всегда будете нашим королем, — порывисто воскликнул Лан.

— Нет, мальчик, не буду, — грустно улыбнулся Йеланд. — Может, оно и к лучшему. Я был не очень хорошим королем, я знаю.

— Вы Ильд — наш законный государь, — упорствовал Таскилл. Оспорить последнее

утверждение Йеланда у него не хватило духу, поскольку оно полностью соответствовало истине. — Пусть Малтэйр оказался талантливым и удачливым полководцем, но терпеть его на ильдовском троне эларцы не станут! Они... мы вернем вам трон, ваше величество, и дворец, и столицу, и страну. Просто нужно время. Нужно собраться с силами, чтобы дать отпор.

— Дайриец не даст вам времени, — покачал головой король. — И уж тем более он не даст времени мне. Проще всего было бы меня убить. Конечно, это вызовет протест всех цивилизованных держав, но какое Малтэйру до них дело...

— Вам придут на помощь, — Лан сам в это не очень-то верил, но сейчас ему казалось необходимым поддержать монарха, павшего духом.

— Никто мне не поможет, эн Таскилл. Ни венценосные братья, ни подданные, ни даже сверхъестественные силы...

— Ну, на вмешательство последних не стоит и рассчитывать, — Таскилл осторожно вставил реплику.

— Представьте себе, я и до этого дошел, — признался Йеланд. При этом Лан заметил на одной из его ладоней свежий порез, а на манжете капли крови. Полумрак, царящий в кабинете из-за закрытых штор и не зажженных свечей, не позволил увидеть этого раньше.

Король проследил взгляд собеседника и виновато развел руками. Кроме того, почему-то бросил вороватый взгляд на хрустальный бокал с темным вином, стоящий на столе. Что ж, нельзя винить несчастного почти свергнутого монарха за естественное желание заглушить отчаяние. Пусть пьет, если ему так легче. И не Лану Таскиллу его судить.

— Я решился проверить правдивость одной древней легенды, как раз связанной с нашим фамильным кольцом.

Лан против воли испытал любопытство, хотя вообще в такие вещи не верил. Очевидно, заинтересованность собеседника не ускользнула от Йеланда.

— Вам интересно, чем это закончилось, эн Таскилл? — невесело усмехнулся король. — А ничем! Легенда оказалась просто легендой, и хваленый ильдовский рубин, передающийся из поколения в поколение со времен Дренлелора, — всего лишь драгоценный камень без всяких там магических свойств.

— Разве это кольцо было... волшебным? — произнести последнее слово было как-то неловко. Вроде как выходило, что он — Лан — тоже верит во всю эту ерунду.

— Получается, что не было, — его величество развел руками. — Просто принято считать, что если воззвать к дарителю кольца в трудную минуту, то помощь придет. Это, конечно, тайна, но что толку ее хранить, если все оказалось ерундой. Да и вообще, какой теперь смысл в семейных тайнах и преданьях? Хотя, надеюсь, эн Таскилл, что наш разговор останется в секрете.

Лан, разумеется, пообещал молчать, и сейчас, выходит, нарушил обещание, подробно рассказав обо всем Торну. Но безопасность Лотэссы была для парня важнее любых принципов.

— А король так и не назвал имени дарителя кольца? — спросил протектор.

— Если бы назвал, я бы назвал его вам, — пожал плечами Таскилл. — Могу я, в свою очередь, спросить, кто угрожает Лотэссе и что вообще происходит?

— Спросить-то вы можете, — лениво и словно задумчиво протянул Торн. — Но я отвечу на ваш вопрос, лишь будучи уверенным, что вы нам не враг и не используете то, что узнаете во зло.

— Я — враг вам! — отчеканил Лан. — Был и останусь. Но если интересы Лотэссы требуют забыть о вражде... на время, я забуду и принесу любые клятвы, кроме разве что присяги на верность.

Глава 16

Лотэсса пыталась читать, она выбрала одну из книг, которые обнаружила у Нейри. Книга была хорошая, однако девушке никак не удавалось сосредоточиться на содержании. Мешало постороннее присутствие. Временами Тэсс незаметно, не поднимая глаз от страницы, поглядывала на Нармин, которая постоянно что-то строчила — то ли делала записи, то ли письма писала. Кроме жрицы, в гостиной то и дело мелькали новые служанки, Тэсса даже не пыталась запоминать их имена. Впрочем, к маменькиной прислуге она проявляла такое же невнимание. Фрейлин еще как-то запоминала, а ради прочих девиц не считала нужным себя утруждать. Своих личных горничных она, конечно, знала, но оставила их в Вэйлтайне, не рассчитывая надолго задерживаться в королевском дворце. А бежать из столицы со свитой еще глупее, чем пытаться прихватить с собой любимого коня.

Теперь стараниями Торна у нее будет новая фрейлина. Необычная фрейлина-телохранитель. Лотэсса представляла ее широкоплечей и высокой женщиной средних лет с суровым выражением лица. И вообще, в воображении девушки новая фрейлина напоминала скорее мужчину, обряженного в женский наряд, который должен был смотреться не слишком уместно. И все равно лучше этакая странная особа, чем противная Нармин, которая пыталась поначалу робко заговорить с Тэссой, но быстро поняла, что этого лучше не делать. И вот теперь жрица все пишет, пишет, пишет...

Тэсс попыталась вновь углубиться в чтение, но тут раздался стук в дверь, и одна из служанок — кажется, ее все-таки зовут Милла — пошла отворять двери. Как и предполагала Лотэсса, к ней пожаловал протектор в сопровождении обещанной дамы. Однако «дамой» назвать прелестное создание, стоявшее за плечом Торна, было сложно. Совсем юная девушка, скорее всего, не старше самой Лотэссы, белокурая, с огромными зелеными глазами и россыпью веснушек на милом лице. И эта славная девчушка владеет оружием?! Быть не может!

— Энья Линсар, позвольте представить вам Альву Свелл, — протектор склонился в поклоне, а девушка присела в реверансе, не то чтобы идеальном, но довольно изящном.

Тэсса встала и взяла гостью за руки. Новая фрейлина очень понравилась ей. Неброское обаяние ее внешности и манер вызвало горячую симпатию Лотэссы.

— Я очень рада вашему обществу, дэнья Альва, — Тэсс поймала себя на том, что искренне улыбается, впервые за долгое время. — Признаться, я представляла себе вас несколько иначе.

— Должно быть, я виделась вам дородной бабищей в доспехах, размахивающей двуручным мечом? — рассмеялась та. Смех у нее был такой заразительный, что Тэсс, не удержавшись, тоже засмеялась, и даже Торн соизволил улыбнуться.

— Что-то вроде того, — призналась Лотэсса.

— На самом деле я стреляю из лука, — в голосе Альвы слышалась гордость. — Ну и с ножами умею обращаться. Эн Торн? — она повернулась к протектору, и тот протянул девушке чехол, под которым, как догадалась Тэсса, скрывался лук. Обратив сразу все внимание на новую фрейлину, она и не задумалась о том, что за штуку держит в руках дайриец.

Альва не стала расчехлять оружие, просто поставила лук возле стены. Между тем Торн обратился к обеим девушкам.

— Энья Лотэсса, позвольте похитить у вас вашу новую фрейлину на пару минут, — не дожидаясь разрешения Тэссы, он поволок Альву в ту часть гостиной, где за перламутровым столиком строчила свои трактаты несносная жрица. — Дэнья Свелл, познакомьтесь с Нармин — жрицей храма Маритэ. Она так же, как и вы, призвана заботиться о безопасности эньи Линсар, правда, м-м-м... несколько иным способом. Надеюсь, вы подружитесь.

Альва мило улыбнулась Нармин, та улыбнулась в ответ. Лотэсса почувствовала досаду. В отличие от Торна, ей вовсе не хотелось, чтоб ее новая фрейлина подружилась со жрицей.

А протектор тем временем, решив, что его миссия окончена, решил откланяться.

— Дамы, за сим позвольте вас покинуть, — церемонно произнес он.

— Не смеем вас задерживать, — в тон ему ответила Лотэсса. — Вас ждут государственные дела захваченной страны.

— Вот именно, — Торн улыбнулся так, словно ему отвесили комплимент.

Тэсса внимательно смотрела на Альву, наблюдая, как та отреагирует на ее выпад в адрес Торна. Но девушка хранила абсолютное спокойствие, на ее лице не отразилось ни смущения, ни злорадства.

Затем он склонил голову — скорее кивнул, чем поклонился, — взял в свои ладони руки обеих девиц: Лотэссину в правую, Альвину в левую, — и поочередно поднес их к губам. Руку эньи Линсар мужчина, как и предписано этикетом, поднес первой, зато руку Альвы задержал в своей чуть дольше.

А ведь она ему нравится, вдруг мелькнуло в голове у Тэссы. Но она тут же отмела эту мысль. Чем может привлечь дайрийского аристократа, избалованного вниманием женщины, простая эларская девушка, пусть даже и очень хорошенькая? Если Альва и интересуется Торна, то не как мужчину, а как политика-интригана, переставляющего фигурки на диске.

Когда мужчина ушел, девушки остались, глядя друг на друга и растерянно улыбаясь. Обе не знали, что сказать и как завести разговор. Лотэсса нашлась первой.

— Покажите мне свой лук, дэнья Свелл, — попросила она.

— Ну, вообще-то он не совсем мой, то есть мой, но... — Альва запнулась. — Лук принадлежит мне, но мне его подарили, — помолчав мгновение, она добавила, словно собравшись с духом. — Торн. Он отдал мне этот лук.

— Торн? — Тэсс не слишком удивилась. — Он дал вам этот лук, чтобы защищать мою бесценную особу?

— Нет, — девушка выглядела смущенной. — Он дал мне его давно, несколько месяцев назад...

— Что?! — Тэсс изумленно выгнула брови. — Так вы давно знакомы?

В ответ Альва рассказала удивительную историю про их с Торном первую встречу. Оказывается, протектор (тогда он был всего лишь маршалом) осаждал родовой замок Свеллов. Он спас Альву от своих людей и отдал ей чей-то лук взамен ее собственного, уничтоженного им.

— И, оказавшись в столице, вы разыскали Торна? — голос Лотэссы звучал прохладно, ей не нравилось, что эларка пошла на поклон к дайрийцу, пусть даже и поступившему по-рыцарски.

— Нет, вовсе нет! — горячо запротестовала девушка. — Мы встретились случайно. Он был с дэном Карстом...

— А коменданта-то вы откуда знаете? — Тэсс уже устала удивляться.

— Ну, — протянула Альва. — До того, как протектор сказал, что я буду вашей фрейлиной, я была секретарем дэна Итона, правда, совсем недолго. Зато я в курсе всей этой жути со змеехвостыми чудищами, и мне ничего не нужно объяснять.

Да уж, похоже, ее новая зеленоглазая фрейлина полна сюрпризов. Ну и ладно. Зато она такая славная и располагающая, что Лотэсса с трудом удерживалась от того, чтобы перейти на «ты» в разговоре. Вот было бы здорово иметь такую подругу! Тэссе вообще не везло на друзей женского пола. Девушки ее круга всегда выказывали почтение, но искренней симпатии Тэсс не чувствовала со стороны ни одной из них. Возможно, все дело в соперничестве. По крайней мере, Миргаль уверяла, что это зависть. Мало того, что в Эларе не было ни одной девицы, равной Лотэссе Линсар по положению (тут

Дайриец, будь он неладен, прав), так она еще и была самой красивой. Понятное дело, что подобное сочетание не должно было вызывать восторга у тех, кому по прихоти судьбы повезло меньше. Конечно, почетно числится среди подруг дочку герцога Линсара, но выдерживать постоянное сравнение с ней — та еще радость. Тэссе не слишком приятно было это осознавать, но отсутствие искренней доброжелательности среди приятельниц подтверждало правоту матери. Когда же наконец рядом появилась в лице королевы Шафиры молодая женщина, равная по положению, точнее, превосходящая, то и ее отношение к Лотэссе можно было в лучшем случае назвать терпимым. Не то чтобы Тэсс так мечтала завязать дружбу с королевой, она была мила с тарнийкой ради Нейри, исполненного симпатии к невестке, но королева неизменно отвечала на попытки Тэссы сблизиться вежливой холодностью. Дружить с ровесницами более низкого положения Тэсс даже не пробовала, да и не было у нее такого шанса. У нее были кузины в Норте — дочери сестер Мирталь — и другие молодые родственницы, но матушка не удостоила их чести быть приглашенными к Линсарам хотя бы в качестве фрейлин, хотя родня всячески ей об этом намекала. Мирталь Линсар окружила себя неказистыми старыми девами, причем действительно старыми. С молодыми же своими родственницами Лотэсса виделась только в Норте. Она просила мать взять с собой в столицу кузину Ирэллу и кузину Рейэнн, но получала неизменный отказ. Оставалось довольствоваться несколькими неделями, проведенными вместе, и письмами. Хотя писать Тэсс была не любительница, а потому дружить с далекими сестрами из Норты тоже не очень выходило. Впрочем, девушка не сильно печалилась из-за отсутствия подруг, ведь у нее был Эдан. Разве можно мечтать о лучшем друге? Брат заслонял собой целый мир. А ведь были еще Нейри и Рейлор. Да, с мужчинами отношения у нее складывались куда лучше. И не так уж важно, что почти все они, кроме Эдана, разумеется, не ограничивались дружескими чувствами по отношению к ней. Главное, что с ними было легко и весело, а с женщинами всегда сложно и скучновато. Но теперь, кажется, перед ней первая женщина, которую хочется назвать подружкой. Наверное, потому, что они из разных миров и делить им нечего.

— А стрелять вы где выучились? — Тэсс продолжила разговор.

— В замке, — ответила Альва. — Меня старшие братья учили.

— А мой брат учил меня драться на мечах, — воспоминания об Эдане вызвали улыбку, исполненную светлой грусти. — Только я была не слишком успешной ученицей. И, по правде сказать, не особо-то у меня получалось. Но все равно было весело.

Начав говорить о брате, Лотэсса долго не могла остановиться, обретая в лице новой подруги внимательную и заинтересованную слушательницу. Через полчаса девушки все-таки перешли на «ты» по настоянию Лотэссы.

— Совершенно не представляю, как я обходилась без тебя до этого утра, — призналась Тэсс. — Только сейчас понимаю, как я стосковалась по простому человеческому общению. Мне было так одиноко, особенно после того, как нас разлучили с Ланом. Не с кем и словом перемолвиться...

— Но ведь можно поговорить с Нармин, — вполголоса проговорила Альва, обернувшись в сторону жрицы, все это время делавшей вид, что беседа Лотэссы с новой фрейлиной ее ничуть не занимает.

— С Нармин я поговорила... всего однажды, — Тэсса произнесла фразу нарочито громко. — Совершив подобную глупость, я зареклась ее повторять. Ведь именно той единственной беседе я обязана тем, что сейчас нахожусь не в Вэйлтайне, а здесь, под неусыпным надзором дайрийцев.

— Остаься вы в своем замке, — не выдержала жрица, — и были бы мертвы! Вас спас король!

— Остаься я в своем замке, — парировала Тэсс, — и королю не пришлось бы изображать из себя героя. В стенах Вэйлтайна меня не преследовали змеехвостые твари, — после этого она резко отвернулась от Нармин и снова обращалась только к Альве, словно они были вдвоем.

— Как же все-таки жаль, что ты не сможешь сопровождать меня на всяких приемах и званых обедах, — вздохнула Тэсс. — Там такая тоска! Мало дайрийцев, так еще и

маменька... Ах, если бы рядом был хоть один нормальный человек! Хотя, с другой стороны, обречь еще и тебя на подобное мучение просто жестоко. Так что ты можешь пользоваться свободой, пока его величество держит меня под неусыпным контролем. Тут у Нейри есть книги. Ты любишь читать?

— Люблю, — с улыбкой ответила Альва. — Только читать мне придется в другом месте. Свое свободное время я планирую проводить в королевской библиотеке.

— Значит, книги принца для тебя недостаточно хороши? — Лотэсса ощутила нечто похожее на обиду. — Или их слишком мало?

— Нет, что вы... — Альве было сложнее обращаться на «ты» к первой энье Элара, и она временами сбивалась. — Просто протектор поручил мне искать упоминания о проклятии Ильдов, — она смущенно запнулась, произнесла столь кощунственную фразу. — Или о пророчестве, связанном то ли с Ильдами, то ли с проклятием... в общем, все, что найду. Я хоть и фрейлина теперь, но ведь могу и коменданту по-прежнему помогать.

— Коменданту или протектору? — уточнила Тэсс.

— Обоим, — не смущаясь, ответила девушка. — Они же одним делом занимаются.

— А знаешь, — Лотэссе вдруг пришла в голову неожиданная мысль, — мне ведь никто не велел безвылазно сидеть в своих покоях. Почему бы не занять себя чем-то полезным? Я ведь могу вместе с тобой ходить в дворцовую библиотеку и искать все эти проклятия и пророчества. Мы даже Нармин с собой возьмем и еще парочку гвардейцев можем прихватить, чтоб никто не придрался. Так у моей жизни появится хоть какой-то смысл.

Альва, разумеется, с радостью одобрила план своей госпожи. Тэсс решила, что они отправятся прямо сейчас, и даже милостиво кивнула Нармин, приглашая присоединиться, впрочем, отнюдь не настаивая. Конечно же, прилипчивая жрица, ревностно выполняющая королевское поручение, бросила свои писания, изъявляя готовность следовать за Лотэссой. Стражники, напротив, пребывали в замешательстве. Они подчинялись лишь приказам начальника королевской стражи либо верховного протектора. А тут ими пробует командовать девица, которую они то ли охраняют, то ли стерегут. И вроде просит сопровождать ее для обеспечения безопасности, что логично, но они-то приставлены к дверям покоев. Тэсс измученно вздохнула, закатив глаза. Как же сложно разговаривать с солдафонами, умеющими лишь выполнять приказы, но не анализировать их.

— Значит, так, — она постаралась придать голосу приказной тон. — Один из вас пусть отправляется к эню Торну и, изложив ситуацию, ждет дальнейших распоряжений начальства. Надеюсь, хоть на это вы способны? — она вновь состроила мученическую гримасу.

Оказалось, что способны. Один из гвардейцев почти бегом отправился к Торну, а девушкам пришлось вернуться в комнаты. Не прошло и получаса, как заявился протектор собственной персоной.

— Дэнъя Свелл, давая вам поручение относительно розыска рукописей, я как-то не предполагал, что вы вовлечете в это столько народу, — он хмурился, не пытаясь скрыть своего недовольства.

— Но энья Лотэсса... — начала было Альва извиняющимся тоном.

— Это я приняла решение сопровождать Альву, — надменно и властно произнесла Тэсс, давая понять, что у нее есть право распоряжаться собой и своими фрейлинами. — Что до гвардейцев и королевской любимицы в зеленом, их я прихватила лишь ради безопасности, о которой вы так радеете, эн Торн. Разве я должна сидеть взаперти? Мне запрещается бродить по Нианону — моей царственной темнице?

— Нет, — Торн был вынужден признать ее правоту. — В пределах дворца вы свободны. И, кстати, весьма разумно с вашей стороны подумать об охране. А вы умнеете прямо на глазах, энья Линсар...

Глава 17

Дворцовая библиотека впечатлила Нармин размерами и количеством книг, храмовой до нее было далеко. А вот мрачноватые древние своды и отсутствие окон производили гнетущее впечатление. Но внешний антураж куда меньше заботил жрицу, чем то пренебрежение, которое продолжала ей оказывать надменная Лотэсса Линсар. Она и не думала скрывать, что, милостиво пригласив Нармин с собой, лишь выполняет досадный приказ короля. Пока энья Линсар мелькала среди книжных полок, а новая девушка — Альва — преданно следовала за ней, принимая на вытянутые руки постепенно растущую стопку книг, Нармин ничего не другого оставалось, как сидеть на маленьком диванчике и скучать, ощущая себя бесконечно чужой и ненужной.

Лотэсса и Альва уже который час щебетали, как две пташки, и это безумно раздражало. Вечно обряженной в черное девице Линсар куда больше шла холодная отрешенная надменность, чем эта милая дружеская болтовня, сопровождаемая поминутными улыбочками, а то и взрывами смеха. Раз уж примерила на себя образ трагической страдальцы, то лучше не выходила бы из него, раздраженно думала Нармин. Такое впечатление, что эти две девицы с детства знакомы, связаны самыми нежными дружескими узами и хранят сотни общих секретов. Просто противно на них смотреть. Хотя Альва была бы ничего, если бы не начала сразу же пресмыкаться перед великой и неповторимой Лотэссой Линсар.

Наконец новые неразлучные подружки вернулись из своего похода, нагруженные книгами и рукописями. Сбросив трофеи на невысокие столики, покрытые изрядным слоем пыли, девушки уселись вдвоем на одну скамью и принялись разбирать свою добычу, сортируя на стопки разной высоты. Нармин от нечего делать наблюдала за ними, пока не услышала шаги. Не успела она повернуть голову в сторону неожиданного гостя, как сердце забилось глухими неровными толчками. Волнение, страх и радость накрыли жрицу с головой: перед ней стоял ее обожаемый король. Точнее, если быть честной, то стоял он перед Лотэссой, точнее, рядом со столиком, где сидели девушки.

Валтор Дайрийский поклонился обеим девицам, а затем, обернувшись, адресовал Нармин лучезарную улыбку, от которой у девушки по всему телу разлилось блаженное тепло. Однако руку он поцеловал лишь своей невесте. Неудивительно. Ведь она — высокородная энья Линсар, а они с Альвой не отмечены исключительностью происхождения. Потому и простого поклона короля в их сторону более чем достаточно. Зато улыбнулся Валтор только ей — Нармин!

— Зачем вы пришли? — сразу, без предисловий, напустилась на Валтора Лотэсса. — Проверить, не пытаюсь ли я прорыть под библиотекой подземный ход, чтобы сбежать?

— Напрасный труд, — он улыбнулся одними уголками губ. — Насколько мне известно, из библиотеки и так ведут тайные ходы, поэтому новые рыть не обязательно.

— Спасибо, что сказали, — фыркнула энья Линсар. — Я поищу... как только вы нас покинете.

Да как она смеет так с ним разговаривать?! И как он терпит подобный тон? Он же король, в конце концов!

— Я вас покину несколько позже, — голос Валтора звучал по-прежнему спокойно, но глаза недобро прищурились. — Предоставив возможность обстукивать стены и двигать книжные шкафы. А пока позвольте отнять немного вашего времени, раз уж я сюда спустился, пожертвовав своим... Дамы, не могли бы вы поискать книги где-нибудь в другой части библиотеки? — обратился он к Альве и Нармин.

Те намек поняли и живо ретировались. Правда, обе, не сговариваясь, отошли не слишком далеко и встали так, чтобы, оставаясь в тени книжных шкафов, самим видеть, что происходит. Девушки заговорщицки переглянулись, испытывая некоторое смущение, словно говоря друг другу: конечно, подглядывать нехорошо, но до чего же любопытно!

— Я хотел поговорить с вами, энья Лотэсса, — король обратился к своей невесте. — И присутствие ваших родителей и моих придворных при этой беседе необязательно. Поэтому мне пришлось прийти сюда, не застав вас в ваших покоях.

— Говорите, — Лотэсса равнодушно пожала плечами.

Но вместо слов Валтор извлек откуда-то вытянутый футляр и протянул его девушке. Пока та колебалась, взять или нет, король раздраженно бросил:

— Вы окажете мне большую услугу, моя несравненная суженная, если сообразите открыть эту коробочку. Я бы и сам справился, но с одной рукой это несколько затруднительно.

Лотэсса, кажется, смутилась — по крайней мере, бросив взгляд на левую кисть Валтора, по-прежнему скрытую повязкой, она приняла футляр и открыла его. Внутри, насколько могла рассмотреть Нармин, лежало ожерелье. Похоже, оно было сделано из темного жемчуга. Лотэсса завороченно смотрела на украшение и осторожно водила пальчиком по бусинам.

— Нравится? — король вроде улыбался, но лицо его оставалось холодным.

— Очень красиво, — девушка сдержанно похвалила колье.

— Оно пойдет вам, — интонация, с которой это было сказано, совсем не понравилась Нармин. Точнее, очень бы понравилась, будь эти слова обращены к ней, а не к Лотэссе Линсар. — Я бы застегнул это колье на вашей прелестной шейке, но... — он вновь бросил насмешливый взгляд на свою перебинтованную руку.

— Вы же понимаете, что я не могу принять его, — разумеется, надменная Лотэсса осталась верна себе. Она решительно захлопнула крышку футляра.

— Вы же понимаете, что у вас нет выбора, — в тон ей ответил король. — Как и в случае с кольцом.

— С каким кольцом? — на лице девушки отразилось искреннее недоумение. — С ильдовским рубином?

— Нет, вот с этим, — Валтор резко схватил правой рукой Лотэссину левую ладонь и с силой рванул перстень с безымянного пальца. — Я не позволю моей невесте носить обручальное кольцо, подаренное другим мужчиной. Вместо него будете носить это! — появился еще один футляр, только меньше. В нем, очевидно, лежало кольцо, разглядеть которое Нармин не удалось. Его величество, заметив, как девушка морщится и потирает пострадавший палец, добавил. — Простите, я не хотел сделать вам больно.

— А сделали! — в голосе ее слышался такой укор, что даже Нармин на секунду пожалела соперницу, продолжая, однако, умирать от зависти. — И я имею в виду не палец. Зачем вы мучите меня?! Верните кольцо Нейри, прошу вас!

— Нет!

— Я ни за что не стану носить ваше! — страдальческий тон сменился гневом, и Лотэсса швырнула несчастное колечко в стену.

— Станете, — король не шевельнулся, голос его оставался спокойным, но даже Нармин стало страшно. — Вы будете носить и мое обручальное кольцо, и жемчуг, и пойдете на бал...

— На какой еще бал? — энья Линсар так опешила, что на мгновение даже перестала злиться.

— На днях я даю свой первый бал в Вельтане, — пояснил Валтор. — Столичная знать и придворные стосковались по увеселениям. Надо показать им, что все, как раньше, все хорошо, нет никаких оснований для тревог, беспокойства и ропота...

— Все хорошо?! — прошипела девушка. — Вы издеваетесь?! Государство захвачено, король мертв, в редкой семье нет мужа, сына или брата, погибшего при Латне, по улицам ночами шныряют твари из кошмаров, а вы собираетесь делать вид, что все хорошо?!

— Именно, — подтвердил король. — И на этом балу я собираюсь у всех на виду танцевать

со своей прекрасной невестой-эльаркой. Так что извольте быть.

— Это безумие! — Лотэсса, похоже, была в бешенстве. — Это совершенно невозможно! Я в трауре, если вы до сих пор не обратили внимания.

— Кстати, насчет траура... Вы правы, совершенно невозможно явиться на бал в черном одеянии, поэтому вы его снимете.

— Нет!

— Да! — Валтор был неумолим. Таким Нармин его еще не видела.

— Вы не можете меня заставить! — вскричала Лотэсса.

— Могу, — глаза короля сузились, и на губах заиграла злая улыбка. — Если вы не проявите благоразумие и покорность, я отдам приказ об аресте Лана Таскилла и его матери.

— Вы не сделаете этого, — в ужасе пролепетала девушка.

— Да ну? — Валтор ехидно изогнул бровь. — И почему же? Вообще-то, мне давно следовало взять их обоих под стражу по обвинению в государственной измене и попытке переворота. Как и вас, впрочем...

— Я и так практически под стражей, — заметила Лотэсса с горечью в голосе. — Но их вы не тронете. Умоляю! — теперь она выглядела трогательной и беззащитной. — Я буду послушной. Только не заставляйте меня снять траур по брату. Лучше убейте или бросьте в темницу...

— Вы же отлично знаете, Лотэсса, что вас я пальцем не трону, — вкрадчиво произнес король. — Зато Таскиллов могу в любой момент бросить в темницу и даже убить.

— Из-за черных платьев, которые я ношу?! — в отчаянии заломила руки девушка.

— Из-за участия в заговоре! — отрезал Валтор.

— Лан и эна Алдора ни в чем не виноваты! Это я все придумала! Я их втянула в это!

— Вполне допускаю, — он склонил голову и внимательно посмотрел на свою невесту. — Вы их втянули в это, и только вы можете спасти. От вашего благоразумия зависит участь обоих Таскиллов. Поверьте, — тон его чуть смягчился, — мне не доставляет ни малейшего удовольствия угрожать вам, но ваша непокорность не оставляет мне выбора.

Лотэсса стояла перед ним, вперив в прекрасное королевское лицо взгляд, исполненный одновременно страдания и ненависти.

— Как же вы жестоки! — бросила она Валтору.

— Иногда приходится быть жестоким, — пожал плечами тот. — Вы со временем поймете.

— Надеюсь, что это время не придет никогда, — она покачала головой. — Я выполню все ваши требования. А теперь верните мне кольцо Нейри... пожалуйста, — было видно, как непросто давалась гордой энье Линсар вынужденное смирение.

— Только после того, как увижу на вашем безымянном пальчике свое, — король скрестил руки на груди, глядя на девушку. — Будьте добры, найдите его и подайте мне.

Какую-то секунду Нармин казалось, что Лотэсса сейчас ударит короля. Однако, сдержавшись, она лишь обожгла стоявшего напротив мужчину взглядом, полным безумной ненависти. Затем первая аристократка Элара опустилась на колени и принялась шарить по полу в поисках выброшенного кольца, врученного ей женихом. Альва дернулась было, чтоб помочь своей госпоже, но Нармин удержала ее за локоть, безмолвно качая головой. Не стоит им вмешиваться в ссору короля и его нареченной — оба не простят. О присутствии фрейлин в библиотеке, скорее всего, банально забыли в пылу спора, и совершенно излишне напоминать, что столь бурное выяснение отношений имело невольных свидетелей. По крайней мере, сейчас момент самый неподходящий. Очевидно, Альва согласилась с Нармин и больше не делала попыток выйти из укрытия.

Валтор наблюдал эту сцену с выражением, которое Нармин было сложно разгадать. На его совершенном лице не было ни злорадства, ни жалости, лишь какая-то странная задумчивость. Впрочем, долго безучастно созерцать ползающую по полу невесту его величество не стал. Он взял со стола лампу и склонился над девушкой.

— Хотите получше разглядеть мое унижение? — не поворачивая головы, спросила та.

— Нет, хочу помочь вам поскорее найти кольцо, — спокойно ответил король. — В темноте вам придется искать очень долго.

— А вы не могли бы помочь каким-нибудь другим способом? — с издевкой поинтересовалась Лотэсса.

— Нет, — ухмыльнулся мужчина.

Наконец бедняжка отыскала злополучное колечко. Валтор поставил лампу на пол и поднял суженую с пола, подхватив ее под локоть. Девушка собиралась надеть кольцо на палец, но король забрал его и надел сам. На этот раз его движения были исполнены почтительности. Надев обручальный перстень на пальчик Лотэссы, он поднес ее ладонь к губам и поцеловал. По лицу эньи Линсар было видно, что она убить готова своего жениха, которой для разнообразия решил побыть галантным кавалером. А Нармин могла думать лишь об одном: как же мучительно ей хочется быть сейчас на месте Лотэссы.

Очевидно, сполна насладившись мучениями эньи Линсар, король вернул ей отнятое кольцо принца Нейри. Девушка порывисто схватила его, прижала к губам, а затем надела на безымянный палец правой руки. Окинув Лотэссу ироничным взглядом, его величество решил вспомнить о девушках, притихших среди книжных полок.

— Дамы, — обратился он к Альве и Нармин, повышая голос. — Надеюсь, вы окажете мне честь своим присутствием на королевском балу?

Надо же, разговаривает с ними, как будто они не простые фрейлины, а какие-нибудь маркизы или как минимум графини. Разумеется, обе тут же поспешили заверить короля, что будут просто счастливы...

А потом он ушел. Как ни удивительно, Нармин была этому даже рада. Слишком уж больно со стороны созерцать его рядом с Лотэссой. Даже в жестокости Валтор казался неотразимым. Но и злость мужчины ее мечты, и его внимание были предназначены другой. Не в силах больше сдерживать себя, Нармин вновь скрылась в тени книжных шкафов и, прислонившись к ним спиной, сползла на пол, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Ее отсутствие не заметили. Из своего укрытия жрица слышала, что Лотэсса тоже плачет. Наверное, ей, как и Нармин, было сложно дожидаться ухода короля, чтобы дать волю отчаянию. Сдавленные рыдания Лотэссы перемежались с тихим голосом Альвы, которая пыталась утешить свою госпожу.

А несчастная жрица Маритэ в этот момент люто ненавидела Лотэссу Линсар за сам факт ее существования и за наглость, которую та смела проявлять в отношении прекраснейшего и благороднейшего из королей. Будь она проклята, надменная аристократка! Да как она смеет с презрением отвергать то, за что Нармин отдала бы полжизни... Нет, всю жизнь — целиком, без остатка! Лишь бы хоть миг стоять перед Валтором, тонуть в его зеленых глазах, увидеть его кольцо на своем пальце, ощутить его поцелуй на ладони. После такого и умереть не жалко! Только в ее жизни никогда не будет ничего подобного. Потому что все это досталось высокородной и прекрасной энье Линсар, которая вместо благодарности богине заливается сейчас горючими слезами.

— Нармин, что с вами? — послышался испуганный голос склонившейся над ней Альвы. Жрица и не заметила, как та оставила Лотэссу и подошла к ней. — Вы плачете? Вам жаль энью Лотэссу? У вас доброе и чуткое сердце...

Ну конечно! Ей жаль Лотэссу! Надо же было такое вообразить! Да будь у Нармин возможность, она бы придумала невесту Валтора собственными руками...

Глава 18

Королевский завтрак проходил в еще более тягостной атмосфере, чем обычно. Валтор выглядел мрачным, а Лотэсса Линсар являла всем присутствующим припухшее лицо и глаза, покрасневшие от слез. Самое удивительное, что даже в таком виде она умудрялась оставаться умопомрачительно красивой. Герцогиня Линсар, поначалу обеспокоенная видом дочери, вполне удовольствовалась объяснением о плохом самочувствии и последствиях простуды. Судя по всему, на свою несуществующую болезнь энья Лотэсса еще долго сможет списывать все, что угодно. Мирталь Линсар озаботилась лишь напоминанием королю, что ее дочь нуждается в услугах лучшего придворного врача. Его величество в ответ пробормотал что-то неопределенное, что, впрочем, удовлетворило герцогиню, которая с этого момента возобновила свою непрекращающуюся болтовню, совершенно не совместимую с царившим за столом настроением. Но женщина, очевидно, полагала, что, развлекая присутствующих милой светской беседой, оказывает всем неоценимую услугу.

После завтрака Элвир отправился к коменданту и, застав у Карста Альву, к своему искреннему удивлению, обнаружил на ее лице такие же следы слез, как у Лотэссы Линсар.

— Что там у вас случилось? — суровым тоном спросил протектор, обращаясь к девушке.

— Ничего, — испуганно ответила та. — Этой ночью ни одного нового труп...

— Если не считать бродягу, которого вынесла река в Ночной части, — буркнул Карст, вступая в разговор. — Но этого явно прирезали и, похоже, несколько недель назад.

— Я не об этом, — отмахнулся Торн. — Что происходит с вами, дэнья Свелл... и с вашей госпожой заодно?

Комендант, очевидно, рассудив, что данный разговор к нему отношения не имеет, скрылся в своем кабинете, оставив протектора с Альвой наедине.

— Что произошло? — Элвир настойчиво повторил свой вопрос.

— Спросите об этом своего короля! — огрызнулась девушка.

— Я спрашиваю вас! — с нажимом на последнее слово произнес Торн.

— Его величество обидел энью Лотэссу, — нехотя ответила Альва. — Он велит ей снять траур и танцевать на балу. Это жестоко!

— А ты так сильно за нее переживаешь, крысенок? — Элвир приподнял лицо девушки за подбородок, вглядываясь в покрасневшие глаза.

— Вас это удивляет? — с вызовом бросила она.

— Скорее радуется, — заметил протектор. — Значит, вы все-таки подружились. Не могу сказать, что общество взбалмошной Лотэссы Линсар для вас — лучшая компания. Напротив, я надеюсь, что это вы окажете на нее положительное влияние.

— Я?! — Альва выглядела очень удивленной.

— Ну не я же, — хмыкнул Торн. — Вы умная и сильная девушка, дэнья Альва.

— Да вы меня совсем не знаете! — возразила она.

— Для подобных выводов мне достаточно того, что я знаю. Вы организовали оборону замка, сумели добраться из Фьерры до Вельтаны, что и в более спокойные времена не так-то просто для одинокой девушки, додумались напроситься на работу к коменданту и проявили себя на этом месте весьма толковой и полезной. Правда, еще вы скакали ночами по крышам, выслеживая чудовищ... Это уже свидетельство скорее не ума, а благородства и бесстрашия. Но этим качествам энью Лотэссу учить не надо, они у нее и так в избытке. А вот твоей рассудительности и умению принимать обдуманное решение ей бы не мешало поучиться.

— Глупости это все, — фыркнула Альва. — Энья Лотэсса — первая дама Элара, а я всего лишь...

— Не стоит судить о себе и других, исходя лишь из благородства происхождения, крысенок, — покачал головой протектор.

— Да хватит уже меня так называть! — взорвалась девушка. — Вы заявляете, что благородное происхождение ничего не значит, и сами же унижаете меня, потому что я — простая девушка из провинции. Попробовали бы вы назвать крысенком какую-нибудь придворную даму, например, герцогиню Линсар...

— Ну, ей бы больше подошло зваться сорокой или курицей, — ухмыльнулся Элвир, весело подмигнув собеседнице.

Альва не выдержала и прыснула со смеху. Эну Линсар она видела лишь однажды, когда та заходила к дочери, но приведенные Торном сравнения показались девушке вполне достойными сиятельной герцогини.

— Вот так уже лучше, — Элвир был доволен тем, что сумел развеселить девушку. — Предоставьте энье Лотэссе и его величеству самим разбираться в своих делах, а у нас с вами и так забот хватает. Удалось найти что-нибудь стоящее в королевском книгохранилище?

— Ничего, — Альва покачала головой. — Мы просмотрели с добрый десяток авторов, излагающих историю династии Ильдов, также несколько летописей и даже легенд. Все упоминаемые пророчества были именно пророчествами, а не проклятиями, предсказания сулили Ильдам славу, величие, чуть ли не вечную власть... Последнее, кстати, не сбылось, — вздохнула она.

— Это как посмотреть, — задумчиво отозвался Торн. — Малтэйры, по сути, тоже Ильды... в смысле, Валтор Малтэйр в такой же степени потомок Дренлелора, как и Йеланд Ильд.

— Ну, не знаю, — тряхнула головой девушка. — Это уж сами разбирайтесь. Мое дело искать книги, посвященные проклятию Ильдов, и я пока ничего не нашла. Возможно, с помощью энии Лотэссы и Нармин дело пойдет быстрее... если кто-то из потомков Дренлелора не будет вваливаться в библиотеку и все портить, — со злым ехидством добавила она.

— Побольше почтительности, крысенок, — осадил ее Элвир. — Как-никак, ты говоришь о своем короле.

— Это ваш король, — спокойно возразила девушка, скрестив руки на груди, глядя на Торна в упор и дожидаясь его реакции.

— Все-таки набралась от энии Линсар всяких глупостей, — вздохнул он.

— Можно подумать, до знакомства с ней я обожала Малтэйра и радовалась дайрийскому вторжению! — возмущенно фыркнула девушка.

— Ладно, — примирительно заявил Торн. — Давай я сделаю вид, что не заметил твоего приступа патриотизма, а ты постарайся при мне сдерживать свою праведную ненависть. Идет, крысенок?

— А давайте вы уже перестанете называть меня крысенком, — выдвинула встречное предложение Альва.

— Как скажешь, крысенок, — рассмеялся Элвир.

Девушка вздохнула и покачала головой, но Торну показалось, что она скорее изображает досаду, чем злится на самом деле.

— Итак, дэнья Свелл, — он постарался придать голосу официально-почтительный тон. — Что именно вам удалось разузнать об Ильдах, если отбросить общеизвестные факты?

— Во-первых, — обстоятельно начала Альва, — осмелюсь предположить, что общеизвестные факты в Дайрии и Эларе сильно различаются, особенно с момента

разделения власти и территории между Имрэ и Дайром...

— Различаются скорее не факты, а их трактовка, — Торн весьма одобрительно взглянул на собеседницу. Все-таки до чего умная девочка! — Но замечание не лишено смысла. А что во-вторых?

Как только разговор перестал касаться личных тем и перешел в деловое русло, из кабинета показался Карст, очевидно, намереваясь принять участие в беседе.

— Во-вторых, — продолжала девушка, — большинство из фактов, не являющихся общеизвестными, могут показаться либо слишком незначительными, либо не имеющими ни малейшего отношения к интересующему нас вопросу. Хотя в оценке этих фактов мы вполне можем ошибаться.

— Безусловно, — кивнул протектор.

Элвир заметил, что комендант любит свою помощницу и во взгляде на нее сквозит что-то, напоминающее отцовскую гордость. Нечем вам гордиться, дэн Итон. Вы ничему не научили девочку, лишь нашли ее, точнее даже, она нашла вас. Хотя и за то уже спасибо, что не отказали ей в просьбе взять на работу. Удивительно толковая помощница вышла из этого крысенка!

— В-третьих, — оказывается, девушка еще не закончила, — у нас было слишком мало времени в библиотеке, чтобы досконально изучить выбранные книги. Вчера мы только начали, как заявился ваш ко... его величество, а сегодня я могла порыться в книгах лишь во время завтрака. И мне, кстати, уже пора к энье Лотэссе.

— Подождите еще немного, — попросил Элвир. — Мне нужно, чтобы вы уделяли особое внимание всему, что, на ваш взгляд, противоречит логике, кажется удивительным и неправдоподобным...

— А не хотите ли вы, эн Торн, в свою очередь, помимо указаний, дать некоторые разъяснения? — почти требовательно осведомилась Альва.

— Что вас интересует?

— Откуда вообще взялось пресловутое проклятие Ильдов и что вам о нем известно? — девушка, не стесняясь присутствия протектора и коменданта, уселась на письменный стол и приготовилась слушать.

В принципе, вопрос вполне закономерный и законный. Если они с Карстом занимаются этим делом, то имеют право знать все, что известно ему. Аритэр сообщал удостоившимся особого доверия тайну проклятия Ильдов под страшным секретом, и они не болтали... надо полагать, из боязни прослыть сумасшедшими.

— Ну, вообще-то, об этом нам с Вал... с его величеством поведал покойный король Дайрии, — остается лишь надеяться, что Аритэр сейчас не взирает на воспитанника из-за Грани с немим укором. — Если изложить все услышанное нами вкратце, избегая бесконечных повторений и патетики, то суть сводится примерно к следующему. Ильды прокляты, им суждено разбудить великое зло или что-то в этом роде, чуть ли не стать причиной Заката Мира. По словам нашего бывшего монарха, первым о проклятии узнал знаменитый Дайр Ильд и именно поэтому решил отколотиться от древнего великого рода, настояв на разделе государства.

— Но ведь сам он остался Ильдом, — привел резонное возражение комендант.

— Зато его наследники были уже Малтэйрами.

— Все потому, что богини не дали королю Дайру сыновей, — гнул свое Карст. — Кстати, у нас считается, что отсутствие у Дайра наследников мужского пола само по себе является чем-то вроде проклятия и наказания мятежному королю за то, что, не пожелав делить власть с братом, он расколол великий Эллар на две части.

— А у нас считается, что королева Теора стояла десятка наследников мужского пола, и уж точно оба сына Имрэ ей в подметки не годились, — Элвир не удержался от сарказма. — Королева Теора считается благословением и гордостью Дайрии, а уж никак

не проклятием. Даром что ли на всей Дозье один из зимних месяцев носит ее имя?1
Король Аритэр считал, что Дайр намеренно велел дочери принять родовое имя мужа, потому как королю ничего не стоило предложить зятю, в котором не было королевской крови, стать Ильдом, приняв фамилию жены-королевы. Таким образом, было бы проще просто продолжить королевскую династию Ильдов в Дайрии, несмотря на то, что богини дали Дайру девочку вместо мальчиков. Но Дайр не хотел, чтобы его наследники носили имя его семьи, и поэтому Теора взяла фамилию мужа, а внуки Дайра были уже Малтэйрами. По крайней мере, такова версия короля Аритэра, по его словам, передающаяся из поколения в поколение среди всех потомков Дайра. Но в свете последних событий думается, что покойный властитель заблуждался. Картина складывается как раз обратная. Зло пробудилось уже после смерти Ильдов. И несчастная королевская династия, которую так сильно недолюбливал отец Валтора, оказалась вроде бы непричастной к проклятию.

— А это еще как посмотреть, — протянула Альва, по-прежнему восседающая на столе, сопроводив свои слова хитрым взглядом, обращенным на Торна.

— Чего ты на меня так смотришь, крысенок? — и тут же поправился: — Дэнъя Свелл, соблаговолите объяснить смысл ваших многозначительных взглядов.

— Я лишь повторяю ваши слова, эн Элвир, — невинно заметила девушка. — Разве не вы изволили обратить внимание на тот факт, что Валтор Малтэйр — Ильд в такой же степени, как и казненный король Элара?

Торн обратил внимание на то, что девушка назвала последнего короля Элара «казненным», а не «покойным». Хорошо хоть не добавила «казненный вами». Вот Лотэсса, та бы не преминула лишний раз указать протектору на то, что он исполнил роль палача.

— Все ужасы начались лишь после взятия дайрийцами Вельтаны и казни последних Ильдов. По улицам все настойчивей ползут слухи о Закате Мира, и колдунья Энлил сказала, что ее тени поведали то же самое, — неумолимо продолжала Альва. — А кто начал все это? Кто разбудил проклятие, если оно действительно существует? Ваш король! Малтэйр, который на самом деле Ильд!

— Она права, — это комендант решил высказаться. — Если дайрийцы так старательно подчеркивают свое происхождение от Дренлелора и то, что, по сути, являются Ильдами, когда стараются придать своей узурпации видимость законной власти, то почему бы не взять на себя ответственность за разбуженной проклятие Ильдов? — тон Итона был суров.

Элвир молчал, понимая, что в словах собеседников есть смысл и логика, сколь бы неприятными ни казались их умозаключения.

— Что ж, — Торн решил все-таки высказаться, пока молчание не стало неловким. — Ваша версия имеет право на существование. Такое толкование происходящего не стоит сбрасывать со счетов. Однако я надеюсь, дэнъя Альва, что, работая с книгами, вы не будете искать лишь что, что может подтвердить вашу догадку, игнорируя все, что идет с ней вразрез. Хотелось бы верить, что вы учтете все факты.

— Безусловно, — девушка выглядела несколько обиженной оттого, что ее заподозрили в пристрастности.

— Хорошо, а теперь ступайте к энье Линсар.

Альва была уже у дверей, когда он решил окликнуть ее. Девушка остановилась, Элвир подошел к ней.

— Дэнъя Свелл, не окажете ли мне честь своим присутствием на королевском балу? — наблюдая смесь противоречивых чувств, отразившихся на ее лице, Торн невольно улыбнулся.

— Ваш король уже пригласил меня, — с достоинством ответила Альва, справившись с эмоциями.

— И вы ответили согласием? — полюбопытствовал протектор.

— А разве у меня был выбор?

Несколько секунд он просто смотрел на девушку, а потом расхохотался.

— Да, крысенок, именно так должна реагировать бедная девушка из провинции, приглашенная на свой первый бал самим королем!

13 Зимние месяцы названы в честь великих властительниц — Дезлин, Теоры и Илинты.

Глава 19

Тэсса придирчиво оглядела себя в зеркале. Волосы уложены в строгую прическу и убраны под жемчужную сетку. Платье вполне бального фасона, разве что более закрытое, зато практически полностью черное. Белые вставки, расшитые жемчугом, лишь по вороту, подолу и краям рукавов. На шее ожерелье из темно-пурпурного, почти черного, жемчуга, подаренное королем, на левой руке — его же обручальное кольцо. Все требования соблюдены.

Удовлетворившись собственным видом, Лотэсса повернулась к Альве, стоявшей перед другим зеркалом. Девушка была прелестна. Светлые волосы усилиями Тэссиных горничных уложены в высокую прическу, часть локонов разложена по плечам. Платье в золотисто-зеленых тонах оттеняет цвет глаз. Платье для Альвы, как и собственное, Тэсс заказала дворцовым портнихам, заставив бедняжек работать день и ночь, чтобы к балу оба наряда были готовы.

Нармин сидела на своем излюбленном месте в своем неизменном зеленом платье. Правда, жрица соизволила собрать обычно распущенные волосы в прическу, воспользовавшись услугами все тех же горничных, но только после того, как девицы закончили одевать и причесывать Лотэсса с Альвой. Дайриец прислал Нармин изумрудный гарнитур — колье и серьги. Когда придворный вручал жрице королевский дар, та сменила свое вечно недовольное страдальческое выражение лица и просияла неподдельным блаженством. Еще бы! Настоящие драгоценности, да еще от самого короля! Да она в своем храме Маритэ будет до старости хвастаться перед другими жрицами... если, конечно, вообще туда вернется, а не осядет в столице.

До начала бала оставалось больше часа, делать было совершенно нечего, напряжение, царившее в покоях эньи Линсар, казалось почти осязаемым. Когда в дверь постучали, все три девушки вздрогнули. Тэсса боялась увидеть на пороге мать или, того хуже, короля, но там стоял лишь очередной придворный, держа на вытянутых руках шкатулку, инкрустированную перламутром. Если это очередной дар Малтэйра своей невесте, то пусть не надеется, что она это наденет, твердо решила Лотэсса. Однако, ко всеобщему удивлению, посыльный объявил, что шкатулка от эна Торна и предназначена для дэньи Свелл. Альва растерянно смотрела то на придворного, то на свою госпожу. Тэсса решительно забрала шкатулку из рук мужчины и, поблагодарив, отослала его. Открывать тоже пришлось самой, поскольку Альва словно боялась прикоснуться к неожиданному подарку.

Внутри обнаружили удивительной красоты колье, серьги и диадема. Золото и хризолиты, изящнейшая работа, за которую наверняка пришлось отдать ювелирам весьма внушительную сумму. В чем в чем, а в отсутствии вкуса Торна не упрекнешь, так же, как, впрочем, и его короля. Тэсса вспомнила украшения, которые иногда получала в подарок от Йеланда. На правах суверена, а затем еще и будущего деверя его величество позволял себе присылать энье Линсар драгоценности. Все они были безумно дорогими, но слишком броскими и массивными на вкус девушки, не то что подарки принца. Однако, дабы не обидеть царственного дарителя, приходилось надевать тяжеленные колье, скорее напоминающие оплечья, подобные тем, что носили в Имтории, и диадемы, которые логичнее было бы назвать венцами. И как только гадючья троица позволяла Йеланду швырять такие деньги практически на ветер? Ведь каждый сольден¹ из королевской казны, потраченный не в их интересах, должен был вызывать негодование Падда, Мертона и Сворна. Правда, в последний месяц Лотэсса взглянула на дорогие подарки Йеланда с другой стороны, рассчитывая обратить их в деньги, которым предстояло послужить благородному делу свержения тирана с эларского престола. Увы, теперь надежды на осуществление дерзких планов почти не осталось. Спасти бы Таскиллов от последствий ее безрассудства. Хотя именно этим она сейчас и занимается. Если бы не опасность, нависшая над Ланом и эной Алдорой, никогда бы Дайрийцу не принудить ее пойти на этот дурацкий бал.

Оторвавшись от размышлений, Тэсс вновь обратила взгляд на Альву и полученные ей украшения. На личике фрейлины была забавная смесь восторга и недовольства. То есть недовольству надлежало скрывать восторг, но получалось не очень-то хорошо. Оно и понятно. Нежно-зеленые камни в золотой оправе диво как хороши и безумно идут к глазам и волосам Альвы, а так же к выбранному Лотэссой бальному платью. Не говоря уже о внимании, проявленном верховным протектором к простой фрейлине. Какие же

все-таки галантные эти дайрийцы, этого у них не отнять. И Торн, и король, прислав драгоценности Альве и Нармин, проявили неожиданную почтительность. Девушек могли бы воспринимать лишь как инструменты, используемые для определенных целей, однако в них видели людей, более того — женщин. Хотя, скорее всего, подобное благородство — всего лишь видимость, вызванная желанием казаться лучше, чем они есть на самом деле.

— Я ведь не могу принять это, да? — вопросительный тон и выражение лица фрейлины явно свидетельствовали, что решение насчет роскошного гарнитура должна принимать Лотэсса.

— Можешь и должна, — отрезала Тэсс. — Посмотри на это, — она со злостью дернула длинную нить пурпурного жемчуга. — И на это, — покрутила перед лицом Альвы пальцем, окольцованным перстнем с гранатами и сапфирами. — Мы не можем отказывать дайрийцам, желающим нас благодетельствовать. Такова их прихоть, а у нас нет выбора. Конечно, ты не обязана питать и млеть от восторга, как наша любезная Нармин, когда ей принесли изумруды от короля, — быстрый взгляд на зардевшуюся жрицу. — Но ты наденешь эти украшения... тем более, они тебе безумно идут.

Тэсса самолично помогла Альве справиться с застежками и с удовольствием оценила результат. Так незаметно пришло время отправляться на бал. Девушек сопровождали двое стражников. В большом бальном зале, хорошо знакомом Лотэссе, толпились придворные и прочие аристократы, в основном эларские. Немудрено. Дайрийская знать сидит в Тиарисе, здесь лишь военачальники и главные приближенные Малтэйра. Раньше бальный зал Нианона всегда нравился Тэсс. Располагавшийся чуть ли не на самом верху дворца, этот зал был идеально круглой формы, и по всему периметру на равном расстоянии друг от друга шли огромные окна — от пола и почти до самого потолка. Часть окон распахивались, подобно дверям, и вели на балкон, словно парящий над королевскими парками. Стены, отделанные панелями из теплого мрамора, в свете бесчисленных свечей казались излучающими золотистое сияние. Лотэсса давно не была в этом зале и должна бы соскучиться, но сегодняшний фарс лишь злил, воскрешая воспоминания, болью отдающиеся в сердце.

Шушующиеся вдоль стен представители знатнейших столичных семейств затихли, когда Лотэсса Линсар со спутницами вошла в зал. Она ловила на себе взгляды — изучающие, осуждающие, завистливые, восторженные... Альве и Нармин тоже досталась изрядная порция внимания — хотя бы потому, что дочку герцога Линсара сопровождали они, а не родители, как было принято. Маменька с отцом, кстати, были уже на месте. Оро двинулся к дверям, едва завидев дочь, но Мирталь его удержала. Странно, что эна Линсар сама не бежит к дочери, дабы высказать свое негодование по поводу мрачного платья и строгой прически, столь неуместных на королевском балу. Но секунду спустя, когда гул в зале вновь затих, Тэсса поняла причину. Придворные начали стремительно склонять головы и опускаться в реверансах: в зал вошел Его Величество Валтор Дайрийский. Лотэсса стремительно обернулась и также склонилась в реверансе. Король подошел к ней, не обращая внимания на остальных присутствующих, подал руку и поднес ее ладонь к губам. Во взгляде, которым он окинул поднявшуюся девушку, сквозило явное недовольство. Но уже через мгновение оно сменилось насмешливой полуулыбкой. Дайриец, удерживая ее ладонь в своей руке, провел большим пальцем по камням подаренного перстня, собственническим жестом коснулся жемчужного ожерелья, спускавшегося с шеи Тэсс чуть ли не до талии.

— Вы восхитительны, энья Лотэсса, — насмешливо протянул он. — По-прежнему многовато черного, но уже гораздо лучше.

— Благодарю, эн Малтэйр, — язвительно ответила девушка. — Я счастлива, что вы благосклонно оценили мои усилия.

— Нам предстоит открыть бал, моя королева, — Валтор протянул Тэссе руку, которую та вынуждена была принять, как и «мою королеву».

Вложив в его раскрытую ладонь свою, Лотэсса обратила внимание на широкие свободные манжеты рубашки, выглядывающие из-под рукавов камзола. Манжеты закрывали всю ладонь, оставляя видимыми лишь две последние фаланги пальцев. Дайрийская мода что ли? Хотя нет, раньше, насколько она могла заметить, король носил рубашки с обычными рукавами. Девушка перевела взгляд на левую руку своего

спутника.

— Вы сняли бинты? — догадалась она.

— Да, — кивнул Дайриец. — Не хотелось бы выслушивать лишние вопросы и давать объяснения.

Тэсс не впервой было открывать балы. На балах, устраиваемых ее семьей или Таскиллами, она всегда танцевала первый танец с Рейлором. А пару раз, правда, совсем еще девочкой, Лотэсса открывала бал в Нианоне с королем. Танцором Йеланд был отменным, в этом младший брат ему уступал. Покойный король предавался танцам с истинной страстью и весьма виртуозно, служа образцом для подражания всем придворным щеголям. Теперь ей вновь предстоит открыть бал в этом зале, рука об руку с королем... только уже с другим.

Заиграла музыка. Отразившись от стен, мелодичные звуки заполнили зал, заглушая разговоры. Валтор вывел Тэсс на середину и танец начался. Они танцевали вдвоем, все остальные смотрели. Такова была традиция: первый танец танцует лишь открывающая пара. Король двигался, пожалуй, не хуже Йеланда, но было видно, что мысли его витают далеко, и он не отдается танцу целиком. Зато Лотэсса постаралась полностью сосредоточиться на движениях, стараясь не замечать ни партнера, ни направленные на нее со всех сторон взгляды. Качнуться вперед, затем назад... Левую руку вверх, правую — за спину... Руки в стороны... Теперь меняем положение, левая — за спину, правая — вверх... Ну что вы все так на меня смотрите, мысленно спросила Тэсса присутствующих... Завидуете? Ненавидите? Презираете? Да кто они такие чтобы судить?! В отличие от нее, всех этих расфранченных аристократов никто не принуждал присутствовать на этом балу, изображая верноподданнические чувства. Им не угрожали безопасностью дорогих людей. Снова руки в стороны и опять назад и вверх... Та рука, что оказывалась сверху, кончиками пальцев касалась руки партнера. Прогнуться вперед... Податься назад... Как же она ненавидит это прекрасное самовлюбленное лицо, эти серо-зеленые глаза, глядящие на нее с насмешливой снисходительностью. Вращение... Валтор грациозно повернул ее, опять-таки едва соприкасаясь кончиками пальцев... Отклониться влево, присесть, теперь вправо... Знакомые фигуры казались бесконечными. К моменту, когда музыка стихла, Лотэсса почти смирилась с мыслью, что танец будет длиться вечно.

— Я могу быть свободна? — выпалила она, едва затихли последние такты.

— Ну уж нет, — рассмеялся король. — Сейчас будет второй танец, затем третий, четвертый... Неужто вы так быстро устали?

— Я не устала, — недовольно ответила Тэсс. — Но разве я обязательно должна танцевать только с вами?

— Безусловно, — Малтэйр подтвердил ее худшие опасения. — Разве король может позволить своей невесте дарить танцы другим мужчинам?

Ну, Йеланд, положим, позволял. И пока Шафира была невестой, и когда стала женой. Конечно, согласно традициям, они вместе открывали бал первым танцем, зато потом король все время танцевал с другими, по большей части, с Лотэссой, которую считал единственной достойной себя партнершей. Жену он считал неграциозной и даже неуклюжей. Конечно, ее величество не подпирала стены во время балов. Всегда находились кавалеры, но чаще всего пару королеве составлял Нейри. Он вообще был удивительно внимателен и добр к тарнийке. Они четвергом составляли забавное зрелище. Старший брат танцевал с невестой младшего, а младший — с женой старшего. Бедная Шафира! Если со смертью короля и даже Нейри Тэсса сумела хоть как-то смириться, то мысль о внезапной и ужасной кончине королевы стала истинным мучением. Непрошенные воспоминания сделали и без того дурное настроение совсем мрачным. А тут еще второй танец начался.

Перенести вес на левую ногу, правую приподнять... Руки сцепить над головой... Согнуть правую ногу в колене, левый носок оторвать от пола... Лицо опустить, чтоб не видно было слез. Однако слезы Дайриец все же заметил.

— Что с вами, энья Лотэсса? — голос странный, не разберешь, то ли сочувствие, то ли

недовольство. — Я настолько плохой партнер, что танец со мной вызывает слезы?

— Дело не в этом, — девушка по-прежнему старалась избегать его взгляда. — То есть мне, конечно, не нравится танцевать с вами, но слезы совсем по другому поводу. Я сейчас успокоюсь. Я знаю, мне нельзя плакать, на нас все смотрят.

— Вот именно, — безжалостно подтвердил король. — Будьте добры, возьмите себя в руки до конца бала... И в чем все-таки дело?

Лотэсса упрямо молчала, Малтэйр больше не спрашивал, по крайней мере, до конца танца. Потом, захватив два бокала с золотистым вином, потащил свою невесту на балкон.

— Почему вы плачете? — он подал ей бокал, а сам оперся локтями о перила, поставив свой бокал рядом.

— Вспомнила о смерти королевы, — почему бы для разнообразия не сказать правду...

— Самое время! — Валтор покачал головой, пригубив вино.

— Я же сказала, что успокоюсь, — зло прошептала девушка. — Просто оставьте меня ненадолго в покое.

— Не могу, — он залпом допил оставшееся вино. — Очередной танец начинается. Вашу руку, моя прекрасная энья!

Тэсса, все же взяв себя в руки, героически протанцевала с королем все положенные танцы. Другие кавалеры пытались ее приглашать, но Малтэйр отсылал всех претендентов, пока не стало ясно, что его величество не намерен ни с кем делить свою невесту в этот вечер. Бросая взгляды на мать, девушка видела, что та в полном восторге от происходящего. Отец выглядел грустным и усталым — впрочем, уже не первую неделю. Нармин танцевала с разными мужчинами, но неизменно косила глазами на них с Валтором. А вот Альве, похоже, не предоставили права выбора партнеров. Торн приглашал ее танец за танцем, к превеликой досаде многих дам, пожиривших его глазами. Бедняжка Альва Свелл! Уж теперь-то столичные сплетницы перемоют ей косточки. Мало того, что не аристократка, а появилась на первом балу нового короля, так еще и красавица. А уж что сам протектор, по которому сохнет половина знатных вельтанских дам, выделил ее из всех — этого милой фрейлине Лотэссе Линсар никогда не простят. Ведь объявят же, гадины, Альву любовницей и содержанкой Торна. Будут кидать в ее сторону презрительные взгляды, умирая от зависти и желания оказаться на ее месте. Дуры! Сама-то Тэсса привыкла быть предметом зависти и героиней сплетен, но за Альву — такую открытую, порядочную и милую — ей было обидно.

Наконец наступило время последнего танца, и тут-то Малтэйру волей-неволей придется делить свою невесту с другими мужчинами. Экосиль² предполагал смену партнеров в малом кругу. Слева от них стояли в паре Торн с Альвой. Тэсса улыбнулась подруге, затем поискала глазами Нармин. Жрица со своим партнером — кажется, это был кто-то из дайрийцев — стояла в большом кругу. Лотэсса невольно задержала взгляд на изумрудах, которые идеально сочетались с ее неизменным зеленым платьем.

— Очень любезно с вашей стороны было послать Нармин изумруды, — не самая худшая тема для разговора.

— Да, я подумал, что раз бедняжка вынуждена все время носить одно и то же платье, то пусть хоть драгоценности внесут некоторое разнообразие.

— А верховный протектор, последовав вашему примеру, одарил украшениями мою фрейлину. В Дайрии так принято? — поинтересовалась Тэсс.

Валтор отыскал глазами Альву с Торном и улыбнулся.

— Выглядит восхитительно! Всегда знал, что у Элвира безупречный вкус.

— Вы о драгоценностях?

— Нет, я о девушке, — рассмеялся Дайриец. — А вы ревнуете? — он хитро взглянул на Лотэссе и подмигнул.

— Вот еще! — она задохнулась от возмущения. — Что вы о себе возомнили?! Вы можете вынудить меня танцевать на балу, носить навязанные подарки и даже выйти за вас замуж... Но никогда вы не заставите меня видеть в вас мужчину, которого можно любить и ревновать! — и, увидев, как исказилось лицо партнера, мстительно добавила. — Вы не Нейри!

Тэсса поняла, что попала в цель. Пусть король и не влюблен в нее, но гордость-то у него есть. И именно по этой гордости она сейчас наотмашь ударила, испытывая огромное удовольствие впервые за весь вечер. Поддержка... Валтор — очевидно, вымещая злость — обхватил Лотэссу за талию с такой силой, что ей стало больно. Когда он приподнял девушку, она заметила, как вновь перекосилось его красивое лицо, на этот раз от боли. Даже просто поднять над собой партнершу, подбросить ее в воздух и подхватить было серьезным испытанием для не зажившей левой руки. А идея со злостью стиснуть свою несчастную невесту обошлась Дайрийцу слишком дорого. На широких манжетах проступила кровь. Тэсса твердо решила не позволить угрызениям совести испортить ее маленький триумф. Тем более что часть танца с Малтэйром закончилась. Король опустил девушку и поставил ее напротив Торна, а тот, в свою очередь, передал Альву мужчине слева. Протектор буравил партнершу злым взглядом прищуренных серых глаз.

— У вас совесть есть, энья Линсар? — гневно спросил он.

— Чем я заслужила подобный вопрос? — ответ она знала и так, но, может, удастся потянуть время до момента, когда Торну нужно будет передать ее дальше по кругу.

— Как вы смеете мучить короля?! Неужели вам настолько чужда элементарная благодарность? Валтор трижды спас вам жизнь!

— Трижды? — Тэсс честно напрягла память. — В парке, хотя там еще вопрос, кто кого спас, и с зеркалом... А когда был третий раз?

— Когда он сохранил вам жизнь, узнав о заговоре. Или еще раньше, когда мог казнить вас и Таскиллов заодно с Ильдами...

— Думаю, в этом случае я бы удостоилась чести умереть от вашей руки, эн Торн, — со злой издевкой заметила она. — Так же, как и король с принцем.

— Надо полагать, что так, — то ли он делал вид, то ли его действительно не задел выпад девушки. — Не королю же руки марать, исполняя роль палача. С другой стороны, столь высокопоставленные приговоренные заслуживают чести умереть от руки того, кто хоть отчасти сопоставим с ними. Поэтому именно мне пришлось опускать меч на их шеи. Вы хотели задеть меня, энья Линсар? Не старайтесь, напрасный труд. Я циничен и хладнокровен, меня ничем не проймешь. Если вам вновь придет охота испробовать на ком-нибудь яд своих высказываний — я к вашим услугам. А его величество, будьте добры, избавьте от ваших злобных издевок, — Торн обхватил ее за талию и оторвал от пола.

— Отчего же? — говорить приходилось, глядя на партнера сверху вниз. — Вы, значит хладнокровное и циничное чудовище, а король — существо чувствительное и ранимое? Так, что ли?

— Нет, — Торн подбросил Тэссу выше, чем положено. Она, не удержавшись, слегка взвизгнула, а он спокойно продолжил: — Мы с его величеством обладаем довольно схожими характерами. И хладнокровие, и циничность ему присущи, как и мне. Разница лишь в том, что королю, в отличие от меня, на вас не наплевать.

1Сольден — расхожая монета в Эларе, чеканящаяся из серебра. Более крупная монета — золотой арис, самая мелкая — медный граль. В Дайрии монеты носят такие же названия, но при этом отличаются внешним видом.

2Экосиль — самый быстрый и веселый танец из принятых у аристократии, где танцующие образуют два круга, и в меньшем пары меняются.

Глава 20

Нармин скинула бальные туфельки и устроилась поудобнее. Лотэсса с Альвой уединились в спальне. Дверь, правда, не закрыли, но и с собой не позвали. Сидели, забравшись на кровать с ногами, и обсуждали вполголоса события прошедшего вечера. Как всегда неразлучны! Они даже спали вместе на широкой кровати, а Нармин отвели отдельную спальню. Хорошо хоть не со служанками положили. Подобного унижения она бы не снесла. Пусть она происхождением уступает даже Альве Свелл, но зато она старшая жрица и представительница Храма Маритэ при дворе Валтора Дайрийского, а это положение стоит титула. Конечно, нельзя счесть унижением жизнь во дворце в покоях бывшего принца, куда более роскошных, чем ее прежние апартаменты, с собственной комнатой и возможностью пользоваться всеми остальными, кроме спальни. Но Нармин бесило, что ее воспринимают как служанку. Может, Альве и нравится быть фрейлиной великолепной Лотэссы Линсар, но ей, Нармин, такая роль претит. Ее не обременяли поручениями, предоставляя полную свободу действий, однако юная жрица остро ощущала свое униженное положение. Если быть честной, Нармин оскорбляло то, что ее игнорируют. Она не искала дружбы эньи Линсар, она терпеть не могла эту высокомерную красотку. Но все же до ужаса неприятно, когда тебя просто не замечают. Альва была добрее и приветливее своей госпожи, но ей куда важнее было расположение Лотэссы, чем хорошие отношения с Нармин. Девушки почти все время проводили вместе. Лишь когда Лотэсса уходила на очередной завтрак или обед в обществе его величества, Альва отправлялась в свою библиотеку. Нармин несколько раз сходила с ней, но ей было скучно читать старые летописи о жизни Ильдов. Энья Линсар, едва освободившись от королевских мероприятий, также спускалась в библиотеку и присоединялась к копанию в книгах — надо отдать ей должное, с куда большим энтузиазмом, чем сама Нармин. Конечно, ей, наверное, интересна история королевской династии. Для нее же это не далекие великие короли, а чуть ли не друзья и родственники. Жрица предпочитала тратить время, сочиняя отчеты для владычицы, благо ее никто в этом не упрекал и помощи от нее не требовал. Для очистки совести Нармин в очередном послании задала пресветлой Лавинтии вопрос о проклятии Ильдов, втайне надеясь, что не пыльные книги, а именно ответ верховной жрицы приблизит их к разгадке тайны. Тогда Валтор оценит ее старания.

Валтор! Она на все это пошла только ради него! Ради него сносила общество противной гордячки Линсар и ее презрительное равнодушие. Но это еще не самое худшее. Хуже всего было видеть внимание короля к своей невесте. Та еще пытка! Но зато Нармин могла лицезреть своего возлюбленного короля чуть ли не каждый день. Он сам пригласил ее на бал! А эти изумруды! Она в тысячный раз с нежностью провела пальчиком по граням темно-зеленых камней, в которых затейливым образом преломлялся свет свечей. Никогда в жизни Нармин не было и не будет подарка дороже. И даже случись ей умирать с голоду, она не продаст ни единого камня из этого гарнитура. И пусть по цене этих драгоценностей в ее родном Унт-Рино можно купить дом, это не имеет значения. Важно лишь то, что это подарок обожаемого мужчины, знак его внимания. Валтор подумал о том, как изумруды пойдут к внешности и наряду Нармин. Пусть изумрудное кольцо не обручальное кольцо, но этот дар бесценен. Получив украшения, девушка была безоблачно счастлива, забыв обо всех тяготах своего положения. Правда, бал несколько умерил охватившее ее блаженство. Конечно, она пользовалась успехом у мужчин, это было, безусловно, приятно, но... Король даже не смотрел в ее сторону! А она втайне очень надеялась, что он подарит ей хоть один танец. Воспоминаний об этом ей хватило бы на всю жизнь.

Нармин не умела танцевать, жриц этому не учат. Но девушка была исполнена решимости преодолеть это препятствие на пути к мечте. Поступившись гордостью, она попросила Альву показать ей основные движения самых простых бальных танцев. Но та мало чем могла помочь, поскольку при дворе находилась меньше самой Нармин. Зато Лотэсса рьяно взялась за обучение фрейлины. Нармин смотрела на их уроки, благо ее никто не гнал из комнаты, энья Линсар привыкла не замечать присутствия жрицы. Оставшись одна, когда Лотэсса уходила к королю, а Альва в библиотеку, Нармин старательно повторяла фигуры. Конечно, таким способом нельзя всерьез освоить искусство бальных танцев, ведь придворных барышень учат этому чуть ли не с младенчества. И все-таки определенных успехов девушка добилась благодаря силе своего желания и упорству. На балу партнеры находили каждую ее неловкость очаровательной, с удовольствием направляли и давали советы. Если бы только на их

месте был король! А он танцевал лишь с Лотэссой и не смотрел ни на кого другого.

Нармин вздохнула и бросила взгляд на открытую дверь спальни. Девушки сидели на кровати разутые, Лотэсса помогала своей фрейлине, непривычной к украшениям, снять диадему. Нармин слышался какой-то шорох. Она обернулась и оцепенела. Существо, бывшее змеиным хвостом по ковру, она уже видела... на рисунке, сделанном рукой короля. Девушка хотела крикнуть, но смогла лишь сдавленно прохрипеть что-то невнятное. Порывисто вскочив, она смахнула рукой со стола свое ожерелье. Металл и камни жалобно звякнули о плиты пола (эта часть комнаты не была застелена ковром). Звук вышел не слишком громким, но Альва услышала и обернулась, а вслед за ней и Лотэсса. Чудовище направилось к Нармин. Двигалось оно странно и жутко. Хвост извивался резкими зигзагами, а верхняя часть оставалась прямой и практически неподвижной.

— О, как ты боишься и ненавидишь, жалкая жрица подлой богини, — прошипело ужасное создание. — Ты — моя!

— Не смей оскорблять Маритэ, презренная тварь! — Нармин начала приходить в себя. Напоминание о богине дало ей осознание собственной силы. — Ты не сможешь навредить мне! Дар моей богини хранит меня от твоих темных чар...

Змеехвостый расхохотался. Смех его был сухим, режущим и омерзительным.

— Глупая человеческая женщина, — скрежетал он по нервам. — Ты думаешь, мне нужна магия, чтобы убить тебя, слабое убогое создание?

Этого Нармин не учла. Защищенная от колдовства жуткой твари, она упустила из вида тот факт, что он в любом случае намного сильнее. Мгновенный бросок, и чудовище уже сжимает стальными когтистыми пальцами тонкую шею жрицы. Самым ужасным было даже не отсутствие воздуха, а боль, парализующая сознание.

— Досадно лишь, что мне не собрать плодов, — словно сожалея, прошелестел змеехвостый, продолжая душить Нармин.

Словно сквозь туман, девушка увидела, как Лотэсса бросилась к чудовищу, вцепилась руками в его длинные космы, принялась царапать лицо.

А ведь она меня ненавидит, отстранено подумала Нармин. Все ощущалось словно во сне. Реальность происходящего она начала вновь осознавать лишь после того, как тварь разжала руки и швырнула жертву на пол, переключившись на сумасшедшую Лотэссу. С первыми мучительно-судорожными глотками воздуха вернулась жизнь и вместе с нею — ощущение пронизывающего ужаса и полной беспомощности. К счастью, тварь временно утратила к ней интерес, занявшись новой добычей.

— Лотэсс-са Линсс-сар! — с каким-то сладострастием прошипело кошмарное создание. — Наконец-то ты умрешь! Жаль только, что ты больше не боишься, но с меня хватит и ненависти, такой чист-стой и сладкой... Повелителю она придется по вкусу.

— Сдохни, гадина! — Лотэсса пыталась высвободить запястья из мертвой хватки змеехвостого.

Послышался короткий свист, и под лопатку чудовищу вошла стрела. У дверей в спальню застыла бледная Альва с луком в руках. Тварь порывисто обернулась, устремила на лучницу взгляд, полный ненависти, смешанной с каким-то удивлением, и... исчезла. Не растворилась, не обратилась в дымку, не осыпалась горсткой пепла, а просто исчезла вместе со стрелой.

Однако следы присутствия заграничного создания явственно проступали на шее Нармин и запястьях Лотэссы, не говоря уже обо всем перевернутом, сломанном и разбитом. Нармин, все еще со свистом вдыхавшая и выдыхавшая, только сейчас поняла, что тихонько подвывает. Провела рукой по шее, пальцы окрасились кровью. Лотэсса, сидя на полу, терла запястья, приобретшие багрово-черный оттенок. Альва, бросив лук, металась между обеими. Она рывком подняла на ноги сначала Лотэссу, затем Нармин.

— Не думаю, что нам стоит оставаться здесь, — Альва изо всех сил пыталась скрыть дрожь в голосе. — От стражи все равно никакого толку.

Обе пострадавшие от чудовища девушки закивали, выражая согласие со своей спасительницей.

— Нужно пойти к королю, — предложила Нармин, при каждом слове ощущая боль в горле. — Пусть он решает, что делать.

От одной мысли, что вскоре она увидит Валтора, окажется под его защитой, жрице стало намного лучше. Она даже готова была снова пережить весь этот ужас, лишь бы иметь возможность получить утешение любимого мужчины. Может быть, он даже обнимет ее, займется ранами на шее...

— Только не к нему! — Лотэсса поспешила все испортить.

— Мы пойдем к протектору, — решила за всех Альва.

Ну разумеется! Нармин обреченно смолчала. Она отчаянно хочет к королю, Лотэсса так же отчаянно не хочет к нему, а Альва, естественно, хочет к протектору, который ей покровительствует, и все ее послушаются. Ладно, она им обоим все-таки жизнь спасла. О том, что первой на ее защиту бросилась надменная энья Линсар, думать было тяжело. Не то чтобы жрица не испытывала благодарности, смешанной с удивлением, просто сложно так быстро поменять отношение к человеку, которого вроде как терпеть не можешь.

Выйдя из покоев и представ перед изумленными стражниками, три растрепанные девицы потребовали сопроводить их к протектору. Стражи, надо отдать им должное, быстро смирились с тем, что просить объяснений бессмысленно. Один из гвардейцев молча повиновался, остальные старательно отводили глаза.

Идя последней, Нармин разглядывала спутниц со спины и пыталась оценить, как выглядит сама. Из Альвиной прически выбилась половина локонов, а у Лотэссы жемчужная сетка для волос болталась, непонятно каким чудом вообще держась на голове. Ткань платья треснула на плече, и девушка зажимала разрыв рукой, чтобы не дать сползти.

Эн Элвир открыл дверь, застегивая на ходу рубашку.

— Какого демона?! — выругался он, узрев, кто к нему пожаловал, и оценив внешний вид гостей. — Ты цела, крысенок? — он подался к Альве, схватил ее за плечи, повернул вправо и влево, оценивая повреждения. Очевидно, подопечная интересовала его больше, чем сиятельная энья Линсар. — Что случилось?

— Тварь из-за Грани, — ответила Альва, которую почему-то назвали «крысенком». Слово вроде обидное, но сказано было с такой искренней теплотой, что заподозрить желание оскорбить просто невозможно.

— Мог бы и догадаться, — с досадой проговорил протектор, впуская девушек. — Кто еще мог сотворить подобное? Разве что эна Линсар в порыве родительской заботы о благе дочери...

Лотэсса нервно хихикнула, Альва отвела глаза, кусая губы, чтобы скрыть улыбку. Ей, в отличие от Лотэссы, смеяться над шутками про герцогиню положение не позволяло.

— Садитесь, дамы, — протектор жестом указал на кресла и стулья. — Рассказывайте. Только постарайтесь не перебивать друг друга.

Затем он направился к резному шкафу и достал графин с рубиновой жидкостью.

— Я не буду это пить! — Лотэсса замотала головой, едва увидев графин.

— Ваше право, — Торн пожал плечами. — Но вам всем не помешало бы немного успокоиться. Это поможет. Дэнья Свелл? Нармин? — он предложил напиток обоим девушкам, но те отказались. Альва, наверное, из подражания своей госпоже, а Нармин — чтобы не пить в одиночестве.

Решив вопрос с выпивкой, эн Элвир приступил к расспросам. Альва довольно лаконично поведала о случившемся. Ей было проще всего рассказывать, потому что она все-таки

наблюдала за происходящим со стороны. А Нармин и Лотэсса как жертвы чудовища вряд ли сумели бы изложить события связно и последовательно.

— Значит, ваша магическая защита бесполезна, да, Нармин? — он обратился к жрице, а та почувствовала себя обманщицей.

— Нет, она действует, — неожиданно выручила жрицу энья Линсар, избавив от необходимости объяснять, что магия защищала лишь саму служительницу Маритэ. — Но мы почему-то не учли, что это создание может с легкостью убивать и без магии. По крайней мере, беззащитных женщин. А ваши милые стражники, разумеется, ничего не слышали или были околдованы.

— Не могу не порадоваться собственной предусмотрительности, — заметил мужчина. — Обычная стрела в умелых руках оказалась куда полезнее всяких там даров богини. Какая же ты умница, кры...

— Эн Торн! — Альва глянула на своего покровителя очень выразительно и очень недовольно.

— Я горжусь вами, дэнья Свелл! — как ни в чем не бывало закончил тот. А потом вновь обернулся к Нармин. — Дайте-ка взглянуть на вашу рану, — он осторожно прикоснулся пальцами к ее шее. — Так, синяки, царапины, в принципе, ничего трагичного... если бы дело касалось мужчины. Но вы создания более нежные. Хотя, думаю, все равно вмешательства лекаря можно избежать.

Протектор открыл один из ящичков все того же шкафа и достал небольшую костяную баночку. Внутри была какая-то сероватая мазь, на ощупь оказавшаяся холодной и вязкой. Раны на шее начало саднить, но это быстро прошло.

— Посмотрите, пожалуйста, руки эньи Лотэссы, эн Элвир, — попросила Альва.

— Альва! — с укором воскликнула Лотэсса, очевидно, не желавшая привлекать к себе внимания.

Торн бесцеремонно задрал рукава лотэссиного платья и выругался... на этот раз куда более сильно.

— Что это?! — он поднес запястье девушки к лицу. Черно-багровые «браслеты» на обеих руках стали словно шире и ярче. — Почему на шее у Нармин нет ничего подобного? Обычная рана от сильных мужских рук с длинными острыми ногтями. А это...

— Наверное, магия, — неуверенно предположила Лотэсса, теперь позволяющая себе морщиться от боли.

— Но ведь этот самый дар Маритэ должен был защитить вас от магического воздействия. И защитил же Нармин... ее одну, — задумчиво потер пальцами подбородок Торн. — Нармин, ваш дар защищает только жриц, да?

— Я не знала! — на глаза девушки навернулись слезы, вызванные стыдом и страхом. — Клянусь, не знала! Я же никогда до этого не сталкивалась с чудовищами и не имела возможности проверить!

— Что ж, теперь мы знаем, — вздохнул Торн. — Остается лишь еще раз порадоваться тому, что мы не проявили беспечность, полностью полагаясь на ваш дар, — затем он вновь обернулся к Лотэссе. — Что же с этой дрянью делать? Лекаря звать бессмысленно — не поможет.

— Можно послать за Энлил, — негромко предложила Альва.

— Молодец, крысенок! — опять протектор забылся, обращаясь к Альве столь фамильярно, но той было не до обид. — Только посылать мы не будем, слишком долго. Кто знает, сколько у нас времени и чем это грозит. Я сам отвезу энью Линсар к колдунье.

Торн вышел и вернулся с плащом, который надел на Лотэссу, несмотря на ее сопротивление.

— Я никуда не поеду с вами! — протестовала девушка. — Какое вам вообще дело? Вам же на меня наплевать, — с горьким сарказмом добавила она.

— Это не так, — спокойно возразил протектор, затягивая завязки плаща. — Мне не может быть безразлична судьба будущей королевы и жены моего лучшего друга.

— Да провалитесь вы за Грань со своей заботой! — выругалась Лотэсса, не переставая потирать запястья.

— Дамы, — обратился Элвир к двум оставшимся девушкам. — Вы должны немедленно отправиться к его величеству и все рассказать. Я бы сделал это сам, но...

— Конечно, мы пойдем, — поспешила заверить Нармин, не веря неожиданному счастью.

Она все-таки увидит своего короля, пусть даже ей придется признаться в своем обмане насчет дара. Торн объяснил Альве, как найти королевские покои, затем подхватил на руки Лотэссу, не желающую двигаться с места, и они все вместе вышли в коридор.

Девушки двинулись в одну сторону, протектор с Альвой — в другую.

— Простите, что был груб с вами на балу, энья Линсар, — донесся до них удаляющийся голос Торна. — Очень больно?

Через десять минут девушки были у королевских апартаментов. Альва робко постучала, а Нармин не могла разобрать, какой звук громче — стук в дверь или стук ее собственного сердца. Король открыл на удивление быстро. В отличие от Торна, он был почти полностью одет, разве что без камзола, и очень мрачен. Но при взгляде на девушек мрачное выражение лица сменилось сначала удивленным, а затем — встревоженным.

— Где Лотэсса? Что с ней? — были его первые слова.

Ну кто бы сомневался... Нет, чтобы озабочится состоянием тех, кто стоит перед ним! Так нет же! Где Лотэсса и что с ней — вот все, что его занимает, с горечью подумала Нармин.

— Жива, — поспешила успокоить короля Альва. — Эн Торн повез ее к Энлил... колдунье.

— Она ранена? Заколдована? — Валтор был немногословен.

— Ранена, — Альва тоже старалась быть лаконичной.

— Вы даже не спрашиваете, что с нами случилось! — с обидой произнесла Нармин, напоминая о себе.

— Догадываюсь, — мрачно ответил король. — Чудовище? — он скорее утверждал, чем спрашивал.

Девушки согласно кивнули. А Нармин, не выдержав, пожаловалась:

— Эта тварь душила меня! — и запрокинула голову, чтобы продемонстрировать пострадавшую шею.

— Мне жаль, что вы пострадали, выполняя мою просьбу, — вот и все, что его величество соизволил ответить, не удостоив жертву чудовища даже взглядом. Мысли его витали где-то далеко. — И, конечно, никто из вас не знает, где живет эта самая Энлил...

— В Руджии, — тихо ответила Альва.

И кто ее за язык тянул?! Нармин уже готова была прибить свою спасительницу. Сейчас Валтор, конечно же, бросится к своей ненаглядной невесте, которая, видите ли, ранена. Как будто она одна!

— Вы сможете поехать со мной, дэнья Свелл? — Валтор склонился к Альве.

— Да, конечно, — кивнула та.

— Тогда едем немедленно, — решил король. — А по дороге вы мне все расскажете. Нармин, — наконец-то он соизволил ее заметить. — Вы нуждаетесь в отдыхе и заботе...

— Не отсылайте меня, ваше величество, — взмолилась жрица. — Я ни за что не вернусь туда!

— Можете остаться здесь, — позволил Валтор, тронутый ее отчаянием.

— Нет, умоляю, возьмите меня с собой!

— Хорошо, вы едете с нами, — он не стал спорить.

Девушки вслед за королем покинули его покои и устремились по коридорам, изо всех сил стараясь поспевать за размашистым шагом его величества. На конюшне король, прибывший среди ночи в сопровождении двух девиц, произвел неизгладимое впечатление и на охранников, и на конюхов. Впрочем, если до этого здесь побывал верховный протектор с королевской невестой на руках, то несчастные служители конюшен могли бы и попривыкнуть к причудам правителей.

— Вы ездите верхом? — обратился Валтор к спутницам.

Альва кивнула, а Нармин отрицательно покачала головой.

— Поедете со мной, — решил король.

Когда ему подвели жеребца, он посадил в седло девушку, а затем вскочил сам. Альва же ловким движением вдела ногу в стремя, перебросила другую через круп и, несмотря на юбки, с легкостью уселась в седле по-мужски.

Жрица прислонилась спиной к Валтору, ощущая неземное блаженство, а тот пустил коня галопом, придерживая спутницу за талию. По дороге Альва, стараясь гнать лошадь наравне с королевской, кратко рассказывала о случившемся, преуменьшая свою роль и явно преувеличивая героизм своей госпожи. А Нармин, задыхаясь от счастья, мечтала лишь об одном: чтобы эта Руджия оказалась как можно дальше, желательно, где-нибудь на Краю Мира.

Глава 21

Энлил уже битый час мучилась с непонятной магией. Обращаться к теням ей очень не хотелось, но другие способы не давали результата. Красивая девица, оказавшаяся королевской невестой, сидела, морщась и кусая губы от боли. И боль, похоже, усиливалась. Бедная девочка! Даже бесчувственный и циничный Торн, который ее привез, явно переживал, мучаясь от бессилия.

Различные мази и эмульсии с магической составляющей не помогли даже обезболить раны. Багровые, почти черные синяки на запястьях девушки становились все шире. Еще два-три часа, и вся рука до локтя почернеет. Энлил использовала собственные силы и умения, но это также практически не дало результатов. Остаются лишь тени. Очень не хочется проводить обряд в присутствии посторонних. Хотя бы Торна она выставит, пусть погуляет в саду. Это будет ее маленькая месть за хамское обращение.

Не успела Энлил озвучить свое требование, как на тихой пустынной улочке послышался стук копыт. И почему-то женщина не усомнилась, что очередные всадники, нарушающие ночной покой Руджии, пожалуют именно к ней.

— Идите, посмотрите, кто там, — отдала она приказание Торну таким голосом, каким, бывало, обращалась к Тарину. — Сами решите, есть ли смысл пускать. Мне недосуг сейчас еще и незваными гостями заниматься.

Мужчина, явно не привыкший, чтобы им командовали, бросил на хозяйку удивленный взгляд, но подчинился. Оставшись наедине с девушкой, Энлил сказала:

— То, что ты здесь увидишь, тебе не понравится и может напугать...

— Да неужели? — в голосе бедняжки слышалась нервная издевка. — Вы полагаете, после встречи с этой тварью меня еще что-то может напугать?

— На'ари — это одно, а тени — совсем другое, — покачала головой Энлил. — Многие боятся теней больше, чем демонов. Но если ты не планируешь падать в обморок и истошно кричать — тем лучше. Мне будет проще работать.

К протектору и коменданту женщина обращалась на «вы», а вот Лотэссе Линсар, которая вроде как выше обоих по положению, не задумываясь, говорила «ты». Может быть, оттого, что сейчас видела перед собой не гордую аристократку, а несчастное существо, отчаянно нуждающееся в ее помощи. Кроме того, невеста короля была совсем еще девочкой.

— У меня было довольно много шансов упасть в обморок за последнее время, — невесело усмехнулась девушка. — Я ими не воспользовалась.

Тут на дорожке перед домом послышались шаги и голоса — мужские и женские. Затем дверь распахнулась, являя взору Энлил очень красивого высокого темноволосого мужчину и двух женщин, точнее девушек. Одну из них — миленькую блондиночку, помощницу дэна Итона — женщина знала, другая — роскошная брюнетка с темными глазами — была ей незнакома.

— А вас не много? — не без ехидства спросила хозяйка.

Альва, помощница коменданта, начала лепетать какие-то оправдания, а мужчина бросился к Лотэссе Линсар.

— Лотэсса, — он опустил необходимое обращение «энья». То ли из-за сильного волнения, то ли просто считал излишним. — Как вы?

— Замечательно просто, — та не скрывала сарказма. — Вот, решила сменить цвет кожи, — она покрутила руками перед носом мужчины. — Прямо в тон вашему ожерелью, — и впрямь, бордово-черный цвет гармонировал с жемчужной нитью, свисающей с ее шеи, и это сочетание смотрелось жутко. — И очень идет к моим глазам.

— Лотэсса! — на этот раз в его голосе чувствовалась неподдельная мука.

Мужчина осторожно прикоснулся к ее запястью, но девушка скривилась от боли и тут же вырвала руку.

— Пустите! — вскрикнула она, и на глаза навернулась невольные слезы. — Больно же!

— Надо полагать, я удостоилась чести принимать у себя самого короля? — высказала предположение Энлил.

— Простите, я не представился, — мужчина поклонился.

— Не страшно, — хозяйка махнула рукой. — Я знаю, как вас зовут, ваше величество. Итак, — Энлил обвела глазами присутствующих, — я имею возможность лицезреть в своем скромном доме трех самых важных людей королевства. Впечатляет! — хмыкнула она.

— Позвольте вам представить Нармин, — король указал на темноволосую девушку в зеленом платье. — Она жрица Храма Маритэ.

— Знаю, знаю, — кивнула Энлил. — Маритэ и ее сестры... Богини, в которых давно никто не верит, но которых принято почитать в силу привычки, укоренившейся веками.

— Светлые богини — не выдумка! — жрица рьяно бросилась на защиту своих идолов. — Вы не можете отрицать их истинность!

— Могу, — спокойно возразила Энлил. — Тем более что уж я-то знаю, кто такие боги на самом деле.

— Кто? — почти хором спросили все присутствующие, кроме жрицы.

— То, что я знаю это, еще не значит, что стану об этом рассказывать, — веско заметила женщина. — Есть тайны, которые должны оставаться тайнами. Да вам и не нужно этого знать.

— Действительно, — его величество поспешил согласиться с хозяйкой. — Сейчас совсем не подходящее время для споров о природе богов. Займитесь эньей Линсар, прошу вас!

— Именно это я и собиралась сделать. А вас, господа, я попрошу покинуть эту комнату. Секреты моего мастерства — еще одна тайна, не терпящая посторонних.

Пока гости выходили один за другим, Энлил с интересом рассматривала мерцающие разными цветами нити симпатий и антипатий, связывающие этих пятерых.

— Я не могу остаться? — спросил король.

— Нет! — отрезала Лотэсса, хотя вопрос был обращен не к ней.

— Простите, ваше величество, но нет, — отказывать правителю в просьбах невежливо, а иногда даже опасно, но Энлил не нужны были посторонние, и она давно никого не боялась.

Неожиданно женщина заметила чрезвычайно интересную деталь, которую упустила из вида ранее, когда в комнате было слишком много людей. Неужели ей не кажется? Нет, действительно, призрачная цепь, отливающая черным и золотым, связывала короля и девушку, страдающую от боли. Хранитель?! Но как?

— Постойте, ваше величество, — она остановила короля уже на пороге. — Я передумала. Вы можете остаться, при условии, что ответите мне на несколько вопросов и обязуетесь молчать о том, что увидите здесь.

— Благодарю, — мужчина склонил голову в знак признательности. — Я отвечу на любые ваши вопросы, если вы, конечно, не потребуете раскрытия государственных тайн.

— Такого рода тайны меня не интересуют, — отмахнулась Энлил. — Будьте добры, погасите свечи, — попросила она короля. Раз уж позволила ему остаться, пусть хоть пользу приносит.

Сама же она зажгла толстую витую свечу темного цвета, надеясь, что запах дыма не

наведет присутствующих на мысли о субстанциях, из которых она изготовлена.

— Почему вы приехали сюда среди ночи, ваше величество? — женщина задала вопрос, параллельно извлекая из ларца зеркало с черной матовой поверхностью — одну из своих главных ценностей.

— Разве не естественно беспокойство мужчины за свою невесту? — вместо откровенности он предпочел ответить вопросом на вопрос.

— Вы не просто мужчина, — зеркало было установлено так, чтобы ловить отражение свечи. — Вы — монарх. Девушка была поручена заботам вашего ближайшего подчиненного, которому можно доверять. Зачем среди ночи покидать дворец и нестись очертя голову к незнакомой ведьме? Королю подобные подвиги вроде по рангу не положены...

— Вы будете меня учить? — он изогнул бровь, демонстрируя удивление с явным оттенком недовольства.

— Нет, пытаюсь понять, что вами движет, — спокойно ответила хозяйка, немало не смутившись. — И, поверьте, это не праздное любопытство.

— Если честно, я просто не знаю, — признался повелитель Элара, украдкой поглядывая на девушку, глухо постанывающую от боли. — Я просто чувствую, что должен быть рядом с ней и почти не в силах сопротивляться этой потребности.

— Так я и думала, — Энлил довольно улыбнулась самой себе. — Вы ее хранитель.

— Что?! — хором спросили удивленные молодые люди.

— Сейчас попробую объяснить...

Даже лучше, что можно разговором отвлечь обоих от происходящего, насколько это возможно. Незачем им видеть, как тусклая поверхность зеркала поглотила свет темной свечи, перестав его отражать. Незачем обращать внимание на почти незаметные в общей темноте чернильно-черные сгустки, преодолевающие тонкую зеркальную грань и мечущиеся по комнате.

— Хранитель связан незримыми узами с предметом или человеком, представляющим особую ценность, — начала Энлил. — У нас, в Ай-Таш, да и по всему Шургату, хранители оберегают сокровища, тайны и правителей. Согласно древним законам, владыки не должны обладать магией. Это обстоятельство делает их уязвимыми перед любым сильным колдуном, каковых на Шургате предостаточно. Кроме того, у сильных мира сего есть и обычные недоброжелатели. Хранители призваны оберегать человека или вещь, с которыми связаны. Это не просто обязанность, это непреодолимая потребность.

Король задумчиво кивнул, а Лотэсса метнула в его сторону быстрый заинтересованный взгляд.

— А обычные телохранители или маги не могут охранять правителей и драгоценные предметы? — осведомился мужчина.

— Могут, — Энлил не стала спорить. — И охраняют. Начнем с того, что большинство хранителей — маги или воины. Я имею в виду, конечно, свою родину. На Доэе я вообще впервые столкнулась с хранителем. У хранителей есть определенные преимущества перед обычными магами или воинами. Как бы вам получше объяснить... — она на секунду задумалась, протягивая ладони, на которые опустились холодные трепещущие сгустки тьмы.

— Хранителю, как правило, способствует особая удача. Он оказывается в нужном месте, всегда принимает правильные решения, словом, получает какие-то дополнительные силы и преимущества для исполнения своей миссии.

Продолжая говорить, Энлил положила извивающиеся тени на запястья Лотэссе. Девушка взвизгнула и инстинктивно попыталась сбросить жутковатых созданий.

— Тише, девочка, потерпи, — колдунья положила руки на ей плечи. — Стойте, где

стоите, ваше величество! — увидев, что король подался к своей невесте, женщина сделала предостерегающий жест. — Не так уж больно, правда, милая? — Энлил снова обращалась к девушке. — Успокойте своего жениха и хранителя.

— Не больно, — признала Лотэсса. — Но так... мерзко! Они словно душу из меня выедают!

— В каком-то смысле так и есть. Тени отнюдь не добры и не бескорыстны. За любую работу они берут плату. Но вы восстановитесь через какое-то время, — успокоила Энлил девушку, а заодно и короля. — Это как с кровопусканием. Постепенно кровь вернется к прежнему количеству... если только не потерять слишком много. Ну вот и все, — колдунья резким движением рванула тени, которые не очень-то желали оставлять такую сладкую добычу.

Лотэсса с удивлением рассматривала руки — темно-багровые синяки исчезли, как и боль. Конечно, девочка сейчас чувствует опустошение и тяжесть на сердце, но это пройдет. Энлил услышала, как король с облегчением вздохнул, а затем решил продолжить расспросы.

— Маг может сделать хранителем любого? — поинтересовался он.

— Нет, — женщина покачала головой. — Маг может сделать хранителем только себя самого. Как правило, маги связывают себя узами с тайными и могущественными колдовскими предметами. Обычно же связь между хранителем и его подопечным — что-то вроде предопределения. Магам дано видеть, кто в окружении, к примеру, монарха предназначен на роль его хранителя. Случается, что с одним лицом или предметом связаны два и даже больше хранителей. Логично, что предназначение хранителя чаще всего обнаруживается у хороших воинов и колдунов. Но ваш случай я нахожу весьма странным. Конечно, девушке грозит страшная опасность, но...

— Вы не считаете меня достаточно хорошим воином, чтобы защитить ее? — с вызовом спросил король, недобро прищурился.

— Отнюдь. Вы сильный мужчина и умелый воин. Из вас выйдет отличный хранитель. Дело не в вас, а в ней, — колдунья кивнула на девушку. — Охраняемые имеют особую ценность и значимость. А что в ней особенного? Не сочтите за оскорбление, зная... Я знаю, что Лотэсса Линсар первая аристократка страны и королевская невеста, но мне казалось, это не повод заполучить в хранители самого короля. Никогда еще не бывало, чтобы хранитель был значимей хранимого.

— Разве могущественные колдуны не более значимы, чем слабые монархи? — странно звучал этот вопрос из уст короля, которому полагалось бы признавать своих собратьев самыми важными людьми любой страны.

— Нет, — Энлил с интересом взглянула на мужчину. — Маги, даже самые сильные, заменимы, особенно у нас, на Шургате, а смерть правителя неминуемо повлечет множество неприятностей, от грызни между наследниками до смуты или даже войны. То, что хранимый важнее, чем хранитель, — правило, не знающее исключений, — упрямо повторила женщина. — Значит, нужно разобраться, в чем уникальность этой девочки...

— Эта девочка — будущая королева, — заметил его величество.

— Возможно, дело в этом, — Энлил не стала спорить. — Так или иначе, вы — ее хранитель, и на вас возложена ответственность за сохранность ее жизни, как выяснилось, достаточно ценной.

— Это я и так знаю, — мрачно буркнул король. — Без всяких легенд о хранителях.

— Мой вам совет: увезите девочку подальше отсюда. Альва не убила того демона, и он вернется рано или поздно...

— Куда я могу ее увезти?! — в его голосе послышалась злость, будто Энлил была виновата в том, что все складывается хуже некуда. — Где она будет в безопасности?

— Я не знаю, ваше величество, — колдунья развела руками. Она и рада бы помочь, но

даже маги не имеют готовых решений на все случаи жизни. — Все, что я могу — спросить у них, — она кивнула на черное зеркало и погасшую свечу. — Если тени дадут мне внятный ответ, то я сообщу вам. Пришлите ко мне Альву или дэна Итона через пару дней.

— А когда вы разговариваете с ними, из вас они тоже вытягивают душу? — поеживаясь, тихо спросила Лотэсса, до этого молчавшая.

— Нет, моя хорошая, — поспешила успокоить ее Энлил. — В том и состоит мое искусство, что тени мне подчиняются. Конечно, работа с ними требует много сил и контроля, но питаться своими повелителями тени не пытаются. По этим счетам платят те, кто жаждет получить желаемое любой ценой. Я не про тебя, — добавила она, заметив, как девушка изменилась в лице. — Ты не просила о такой помощи, это было мое решение. Я просто не видела иного способа помочь тебе.

Глава 22

Элвир много бы дал за возможность поспать часов пять кряду. Но нет, об таком счастье можно и не мечтать. Вернувшись от ведьмы, Элвир с Валтором, наплевав на благопристойность и возможные пересуды, остались с девушками в покоях младшего Ильда. Все пятеро свалились замертво — Лотэсса с Альвой в спальне принца, Нармин в отведенной ей комнате, а протектор с королем — в гостиной. Но если девиц, особенно энью Линсар, было решено не тревожить и дать им высыпаться хоть до вечера, то мужчины проснулись часа через три и приступили к выполнению своих обязанностей. Валтора ждал очередной доклад канцлера Табрэ с грудой документов на подпись, у Торна тоже дел хватало. Элвир истово молился богиням, в которых не верил, чтобы комендант не доложил ему об очередном ночном убийстве. Пока проклятая тварь не проявит себя, можно хотя бы надеяться, что стрела Альвы оказалась роковой. Хотя Энлил уверяла, что из лука такое создание не убить.

Спать хотелось невероятно, и Торн горстями поглощал ягоды рдянки. Обычно эти терпкие ягодки неплохо бодрили, но сегодня даже им оказалось не под силу побороть усталость. В очередной раз зевнув во весь рот, Элвир отложил отчет начальника городской стражи и распахнул окно. Но даже свежий утренний воздух не бодрил, а лишь заставлял ежиться от холода. В дверь постучали, и протектор даже обрадовался визитеру, лишь бы только это был не Карст с известием о новой жертве. В дверях стояла жрица Нармин. Вот уж кого он меньше всего мог ожидать!

— Чем обязан, Нармин? — не скрывая удивления, спросил Элвир. — Разве вам не положено спать мертвым сном после вчерашних приключений? Или что-то случилось? — последнее предположение мигом согнало сон получше рдянки и холодного воздуха.

— Нет, ничего не случилось... пока, — девушка отрицательно помотала головой. — Энья Линсар и дэнья Свелл спят, а я пришла поговорить с вами. Могу я войти?

— Да, конечно, — он поспешно отошел от двери, пропуская нежданную гостью. — Может быть, велеть принести вам горячего питья или завтрак? Вряд ли вы успели поесть.

— Поем позже, — отмахнулась Нармин. — Я не планирую задерживаться у вас надолго. Вчера я слышала ваш разговор с его величеством о том, что энью Лотэссе нужно отвести в безопасное место.

— Да, — невесело ухмыльнулся Торн. — Только сложно представить место, которое в данной ситуации будет для нее безопасным. Возможно, король отправит ее в Дайрию, но...

— Энью Линсар не нужно отправлять в Дайрию, — горячо возразила жрица. — Отправьте ее в Храм Маритэ! Там она будет под защитой богинь и владычицы.

— Но ведь мы вчера на опыте убедились, что жрицы могут оберегать от темной магии лишь самих себя. Чем же вы или даже ваша владычица способны помочь в таком случае?

— Сам Храм будет защитой. Его стены не преодолет ни один демон! Служителям Изгоя не место под кровом обители Маритэ! Там энья Линсар будет в безопасности до тех пор, пока вы не найдете способ справиться с чудовищем.

— А вы точно уверены в том, что говорите? — Элвир не считал нужным скрывать свое недоверие к собеседнице, поскольку ее предыдущее самонадеянное заблуждение чуть не стоило жизни королевской невесте и, возможно, не ей одной. — До этого вы расхваливали свой уникальный жреческий дар, и если бы я, положившись на ваши слова, не приставил к энье Линсар фрейлину, владеющую оружием, она была бы мертва... да и вы тоже. Простите, — он заметил, как изменилось выражение лица девушки. — Я не хочу обидеть вас. Но в этот раз мы должны быть уверены, что не совершаем ошибку, которая может стать роковой.

— Если не верите мне, можете спросить у владычицы, — дрожащим от обиды голосом предложила жрица. — Если вы, конечно, готовы ждать, пока придет ответ из Храма, — не без ехидства добавила она. — И вообще, что вы теряете? Сами же только что сказали, что не представляете места, где энья Линсар может быть в безопасности. Чем Тиарис лучше Вельтаны?

— Тварь пока являлась только здесь. Из Дайрии регулярно приходят отчеты — никаких непонятных смертей. Как бы ни был силен этот демон, вряд ли он может перемещаться за многие сотни миль, хотя полностью исключить такого варианта нельзя.

— Храм тоже далеко от Вельтаны, — жрица использовала аргумент Торна против него же. — Впрочем, я не стану вас убеждать. Предложив вам спрятать королевскую невесту в обители Маритэ, я лишь выполнила свой долг. Я чувствую себя обязанной энье Линсар, а потому должна была хотя бы попытаться сделать что-то для нее.

— Я ценю ваш благородный порыв, — Элвир старался говорить как можно серьезнее. — И его величество, безусловно, тоже оценит. Мы обсудим с ним вашу идею. Вы правильно сделали, Нармин, что пришли ко мне. Тем более что если король согласится с вашим планом, то везти энью Линсар в Храм предстоит именно мне. Вряд ли его величество доверит свою невесту кому-нибудь еще.

— Спасибо, что выслушали, — жрица поклонилась. — Если его величество одобрит мое предложение, а энья Линсар не станет возражать, то я буду рада дать вам, как ее сопровождающему, самые подробные разъяснения и инструкции относительно дороги и прочих важных вещей.

— Я не совсем понимаю, — он нахмурился. — Зачем мне инструкции? Разве вы не поедете с нами?! Это же ваш Храм, и потом, вы сами предложили...

— Да, — Нармин смущенно замялась. — Но я являюсь полномочной представительницей владычицы в столице. И потом, скоро коронация. Я не уверена, что могу оставить свою миссию ради сопровождения королевской невесты в Унт-Рино.

— Замечательно! — Элвир усмехнулся, закатив глаза. — Значит, я могу оставить пост верховного протектора, а ваша миссия при дворе столь важна, что вы никак не можете покинуть столицу. Напомните мне, чем вы занимались до того, как король приставил вас к энье Лотэссе?

Нармин покраснела. И правильно сделала! Потому как ничего она не делала. Сидела в своих покоях, письма своей владычице строчила. С содержанием этих многочисленных и весьма пространных писем протектор был ознакомлен по долгу службы. Тоже мне — великая миссия! Не может она отлучиться! Прямо рухнет все здесь без присутствия жрицы Маритэ! Ладно, пусть Валтор с этой странной девицей разбирается.

— Что ж, Нармин, не смею вас больше задерживать, — довольно сухо произнес Элвир, давая понять, что говорить больше не о чем. — Идите и попробуйте все-таки отоспаться, — чуть мягче добавил он.

Когда девушка ушла, Элвир направился к королю, прикинув по времени, что Табрэ уже должен бы оставить своего сюзерена. Вообще-то, неожиданная идея спрятать строптивую и особо ценную для его величества девицу в Храме пришла протектору по душе. Несмотря на настороженное отношение к Нармин, последнее ее предложение Торн находил очень даже разумным. В Дайрии, особенно при дворе Тиариса, Лотэссе Линсар не будет так уж безопасно. И опасаться стоит даже не чудовища, а дайрийских вельмож. Ведь оставшиеся в Тиарисе не меньше ушедших с Валтором жаждали породниться с королем посредством своих дочек и прочих родственниц. Понятное дело, что эларскую претендентку на престол объединенного государства в дайрийской столице не встретят с распростертыми объятиями. А жрицы Маритэ, напротив, весьма заинтересованы в том, чтобы оказать новой власти услугу и удостоиться благодарности короля.

Валтор сидел в своем кабинете один и тер виски. Табрэ уже ушел, но было очевидно, что его визит изрядно вымотал монарха. Канцлер по большому счету был человеком дельным и умным, но совершенно не умел отличать важное от второстепенного. Помимо действительно неотложных дел он частенько мучил своего короля дурацкими тяжбами между аристократами, их мелочными претензиями друг к другу и к власти и тому подобной ерундой, мешая сосредоточиться на задачах первостепенной важности. Валтор уже не однажды пытался втолковать канцлеру разницу между назревающим финансовым кризисом и дуэлью тупоголовых юнцов, помешанных на родовой чести, но все усилия короля не принесли желаемого результата.

— Что, плохо? — в голосе Торна ехидство мешалось с сочувствием.

— А ты как думаешь? — Валтор в ответ досадливо поморщился. — Сам-то как пережил это мерзкое утро? И как наши девочки?

— Девочки спят... Все, кроме одной. Ко мне с утра пораньше изволила заявиться сама полномочная представительница Храма Маритэ, — Элвир нарочно сделал ударение на титуле, которое молоденькая жрица практически сама себе присвоила.

— Нармин? — король изумленно вскинул бровь. — Что ей от тебя нужно? Вроде на жертву твоего рокового обаяния она не похожа.

— Определенно нет, — рассмеялся Торн. — И, если ты не заметил, сия экзальтированная особа бросает томные взгляды, исполненные безмерного обожания и собачьей преданности, в сторону вашего величества.

— Да ну? — не поверил Валтор.

— Поверьте, мой друг и повелитель, за годы службы я неплохо научился разбираться в людях... и даже в женщинах. Девица влюблена в тебя, а потому терпеть не может Лотэссу Линсар. Правда, после вчерашнего, влекомая то ли угрызениями совести, то ли внезапно проснувшимся благородством, наша благонравная жрица решила проявить заботу о своей нелюбимой, навязанной тобой патронессе. Потому и явилась ко мне с предложением отправить энью Линсар в Храм Маритэ, дабы спасти от покушений кошмарной твари.

— Зачем?! — очевидно, королю уже надоело удивляться. — Она что, предлагает сделать из Лотэссы жрицу, чтобы положенный жрицам дар Маритэ оберегал ее от чудовища? Так вчера мы имели возможность убедиться, что в этом пресловутом даре никакого толка, хоть он и не выдумка.

— Может, все-таки дослушаешь до конца? — иронично осведомился протектор. — Никто твою драгоценную невесту не собирается посвящать в жрицы, обрекая на безбрачие, пусть даже и временное. Нармин уверяет, что сам Храм служит надежной преградой для темных созданий, которые почитаются творениями и орудиями Изгоя. Не знаю, стоит ли ей верить, но...

— А что? В этом что-то есть, — ухватился за предложенную идею король. — Думаю, Храм Маритэ в любом случае надежнее, чем королевский дворец в Тиарисе. Надо только посоветоваться с этой вашей ведьмой. Она обещала побеседовать со своими милыми подопечными на тему убежища для Лотэссы...

— С каких это пор ты так доверяешь ведьме? — ворчливо поинтересовался Элвир.

— С тех самых, как узнал, что мой лучший друг поскакал к ней среди ночи с моей раненой невестой. И особенно — с того момента, как на моих глазах эта ведьма вылечила Лотэссу с помощью мелких жутких тварей.

— Так кто они все-таки — милые подопечные или жуткие твари?

— И то, и другое. Безумно не хочется иметь дело с подобными созданиями, но мы не можем отрицать, что они обладают реальной силой, а Энлил заставляет эту силу служить нам. А знаешь, — неожиданно решил Валтор, — когда вся эта дрянь закончится, я назначу Энлил придворным магом. Знаю, это не принято, и еще полгода назад я бы сам над собой посмеялся, но теперь как-то не до смеха. Ночные твари существуют, магия действует, и я уже вполне допускаю, что папино любимое «проклятие Ильдов» тоже не бред больного воображения какого-нибудь из наших предков. Надо считаться с существующим положением вещей. То, что мы считали суевериями и предрассудками, — реальная сила. И лучше иметь эту силу в союзниках, чем сражаться против нее.

— Все это так, — Торн задумчиво потер подбородок. — Только вот я с трудом представляю, как ты объяснишь введение поста придворного мага тому же Табрэ...

— Не стану ничего объяснять! — глаза Валтора блеснули веселой злостью. — Пусть воспринимает это как блажь своего сюзерена. Король я или нет, в конце концов?! Еще не хватало перед подданными отчитываться в мотивах своих поступков и решений.

— Значит, ты всерьез планируешь советоваться с Энлил? — протектору все-таки сложно было привыкнуть к новому положению вещей. Хотя отрицать наличие магии и ее силу после всего случившегося было бы просто глупо. — Тогда пусть она поторопится с выяснением мнения своих подопечных по нашему делу. Чем быстрее Лотэсса покинет Вельтану, тем спокойнее будет всем нам. Ты, конечно, захочешь, чтобы я отправился с ней?

— Не уверен, — король почему-то избегал взгляда собеседника. — Впрочем, посмотрим, что скажет ведьма. Кстати, что у нас там с ильдовским проклятием? — Валтор неожиданно решил сменить тему. — Твоей лучнице удалось что-нибудь отыскать?

— Пока ничего стоящего, — вздохнул Торн. — Альва — толковая девочка, я все-таки на нее надеюсь. Знаешь, мне бы не хотелось ее терять... — в ответ на непонимающий взгляд собеседника Элвир разъяснил, что имеет в виду. — Ты, возможно, захочешь, чтобы Альва осталась при твоей Лотэссе в Храме или при дворе в Тиарисе. Но здесь она нужнее. Альва могла бы сопроводить знью Линсар до Храма или другого места, а потом вернуться в Вельтану со мной.

— Здесь она нужнее, — хмыкнул Валтор. — Кому нужнее? Коменданту? Или тебе?

— Пока от девочки было больше пользы, чем от кого-либо, не считая, возможно, Энлил, — протектор решил ответить, игнорируя последний вопрос. — Она работает на Карста всего пару недель, но он без нее как без рук. Не говоря уже о том, кто вчера спас жизнь твоей драгоценной невесте!

— Так как раз у моей драгоценной невесты ты хочешь эту полезную девочку забрать, как я понимаю, — король продолжал откровенно ухмыляться. — Ты хоть мнением самой Альвы на этот счет поинтересовался? Не допускаешь мысли, что быть фрейлиной герцогской дочери, а впоследствии королевы, ей больше понравится, чем секретарем столичного коменданта или даже личным помощником верховного протектора? Кроме того, мне кажется, они с Лотэссой подружились.

— Пусть решает сама, — равнодушно согласился Торн.

На самом деле ему нравилось работать с Альвой и вовсе не хотелось, чтобы она сидела запертой в горах. Хотя, с другой стороны, в Храме ей будет безопаснее. Ведь девочку не удержать, готова хоть за Грань лезть, и не только ради долга или пользы, но и из неумного любопытства. Кроме того, Альва Свелл и правда оказалась незаменимой помощницей им с дэном Итоном. Может, и не дело девочке быть замешанной в подобных делах, но так уж вышло, что она идеально вписалась в страшный и загадочный сюжет расследования. Если зеленоглазая лучница захочет уехать со своей госпожой, он удерживать не станет. Если же решит остаться — сделает все, чтобы уберечь от любых опасностей.

А пока надо бы попытаться все-таки отправить Валтора в постель. Может, он и король и, как выяснилось, даже какой-то там хранитель, но еще он человек. А люди, в отличие от всяких там на'ари и теней, должны спать — так уж они устроены.

Глава 24

Ну почему именно он должен сопровождать короля к ведьме, досадовал Итон по пути в Руджию. Его смущало только общество Дайрийца, необходимость же навестить Энлил обременительной не казалась. В женщине было что-то притягательное — как внешне, так и внутренне. Скорее всего, дело в ее магии, но Карсту было все равно. В его жизни так мало людей, которых он находил приятными — не умными, дельными, нужными, а именно приятными, — что разбираться в истоках их притягательности не было никакого желания.

Зато его величество к приятным людям, с точки зрения Итона Карста, явно не относился. Женщины бы, конечно, с ним не согласились, но на коменданта Вельтаны красота и мужское обаяние нового короля не производили никакого впечатления. Итон считал Валтора Дайрийского умным, целеустремленным и циничным человеком, не чуждым определенных принципов и даже некоторой доли благородства, но по большому счету лишенным главного — человечности. Вот вроде и придаться не к чему, все Дайриец делал правильно — разумно, дальновидно, целесообразно, но люди для таких, как он — фигурки на диске... И если он этими фигурками не жертвует, то лишь потому, что, просчитав несколько ходов вперед, видит, как их можно использовать с наибольшей для себя выгодой — продвинуть вперед, возвысить, разменять... Бедная дочка герцога Линсара — такая же фигурка, пусть и одна из главных, но фигурка, как и все они... А Малтэйр — игрок!

Карст чувствовал себя крайне неуютно в обществе его величества и каждые пять минут мысленно посылал спутника к Изгою. Благо хоть поддерживать разговор не требовалось. Малтэйр явно не нуждался в собеседнике, витая где-то в дебрях своих мыслей. Вот с Торном было как-то проще. Временами Итон даже забывал, что имеет дело с убийцей королевской семьи. Нет, приятным верховный протектор, конечно, не был — хотя и тут женщины бы поспорили, — но с ним хотя бы говорить можно по-человечески... Не было в нем этого ледяного насмешливого презрения ко всему на свете, не было этой отчужденности и замкнутости, не было превосходства, не демонстративного, но ощущаемого в каждом слове и жесте. Может, Итон и был пристрастен к новому монарху, но вины он не чувствовал. Не за что ему любить Дайрийца — убийцу детей Лендера. Торн, он ведь только меч на шею приговоренных опускал, а истинный убийца — король, отдавший приказ.

Вдали показались милые домики Руджии — светлые, нарядные, по большей части новенькие. Комендант вздохнул с облегчением. Сейчас они приедут к Энлил, та будет занимать короля беседой, а он — Карст — сможет отдохнуть. Выпить чаю с малиновой настойкой, полюбоваться красивой хозяйкой дома, да просто посидеть часок-другой без дела.

Ведьма, встретившая их у дверей, была привычно хороша, но выглядела усталой. Даже в день смерти мужа не темнели под ее глазами такие тени, а смуглая кожа не казалась бледной.

— Входите, — жестом пригласила она гостей. — Как мило с вашей стороны лично явиться ко мне во второй раз, ваше величество. А ведь могли бы просто прислать за мной карету или кого-нибудь из своих людей.

— Я предпочту личную беседу, — король, как обычно, был краток. — Кроме того, не вижу смысла привлекать к вам лишнее внимание. Не уверен, что ваше появление во дворце было бы уместным.

— Разумно, — кивнула Энлил. — Но мой скромный дом как-то не был рассчитан на визиты особ королевской крови...

— Не переживайте, я неприхотлив, — Дайриец махнул рукой. — И частенько за последние месяцы находился в условиях куда более скромных.

— Могу я предложить вам выпить чего-нибудь? — колдунья, видно, решила поиграть в гостеприимную хозяйку. — Дэну Итон, кажется, пришелся по вкусу мой чай, — слегка лукавая улыбка осветила изможденное лицо женщины, когда она повернулась к коменданту. — А вы, ваше величество, какие напитки предпочитаете?

— Последую примеру дэна Итона, — ответил король. — Чай меня вполне устроит.

Энлил отдала распоряжение служанке. Карст вспомнил, что раньше обхаживанием гостей занимался муж хозяйки, ныне покойный. Немудрено, что он завел любовницу. Кому ж понравится всю жизнь быть на побегушках у жены, исполняя в доме роль прислуги. Впрочем, колдунья не казалась сильно горящей по утраченному супругу. Оно и понятно. Муж ей в подметки не годился. Не могла эта роскошная загадочная женщина всерьез любить деревенского парня, хоть и смазливого.

— Я пришел посоветоваться, — видно, Малтэйр, как и Торн, не любил тратить времени на лишние слова, предпочитая сразу переходить к сути дела. — Вы вроде собирались расспросить своих жутких малюток о том, где лучше спрятать энью Линсар от чудовища.

— Расспросила уже, — Энлил кивнула, с интересом поглядывая на собеседника, но развивать свою мысль не спешила.

— И? — Дайриец вопросительно изогнул бровь.

— И с уверенностью могу сказать лишь одно: от столицы вашу невесту нужно держать как можно дальше. На'ари жив и лишь выжидает нового удобного момента, чтобы добраться до девочки. Тени сказали, что к Вельгане этот странный демон не привязан, однако по каким-то причинам предпочитает находиться здесь. Ваша Лотэсса — не враг ему, скорее просто очень лакомая добыча. Увезите невесту подальше, и он, скорее всего, забудет о ней, вернувшись к прежнему развлечению — ночным убийствам.

— Вы можете его уничтожить? — напрямую спросил король. — Я видел вашу силу, точнее, силу этих ваших... теней.

— Не знаю, — она покачала головой. — Не уверена. Вообще-то, маг моей силы может справиться с обычным на'ари, но змехвостая тварь — явно не заурядный демон. Пока я не пойму, что он такое, не рискну связаться с этим созданием. И вообще, я ни вам, ни протектору, ни дэну Итону не обещала в одиночку убивать демонов! — очевидно, Энлил не очень нравилось обнаруживать свою слабость.

— Вы правы, — Малтэйр не стал спорить. — Я лишь спросил. Пока меня больше интересует сохранность Лотэссы Линсар. Я же, как выяснилось, ее хранитель... ну и будущий муж заодно. Что вы думаете о возможности спрятать ее в Храме Маритэ? Это Нармин предложила.

— Молоденькая жричка? — Энлил загадочно и лукаво улыбнулась каким-то своим мыслям. — Я бы на вашем месте настороженно прислушивалась к ее советам... если они касаются вашей невесты. Впрочем, как раз эта ее идея на редкость разумна. Для того, чтобы это понять, даже с тенями советоваться не обязательно. А где вообще он расположен, Храм вашей забытой богини?

— В провинции Унт-Рино. Довольно далеко отсюда.

— А горы там есть? — непонятно к чему осведомилась ведьма.

— Да, — с некоторым удивлением ответил король. — Унт-Рино лежит на отрогах Звездного хребта. А Храм Маритэ, насколько мне известно, расположен высоко в горах.

— Что ж, — довольно улыбнулась колдунья. — Все сходится. Далеко не всегда сразу можно понять суть послания теней. Это похоже на пророчество — в определенном смысле. Мои жуткие малютки, как вы их назвали, предпочитают давать туманные ответы, даже если сформулировать вопрос предельно четко. В этот раз они сказали: «Под самым небом в доме забытых владык начнется дорога к спасению». Теперь я почти уверена, что «дом забытых владык» — это Храм в горах. Считайте, что получили благословение теней на путешествие туда вашей невесты. Только вот... — Энлил замялась. — Понимаю, что звучит нелепо, но... Лучше бы вам лично проводить ее туда. Вы, конечно, король, и понятно, что...

— Я так и думал, — перебил ее Дайриец. — Сопровождение эньи Лотэссы входит в мои обязанности хранителя? Это важно?

— Речь скорее не об обязанностях, а о миссии, — возразила женщина. — И да, это важно.

Хранителем никто не становится просто так. Девочка важна, хоть я пока и не могу понять, чем именно. Может, эта ваша богиня разберется...

— Вы же в нее не верите, — лукаво прищурился король.

— Я не верю, что она — богиня и создательница всего сущего, а не в то, что она существует. Кроме того, вы тоже не верили в магию и демонов, а теперь, спасая свою нареченную от чудовища, трепетно прислушиваетесь к мнению ведьмы. Кто знает, может, и Маритэ — нечто большее, чем я о ней думаю. В любом случае, девочке обязательно нужно в этот Храм. Не сможете поехать с ней — пошлите кого-нибудь из своих людей. Разумеется, тех, кому можно доверять, того же эна Торна, например.

— Я поеду сам! — отрезал Малтэйр, и по его голосу и лицу было ясно, как непросто далось ему такое решение.

Итон в удивлении уставился на монарха. До этого момента Валтор Дайрийский казался ему весьма разумным правителем, а его хладнокровие и расчетливость были вне всяких сомнений. И вот, нате вам! Из-за какой-то девицы, пусть даже аристократки и собственной невесты, его величество решил оставить столицу завоеванного государства на произвол судьбы. И это накануне коронации. Карст пришел в ярость. Какого Изгой! Почему именно сейчас?! На устойчивость власти Дайрица столичному коменданту, разумеется, плевать, но если король покинет город, то тут такое начнется! Малтэйр держал Вельтану в руках. Его боялись и, пожалуй, даже уважали, особенно после эпохи правления «гадючьей троицы» — Мертона, Падда и Сворна. Когда началась вся эта дрянь с ночными нападениями чудовища, только благодаря страху перед новой властью удавалось удерживать город от волнений и беспорядков. А если король исчезнет... Ох, лучше бы тебе подохнуть, твое непоседливое величество, мысленно пожелал комендант монарху. Тогда бы на престол возвели Лана Таскилла, и все были бы счастливы. Хотя мальчишке сложно было бы удержать порядок, но все лучше, чем так.

— В конце концов, дорога туда и обратно займет лишь несколько недель, — словно убеждая самого себя, рассуждал король. — Думаю, что эн Элвир за это время справится с бременем власти не хуже меня.

Торн, конечно, малый дельный, и нужды города его искренне заботят, но он не король! Ни заговорщики из аристократии, ни бунтари из черни не потрудятся предварительно оценить силу и ум протектора, если решат воспользоваться отсутствием правителя. Им ведь только повод дай, а исчезновение страшного Дайрица — чем не повод... Скорее всего, Торн справится с любым заговором или восстанием, но какой ценой?

— Ваше величество, вы не должны оставлять столицу! — категорично заявил Итон, в глубине души ужасаясь своей дерзости.

Неужели это он говорит?! Неужели просит проклятого узурпатора не оставлять завоеванную Вельтану? Мир сошел с ума! Или он — Итон Карст — спятил, что более вероятно. Как бы там ни было, комендант продолжал.

— Ваше присутствие сдерживало беспорядки в городе, — как же сложно объяснять очевидные вещи! — Без вас начнется Изгой знает что! — нарастающий гнев заставил забыть о почтительности. — Вы завоевали эту страну и ее столицу, так будьте любезны править и заботиться о захваченном государстве, что бы ни случилось, а не исчезать в самый тяжелый момент!

— А вы к Ильдам не пробовали обращать свои пламенные воззвания? — холодно осадил коменданта король. — Или тяготы правления ложатся лишь на плечи завоевателей, а у наследных правителей есть только привилегии?

— При Ильдах такая дрянь не творилась, — огрызнулся Карст.

— При Ильдах творилось много другой дряни, пусть не столь необычной и жуткой. Но, поверьте, одна тварь из-за Грани, даже еженощно убивая по несколько человек, не способна причинить такого ущерба, как недальновидное правление, точнее, полное устранение короля от власти. Только голод в провинциях унес больше жизней, чем способно отнять стадо таких змеехвостых ублюдков.

Вроде и не возразишь, хоть и чешется язык сказать что-то наперекор. Йеланд Ильд был плохим королем, но ему бы Итон ни в жизнь не осмелился указывать, что следует делать. Что ж, к законной власти, пусть и дурной, у подданных всегда больше почтения, чем к незаконной, пусть и хорошей. Осознавая, что терять все равно нечего, Карст решил идти до конца.

— Энлил, можете ли вы спросить у своих теней, раз уж его величество так доверяет их мнению, что будет со столицей без короля и вернется ли он вообще? — комендант позволил себе задать вопрос, находящийся явно за пределами его полномочий.

— Дэн Карст прав, — неожиданно поддержал его Дайриец. — Вопросы не праздные. От ответов на них будет зависеть мое окончательное решение.

— Желаете, чтобы я поговорила с тенями прямо сейчас? — осведомилась колдунья. — Учтите, это займет время.

— Пусть, — король, очевидно, твердо вознамерился узнать ответы. — Мы подождем. Так ведь, дэн Карст?

Ну еще бы! Уж он-то точно будет сидеть и ждать, пока его величество не соизволит отпустить своего покорного слугу обратно в город, к множеству дел, требующих личного внимания коменданта. И что бы Малтэйру самому не поехать к Энлилу? Или захватить того же Торна. Хотя у протектора тоже вечно работы по горло.

Дабы мужчины не скучали в ее отсутствие, хозяйка распорядилась, чтобы гостям принесли обед. Есть действительно хотелось, кроме того, усердно набивая рот едой и глядя исключительно в тарелку, можно избежать необходимости поддерживать беседу с королем. Тот, правда, на беседу и не нарывался. Когда Энлил ушла, Дайриец принялся разглядывать комнату, уделяя особое внимание всяким мелким вещичкам непонятного назначения. Неожиданно король повернулся к коменданту и спросил:

— Почему вы не желаете, чтобы во время моего отсутствия в результате удачного переворота на престол воссел, к примеру, Лан Таскилл? Или вы не допускаете подобного поворота? — вопрос был острым и опасным, как лезвие клинка, но тон Малтэйра оставался спокойным, почти безразличным.

— Потому что мальчик не удержит власть, — неохотно признался Итон. — И править от его имени будут, скорее всего, другие. Кроме того, Лан не в курсе подноготной творящейся в столице дряни. Он не справится. Сейчас городу и стране нужна сильная власть, — немного подумав, Карст все же решился добавить. — Сильная... хоть и незаконная.

Король не стал спорить, и вновь надолго воцарилось молчание. Через какое-то время явилась Энлил, выглядящая еще более усталой, чем накануне. Буквально рухнув в кресло, она лаконично изложила суть своей беседы с тенями.

— Король вернется, но много позже, чем планировалось. Без него в городе будет плохо... очень. Но присутствие или отсутствие короля ничего не меняет. Плохо будет в любом случае. Король должен сопровождать свою невесту — это единственный шанс начать все сначала, — увидев непонимание в обращенных к ней взглядах, женщина устало махнула рукой. — Не спрашивайте ни о чем, я сама не понимаю.

Глава 25

Последние пару дней Лотэсса плохо себя чувствовала. Руки совсем не болели, зато кружилась голова, все тело наполняла ватная слабость, а на душе было беспросветно тоскливо. Девушка знала, что это последствие вмешательства теней и что это пройдет рано или поздно, а потому воспринимала свое состояние философски. Тем более что с тоской она за последние месяцы успела свыкнуться. Физическое недомогание тоже не особо беспокоило Тэсс, если бы не приступы сухого колючего кашля, которые, впрочем, случались довольно редко и длились недолго. Зато, сказавшись больной, можно было лежать в своей комнате, имея законный предлог увильнуть от трапез в обществе короля и родителей и прочих обязательных мероприятий. Тоска заглушалась книгами из личной библиотеки Нейри, а также горами засахаренных фруктов и других сластей, которые таскала для подруги Альва. В тысячный раз Лотэсса пересматривала картины, написанные рукой младшего Ильда, хранившиеся в мастерской. Альву работы принца также привели в полный восторг. Жаль только, что Тэсса не могла показать своей фрейлине любимую картину — тот портрет, что висел над кроватью. Его забрали. Надо думать, по приказу Дайрийца. Портрет исчез после ее ссоры с королем в библиотеке. Кольцо бывшего жениха Малтэйр ей оставил, зато портрет забрал, воспользовавшись ее отсутствием.

Необременительное затворничество портили лишь регулярные визиты родителей. Точнее, портила все матушка, потому что с отцом все-таки можно было общаться по-человечески. Зато Мирталь утомляла дочку сверх меры, и та начинала чувствовать себя и вправду ужасно больной. В другое же время вполне можно было жить.

Девушка лежала в постели с книгой, когда прибыл придворный, передавший ей личное приглашение Дайрийца. Однако если энья Линсар столь слаба, что не сможет явиться к его величеству, то король сам пожалует к ней, сообщил посланец.

Ну уж нет! Принимать Малтэйра в утреннем платье, а то и вовсе в ночной сорочке — этого только не хватало. Пришлось с сожалением отложить недочитанную книгу, встать и с помощью служанок умыться, одеться и уложить волосы. Альва предложила сопровождать ее к королю, и Лотэсса с благодарностью приняла предложение подруги. Нармин после той ужасной ночи уже не жила с ними, поскольку все имели возможность убедиться в никчемности ее дара, а следовательно, в полной бесполезности пребывания жрицы возле Лотэссы.

Девушки двинулись по дворцовым коридорам в сопровождении двух гвардейцев. Тэссе слегка пошатывало, и она опиралась на руку подруги. Его величество, как обычно, принимал в рабочем кабинете. Альву он очень вежливо попросил оставить их с Лотэссой наедине, к величайшему неудовольствию своей невесты.

— Вы, должно быть, догадываетесь, с какой целью я пригласил вас, энья Линсар? — любезно спросил король.

Мог бы хоть осведомиться, как она себя чувствует, с обидой подумала Тэсс. Впрочем, так даже лучше. Холодное равнодушие Дайрийца более понятно, чем его внезапные приступы заботы о ней. Тогда, у Энлил, он, казалось, по-настоящему тревожился за нее. В такие моменты девушка испытывала замешательство, не зная, как к нему относиться. Трудно ненавидеть того, кто так искренне беспокоится за тебя. Пусть уж лучше ведет себя безразлично — так проще.

— Понятия не имею, зачем вам понадобилось вытаскивать меня из постели, — ехидно ответила Тэсса. — У вас может найтись множество поводов, но уверена, что ни один из них мне не понравится.

— Даже если вам что-то не нравится — придется смириться, — холодный насмешливый взгляд в ее сторону. — Вам придется покинуть столицу.

— С удовольствием! — девушка решила придерживаться избранного тона. — Я, кстати, сама собиралась это сделать, дабы облегчить вам задачу, но помнится, вы мне помешали.

— Ну да, я помню, как вы решились бежать в обществе Лана Таскилла.

Тэсс прикусила язычок. Не надо давать ему лишний повод вспоминать о Таскиллах. Слишком свежи воспоминания о злополучной беседе в библиотеке. Лучше перевести разговор в другое русло.

— Что ж, если вы желаете, я с удовольствием покину Вельтану. Мне тут как-то тяжело дышится в последнее время. Могу я поехать в Норту? Там наше имение.

— Я знаю, где расположен родовой замок Линсаров. Нет, в Норту вы не поедете. Смею предположить, что вы не устоите перед искушением собрать вокруг себя знать, недовольную дайрийским правлением.

— Боитесь? — с торжествующим ехидством спросила Тэсс.

— Просто считаю глупым недооценивать противника.

Надо же! Значит, он все-таки считает ее достойной противницей. А то после неудавшегося побега их с Ланом постоянно обзывали глупыми детьми, бездарными заговорщиками, короче, всячески давали понять, что политические интриги не для них.

— Вы поедете в Храм Маритэ, — сообщил Дайриец.

— Куда?! — девушка опешила.

— В Храм Маритэ, — спокойно повторил король. — Это в Унт-Рино, хотя, думаю, вы знаете.

— За какими демонами я туда поеду? — она была так ошарашена, что не очень следила за речью.

— Не за какими, а от каких, — поправил Малтэйр. — От того самого демона, который одержим желанием вас убить. Другие демоны мне пока не известны, но я уже вполне допускаю их существование. Нармин утверждает, что стены ее Храма — надежная преграда для любых демонов.

— Точно! — Тэсса не удержалась от сарказма. — Та же самая Нармин утверждала, что ее дар может спасти от чудовищ. А потом выяснилось, что ее любимая Маритэ не может защитить даже свою жрицу, не то что кого-то еще!

— И все же придется рискнуть, — он облокотился о край стола. — Тем более что затерянный в горах Храм и сам по себе является не худшим убежищем. В Вельтане вам оставаться нельзя, а в Тиарис, надо полагать, вы хотите еще меньше, чем в гости к Маритэ.

Это уж точно! В столицу Дайрии она совсем не рвется. Там ее наверняка попытаются прикончить, и не какие-то там заграничные демоны, а самые что ни на есть люди. Не то чтобы Лотэсса так уж ценила свою жизнь, но и расставаться с нею столь бездарно тоже не планировала.

— Ладно, — она пожала плечами, демонстрируя безразличие. — Мне все равно. Хоть в Сантэр сошлите или Латирэ, — она подчеркнула слово «сошлите».

— Отправлять вас в сопредельные державы еще более глупо, чем в родную Норту, — король машинально гладил длинными пальцами серебряную сову на гербе.

— Ах да, конечно! — она продолжала язвить. — А то я непременно вернусь в Элар во главе вражеских армий!

— Не исключаю и такого варианта, — а вот Малтэйр, похоже, был серьезен. — С армиями-то мы, скорее всего, справимся, но не хотелось бы так бездарно терять людей, да и портить хрупкий мир с соседями вовсе не к чему. Не стоит вводить государей в искушение, подавая им лишний повод к войне. Поэтому вы все же отправитесь в Храм.

— А вы не боитесь, что я сподвигну на восстание жриц Маритэ? — это уже, пожалуй, чересчур, но так хочется вывести Дайрийца из себя, разозлить его. — Представьте себе армию разгневанных женщин, которые даже демонов не боятся!

— Впечатляет, — его величество изволил хмыкнуть в ответ.

Тэсса на какое-то время задумалась. С одной стороны, ей действительно хотелось покинуть Вельтану, с которой в последнее время были связаны лишь самые тяжелые воспоминания. С другой — это ее родной город, ее дом. Хотя, кого она здесь оставляет? Родителей? Пожалуй, временная разлука пойдет на пользу обеим сторонам. Друзей? Те, кто был ей дорог раньше уже мертвы, хотя... Есть два человека, которые дороги ей сейчас. Альва и Лан! Впрочем, обоих терять вовсе не обязательно.

— Могу я взять с собой свою фрейлину Альву Свелл? — как можно невиннее осведомилась она. Нельзя показывать королю искреннюю заинтересованность, иначе он откажет просто из желания помучить.

— Увы, нет, — Малтэйр изобразил искреннее сожаление. — Ваша фрейлина в первую очередь — помощница коменданта, и она нужна здесь.

— Кому нужна? — с досадой воскликнула девушка. — Торну вашему?

— И ему, и дэну Карсту, — спокойно подтвердил Дайриец.

— Она нужна мне! — Тэсс понимала, что ведет себя как обиженный ребенок, у которого отняли игрушку, но не желала взять себя в руки. — Разве это не важнее? Она мне жизнь спасла! Кто будет оберегать мою бесценную для страны особу по дороге в Храм?

— Я, — король обворожительно улыбнулся.

— Вы?! — второй раз за короткое время он поверг ее в замешательство. — Но разве вы не должны сидеть в столице и править, точнее, держать в страхе потенциальных заговорщиков?

— За меня останется эн Элвир, он тоже неплохо умеет держать в страхе. А о своей фрейлине не печальтесь, как только вы сможете вернуться в столицу, она снова будет с вами, обещаю.

Тэсса задумалась. Возможно, сейчас лучше уступить и не скандалить. Ссоры с королем чреваты опасностью для Таскиллов. Лучше уж обойтись без любимой Альвы и даже безропотно стерпеть общество Дайрийца, тем более что Торн, которого наверняка послали бы с ней в противном случае, ничуть не лучше. Лишь бы не стать причиной опалы (в лучшем случае) эны Алдоры и Лана.

Лан! Вот кто волновал ее сейчас больше всего. Если постараться быть покорной и милой, быть может, ей позволят хоть увидеться с ним.

— Ну, если вы считаете, что присутствие Альвы в Вельтане совершенно необходимо, то не стану спорить. Вам виднее.

Неожиданная сговорчивость девушки не обманула Малтэйра.

— Вам что-то нужно от меня, энья Лотэсса? — насмешливо поинтересовался он.

— Позвольте мне попрощаться с Ланом! — выпалила Тэсс. — Наедине.

Король задумался. Он молчал какое-то время, поигрывая своей любимой чернильницей-совой.

— А знаете, я, пожалуй, позволю вам встретиться с юным герцогом Таскиллом, — не успела Тэсса восторжествовать и порадоваться, как его величество продолжил. — Но при одном условии. Вы поклянетесь ничего не рассказывать своему другу о месте, куда направляетесь. Ни слова, ни намека о Храме Маритэ!

— И вы мне поверите? — ее губы скривила горькая усмешка. — Что помешает мне соврать?

— Ваша пресловутая честь. В отличие от нас, беспринципных подлецов, вы, энья Лотэсса, считаете себя человеком чести. И если уж дадите клятву, пусть вынужденную, то сдержите ее. Так что же?

Теперь задумалась Тэсс. Она до смерти хотела увидеть Лана, ведь их последняя встреча состоялась накануне неудачного побега, и после этого девушка не имела ни малейшей возможности связаться с ним. С другой стороны, расстаться неизвестно на сколько и не сказать, куда ее собираются увезти... Впрочем, это все-таки лучше, чем не увидиться вовсе.

— Я согласна, — тихо проговорила девушка. — Обещаю молчать о Храме. Клянусь, если угодно. Этого довольно? Или стоит скрепить клятву кровью для пушей торжественности?

— Еще чего не хватало, — поморщился король. — Я не настолько кровожаден, как вам кажется.

— Ну разумеется, нет, — слова девушки так и сочились сарказмом. — Вы бесконечно добры и благородны!

— Я рад, что вы наконец-то нашли во мне хоть что-то хорошее. И, кстати, имейте в виду, как только вы вернетесь в столицу, состоится коронация, а сразу после нее — наша свадьба.

— Нет! Я не хочу! — невольно вскрикнула Тэсс.

Она осознавала, что протесты совершенно бессмысленны, король лишь разозлится. Однако, вопреки ожиданиям, Дайриец скорее развеселился, забавляясь ее мученьями.

— Не помню, чтобы я интересовался вашим мнением на сей счет. Формальное предложение руки и сердца — скорее дань вежливости и традициям... хотя, не скрою, мне было бы приятно получить ваше согласие.

— Вы никогда его не получите!

— Получу, — спокойно возразил Малтэйр. — Вы забываете, энья Лотэсса, о самых весомых аргументах, способных повлиять на любое ваше решение. Как я понимаю, Таскиллы все еще дороги вам? Если вы откажетесь стать моей женой и королевой Элара, я прикажу бросить эню Алдору в темницу, а вашего Лана — казнить.

— Будьте вы прокляты! — выкрикнула она.

Боль сжала сердце когтистой лапой, воздух в легких будто разом закончился, а стены, окна и мебель зашлись в безумной пляске. Теряя сознание, Тэсса почувствовала сильные руки, подхватившие ее, и увидела неподдельный страх, плеснувшийся в зеленых глазах, неожиданно оказавшихся слишком близко от ее лица.

Придя в себя, девушка поняла, что лежит на кровати. Оторвав голову от подушек, она огляделась. Комната — явно спальня — оказалась жутко вычурной и помпезной. Красно-бордовые тона в изобилии золота производили гнетущее впечатление. Тэсс без труда догадалась, в чьей опочивальне оказалась. Такое же вот вычурное безвкусие предпочитал в одежде король... покойный. Что ж, логично, что Дайриец перенес ее в свою спальню, раньше принадлежавшую Йеланду Ильду. Очевидно, у узурпатора просто не было времени сменить обстановку комнаты. Вряд ли его вкус совпадал с предпочтениями бывшего хозяина апартаментов. Лотэсса приподнялась на локте и вдруг заметила картину у изголовья кровати. Ее собственный портрет! Тот самый, работы Нейри Ильда. Значит, Малтэйр забрал его, чтобы повесить у себя в спальне. Очень интересно!

За своей спиной девушка услышала движение и резко обернулась. Как и следовало ожидать, пожаловал сам Дайриец.

— Очнулись? — голос звучал холодно. — Хвала богиням. Учитывая обстоятельства, мне крайне не хотелось звать лекаря.

— Теперь не придется, — Тэсса постаралась придать своему тону тот же ледяной оттенок. — Зачем у вас эта картина?

— Она мне понравилась, — король и не думал оправдываться. — Прекрасная работа, кроме того, вы на этом портрете улыбаетесь. Я имею в виду настоящую, искреннюю улыбку, а не те исполненные яда и сарказма ухмылки, которые мне доводилось видеть на

вашем совершенном лице.

Можно подумать, ты сам способен искренне улыбаться, со злобой подумала девушка.

— Вас не смущает то, что художник казнен по вашему приказу? — Тэсса с вызовом посмотрела на мужчину.

— Я приказал казнить не живописца, а принца, — отрезал в ответ Малтэйр. — Что не мешает мне сожалеть о его талантах. Вас он изобразил просто восхитительно, — король бросил взгляд на обсуждаемый портрет.

— Это не я, — возразила она. — Девушка, что улыбается на этой картине, умерла в тот день, когда захватили ее город и казнили ее жениха.

— Умерла! — с издевательскими интонациями передразнил Дайриец. — Не слишком ли много патетики, энья Лотэсса? Почему бы наконец не смириться с существующим положением вещей? Ильды мертвы, а вам придется выйти за меня...

— Придется, — помертвевшим голосом повторила она. — Ведь вы в любой момент можете вспомнить о Таскиллах... как сделали это сейчас. Зачем?! — боль и злость выплескивались в словах. — Хотите проверить, до какой степени унижения я способна пойти, защищая тех, кто мне дорог?

— А почему бы и не проверить? — зеленые глаза недобро сверкнули. — Мы как раз в спальне...

Тэсс, не помня себя от ярости, размахнулась, чтобы ударить оскорбившего ее мужчину. Но Малтэйр легко отклонил голову назад, и удар пришелся в плечо. Причем ладонь Лотэссы крайне неудачно попала ребром куда-то в кость, и девушка взвизгнула от внезапной обжигающей боли. Она обхватила здоровой рукой пострадавшую ладонь, изо всех сил зажмурившись, чтобы сдержать невольные слезы и легче переносить боль, пока та не утихнет.

Король обхватил страдающую Тэссу за плечи и куда-то потащил через комнаты. Та почти не открывала глаз и не находила в себе сил сопротивляться. Затем ее посадили в кресло и приложили к руке что-то холодное. Девушка наконец-то открыла глаза. Они вновь были в рабочем кабинете, а к ее ладони была прижата любимая королевская чернильница.

Ледяное серебро, догадалась Тэсс. Весьма редкий, а оттого очень дорогой металл. Предметы, сделанные из ледяного серебра даже в самую жаркую погоду или в очень нагретых помещениях оставались холодными. Причем это свойство было природным, а не являлось результатом магического вмешательства или плодом усилий алхимиков.

— Не так больно? — спросил Дайриец, и на этот раз в голосе слышалось самое настоящее участие.

А Тэсса, как и тогда ночью в парке, не нашла ничего лучшего, чем расплакаться, не в силах справиться с пережитыми эмоциями.

— Не плачьте, энья Лотэсса, — король осторожно погладил ее по руке. — Простите мою жестокость. Не стоило мне так вас мучить, — казалось, он всерьез раскаивается. — Право же, я не хотел сделать вам больно.

Неужели это тот же самый человек, что еще несколько минут назад с упоением унижал ее?

— Вы так трогательно заботливы в мелочах, ваше величество! — с горьким сарказмом заметила девушка. — Вас искренне беспокоит моя ушибленная ладонь, но совершенно не волнует разбитое, истерзанное сердце!

— Что я могу сделать, чтобы ваше сердце не болело так сильно? — неужели сочувствие в голосе короля ей не чудится...

— Откажитесь от намерения жениться на мне!

— Вы так сильно меня ненавидите? — в глазах его, к удивлению Тэссы, была не злость, а грусть.

— Если бы можно было только ненавидеть, все было бы намного проще! — воскликнула она, ненамеренно произнеся вслух то, о чем не желала даже думать.

Лотэсса мучительно переживала тот факт, что не единожды обязана королю жизнью. Это сильно смазывало чистоту и силу ее неприязни к узурпатору. А в те моменты, когда он еще и за какими-то демонами проявлял заботу о ней, ненавидеть было особенно непросто.

— Я не могу отказаться от свадьбы, энья Лотэсса, — голос был исполнен той же грусти, что и взгляд. — Мне жаль.

— Вам так дорог этот идеально-политический брак? — со вздохом спросила девушка, вытирая слезы.

— Если бы дело было только в политике, все было бы намного проще...

Глава 26

Энлил тряслась в карете, глядя на морозящий за окнами дождик. Вельтана, и так вся серая, сегодня выглядела мрачнее обычного. Женщина не любила этот город. Вот Руджия с ее милыми, как игрушки, разноцветными домиками — другое дело. Пригород, где Энлил обосновалась много лет назад, даже в пасмурную погоду радовал разноцветьем красок, напоминая далекую родину. В Ай-Таш все тона были яркими, броскими, вызывающе живыми и радостными. Доэйцы могут сколько угодно обвинять южных соседей в отсутствии вкуса и меры, кичась своей благородной серостью, но Энлил не намерена с ними соглашаться.

Карета резко остановилась и женщину изрядно тряхнуло. Пару мгновений Энлил злилась на себя: и понадобилось же ей зачем-то тащиться в центр Вельтаны. Кому надо — пусть сами приезжают. И комендант, и верховный протектор, и даже вон сам король. Но досада быстро утихла, придавленная осознанием долга. Правда, выйдя из кареты, Энлил была обречена шлепать по лужам, нанося серьезный ущерб подолу юбки и мягким туфлям, а это явно не служило улучшению настроения. Благо карета остановилась так близко от здания комендатуры, как только возможно.

Войдя внутрь, Энлил припомнила свое первое знакомство с этим зданием и сопутствующие впечатления. Удивительно, но сейчас она уже совсем не злилась на Торна за то, как он тогда себя повел. Конечно, грубить и подозревать ее Изгой знает в чем — та еще наглость, зато протектор открыл ей глаза на Тарина, за что женщина была искренне благодарна. Узнав, что муж не только изменял, но и выставлял ее в глазах любовницы старой жадной теткой (Энлил не устояла перед искушением лично побеседовать с пассией своего покойного супруга), она, как ни странно, не расстроилась еще больше, а испытала изрядное облегчение. Больше не нужно было испытывать вину за загубленную жизнь влюбленного паренька, которому она изначально не собиралась отвечать взаимностью. По-настоящему Энлил любила лишь однажды в жизни. Любила того, кто предал ее и кого предала она. Они расстались врагами, но никогда больше не встретить ей мужчину, достойного истинной любви. Не стоило, пожалуй, извлекать ненужные воспоминания из хранилища памяти. Сейчас это совсем ни к чему.

Сопровождающий довел посетительницу до кабинета коменданта, хотя она и сама бы отлично нашла дорогу. Но порядок есть порядок. Итона Карста на месте не оказалось, зато в кабинете сидела Альва. Энлил мимоходом подивилась тому обстоятельству, что отсутствие коменданта ее немного расстроило. Дэн Итон нравился женщине. Такой прямой, честный, добрый, преданный своему городу и жителям, которые слова доброго не стоят. За всю свою жизнь ей еще не доводилось встречать людей, которые столь мало думали о себе и так много — о других. Как хорошо, что теперь рядом с комендантом эта славная девчушка — Альва, будет кому подумать и о нем.

— Энлил! — девочка, казалось, искренне обрадовалась гостье. Это приятно. — Вы промокли! Хотите чаю? Эх, жаль Мелвил больше не служит здесь. Он чай мастерски заваривал. Я так не могу.

— Спасибо, не нужно, — улыбнулась женщина. — Вообще-то, я рассчитывала, что дэн Итон сопроводит меня к королю. Думаю, напитки во дворце не уступают по достоинству даже чаю, который заваривал твой Мелвил. Хотя мне все равно придется дожидаться коменданта, одна я не поеду.

— Дэн Итон как раз во дворце, — сообщила Альва. — И мне туда нужно. Я сюда ненадолго заходила, нужно было помочь с бумагами. Мелвил уехал, а комендант сам со всем не управится. Но ведь энья Лотэсса больна, и надолго ее лучше не оставлять. Если вы не против, то можем поехать во дворец вместе. Я приехала верхом, но в такой дождь, пожалуй, лучше взять карету.

— Больна? — Энлил нахмурилась, из всего потока слов выхватив лишь фразу о состоянии королевской невесты. — Но ей должно было стать лучше. Тогда мне тем более нужно во дворец. Поехали, девочка.

В дороге женщина подробно расспрашивала юную спутницу о болезни Лотэссы, и услышанное настроения явно не улучшало. Когда они прибыли, Альва за короткое время научившаяся отлично ориентироваться в лабиринтах Нианона, проводила Энлил к

коменданту, а сама убежала заботиться об энье Линсар.

Итон, подобно своей помощнице, обрадовался неожиданной гостье и с готовностью согласился проводить ее к королю, не задавая при этом никаких вопросов. Он предложил женщине руку, и та оперлась на нее с обворожительной улыбкой. Вообще-то роль галантного кавалера не очень подходила коменданту — тем необычной, должно быть, смотрелась эта странная пара в коридорах Нианона. Колдунью искренне забавляло чрезмерное внимание случайно встречавшихся сановников и придворных, провожающих долгими изумленными взглядами коменданта под руку с дамой столь необычной внешности.

Энлил отдавала себе отчет в своей привлекательности. Роскошная фигура, своеобразная грация, яркий цвет глаз, столь обычный для ее родины и редкий здесь, на Доэе, где все краски казались блеклыми. А возраст... он лишь придавал ей загадочности. Неудивительно, что все так оглядываются на них, особенно если учитывать, что Карст явно не нашил себе репутации дамского угодника и покорителя женских сердец.

— Энлил, — комендант говорил несколько извиняющимся тоном. — Его величество после того, как вернулся от вас, явно не в духе. Нет, он, конечно, не впадает в приступы гнева и все такое, но все же сейчас не просто иметь с ним дело. Видно, выбор между невестой и государством дается ему тяжело...

— Это не выбор между невестой и государством, — она остановилась и серьезно взглянула на собеседника. — Лотэсса — не просто девушка и даже не просто будущая королева, она — нечто большее. Ее судьба важнее судьбы Элара и Дайрии, вместе взятых.

— Но как такое может быть?! — Карст явно не мог уложить услышанное в своей голове.

— Я сама не до конца понимаю, — женщина вздохнула. — Знаю лишь, что эта девочка как-то связана с Закатом Мира. А ведь целый мир важнее одного государства, даже если вы — жители — считаете свою родину величайшей страной всей Анборейи. Потому и королю не зазорно стать хранителем столь важной персоны. Вы не верите мне, дэн Итон?

— Я не сомневаюсь в вашей правдивости, — осторожно ответил комендант. — Но вы можете заблуждаться. Я верю вам, но не слишком доверяю вашим теням, — при упоминании теней он передернул плечами. — Они могут обманывать сознательно или просто ошибаться. Явление чудовища в столице Элара, конечно, вещь жуткая и удивительная, но все-таки не думаю, что эта тварь — предвестник Заката Мира.

Энлил не стала возражать. Итону с его рациональным взглядом на жизнь сложно объяснить, что тени не могут врать или заблуждаться, если только они не вышли из-под власти хозяина. Правда, всегда остается вероятность, что маг, повелевающий тенями, неправильно истолкует суть их послания. Что ж, в этом случае она была бы только рада узнать, что ошиблась.

— Я переживу дурное настроение короля, — женщина решила успокоить своего спутника. — Тем более что для того я собственно и пришла, чтоб хоть немного облегчить его положение. А потом я бы хотела навестить энью Линсар.

— Не помешало бы, — кивнул Итон. — Альва говорит, что дочка герцога расхворалась не на шутку. А от лекарей толку почти никакого.

Так, изредка перебрасываясь фразами, но по большей части в молчании, они дошли до королевских апартаментов.

— Может, мне все-таки пойти с вами? — предложил комендант, хотя было совершенно очевидно, что меньше всего он жаждет встречи с королем.

— Вы — настоящий рыцарь, дэн Итон, — она улыбнулась. — Но я не стану злоупотреблять вашей галантностью. Тем более, вряд ли его величество решится срывать злость на мне.

Карсту оставалось лишь согласиться. Однако он не ушел сразу, а побыл с Энлил в приемной, пока паж не пригласил даму в кабинет к королю.

Его величество и в самом деле выглядел мрачным.

— Энлил, — он поклонился гостье. — Должно быть, важные причины заставили вас лично явиться во дворец? — Валтор напряженно вглядывался в лицо женщины.

— Не более важные, чем те, что заставляли ваше величество лично наносить визиты мне — простой ведьме.

— Мы оба знаем, что вы отнюдь не простая ведьма, а куда более могущественная, чем желаете казаться, — если король и нервничал, то умело это скрывал.

— Вы правы, — она не стала спорить. — И толика моего могущества могла бы облегчить вам жизнь.

Монарх заинтересованно взглянул на колдунью, а та, засунув ладони за широкий пояс, извлекла два свитка и положила их на письменный стол перед королем.

— Что это? — его величество, надо полагать, ждал каких-то откровений или заклинаний, поэтому, глядя на два бумажных свитка, выглядел несколько разочарованным.

— Это возможность связаться с теми, кто остался здесь, — пояснила Энлил. — С протектором, комендантом... и со мной. Разумеется, круг ограничен, ибо немногие при дворе в курсе истинной сути происходящего. Ведь так?

— Так, — задумчиво кивнул собеседник. — Но я пока не понимаю, как именно это может помочь.

— Возьмите один свиток, — увидев, что король колеблется, она добавила: — Любой. Это не имеет значения. Теперь возьмите перо, которое прикреплено сбоку, — женщина внимательно наблюдала за производимыми манипуляциями. — И напишите что-нибудь. Что угодно. Нет, чернила значения не имеют, можете воспользоваться какими угодно.

Его величество обмакнул перо в серебряную чернильницу, изображающую сову, восседающую на книге, и вывел на чистом белом пространстве листа какую-то фразу. Энлил взяла со стола второй свиток, развернула его и следила глазами за тем, как на бумаге проступают буква за буквой слова: «Валтор Малтэйр, король Элара».

— А как же Дайрия? — не удержалась от вопроса женщина. — Разве ваше величество больше не принимает в расчет собственное государство? Или вы решили отречься от дайрийской короны?

— Вовсе нет, — ухмыльнулся он. — Просто теперь Дайрия и Элара — одно королевство. Точнее, вскоре станут таковым. Сразу после моего возвращения. Но сейчас речь не о том. Как я понимаю, вы на своем свитке смогли прочесть то, что я написал здесь? — он помахал листом.

— Именно, — подтвердила Энлил. — Один из свитков вы возьмете с собой, другой останется здесь. Я решила, что возможность писать письма, которые могут прочесть мгновенно, будет явно не лишней.

— Вы даже не представляете, как облегчили мою участь! — воскликнул король. — Никогда бы не подумал, что все эти сказки о волшебстве и магах окажутся правдой. Откуда у вас эти удивительные вещицы? Вы привезли их с родины? — взрослый мужчина, повелитель двух сильнейших держав, удивлялся, как ребенок.

Это все оттого, что на Дозье не знают магии, не верят в нее. Обыденность для Шургата здесь воспринимается как нарушение всех законов природы, как истинное чудо. Видно же, что, даже получив множество подтверждений, король все еще не может до конца поверить в реальность того, что здесь привыкли почитать сверхъестественным.

— Нет, — она улыбнулась, созерцая в глазах Малтэйра недоверие, смешанное с азартом. — Эти вещицы не из моих родных краев. Покидая Ай-Таш, я не имела возможности везти с собой гору магических предметов, разве что самые ценные. А свитки я создала здесь, вчера вечером.

— Вы способны сотворить такое за один вечер?! — взгляд зеленых глаз короля стал

каким-то чересчур пристальным.

— Если быть точной, для этого мне понадобилось часа полтора, — колдунья как можно равнодушной пожала плечами.

— Если вы столь могущественны, Энлил, что заставляет вас притворяться обычной ворожеей и тратить свое время на излечение подагры, возвращение в семью неверных мужей и прочую ерунду?! Ваше место не в Руджии, а в Нианоне! Тайно или явно вы можете занимать должность придворного мага, подобно великим колдунам древности. Я бы хотел...

— Неважно, чего вы хотите, ваше величество, — оборвала его женщина. — Уж простите мою дерзость. Я готова помогать вам, коменданту, вашей невесте... но я никогда не займу должности придворного мага.

— Но почему?! — Малтэйр, казалось, пребывал в искреннем недоумении. — Зачем отказываться от власти, славы и богатства и влачить существование, которое при ваших возможностях вполне можно счесть жалким?

— Насчет богатства вы не правы. Жители Вельтаны и окрестностей готовы весьма щедро оплачивать лечение подагры и возвращение неверных мужей. А что до славы и власти... Однажды я их уже возжелала. Слишком сильно. И эти притязания едва не стоили мне жизни.

Король явно ждал продолжения, но Энлил замолчала. Вовсе незачем ему знать о причинах, побудивших ее покинуть Шургат. Впрочем, проницательность Малтэйра с легкостью восполнила недомолвки собеседницы.

— Если ваше честолюбие вынудило вас бежать из родных краев, то почему, оказавшись в Эларе, вы не начали все сначала? Ведь здесь намного проще. Как я понимаю, в Ай-Таш и вообще на Шургате магия — не диво, и сильные колдуны — не редкость. Но здесь, на Дозье, может ли кто-то сравниться с вами в могуществе, Энлил? Почему вы не захотели доказать своим недоброжелателям, что способны вознестись достаточно высоко?

— Почему, вы думаете, я все еще жива? — придется все-таки кое-что ему объяснить. — Смею заверить, что мои недоброжелатели, как вы их назвали, могли бы уничтожить меня, задайся они такой целью. Но они видят, чем я стала, и знают, что мое нынешнее положение для меня — наказание немногим лучше смерти.

— Так почему вы его не измените?! Бойтесь, что в этом случае вас убьют?

— И это тоже, — серьезно кивнула женщина. — Но это не главное.

— А что главное? — прищурился король.

— Клятва, — почему бы не рассказать ему, раз уж проявляет такой интерес. — Каждый сильный маг Шургата связывает себя клятвой никогда не направлять свои силы на службу доэйским властителям. Мы довольно плохо ладим между собой, и мой случай — лишнее тому доказательство. У каждого обиженного или преследуемого может возникнуть соблазн отомстить противникам, сговорившись с извечными врагами...

— Дозейцы — ваши извечные враги? — Валтор удивился. — Мы же вроде не воюем. Даже Латирэ не так уж часто предпринимает попытки нападения на прибрежные государства.

— А как вы думаете, почему мы не воюем? — насмешливо поинтересовалась женщина. — Вы — король, вы должны разбираться в таких вопросах.

Его величество нахмурился, то ли припоминая что-то, то ли размышляя.

— Насколько я помню, все попытки Латирэ напасть на прибрежные государства Шургата оканчивались какими-нибудь глупыми, но трагическими неудачами. В семьсот пятьдесят третьем году сильнейший шторм разметал половину флота царя Тасилиара. Затем, кажется, Ирдиан пытался захватить Бейра'Аш, но его планам помешало что-то вроде повального мора в самом начале похода, потом эпидемия перекинулась с солдат на прочих жителей и выкосила огромное количество народа. Ну а в войсках нынешней царицы Армиры вспыхнул мятеж, который с трудом удалось подавить. Это, правда,

случилось до моего рождения, когда ее величество была много моложе и не держала еще власть в своих руках так крепко. Армира Латирская решила, что победоносный поход на Циир укрепит ее власть, а вышло иначе. Зато подавление бунта весьма положительным образом сказалось на ее авторитете. Мой покойный отец очень уважал царицу Латирэ и не уставал повторять, что попытка вторжения в Циир — ее единственная глупость, — продемонстрировав осведомленность относительно внешних конфликтов между Латирэ и Шургатом, Валтор на какое-то время замолчал, пребывая в задумчивости, а затем во взгляде его мелькнула догадка, переходящая в уверенность. — Это не случайности, да? Это магия! Ваши сильнейшие колдуны объединялись, чтобы не допустить вторжения.

— Им не нужно объединяться, — Энлил снисходительно улыбнулась. — На то они и сильнейшие. Каждый из них... из нас способен в одиночку устроить латирцам подобные глупые, но трагические случайности.

— В одиночку?! — недоверчиво переспросил король.

— Да, — она на секунду прикрыла глаза рукой. — Но в этом же кроется наша слабость. Мы — одиночки. Дозейцы не знают магии, но они сильны своей сплоченностью, талантливыми полководцами, оружием. У нас есть могущественные маги, у вас — гениальные воины и политики. Вы нас недооцениваете, а мы вас опасаемся. Наши правители, за редкими исключениями, слабы и не владеют магией.

— Получается, у вас колдуны правят властителями и народами?

— Иногда случается, но нечасто. У магов иные амбиции и притязания. Нас устраивают слабые монархи, осознающие, кто является истинной и единственной силой. Но у всего есть обратная сторона. Противостоять доэйцам мы можем исключительно силой магии. Именно поэтому каждый могущественный маг дает клятву никогда не объединять свои силы с силами врагов. Дайте Шургату хорошо организованные войска, грамотных политиков и полководцев, и, усиленные магией, мы сокрушим Дозэйю. Да, ваше величество, думаете, только вы облизываетесь на земли соседей? — усмехнулась она. — Но сделайте наоборот, к мощи доэйских армий и правителей прибавьте силу нашего колдовства, и независимость шургатских государств останется в прошлом. На любого мага, нарушившего клятву, падет страшное проклятие. И уж будьте уверены, в проклятиях мы толк знаем. Нарушить клятву желающих не нашлось ни разу.

— А граайцы? Хроники говорят, что временами они нанимались в услужение к доэйским правителям.

— Граайцы — тема особая, — загадочно усмехнулась Энлил. — У них свои резоны. И я не думаю, что вправе раскрывать вам их. Скажу лишь одно, граайцы никогда не свяжут себя никакими клятвами, как не сделают ничего другого, хоть сколько-нибудь ограничивающего их свободу.

— А вы? — он пристально взглянул на женщину. — Вы не боитесь навлечь проклятие, помогая доэйскому монарху?

— Я уже сказала, что помогаю вам, знье Лотэссе и дэну Итону как частным лицам. Спасая жизнь девушки от злобного на'ари, я не подкрепляю силой своей колдовства мощи ваших армий, не устраняю ваших политических врагов. Само по себе мое нынешнее благополучие, пусть и относительное, свидетельствует о том, что клятвы я не нарушала.

— Рад это слышать.

Проговорив с королем еще где-то полчаса, Энлил откланялась. Итона в приемной уже не было. Неудивительно, столь занятой человек вряд ли может позволить себе роскошь хотя бы час сидеть без дела. Зато вместо коменданта женщину ожидала Альва.

— Проводи меня к своей госпоже, девочка, — Энлил указывала, а не просила, отлично зная цену своему вмешательству.

Лотэссе Линсар она застала сидящей на кровати. Вид у девушки был не то чтобы цветущий, но вполне сносный. Не успела колдунья решить, что недомогание будущей

королевы либо самообман, либо притворство, как Лотэсса разразилась приступом сухого хриплого кашля. Вроде и ничего особенного, и никак не связано ни с тенями, ни с тем, от чего они ее избавили, но что-то в этом кашле крепко не понравилось Энлил.

— Давно это с тобой, девочка? — хмурясь, колдунья водила руками перед грудью Лотэссы, при этом слегка сместив взгляд, чтобы разглядеть краски исходящих сияний.

Увиденное заставило женщину отшатнуться. Сияние было темно-багровым, по цвету напоминая запястья Лотэссы в ту злополучную ночь. Но тогда тени полностью излечили девушку. Что же это за дрянь?!

— Это началось после встречи с чудовищем? — Энлил нервно стучала ногтями по дереву.

— Нет, — ответила Лотэсса, прекратив наконец кашлять. — То есть после встречи, но не последней. Тогда, в парке, тварь чуть не убила меня, а утром я проснулась с большим горлом. Хотя нет, — припомнила девушка. — Еще раньше, после того сна...

— Какого сна? — происходящее нравилось Энлил все меньше и меньше.

— Мне постоянно снится один и тот же сон, — видимо, настроение колдуньи передалось девушке, и голос ее звучал слегка испуганно. — Впервые я увидела его еще летом. Скалы, песок, жара, острые камни и шипение. Так шипела та гадина! Неужели все из-за нее?!

— Похоже на то, — женщина избегала встречаться с Лотэссой взглядом. — Странно, что вся эта муть началась до твоей встречи с на'ари, но если тварь давно преследует тебя...

Бедная девочка! На нее наложено сильнейшее проклятие. Такое, что рано или поздно сведет ее в могилу. Пусть медленно, но неотвратно. И тени тут не помощники, они могут высосать из нее проклятие лишь вместе с жизнью. Тварь могла бы не охотиться на девушку с таким энтузиазмом, жертва обречена в любом случае, это лишь вопрос времени. Хотя, быть может, время в их положении — самое важное. Главное, чтобы отведенных Лотэссе Линсар дней и месяцев хватило на исполнение ее предназначения. Но королевой ей, похоже, не быть.

Глава 27

Лан с трудом сдерживал волнение, вышагивая взад-вперед по комнате, благо пространства хватало. Ему наконец-то позволили встретиться с Лотэссой! До юноши дошли слухи, что энья Линсар больна, однако в подробности его никто посвящать не собирався, предоставляя возможность сходить с ума от тревоги и неизвестности. И вот неожиданно его вызывают во дворец, а протектор, к которому Лана проводили в первую очередь, сообщает о свидании с Лотэссой Линсар.

Хлопнула дверь, и он увидел Тэссу. Девушка бросилась к нему, порывисто обняла, вызвав бурю смятения и счастья.

— Лан!

— Тэсса!

Казалось, они не виделись целую вечность. Сбивчивые вопросы, сменяющие друг друга, улыбки и даже слезы со стороны Тэсс. Минут десять прошло до того, как молодые люди смогли перейти к обсуждению действительно важных вещей.

— Лан, я уезжаю, — сообщила девушка, заставив его сердце болезненно сжаться. — Так нужно.

Очевидно, чувства, обуревавшие юношу, слишком явственно проступили на лице, и Лотэсса, заметив это, поспешила добавить:

— Я вернусь! Непременно! Обещаю тебе!

Обещание, сколь бы искренне не звучало, не успокоило Лана. Да, Тэсс планирует вернуться, но сам-то отъезд это не отменяет.

— Когда ты едешь? — он старался взять себя в руки и выглядеть спокойным, чтобы не расстраивать девушку. — И, главное, куда?

— Скорее всего, через несколько дней, — Тэсса казалась не уверенной в том, что говорит. Наверное, сама точно не знала. Значит, решает не она.

— Куда?

— Прости, Лан, я не могу тебе сказать! — в ее прекрасных глазах вновь блеснули слезы. — Я поклялась Дайрийцу, — видя удивление на лице юноши, она поспешно продолжала. — Это было его условием, иначе он бы не позволил нам увидеться. А я бы не вынесла этого! Не смогла бы уехать, не простившись с тобой! Прости, — беспомощно повторила Лотэсса.

Простить ее за то, что она дала вынужденную клятву узурпатору ради возможности увидеться с ним!

— Тэсс! — воскликнул Лан. — Как ты можешь так говорить?! Как можешь просить прощения?! Я с ума сходил, не имея возможности увидеть тебя! И дал бы любую клятву за право встретиться хоть на час!

Девушка улыбнулась, стирая ладонью следы слез.

— Если ты не можешь сказать, куда едешь, скажи хотя бы, почему? — он шагнул к Тэссе, с трудом удерживаясь от желания стереть слезинки с ее щек. — Торн рассказал про покушение. Это правда? Ты уезжаешь из-за этого?

— Правда, — Тэсс снова стала серьезной и печальной. — И ты прав, я уезжаю из-за этого. Ты можешь решить, что я слишком трясусь за свою жизнь, — не дав Лану возразить, она продолжала. — Я не боюсь умереть, но мне убедительно разъяснили, что я не имею права распоряжаться собственной жизнью, а за мою смерть другим придется платить слишком высокую цену. Лан, то же самое касается и тебя, и твой матери. Умоляю, береги себя и эну Алдору! Знаю, не мне это говорить и не тебе — слушать. Я еще не забыла, что сама подбивала вас на этот безумный мятеж. А ты... ты гораздо разумнее меня, хоть и младше.

Дался ей этот возраст, с досадой подумал Лан. Когда уже проклятая разница в годах станет неважной? Когда ему стукнет двадцать, а ей — двадцать три? Или ждать еще дольше? Юноша внимательно вслушивался в каждое слово собеседницы, но на заднем плане сознания неотступно билась одна мысль. Смеет ли он признаться ей в любви? Будет ли это правильно? Им предстоит долгая разлука, и кто знает, когда они свидятся снова. Почему бы заветным словам не прозвучать сейчас? Повод как нельзя более подходящий. С другой стороны, его признание может напугать и даже оттолкнуть Лотэссу, а расставаться на такой ноте было бы ужасно. Зря Тэсс считает его разумным, в данный момент ему очень нелегко удержаться от безрассудства.

— И еще одно... — девушка выглядела смущенной. — Дайриец поедет со мной.

— Что?! — не поверил Лан. — В любое другое время я бы только порадовался известию, что узурпатор оставляет Вельтану, но почему он решил на это сейчас? Тоже боится покушений?

— Нет, — вздохнула девушка. — Он за меня боится. Слишком я ценная фигура в его планах, чтобы позволить мне умереть или даже поручить кому-то другому. Хотя, возможно, я просто чего-то не знаю.

— Протектор рассказывал мне об ильдовском кольце и том, кто за ним охотится.

— Что он сказал тебе? — Тэсса выглядела напряженной.

— Не так уж много. Сказал, что кто-то хотел убить тебя, а король спас... дважды. Похоже, он вошел во вкус, — мрачновато усмехнулся парень. — Так понравилось тебя спасать, что возомнил себя...

— Хранителем, — неожиданно вставила она.

— Ну, чем-то в этом роде, — согласился Лан. — И ради этого даже готов оставить трон пустовать.

— Только на время, — уточнила Лотэсса. — Он лишь проводит меня до места и вернется. Я понимаю, что отсутствие короля — тот еще соблазн, но вряд ли это настоящий шанс что-то изменить. Дайриец оставляет за себя Торна, а это...

— Я понимаю, — кивнул он.

Лан напряженно думал. Он просто не может отпустить Тэсс одну неизвестно куда, да еще и в обществе Дайрийца. Может, она и ценная фигура в его планах, но кто знает, каковы эти планы... Вполне возможно, согласно планам узурпатора, Лотэсса Линсар не должна вернуться в столицу. Нет, совершенно невозможно отпустить ее в неизвестность!

— Тэсса, — юноша опустился на колени. — Я понимаю, насколько дерзка моя просьба, но молю тебя нарушить клятву и сказать, куда же все-таки тебя везут, — видя растерянность на ее лице, он постарался объяснить. — Я не верю Дайрийцу, не могу отпустить тебя с ним, не зная, куда! Прошу, Тэсс!

Девушка молчала, она так задумалась, что даже не спешила поднять парня с колен. Когда она наконец заговорила, Лан сразу понял, что надеяться не на что.

— Лан, прости, я не могу, — Лотэсса старалась предать голосу решимость. — Мы не имеем права поступаться честью, ничто не может служить оправданием. Иначе что будет отличать нас от тех, кого мы ненавидим и презираем? Мне плевать на доверие Малтэйра, но я сдержу данное слово.

— Прости, — слова звучали тускло и безжизненно. — Ты права. Я не должен был...

— Но, — серьезное лицо внезапно осветила улыбка, — я отнюдь не обещала не давать о себе знать... Как только доберусь до места и на прощанье помашу платком с крепостных стен его дайрийскому величеству, сразу напишу тебе и все расскажу. Клятва касалась только сегодняшнего свидания.

Лан был готов ее расцеловать... впрочем, к этому он был готов в любой момент.

— Ты такая умница, Тэсса! — нахлынувшие радость и облегчение опьянили его. — А я... я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, Лан!

Лотэсса светло улыбалась, а сердце юноши сжалось от боли. Да, она любит его, но совершенно не той любовью, что испытывает он. Тэсс даже мысли не допускает, что его откровение — не братское или дружеское признание, а любовь мужчины. Конечно, она ведь не видит в нем мужчину, только мальчишку. Умного, смелого, рассудительного, но мальчишку. Как больно! И как глупо было признаваться. Впрочем, даже хорошо, что девушка поняла все не так, иначе между ними возникла бы неловкость, преодолеть которую было бы не так просто.

— И еще, Лан, — как ни в чем не бывало продолжала Тэсс. — Я хочу поручить твоим заботам одну девушку.

Этого еще не хватало! Вот именно сейчас, после его нелепого признания, самое время поговорить о других девушках. Разумеется, вслух он ничего такого не высказал, а, напротив, изобразил живейшую заинтересованность.

— Я имею в виду Альву Свелл — мою фрейлину. Она чудесная. Ты и она — единственные люди, которые мне по-настоящему дороги в этом проклятом богинями мире. К сожалению, Альве нельзя поехать со мной, Дайриец и Торн об этом позаботились, — Тэсса зло сверкнула глазами. — Альва ведь помощница Итона Карста и...

— Ты же только что сказала, что она — твоя фрейлина, — не понял Лан. — А теперь выходит, что она помощница коменданта. Не уверен, что работать на Карста — благородное дело... Ты знаешь, как я отношусь к этому человеку.

— О, я тоже относилась к нему ужасно! — воскликнула девушка. — Но все не так, поверь. Альва рассказала, какой он на самом деле. Дэн Карст — порядочный и благородный человек. Он всей душой радеет за Вельтану и ее жителей, а они... — она запнулась. — А мы, неблагодарные, не видим и не понимаем этого. Он сдал город ради нас! Остался служить дайрийцам ради нас! И поверь, он ненавидит захватчиков не меньше нашего, но забота о благе Вельтаны для него превыше всего.

— Превыше чести? — юноша презрительно хмыкнул.

— Он сохранил честь, хоть и пожертвовал добрым именем, — возразила Лотэсса. — Ты не понимаешь. Впрочем, и я не понимала, пока не встретилась с Альвой. Это она раскрыла мне глаза на коменданта. Уверена, и ты изменишь свое мнение, пообщавшись с нею.

— Так все-таки кто она, эта Альва Свелл: твоя фрейлина или его помощница? — Лан по-прежнему не мог разобраться в сложном статусе «чудесной девушки», порученной его заботам.

— И то, и другое. Она была помощницей Карста, потом Торн приставил ее ко мне фрейлиной, а теперь, когда я уезжаю, она снова будет работать с комендантом и протектором.

— С Торном? — Лана передернуло от презрения и негодования, но он вовремя вспомнил, что сам согласился сотрудничать с этим человеком ради блага Лотэссы. Мало ли какие резоны у девушки. — И вообще, разве это женское дело?

Как и рассчитывал парень, Тэсса сосредоточилась на второй части фразы, оставив вопрос о Торне без внимания.

— Альва — не обычная девушка, — в голосе Тэсс слышалась нежность, смешанная с восхищением. — Да, она сама вызвалась работать на коменданта, но теперь и он, и Торн, ослепи его молния, совершенно не могут без нее обойтись. От нее пользы побольше, чем от иных мужчин. И еще она спасла мне жизнь!

— Она? — Лан вконец запутался. — Но разве не Дайриец спас тебя дважды?

— И он тоже, — нехотя кивнула девушка. — Просто в последнее время мне довольно часто угрожает опасность, а я слишком слабое и никчемное существо, чтобы

самостоятельно защитить себя, — слова сопровождались тоскливым вздохом.

— Насколько часто? — Лана вновь охватило мучительное нежелание отпускать ее.

Тэсса молчала, опустив глаза и нервно комкая длинные края рукавов. Наверное, сильно жалела, что сболтнула лишнее. Впрочем, он и сам мог догадаться, что, не будь угроза ее жизни столь серьезной, Малтэйр вряд ли решился бы вывезти свою непокорную невесту из столицы.

— Альва — не обычная девушка, — повторила Лотэсса, тем самым давая понять, что тема с покушениями закрыта. — Она добрая, благородная, бесстрашная. Она кажется сильной, но это не значит, что ей не нужна мужская забота. Лан, ты моложе Альвы, но я без сомнений поручаю свою лучшую подругу твоему покровительству.

Ну вот, опять помянула проклятый возраст, подсадовал про себя парень. Зато тот факт, что Лотэсса все же признает в нем мужчину, выбрав именно его защитником подруги, приятно польстил самолюбию, изрядно пострадавшему во время сегодняшнего разговора.

— Конечно, я позабочусь о ней, — поспешил заверить он. — Даже если наше сегодняшнее свидание — последнее до твоего отъезда и ты не сможешь представить нас друг другу, я все равно найду способ увидеться с твоей Альвой.

— Она сама тебя найдет, — улыбнулась Тэсса. — Нечего тебе лишний раз мелькать во дворце и попадаться на глаза Торну. Кроме того, — внезапная мысль блеснула озорными искорками в глазах и заиграла хитрой улыбкой. — Альва знает, куда меня везут! И, в отличие от меня, никаких клятв не давала. Думаю, что ты сможешь все узнать еще до того, как мы доберемся до места. Это ведь не бесчестно? Я не нарушаю обещание? — торжествующее лукавство на девичьем личике сменилось озабоченностью.

— Вовсе нет, — поспешил заверить ее Лан. Хотя, по-хорошему, его мнение в этом вопросе недорого стоило, он же сам только что на коленях умолял Тэссу нарушить данную королю клятву. — Ты давала обещание не по доброй воле, следовательно, нет ничего дурного в том, что ты попытаешься обойти наложенный запрет. Формально все условия соблюдены. Уверен, даже матушка нашла бы твое решение оправданным и достойным.

Упомянув мать, Лан тут же себя мысленно выругал. Разве можно вечно прятаться за маменькину юбку, взывая к ее авторитету? Если он хочет, чтобы Тэсса видела в нем мужчину, пора перестать вести себя как мальчишка. Вот Рейлор не стал бы поминать матушку к месту и не к месту. Пора уже учиться жить своим умом!

— Ты меня успокоил, — она облегченно вздохнула. — Все-таки я обязана Дайрийцу жизнью, не хотелось бы в ответ вести себя как неблагодарная дрянь, забывшая о чести и совести. Только не подумай, что я стала относиться к нему иначе.

Лану показалось, что щеки девушки заалели ярче, причем, с них и так не сходил лихорадочный румянец. А даже если она и смуглилась, что с того? Понятное дело, Тэсс не хочет, чтобы он решил, будто она из благодарности стала благосклонней к Дайрийцу. С другой стороны, если человек — пусть и враг — спасает тебе жизнь, чувствовать себя обязанным вполне естественно.

— Ну что ты, — поспешил он успокоить Лотэссу. — Я способен понять, что ты чувствуешь, и знаешь, что? — юноша очень серьезно посмотрел в фиалковые глаза своей любимой. — Я и сам благодарен Малтэйру за твое спасение и не премину отдать этот долг, если представится возможность, что, однако, не мешает мне искренне его ненавидеть.

— Ты действительно понимаешь, Лан, — воскликнула девушка. — Я чувствую то же самое! Хотя я не просила меня спасать, и жить я не так уж хочу...

Лан не дал ей продолжить. Ему стало больно и страшно. Но страх и боль внезапно обернулись гневом.

— Не смей даже и думать так! — сейчас он был готов отчитать Тэссу, как неразумного ребенка. — Ты должна жить! Ради нашей несчастной страны, ради всех, кто надеется на

тебя — но прежде всего ради тех, кто тебя любит.

Глава 28

Альва помогала Лотэссе собирать вещи в дорогу. Король все-таки настоял на отказе от траура, поэтому большинство платьев являло собой нечто среднее между траурными и обычными одеяниями. Вот темно-серое дорожное платье, а вот черное со светло-серыми вставками. И еще парочка в том же стиле. Ага, знакомый наряд. Альва встряхнула в руках бальное платье, призванное позлить короля. Еще одно очень похожее. Черный шелк с лиловой отделкой по поясу и рукавам, расшитый россыпью агатов. Все наряды эньи Линсар — дорожные и парадные — роднила строгость покроя и мрачность цветов.

Упаковывать одежду сподручной служанкам, но Лотэсса отпустила их, чтобы провести последние часы наедине с подругой. Нармин уже давно вернулась в свои покои, и девушки с ней практически не встречались. Жаль, что именно жрице, а не ей — Альве — назначено сопровождать энью Линсар в ее путешествии к Храму. Альва не то чтобы мечтала покинуть столицу, но бросать подругу ей тоже не хотелось. Как Лотэсса будет уживаться с Нармин, которую явно недолюбливает, уму непостижимо. Жаль, что они так и не смогли подружиться со жрицей. Как же сложно бедной Лотэссе придется в пути, ведь обоих спутников она на дух не переносит.

Дверь распахнулась, и в комнатах послышались легкие торопливые шаги. Альва уже по звуку узнала походку герцогини. Тэсса, очевидно, тоже. Красивое лицо эньи Линсар исказила недовольная гримаса, едва хлопнула дверь. Хотя последнее время девушку раздражали любые визитеры, кроме любимой фрейлины, среди неожиданных гостей эна Линсар занимала самое почетное место. Даже приход Дайрийца не встречался с таким недовольством. Впорхнувшая в спальню герцогиня, едва завидев разложенные на широкой кровати платья, бросилась на них, как коршун на добычу.

— Нет, это решительно не годится! — и как только этой женщине удастся возмущаться, сохраняя игривые нотки? — Тэсса, эти платья...

— Мама, — так Лотэсса, по крайней мере, на памяти Альвы, к матери еще не обращалась. И голос девушки звучал грустно и проникновенно. — Не надо о платьях. Не начинай, прошу.

Обычно дочь обращалась к эне Мирталь на «вы» и звала ее «маменькой», причем почтительное, в принципе, слово звучало донельзя ехидно, а то и вовсе презрительно. И вот, надо же — мама! И ссориться, кажется, не хочет...

— Я ведь скоро уезжаю, — Тэсса по-прежнему говорила тихим, грустным тоном, не поднимая глаз. — Стоит ли на прощанье в тысячный раз ругаться из-за цвета платьев?

— Ты так говоришь, словно уезжаешь навсегда, — герцогиня вроде бы выражала недовольство, но за ворчанием слышалась плохо скрываемая тревога. — Его величество свозит тебя в Тиарис, а потом вы вместе вернетесь. Ведь правда? — вопросительно-настороженный взгляд, направленный на дочь. Та же по-прежнему избегала смотреть матери в глаза.

Конечно же, от эны Мирталь сочли за благо утаить истинную цель путешествия Дайрийца и ее дочери. Герцогиня — последний человек, кого стоило посвящать в подоплеку страшных событий, особенно в той части, что касалась Лотэссы.

— Кто знает, — Лотэсса пожала плечами. — Всякое может случиться.

— Если хочешь, я поеду с тобой! — кажется, бедная женщина встревожилась не на шутку.

Ее можно понять, Тэсса вела себя слишком странно. Очевидно, именно печальная покорность дочери перепугала эну Линсар. Привыкшая к дерзости и постоянным колкостям Лотэссы мать, должно быть, смутно осознавала, что для столь резкой смены поведения должны иметься весьма серьезные причины.

— Не хочу, — Лотэсса отрицательно помотала головой. — Но, главное, этого не хочет ваш обожаемый король. А высочайшую монаршую волю вы вряд ли решитесь оспаривать.

Энья Линсар вновь сбилась на привычный язвительный тон, что несколько успокоило

встревоженную мать. По крайней мере, испуганное выражение исчезло с красивого лица эны Мирталь.

— Но разве его величество не говорил, как скоро он планирует вернуться?

— Не говорил. Малтэйр не имеет привычки обсуждать с кем-либо свои царственные решения, — безжалостно заявила девушка, но тут же смягчилась. — Поэтому нам стоит хотя бы проститься по-человечески. Простите мою дерзость, матушка, — Лотэсса склонила голову, очевидно, полагая, что именно так должна выглядеть покорная дочь. — Я не имела целью вас обидеть.

Альва знала, что подруга не совсем искренна. Тэссой, которая непонятно почему вбила себе в голову, что не вернется, овладело желание расстаться со всеми по-хорошему. Решение, может, и похвальное, но вот в жизнь оно воплощалось с трудом. Не могла девушка в одночасье простить мать, забыть все обиды и претензии. А оттого и извинения звучали фальшиво. Хорошо хоть, эна Мирталь принимает все за чистую монету. После последних слов дочери герцогиня совсем разомлела и заключила дорогую маленькую строптивицу в горячие материнские объятия.

— Тэсса, девочка моя, — томные карие глаза эны Линсар наполнились слезами умиления. — Разве я не понимаю?! Я же мать! Если бы ты знала, как я тебя люблю!

Герцогиня осыпала дочку поцелуями, а та сносила материнские ласки со стоическим терпением. Как, однако, хорошо, что эна Мирталь не могла видеть лица Лотэссы: почти страдальческое выражение, застывшее на нем, сильно охладило бы ее пыл.

Умиление и радость женщины казались вполне искренними и трогательными, однако Альва про себя отметила, что герцогиня, в свою очередь, не считает нужным просить прощения у дочери. А ведь она куда больше виновата перед Лотэссой, чем та со своей непочтительностью.

— Ну полно, мама, — Тэсса наконец мягко высвободилась из объятий. — Все будет хорошо.

Интересно, что она имела в виду? Свое скорое и благополучное возвращение, в которое сама не очень верит? Или дальнейшую жизнь эны Мирталь, временно лишенной дочери? В любом случае, герцогиня сочла за лучшее поверить этому утверждению и с присущим ей легкомыслием принялась строить планы счастливого будущего по возвращении Лотэссы.

Энья Линсар, очевидно, исчерпавшая запасы дочернего смирения, незаметно от матери закатывала глаза и беззвучно вздыхала.

— Мама, нам нужно собираться, — терпение Тэссы, видно, подошло к концу. — Я обязательно еще зайду к вам с отцом перед отъездом.

— Но я могла бы помочь со сборами, — заспорила эна Мирталь.

— Не надо, — Лотэсса постаралась улыбнуться как можно ласковей. — Мы вряд ли сойдемся во мнении насчет вещей, а ссориться из-за цвета платьев, как я уже сказала, не хочется.

Герцогине пришлось уступить и удалиться. Оставшись наконец наедине с подругой, Тэсса, раскинув руки, рухнула на кровать прямо поверх вороха платьев, ставших камнем преткновения.

— Как же это тяжело, — простонала она и неожиданно зашлась приступом кашля, которые в последнее время повторялись все чаще и чаще.

Альва бросилась к графину за водой, а Лотэсса тем временем шарила рукой по прикроватному столику в поисках серебряной вазочки с пастилками от кашля. Беспольность этого лекарства, прописанного одним из дайрийских врачей, сполна компенсировалась его сладким и приятным вкусом. Поэтому Тэсса глотала пастилки одну за одной скорее по привычке и ради удовольствия, чем в надежде на их целительное действие. Альва протянула подруге стакан с водой, и та покорно выпила.

— Ты помяла все свои наряды, — попеняла Альва.

— Ой, только не надо заменять отсутствующую маменьку! — рассмеялась Тэсса. — Стенать из-за платьев — ее стихия. Подумаешь, мятая одежда! — фыркнула она. — Было бы перед кем наряжаться! Может, Дайриец посмотрит, какая я неряха, и раздумает жениться.

— Ага, жди, — усмехнулась Альва, заваливаясь рядом с подругой. — Тебя хоть в нищенские обноски одень, на тебе каждый мужчина жениться захочет.

— Вот еще, глупости! — фыркнула энья Линсар. — Мне кажется, в последнее время я выгляжу просто кошмарно.

— Всем бы так кошмарно выглядеть, — с легким оттенком зависти протянула Альва.

— А тебе-то чего жаловаться? — Лотэсса оперлась на локте и повернулась к подруге. — Ты же красавица! Вон Торн с ума по тебе сходит, — ехидно добавила она.

Альва смутилась. Вспомнила, какими глазами смотрели на нее женщины во время бала. Протектор ведь во имя какой-то странной блажи весь вечер танцевал только с ней. Альве было немного совестно, но откровенная зависть, а порой даже злость во взглядах придворных дам ее забавляли и, в каком-то смысле, льстили самолюбию. Конечно, глупости это все. Ни капельки Торн в нее не влюблен. Бесспорно, он довольно тепло к ней относится — скорее всего, в память об их первой встрече. Кажется, протектор вошел во вкус и ему нравится оказывать покровительство провинциальной дворяночке. Отношение Торна чем-то напоминало девушке ее общение со старшими братьями и кузенами. Та же насмешливо-добродушная снисходительность. Хотя протектор позволял себе явно излишнюю фамильярность. Тот же «крысенок» ее жутко злил, особенно поначалу. Потом как-то привыкла, скорее чувствуя, чем понимая, что Торн называет ее так не из желания обидеть или выказать пренебрежение. И уж тем более не с целью подчеркнуть разницу в их положении. Намеренно унижать ее он бы точно не стал, слишком уж это не вязалось с добрым в целом отношением. И пусть верховного протектора лишь забавляет маленькая смышленная помощница, придворным красавицам вовсе не обязательно знать подробности. Пусть завидуют! Осознание впечатления, произведенного на женскую половину двора, доставило Альве почти злорадное удовлетворение. А нечего шептаться за спиной, бросая хлесткие фразочки, общий смысл которых сводился к вопросу: «Да кто она вообще такая?!» Может, для вас, благородные эны и энии, я и никто, усмехнулась про себя Альва. Зато протектор, по которому половина из вас наверняка пускает слюни, весь вечер танцевал только со мной! Так-то!

Но одно дело — противные придворные дамы, и совсем другое — Лотэсса, ставшая за короткое время совсем родной. Уж перед ней-то глупо рисоваться. Да и ни к чему: Тэсса Торна терпеть не может. Альва решила поскорее разубедить подругу.

— Вовсе он не сходит по мне с ума! — заявила она, потянувшись за Лотэссиной пастилкой от кашля. Альва тоже находила лекарство вкусным, благо запас пастилок ежедневно обновлялся. — Я для него что-то вроде милой домашней зверушки — умненькой и забавной.

— Ну да, ну да, — скептически протянула Лотэсса, лукаво улыбаясь.

Альва отчего-то почувствовала себя невыразимо хорошо. Может, оттого, что Тэсса, примирившись с матерью и спровадив ее, пребывала в добром расположении духа. Оттого, что они вот так запросто валяются на груди дорогущих платьев и болтают о всяких глупых пустяках. В этот момент обе чувствовали себя обычными девушками, а не действующими лицами какой-то безумной и кошмарной драмы.

Ощущение это тем более ценно, если учесть, что у Альвы раньше не было подруг. Окруженная братьями и кузенами, она не имела сестер своего возраста. Пара кузин годились ей почти в матери, со служанками и крестьянскими девушками можно было общаться, но не дружить. Самое удивительное, что и для сиятельной энии Линсар Альва стала первой настоящей подругой. Обе девушки впервые открыли радости искренней женской дружбы, а оттого наслаждались самыми обыденными для других вещами.

Если бы только хоть на миг забыть о том, что Лотэсса завтра уезжает и вернется Изгой

знает когда. И если бы она не забивала себе и подруге голову всякими ужасными предчувствиями. Мысли о том, что они коротают вместе последние часы, отравили Альве благостное настроение. Внезапно в голову девушке пришла мысль вряд ли разумная, зато сулящая хоть призрачную надежду на избавление от тревоги.

— Лотэсса, а давай поедем к Энлил, — предложила Альва.

— Зачем? — не поняла подруга.

— Я хочу точно знать, что ты вернешься, а она может узнать, — словно оправдываясь, объяснила фрейлина.

— А если она скажет, что не вернусь? — Тэсса, казалось, сама испугалась, несмотря на то, что первой заговорила о предчувствии.

Какое-то время девушки молча смотрели друг на друга.

— Поехали! — решила Лотэсса.

Они быстро собрались. Выйдя из комнат, одному из гвардейцев велели сопровождать их в Руджию, другому — сообщить об отъезде верховному протектору. В общем-то, ни Альве, ни Лотэссе это было совершенно не нужно, но не выполнять правила, установленные дайрийцами, себе дороже. Решат еще, что они захотели сбежать.

Путь до Руджии не занял много времени, девушки решили ехать верхом. Несчастливого гвардейца оставили ждать у дверей — ему не привыкать. Энлил не сказала чтобы очень обрадовалась гостям. Наверное, все имевшее отношение к жутким событиям изматывало женщину, отнимая у нее слишком много сил и времени. Услышав просьбу девушек, она помрачнела еще больше.

— Вы теперь по любому поводу будете ко мне бегать? — строго спросила Энлил. — Может, прикажете поднимать тени, чтобы отыскать потерянную застежку от плаща?

— Это же не застежка, — Альва говорила тихо, но смотрела прямо в глаза колдунье.

— Мы зря приехали, — тут же решила Лотэсса. — Простите за беспокойство, Энлил, — девушка решительно развернулась к выходу.

— Нет, я должна знать, — Альва не собиралась сдаваться, ответ был слишком важен.

— Вы точно уверены, что хотите знать? — спросила Энлил, вздыхая.

Обе девицы усиленно закивали. Женщина распорядилась, чтобы слуги позаботились о гостях, пока ее не будет. Отсутствовала колдунья почти два часа, а вернулась еще более усталой и мрачной, чем уходила. Но, кроме этого, в ней чувствовалась какая-то растерянность или беспомощность, а еще Энлил бросала странные взгляды на Лотэссу. Слишком странные...

— Я ничего не могу понять, — она развела руками, сверкнув чуть ли не десятком перстней. — Конечно, тени часто выражаются иносказательно, но чтобы так... Вы по-прежнему хотите знать, девочки? — судя по голосу Энлил, им бы следовало отказаться от своего опрометчивого любопытства.

Но, разумеется, обе стояли на своем.

— Все это очень странно, почти невозможно. Тени поведали мне, что Лотэсса Линсар вернется в Вельтану и вновь встретится с тобой, — Энлил повернулась к Альве. — Но, в то же время, ты... ты больше никогда ее не увидишь.

Глава 29

Утро выдалось холодным и хмурым. Торн уже с полчаса поджидал отъезжающих у королевских конюшен. Его величество со своей невестой должны были отбыть скромно, но не тайно. Карета, запряженная четверкой лошадей, небольшой отряд гвардейцев в качестве сопровождения. Гвардейцев Элвир лично отбирал из самых проверенных. В их задачу не входило путешествие до самого Храма, им следовало оставить короля и его спутников где-то на границе Муаны и отправиться в Тиарис, дабы продолжать поддерживать иллюзию монаршего визита в родную столицу.

Наконец на дорожке, ведущей к конюшням, показался Валтор с тремя спутницами. Лотэсса, Нармин — а третья, надо полагать, Альва. Ну конечно, вышла проводить любимую госпожу и подругу. Девушки будут скучать друг без друга. Элвир чувствовал что-то вроде вины за то, что разлучает их, но отпускать Альву он не собирался. Он действительно нуждался в ней как в толковой помощнице, кроме того, ему было приятно общество девушки. К альтруистам себя протектор никогда не причислял, а потому не собирался жертвовать собственными интересами ради удобства энии Линсар. Хватит с нее и короля в качестве сопровождающего! Вот отправь Валтор к Храму его, Элвира, тогда бы, возможно, выяснилось, что Альва Свелл куда полезнее в качестве фрейлины энии Лотэссы, чем в качестве помощницы коменданта. При нынешнем же раскладе Альва останется в столице, а королевская невеста пусть довольствуется в путешествии компанией и помощью жрицы Нармин. То, что две эти девушки исполнены взаимной неприязни, протектора ничуть не смущало. Пусть с этим разбирается Валтор, которого за какими-то демонами понесло в Унт-Рино.

Приблизившись, король начал с того, на чем закончил вчера. Бесконечные инструкции, пояснения, напоминания... Конечно, Торн не нарывался на исполнение монарших обязанностей, более того, очень бы хотел избежать бремени власти, но все же не до такой степени он некомпетентен в государственных делах, чтоб получать столь подробные рекомендации уже не первый день.

— Ваше величество, — нотки раздражения против воли протектора сквозили в голосе. — Раз уж вы решились возложить на меня временное исполнение функций правителя, постарайтесь доверять мне чуть больше.

— Ты прав, Элвир, — усмехнулся король. — И давай обойдемся без «величеств». Присутствующие дамы имели возможность видеть нас не только в торжественной обстановке, а потому простят отсутствие лишних церемоний.

Дамы, естественно, простили. Тем более две из них, забыв о разнице в положении, прощались не как придворная дама с фрейлиной, а как обычные подружки. Третья — Нармин — стояла в сторонке, отвернувшись и старательно изображая скучающее равнодушие, изредка кидая взгляды в сторону его величества.

— И пригласи колдунью во дворец, — напомнил король, натягивая дорожную перчатку. Он решил ехать верхом.

— Я помню, — терпеливо отозвался Элвир. — Ты уже упоминал о возможности переписки, которую устроила сия необычная женщина, причем упоминал не единожды.

— Ну прости, — Валтор улыбнулся.

Улыбка вышла неубедительной, да и вообще неважно у короля получалось скрывать нервозность. Крайне редко доводилось Элвиру видеть друга таким взвинченным. Его величество, сколько бы ни убеждал себя в правильности принятого решения, очевидно, не испытывал уверенности, что поступает разумно, оставляя Вельтану в такой момент. Валтор разрывался между двумя призваниями, каждое из которых считал своим долгом. Торн от всей души сочувствовал королю, но так и не понял, отчего тот, поддавшись туманным пророчествам колдуньи, счел жизнь своей невесты большей ценностью, чем интересы государства.

— Пора, — вздохнул король.

Мужчины, решившие ради такого случая оставить формальности, на прощание обнялись. Девушки последовали их примеру. Точнее, Альва с Лотэссой — жрица Нармин

так и стояла в стороне. Торну даже стало ее немного жаль. Мужчину такими вещами не проймешь, а вот женщины, должно быть, страдают, если их столь демонстративно игнорируют. Не в пример королю с протектором, девушки обнимались намного дольше и эмоциональнее. Кажется, глаза у обеих блеснули от слез.

Тоже мне — расставание на всю жизнь! И ведь знакомы-то всего ничего. Ох уж эти женские сантименты! С полком солдат легче дело иметь, чем с парой девиц. Уж на что Альва в лучшую сторону отличается от большинства женщин — а туда же... Впрочем, Альва, оторвавшись наконец от эньи Линсар, неожиданно вспомнила о существовании Нармин и довольно тепло с ней попрощалась. Добрая все-таки девочка!

Но вот последние слова сказаны, несколько затянувшееся прощание завершено. Валтор вскочил на коня. Торн, отдавая дань галантности, собственноручно отворил перед дамами дверцу кареты. Нармин тотчас скользнула внутрь, а Лотэсса застыла в задумчивости. Догадаться, что за сомнения ее одолели, было легче легкого. Гордая красавица решает, чье общество ей менее приятно — Нармин или короля. Сев в карету, она окажется наедине со жрицей, да еще в тесном замкнутом пространстве. Если же решит путешествовать верхом, придется терпеть общество нелюбимого жениха. Помучившись какое-то время, энья Линсар все же выбрала Валтора. Или, может, просто предпочитала конные прогулки удобству кареты. Так или иначе, Лотэсса потребовала коня, и удовлетворение ее желания заняло еще минут десять. Конечно же, пока лошадей не подали, Лотэсса с Альвой стояли, держась за руки, и о чем-то негромко беседовали, словно стараясь наговориться на все время разлуки.

Элвир хотел помочь энье Линсар, но та без посторонней помощи мгновенно оказалась в седле. Протектор лишь хмыкнул и чуть заметно пожал плечами. Надменная взбалмошная девчонка ни за что не упустит и малейшей возможности показать свой норов. Бедный Валтор! И за что ему это?!

Наконец карета тронулась, а за ней и всадники. Элвир с Альвой молча смотрели вслед маленькому отряду, пока тот не скрылся из вида. Затем Торн перевел взгляд на девушку и нахмурился.

— Только не вздумай разреветься! — как можно строже сказал он.

— И не собиралась, — Альва шмыгнула носом, широко распахнув и без того большие зеленые глаза, стараясь не моргать, чтоб не дать скатиться непрошеным слезинкам.

— Да, я вижу, — усмехнулся Торн, стирая влажную дорожку, ползущую вниз по щеке.

Девушка отвернулась. Протектор внезапно стал серьезен. До боли сжимая кулаки, он осознавал, что в печали Альвы по большей части его вина. Ведь решение оставить дэню Свелл в столице целиком и полностью принадлежало ему. Досадуя на нее и на себя, Элвир неожиданно предложил:

— Ну, хочешь, ездай с ней! Я догоню и остановлю их. Хочешь, крысенок? — он пристально взгляделся в лицо девушки.

— Нет, — она помотала головой, отчего все невыплаканные слезинки сорвались с глаз. — Я не оставлю дэна Итона. Я ему нужнее, чем Лотэссе, то есть энье Линсар.

— Не только ему, — почти про себя пробормотал мужчина.

Элвира охватило нечто похожее на зависть. Надо же, как девочка привязана к коменданту. Причем он знал, что привязанность взаимная, Альва для Карста все равно как дочка или племянница. А вот ради помощи протектору девушка ни за что бы не решилась расстаться с подругой. Ну да ладно... Итон Карст — отличный человек и стоит подобного самопожертвования. Он вполне заслужил благородное и благодарное отношение юной помощницы. Глупо завидовать.

— Ну отчего ты так расстраиваешься? — Торн пребывал в таком настроении, что не замечал собственной фамильярности. Занятый другими мыслями, он элементарно забывал о почтительности и разговаривал с Альвой в довольно бесцеремонной манере, которую та на этот раз безропотно сносила. — Ведь не навек же твоя энья Лотэсса уехала.

Девушка подняла на Элвира глаза, и тому стало не по себе от ее взгляда, такая тоскливая безысходность читалась в нем.

— Энлил сказала, что мы больше не встретимся, — тихо проговорила Альва. — То есть я ее никогда не увижу.

— Да далась вам всем эта Энлил с ее предсказаниями! — неожиданно вспыхнул Торн. — Что ж вы верите каждому слову колдуньи, как великой непреложной истине?

— Но ведь она же... — начала Альва, но мужчина не дал ей договорить.

— Настоящая ведьма? Ты это хотела сказать? — протектор сейчас выплескивал на бедную девушку раздражение, копившееся не один день. — Согласен, мы все имели возможность убедиться, что колдовство — не пустые сказки. Энлил не раз помогла нам, и ее услуги, как и ее силу, сложно недооценивать. Но верить в каждое изреченное этой женщиной слово — это уже чересчур! Король бросает только что присоединенное государство и мчится Изгой ведает куда, вдохновленный туманными намеками Энлил, точнее, этих ее странных теней. Теперь ты создаешь трагедию из какой-то глупой фразы. Отчего все в последнее время видят в Энлил не полезную для дела колдунью, а какую-то великую пророчицу? Хоть одно из ее предсказаний сбылось?

— Нет, но... — Альва смутилась. — Все ее слова относились к будущему не очень близкому.

— Попробуй жить настоящим! — отрезал Торн. — Вместо того чтобы лить слезы из-за глупых пророчеств, которым, возможно, не суждено сбыться, займись лучше насущными делами. Возьмите себя в руки, дэнья Свелл, и отправляйтесь в королевскую библиотеку.

— Да, конечно, — кротко кивнула девушка, по-прежнему погруженная в свои мысли.

— Постой, — Элвиру пришла в голову новая мысль.

Если сейчас усадить ее за книги, то в одиночестве, в пустом полумраке библиотеки Альва наверняка в полной мере предастся своей тоске. Толку от ее работы в таком состоянии все равно никакого. Пусть уж лучше отправляется к своему ненаглядному коменданту. Эх, жалко, что тот нескладный забавный парнишка уже укатил к почтенной родительнице в деревню. Он бы смог если не развеселить, то хотя бы отвлечь Альву от печальных мыслей. Самому Элвиру эта задача в настоящий момент представлялась непосильной. Он был взвинчен, зол и по горло завален собственными делами.

— Ступай лучше к дэну Итону! — обратился протектор к девушке. — Как ты вполне резонно заметила, ему ты нужнее, чем знье Линсар. Особенно сейчас, когда я взвалил на него часть собственных функций, чтобы самому исполнять обязанности Валтора... я имел в виду его величество.

— Вы правы, — она кивнула. — Но к вечеру я обязательно загляну в библиотеку. Все равно теперь, кроме меня, этим некому заняться. Посижу там пару часов, а потом пойду домой.

— Куда это — домой? — насторожился Торн.

— К себе, то есть к тете, — пояснила Альва. — В Кузнечную часть. Энья Лотэсса уехала, не могу же я одна жить в покоях принца, это было бы...

— Даже и не думай! — резко прервал ее мужчина. — Не хочешь оставаться в покоях принца — не надо. Хотя ему теперь все равно, — добавил он. — С сегодняшнего дня у тебя будут собственные комнаты, благо в Нианоне места много. Но разъезжать вечерами по городу ты не будешь, поняла?

— У меня есть лук, — напомнила девушка.

— Угу, — хмыкнул протектор. — А еще ты умеешь метать ножи. Но дальше комендатуры чтоб одна не выезжала.

— Но... — Альва явно собиралась возразить.

— Это приказ! — отрезал Торн. — И он не обсуждается.

— Как вам будет угодно, эн протектор, — голос звучал равнодушно и безжизненно.

По идее, ей стоило бы досадовать, а то и злиться на резкий тон и категоричный запрет. Но Альву, казалось, все это мало трогало. Она упрямо продолжала страдать по надуманному поводу. Хорошо бы Карст завалил ее работой, пусть отвлечется от дурацких мыслей. Главное, чтобы комендант не начал жалеть помощницу. Надо будет с ним переговорить. Работа — лучшее лекарство от дури в голове. Женщины просто реже к нему прибегают. Благо Альва — не простая женщина, хоть и не чужда некоторых слабостей своего пола.

В другое время Элвир бы воспользовался возможностью побыть с Альвой подольше, особенно учитывая то, что девушка явно нуждалась в утешении. Но, во-первых, именно его в качестве утешителя она вряд ли желает видеть, а во-вторых, сейчас протектору самому не до девиц, пусть даже и таких славных.

Его ждут государственные дела. И все они меркнут перед одним: как сообщить королю Тарники о смерти дочери, желательно, не спровоцировав при этом войну. Сообщать безумно не хочется, но пусть лучше Юлдари до Берра узнает об этом от эларских властей, чем от какого-нибудь «доброжелателя». Надеяться на то, что при дворе нет тарнийских осведомителей, в высшей степени наивно и безрассудно. Скорее всего, кто-нибудь уже отправил шифрованное донесение в Нирцию, а потому официальное извещение о прискорбной кончине тарнийской принцессы (и бывшей эларской королевы) должно достигнуть Тарники быстрее, чем разразится грандиозный политический скандал. Разумеется, откровенно писать о том, что Шафира до Берра была убита, — безумие. Идею рассказать старику Юлдари истинную историю смерти дочери Торн даже не рассматривал. Остается одно: сообщить, что причиной внезапной смерти ее высочества стал сердечный (или какой-нибудь еще) удар. Пусть лекари думают, что за болезнь может вызвать подобную кончину. В пользу этой версии говорит отсутствие ран и прочих повреждений на теле. Если кто-то из тарнийских соглядатаев вдруг видел покойницу, он сможет это подтвердить. Главное, чтобы не связали эту смерть с жуткими слухами, ползущими по Вельтане. Каждой тетке на рынке рот не заткнешь. Рано или поздно слухи достигнут Нирции. Хотя вряд ли все же кому-то в голову придет связать воедино трупы оборванцев на ночных улицах и смерть принцессы во дворце. Плохо так же то, что принцессу похоронили тихо и быстро, без должных почестей. Это обстоятельство может вызвать вполне оправданный гнев Юлдари даже в случае, если он поверит в историю про скоропостижную кончину от болезни. И чего, интересно, Валтор ждал, отказываясь писать тарнийскому королю? Что как-нибудь само все уладится? Или решил, что после покорения Элара возмущение какой-то там Тарники можно гордо игнорировать? И, главное, как мило со стороны его величества оставить решение этой проблемы на его — Торна — усмотрение, а самому покинуть Вельтану ради романтического путешествия в обществе прекрасной невесты!

Поток невеселых размышлений был прерван взглядом на Альву, все еще стоявшую рядом. Ветер играл прядями светлых волос и полами короткой накидки, но сама девушка оставалась неподвижной.

— Да вернется твоя Лотэсса! — Элвир бесцеремонно встряхнул это скорбное изваяние. — Слышишь, крысенок?

— Вернется... — эхом отозвалась девушка.